

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Natural Elements in Russian Art

Ruling Russia: Strategies and Mechanisms

Russian Merchants: People and Destinies

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

2015 №2

<http://qr.urfu.ru>

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. По решению редакции часть статей переводится с иностранного языка на русский, часть – с русского на английский. Основанием является возможность расширения читательской аудитории. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Более полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. The Editorial Board may decide to translate an article from a foreign language into Russian or from Russian into English which is explained by the need to reach a wider reading public. A full-text version of the journal is available free-of-charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submissions, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания E43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Adress: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); **Section Editors:** *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); **Reviews Section Editor:** Prof. **Maria Litovskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU), Dr **Dmitry Spiridonov**; **Executive Secretary Associate:** Dr **Rustam Ganiyev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Dr **Sergey Nefedov** (Russia, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: доц. **Р. Т. Ганиев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сиэтл, Университет Восточного Вашингтона); к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинки университет); д. и. н. **С. А. Нефедов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгем); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Forces of Nature and State Order [in English, in Russian] 7	Forces of Nature and State Order [in English, in Russian] 7
---	---

Scientia narrata

<i>Рудольф Пихоя</i> . Уральская археографическая экспедиция и изучение истории духовной культуры Урала. 21	<i>Rudolf Pikhoya</i> . The Ural Archaeographic Expedition and the Study of Ural Spiritual Culture History 21
--	--

Problema voluminis

Образы стихий в художественной культуре России	The Images of Elements in the Artistic Culture of Russia
<i>Ludmila Budrina</i> . Wildfire in A. K. Denisov-Uralsky's Canvases: Destinies of the Paintings 41	<i>Ludmila Budrina</i> . Wildfire in A. K. Denisov-Uralsky's Canvases: Destinies of the Paintings. 41
<i>Лариса Соболева</i> . Природные стихии в романе Д. Н. Мамина- Сибиряка «Хлеб» 52	<i>Larisa Soboleva</i> . Natural Elements in D. N. Mamin-Sibiriyak's Novel <i>Bread</i> 52
<i>Наталья Пращерук</i> . Образы огня в прозе Ивана Бунина (1910–1920-е гг.) 71	<i>Natalia Prascheruk</i> . The Images of Fire in Ivan Bunin's Prose (1910–1920). 71
<i>Игорь Васильев</i> . Стихия огня в русском поэтическом авангарде (Велимир Хлебников и Даниил Хармс) 85	<i>Igor Vasiliev</i> . The Element of Fire in the Russian Poetic Avant-Garde (Velimir Khlebnikov and Daniil Kharms) 85
<i>Елена Милюгина, Михаил Строганов</i> . Путешествия по российским рекам: травелог Нового времени 106	<i>Elena Milyugina, Mikhail Stroganov</i> . Down Russian Rivers: a Travelogue of the Modern Era 106
Российская власть: механизмы государственного управления	Russian Authorities: The Mechanisms of State Administration
<i>Петр Кабытов, Эдуард Дубман, Ольга Леонтьева</i> . Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности: современная концепция 117	<i>Petr Kabytov, Edward Dubman, Olga Leontieva</i> . The Middle Volga and Trans-Volga Region in the Context of Development of the Russian State System: A Modern Concept. 117
<i>Алсу Бикташева</i> . Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) 132	<i>Alsu Biktasheva</i> . Gendarmes and the Modernization of Local Rule in Russia (Research Experience and Prospects) 132

Амиран Урушадзе. Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации южной окраины Российской империи. 144

Россия и иностранцы:
взаимодействия и конфликты

Стефан Лер. Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (семейства Голицыных и Апраксиных в 1780–1812 гг.) . . 158

Елена Приказчикова. Политические и национально-культурные аспекты прусского мифа в контексте российско-германских отношений XX в. 172

Amiran Urushadze. The Caucasus in the Late 19th – Early 20th Centuries: Problems of Governance and Modernization on the Southern Outskirts of the Russian Empire. 144

Russia and Foreigners:
Interaction and Conflicts

Stefan Lehr. Educating Russian Aristocratic Youth: From the Grand Tour to the Discovery of National Roots (the Families of Golitsyn and Apraksin, 1780–1812) 158

Elena Prikazchikova. Political and National-Cultural Aspects of the Prussian Myth in the Context of Russia-Germany Relations of the 20th Century. 172

Disputatio

Джеймс М. Уайт. Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900–1913). 201

Такако Ямада. «Источник добрых сил находится на востоке...»: представления шаманов современной Якутии (Саха) о вселенной, божествах и духах 224

James M. White. Edinoverie and Official Orthodoxy: The Failure of Unity in Ceremonial Practice (1900–1913). 201

Takako Yamada. “The source of good forces is located in the east...”: Yakut (Sakha) Shamans’ Concepts about the Universe and Spiritual Beings. . . 224

Dialogus

Евгения Комлева, Василий Зиновьев, Ольга Журавель. «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»: возвращенные имена и раскрытые судьбы. 251

Evgeniya Komleva, Vasilii Zinoviev, Olga Zhuravel’. An Encyclopaedic Dictionary of the History of the Merchant Class and Trade in Siberia: Recovered Names and Discovered Destinies 251

Miscellanea

Владимир Земцов. Михаил Кутузов, Людвиг фон Вольцоген и жареная курица (Эпизод Бородинского сражения в историческом документе и романе Льва Толстого). 269

Vladimir Zemtsov. Mikhail Kutuzov, Ludwig von Wolzogen and Roast Chicken (An Episode of the Battle of Borodino in an Historical Document and Leo Tolstoy’s Novel) 269

Critica

Валентина Борисова. Актуальный Достоевский. 283

Сокращения 291

Valentina Borisova. Modern Dostoyevsky. 283

Abbreviations 291

VOX REDACTORIS

DOI: 10.15826/QR.2015.2.092

FORCES OF NATURE AND STATE ORDER

Black night.
White snow.
The wind, the wind!
Impossible to stay on your feet.
The wind, the wind!
Blowing across God's world!

*Alexander Blok. "The Twelve".
(Translated by Maria Carlson)*

Introducing the second issue of *Quaestio Rossica* for the year 2015, the Editorial Board would like to announce that the Journal is becoming quarterly in 2015, while keeping its volume and format.

The central theme of the current issue can be outlined by a paradox that underlies the stereotypical perception of Russia. On the one hand, both in the Western and domestic public opinion Russia or rather the infamous 'mysterious Russian soul' is usually associated with the spontaneous, the free, and the disordered. Already in the first foreign works about Russia that appeared in the 16th century, there were accounts of immense spaces, thick forests, ice deserts and terrible frosts that were forcing the inhabitants to hide in their semi-subterranean dwellings for a good part of the year. These extremities quite naturally produced interpretations of the possible impact of these circumstances on the traits of the Russian character.

Equally important is the idea of the significance of rivers in continental Russia. Rivers were almost the only reliable way of commuting, or in one way or another connecting immense distances. The Volga, the Don, as well as the great Siberian rivers have firmly settled in folklore and historical narrative since ancient times. Texts dating back to various time periods described disastrous fires in Russia and fatal destinies of its wooden towns when the fire destroyed whole blocks, and the town bells melted, and the common folk rebelled, driven to despair. Thus, Russian people as reflected in the intellectual discourse of enlightened writers and readers (including their compatriots, from the 18th century onwards), were "by their very nature" carriers of spontaneity and wildness. Some authors pointed out this fact as a proof of barbarity immanent to the Russians, and some, on the contrary, called it a virtue, praising the same primordial Russian prowess

and love for freedom, but it did not affect much the stability of the stereotype in which “force of nature” and “Russia” were almost synonymous.

Simultaneously, another cliché successfully developed: the idea about the all-pervasive Russian state power. The power that subdued any spontaneity, was based on bureaucratic order verging on the absurd, and at the same time was able to mobilize the masses for the unprecedented large-scale projects – this idea was developed as much in Russian literature and Journalism, as in the Western *Rossica*. From descriptions of the omnipotence of Muscovy tsars, from Pushkin’s metaphor of *The Bronze Horseman*, through the cold and sometimes infernal images of imperial Petersburg of Gogol and Mariengof, through the satire of Saltykov to the Soviet *Stalin’s Iron Commissars*, there formed a tendency to a stereotype of Russia as forcefully constrained and directed by the authoritarian/totalitarian omnipotence of the State.

By definition, this ‘natural spontaneity’ required certain taming: “There is no kingdom without intimidation, like there is no horse without a bridle!” For some this ‘objective’ need for arresting the spontaneity turned into tyranny and slavery, and for others, into beneficent ‘silence’; in some people’s eyes state power itself became a natural force, controlled by nobody, and in the view of others power was a creative force and an inevitable necessity, even a guarantee of stability and national independence.

It is clear that stereotypes tread on reality to a certain limited extent. It is also clear, however, that any stereotypes (as well as artistic imagery) have little to do with the true diversity and changeability of the reality. So, how do discourses and practices, ideas of contemporaries and those of posterior generations, or literary and bureaucratic texts that carry the ‘historical remains’ of the studied epochs, complement and contradict each other? We deemed it necessary and worthy of interest to touch upon those universal questions through the general theme of the Forces of Nature and State Order. We are furthermore planning on returning to this problem in the future, bearing in mind its inexhaustible and exciting potential.

To initiate a conversation, we have put together the first part of the *Problema voluminis* Section including articles where images of natural elements are analyzed by the authors through artistic texts, both literary and visual. The polar axiology of the forces of nature that is revealed by art, is related to the process of human cognition and people’s relationships with nature, as well as their understanding of interdependence of the cosmic and the social dimensions of life. Perhaps for Russia not only in the past, but almost as much in modernity, this understanding of the forces of nature as simultaneously wrecking and life-giving, was and is attractive not only for art but also for the public worldview.

Impressive paintings by the 19th century Ural artist A. K. Denisov-Ural-sky who became more famous in America than in his homeland, depict the overwhelming power of wildfires. At the turn of the 20th century, on the eve of WWI and the Russian Revolution, the forest fire without doubt became a dramatic metaphor for the mindset of the time. In her article, *Lud-*

mila Budrina, a Dr. of Art Studies, and research fellow at the Yekaterinburg Museum of Fine Arts, where several of Denisov's works are kept, outlines international artistic tendencies in depicting wildfire as a force of nature; she emphasizes the individuality of the Ural artist, whose works had dramatic destiny and became forgotten in the country of their origin, while gaining fame abroad.

The theme of the forces of nature was repeatedly used in the literary works of Denisov's friend and adamant devotee of Ural provincial life, writer Dmitry Mamin-Sibiryak. Professor *Larisa Soboleva* of Ural Federal University, Yekaterinburg, analyzes why in the novel *Bread* (1895) Mamin-Sibiryak, speculating upon the recent famine of 1891 that hit the Trans-Urals, draws on the images of earth, river, and wildfire. By means of mythopoeitics, argues Soboleva, the author persuades the reader that the loss of moral values by the characters of the novel and by folk at large – in combination with the congenital amorality, greed, and thoughtlessness of the growing business, – threaten the normal flow of life with a loss of vitality, and are in fact of mortal danger for the Motherland.

The undeniable attractiveness of the theme of fire at the turn of the 20th century (and major turn in Russia's course of life), becomes a theme for the article on the prose of Ivan Bunin, written by Professor *Natalia Prashcheruk* of Ural Federal University, Yekaterinburg. The article of her colleague, Professor *Igor Vasiliev*, well-known researcher of the avant-garde in Russian literature, studies the works of the Russian poets of the early 20th century, Velimir Khlebnikov and Daniil Kharms, again making the manifestations of fire the basis for his research.

Professor *Elena Milyugina* of Tver University and *Mikhail Stroganov* of the State Republican Centre for Russian Folklore, Moscow, both look at rivers as embodiments of the force of water in its most important form for the vast Russian expanses. They study the communicative function of the river and its literary meaning in the travelogues of various periods.

Various manifestations of State Order are represented in the same Section of *Quaestio Rossica* by three articles. Unlike the abovementioned ones, they are all based on legislative and administrative sources. The first of these, authored by Samara University historians *Petr Kabytov*, *Edward Dubman* and *Olga Leontieva*, presents the history of the transformation of the vast space between the Middle Volga and Trans-Volga regions from the 'frontier' into the 'inner outskirts', and later – into one of the 'core' regions of the Russian Empire. Looking at the process of land appropriation by the Russians in the context of the history of nation-building, and through the prism of the concept of the 'frontier', the authors analyze the mechanisms of adaptation of the steppe nomadic periphery to the norms of a 'regular' state. The article focuses on the transformation of the Euro-Asian borderlands into a multi-ethnic and multi-confessional region, however organically 'fitting' into Russian statehood.

Alsu Biktasheva, Professor at the Higher School of Economics (Moscow), continues the topic of the complex and multidimensional aspects

of 'state discourse' in her article on the relationship of the Russian secret police (3rd Department of His Imperial Majesty's Chancellery) and modernization of Russian statehood. Leaning on historiographical and source analysis, describing the explicit and the implicit information capabilities of the system of business documentation of the police department, *Biktasheva*, via neo-institutional method, demonstrates that these documents can tell not only the story of the nature of the mandate and work of the secret police, but also about the ways in which the political concept of a 'regular and well-organized state' was implemented in 19th century Russia in an attempt to improve the state apparatus.

Finally, the article by *Amiran Urushadze* of South Federal University (Rostov-on-Don), addresses the problems of governing in the Caucasus during the times of the last Romanovs. The new systemic crisis that broke out in the Caucasus at the turn of the 20th century led to the restoration of the institute of viceroys. It was connected to the attempt of solving the crisis in a systemic way by means of administrative reorganization. A new viceroy, Count I. I. Vorontsov-Dashkov, advocated for the project of a major reform of the whole region. A part of the ruling elite from the capital, including S. Yu. Vitte, was opposing his plans. This situation, along with the financial difficulties that were accompanying it, was undoubtedly characteristic of the general trend in the domestic policy of the late Empire – the "politics of half-accomplished projects and half-taken ways."

Logically resonating with the articles reviewed above, *Quaestio Rossica* continues to explore the topic 'Russia and Foreigners.' The common idea that cultural worldviews become enriched as a result of their mutual contact in the historical chronotope, receives detailing and shines with more complex hues stipulated by the lives and activities of individuals. It is on this level that the most interesting and unexpected facts and interpretations really surface. The Section consists of articles based on various types of sources. New materials on the tendencies of development of educational thought in Russia in the late 18th – early 19th centuries appear in the article of Dr. *Stefan Lehr* (University of Münster, Germany). The author bases his findings about the change in the educational paradigm of the Russian nobility (from the mandatory educational travel to Western Europe to the close study of the diversity of Russian culture) on the analysis of Princess Natalia Golitsyn's correspondence with her family.

The article by Professor *Elena Prikazchikova* (Ural Federal University, Yekaterinburg) demonstrates various takes on the 'Prussian myth', as presented in the published memoirs of people of various ages and nationalities in the late 19th – early 20th centuries. Their accounts, often polar and contradictory, reveal the state of public debate, subjected to ideological pressure, and the difficulties their beliefs went through under the influence of the memoirists' own life experience and observations. According to the author, overcoming stereotypes of propaganda was the first and the most important step towards a new level of understanding. The article shows that in the

relationship between people or cultures, there is no 'point of no return' if the humanistic context of social renewal is present as well.

The article by *Vladimir Zemtsov* (Ural Pedagogical University, Yekaterinburg) uncovers an interesting fact that resonates with the general theme of 'Russia and Foreigners'. Zemtsov publishes a historical document found in a French archive, and revealing the character of Ludwig von Wolzogen, a Russian Imperial Army officer of German descent, and his role in the Battle of Borodino (1812). This person becomes a character in a novel by Leo Tolstoy and symbolizes the small-mindedness and 'German straightforwardness', as contrasted with the wisdom of the Russian Field Marshal Mikhail Kutuzov. The publication of the document becomes a certain act of rehabilitation for the person whom the author of the article considers estimable and meritorious. (M i s c e l l a n e a Section).

The D i s p u t a t i o Section opens with an article by an independent American researcher *James M. White*. It thematically echoes an article by Alexander Palkin (who worked on the translation of White's article for the issue) on *Edinoverie* and the attempts of Russian 19th century officials to embrace the Old-Believers into the official church, published in *Quaestio Rossica* in 2014 (no. 3). White's research analyzes exceptionally rare material – the description of official ceremonies such as Old Believers' congregations, the canonization of Anna Kashinskaya, or the declarations of the parties involved in the conflict. The author of the publication concludes that true unification was not achieved at the beginning of the 20th century, however, in the meanwhile, each party (Old Believers and the official Orthodoxy) used the congregations to manifest their claims.

Aiming at broadening the availability of scholarly information, *Quaestio Rossica* continues to publish translations of articles that were previously published, but did not enjoy a proper circulation due to language difficulties. We are talking exclusively about publications that have, in our opinion, undeniable academic value, and are based on up-to-date archival or field research communicating new knowledge on the studied subjects. Articles are published after they are fully revised by their respective authors, and are generously supplied with commentary. One of those works is an article by Professor *Takako Yamada* (Kyoto University, Japan), which was published in English in 1997. The author conducted detailed field studies in the Republic of Sakha (Yakutia) in Eastern Siberia to research the roots of the animistic beliefs of shamans and the modifications of those beliefs in the modern world. We hope that the translation of the article will contribute to the information exchange in the humanities.

In the D i a l o g u s Section of the current issue of *Quaestio Rossica* we publish the discussion of *An Encyclopaedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce in Siberia*, co-authored by several scholars and published in 2012. Experts on the history of merchants and Russian culture that participate in the discussion, note the uniqueness of the publication, the extensive source-providing potential of the two-volume edition and the widest range of facts, uncovering entrepreneurial traits of merchants, as

well as their active participation in the creation of cultural and educational capability of the whole region.

The Editorial Board continues to publish materials that bring to light the history of Russian studies in the Humanities. The Journal introduces exclusive and exciting eye-witness personal stories about the formation and development of the Humanities. These memoirs (*Scientiana narrata* Section) convey the living voice of the participants of the academic process, and show how important human decency, perseverance and belief are in the value of scholarly research. Such is the story of Professor *Rudolf Pikhoya* (Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Moscow), describing the period of his work in Ural State University (now Ural Federal University), and the organization of a regular Archaeographic Expedition.

In the *Critica* Section you will find a review of E. G. Postnikova's book *Authority in the Works of F. M. Dostoevsky (Mythopoetic, Artistic, and Philosophical Aspects)* (2014) by Professor *Valentina Borisova* (Bashkir Pedagogical University, Ufa, Russia). She emphasizes an interesting approach of the author that allows for a new understanding of the image of authority; an approach that proved productive for the revelation of this concept both in Russian and in world literature.

The Editorial Board wishes to express their special thanks to the Department of Germanic Philology (Ural Federal University) and personally to the head thereof, Professor Olga Sidorova for substantial assistance in the work on the issue.

Editorial Board

Translated by Anna Dergacheva

Чёрный вечер.
 Белый снег.
 Ветер, ветер!
 На ногах не стоит человек.
 Ветер, ветер –
 На всем божьем свете!

А. Блок. Двенадцать

Представляя второй номер журнала *Quaestio Rossica*, редколлегия извещает, что с 2015 г. журнал становится ежеквартальным, сохраняя прежний объем и формат.

Магистральная тематика текущего номера определилась одним парадоксом, существующим в стереотипном восприятии России. С одной стороны, в общественном сознании – западном и отечественном – Россия, пресловутая «загадочная русская душа» неизменно ассоциируются со стихийным, вольным, неупорядоченным началом. С первых иностранных сочинений о России (XVI в.) рассуждения о колоссальных пространствах, непроходимых дебрях, ледяных пустынях и страшных морозах, заставляющих жителей большую часть года скрываться в полуподземных жилищах, неизменно продуцировали размышления о влиянии этих обстоятельств на особенности русского характера. Столь же важными являются общие представления о значении рек для континентальной России. Реки становились едва ли не единственными надежными коммуникациями, так или иначе связывавшими потрясавшие воображение расстояния. Волга, Дон, великие сибирские реки прочно «прописались» и в фольклоре, и в историческом нарративе. Широко распространены были тексты разного времени о катастрофических пожарах в России, о фатальной участи ее деревянных городов; когда в огне сгорали целые кварталы и плавилась колокола, бунтовала доведенная до отчаяния чернь. Русский человек, в интеллектуальном дискурсе просвещенных авторов и читателей (в том числе и соотечественников, начиная с XVIII в.), не мог не иметь в самой своей природе стихийности и необузданности. Кто-то отмечал это обстоятельство как доказательство имманентного варварства русских, кто-то, напротив, выставлял это добродетелью, воспевая исконную же русскую удаль и вольнолюбие, но это не отменяло устойчивости самого стереотипа, в котором стихия и Россия представлялись едва ли не синонимами.

Но параллельно рождалось и успешно развивалось другое клише: о российской всепроникающей государственной власти. Власть, подчиняющая себе любую стихийность, власть, основанная на бюрократическом порядке, доходящем до абсурда, и власть, мобилизующая массы на невиданные по масштабности проекты – эти образы присущи как русской литературе и публицистике, так и западной россике. От описаний всемогущества московских государей, от пушкинской метафоры «Медного всадника», через холодные и порой inferнальные образы имперского Петербурга Гоголя и Мариенгофа, через сатиры Салтыкова – к советским «железным сталинским наркомам» сформирован вектор к стереотипу России, скованной и направляемой авторитарным/тоталитарным всесилием государства.

Природная стихийность, по определению, требовала обуздания: «Несть царства без грозы, как коня без узды!» И для кого-то «объективная» потребность в сдерживании стихийности оборачивалась тиранией и рабством, а для кого-то – благодетельной «тишиной»; в чем-то представлении власть сама становилась никому не подконтрольной стихией, а в чем-то – созидающей силой и необходимой неизбежностью, залогом стабильности и национальной независимости...

Любые стереотипы, как известно, имеют под собой некую реальную основу. Но известно и другое: любые стереотипы (как, впрочем, и художественные образы) имеют мало общего с многообразной и меняющейся действительностью. Как сочетаются и как противоречат друг другу дискурсы и практики, взгляды современников и позднейшие осмысления потомков, художественные и канцелярские тексты, доносящие до нас «исторические остатки» изучаемых эпох? Нам представилось интересным и возможным затронуть эти универсальные вопросы через тему природных стихий и государственного порядка. Не исключено, что мы еще не раз будем обращаться к этой проблематике, ввиду ее неисчерпаемости и увлекательности.

Для начала разговора мы скомпоновали первый блок рубрики *Problema voluminis* из статей, где образы природных стихий анализируются авторами через художественные тексты, литературные и изобразительные. Полярная аксиология стихий, выявляемая искусством, связана с познанием человека и его связей с природой, ощущением взаимозависимости космического и социального измерения жизни. Возможно, для России не только прошлого, но и настоящего ощущение стихий в их сокрушающей и одновременно животворящей ипостаси привлекательно не только для искусства, но и востребовано общественным сознанием.

Впечатляющие картины А. К. Денисова-Уральского, художника, родившегося на Урале и ставшего знаменитым в Америке, изображают стихию лесных пожаров. В конце XIX в., в преддверии военных и революционных событий, это была выразительная метафора умонастроений. В статье *Людмилы Будриной*, кандидата искусствоведения, сотрудника Екатеринбургского музея изобразительных искусств (Россия), где сохранилось несколько полотен художника, рассказывается о мировой практике обращения к данной тематике, своеобразии уральского художника и драматичной судьбе его полотен, более известных за рубежом, чем в отечестве.

К темам стихий обращался друг Денисова-Уральского и близкий ему по духу и любви к своему краю человек, писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. Профессор *Лариса Соболева* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия) обосновывает идею, что в романе «Хлеб» (1895), осмысляя трагедию голода 1891 г. в Зауралье, Мамин-Сибиряк привлекает образы земли, реки, пожара. Средствами мифопоэтики он убеждает читателя, что потеря нравственных ценностей героями романа и частью населения в соединении с аморальностью, корыстью и бездумностью растущего бизнеса грозят утратой витальности и смертельно опасны для отечества.

Привлекательность темы огня на переломе веков и на переломе жизни России становятся темой для размышлений в статье профессора *Натальи Пращерук* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия), посвященной прозе Ивана Бунина, и в статье ее коллеги, профессора *Игоря Васильева*, разрабатыва-

ющего тему авангардной поэзии: на этот раз известный исследователь авангарда в русской литературе остановился на творчестве Велимира Хлебникова и Даниила Хармса. Реки как стихия воды в самой важной для протяженных российских равнин форме существования представлены в статье профессоров *Елены Милюгиной* (Тверской университет) и *Михаила Строганова* (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва). Они рассматривают коммуникативную функцию реки и ее художественное осмысление в травелогах разного времени.

То, что можно отнести к различным проявлениям государственного порядка, представлено в рубрике блоком из трех статей. В отличие от предыдущих, все они основаны на материалах законодательства и административного делопроизводства. Первая из них, принадлежащая перу университетских самарских историков *Петра Кабытова*, *Эдуарда Дубмана* и *Ольги Леонтьевой*, посвящена истории превращения огромного пространства Средней Волги и Заволжья из пограничной территории во «внутреннюю окраину», а позже – в один из структурообразующих регионов Российской империи. Рассматривая процесс освоения русскими этих земель в контексте истории государственного строительства и через призму концепции фронта, авторы анализируют механизмы адаптации степной кочевой периферии к нормам устройства «регулярного» государства, преобразования европейско-азиатского пограничья в полиэтничный и многоконфессиональный край, органично «вписанный» в российскую государственность.

Алсу Бикташева, профессор Высшей школы экономики (Москва), продолжает тему сложных и многогранных аспектов «государственного дискурса» в статье о связи российской тайной полиции (III Отделение собственной Е. И. В. канцелярии) и модернизации российской государственности. Используя историографический и источниковедческий анализ, характеризуя явные и скрытые информационные возможности комплекса делопроизводственных документов полицейского ведомства, историк, с помощью неoinституционального подхода, демонстрирует, что данные свидетельства могут рассказать не только о полномочиях и характере работы тайной полиции, но и о способах реализации политической концепции «регулярного, хорошо организованного» государства в России XIX в., о путях совершенствования государственного аппарата.

Наконец, статья *Амираана Урушадзе* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия) отсылает читателей к проблемам управления Кавказа при последних Романовых. Новый системный кризис, разразившийся на Кавказе (рубеж XIX–XX вв.) и вызвавший восстановление института наместничества, был сопряжен с попыткой его комплексного решения методами административной реорганизации. Новый наместник граф И. И. Воронцов-Дашков предложил проект масштабного реформирования края. Противодействие этим

планам исходило от части столичной правящей элиты, в том числе С. Ю. Витте. Все это в совокупности с финансовыми сложностями стало частным проявлением общих тенденций внутренней политики поздней империи – «политики наполовину осуществленных дел и наполовину пройденных путей».

Вполне гармонично, на наш взгляд, резонируя с выше охарактеризованными материалами, в номере продолжается представление темы «Россия и иностранцы». Общепринятая идея о том, что культурные миры обогащаются в результате их соприкосновений в историческом хронотопе, насыщается оттенками в зависимости от судеб и деятельности конкретных людей. Здесь-то и проявляется самое интересное и неожиданное. Раздел составили статьи, основанные на различных видах источников. Новые материалы о векторе развития образовательной мысли в России (конец XVIII – начало XIX в.) приводятся в статье доктора *Стефана Лера* (Вестфальский университет, Мюнстер, Германия). В основе выводов о смене образовательной парадигмы в среде российского дворянства (от обязательных образовательных путешествий в Западную Европу к изучению многообразия русской культуры) лежит анализ переписки княгини Натальи Голицыной со своими родными.

В статье профессора *Елены Приказчиковой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия) рассматриваются различные трактовки «Прусского мифа», представленные в опубликованных мемуарах людей различных возрастов и национальностей конца XIX – первой половины XX в. Эти полярные и противоречивые мнения раскрывают состояние общественного сознания, подверженного идеологическому давлению, и трудный путь формирования собственного убеждения под влиянием жизненного опыта и наблюдений. Преодоление стереотипов пропаганды, как убеждает материал, первый и главный шаг к новому уровню взаимопонимания. Статья показывает, что в отношениях людей и культур нет «точки невозврата», если присутствует гуманистический контекст общественного обновления.

С темой «Россия и иностранцы» соотносится интересный факт, представленный в статье *Владимира Земцова* (Уральский педагогический университет, Екатеринбург, Россия). Найденный в архиве Франции исторический документ раскрывает образ офицера российской армии немецкого происхождения Людвиг фон Вольцогена и его роль в Бородинском сражении. Этот персонаж в романе Льва Толстого является символом недалекого расчета и немецкой прямолинейности в противовес мудрости М. Кутузова. Опубликованный документ становится своего рода реабилитацией достойного, по мнению автора, человека (рубрика *Miscellanea*).

Рубрика *Disputatio* открывается статьей независимого американского исследователя *Джеймса М. Уайта*. Она тематически перекликается с опубликованной в нашем журнале в 2014 г. (№ 3) статьей

Александра Палкина (выступившего на сей раз в роли переводчика) о «единоверии»: попытки российских властей XIX в. включить старообрядцев в лоно официальной православной церкви. Исследование Дж. Уайта анализирует редкий материал – описание церемоний официального характера (съезды староверов, канонизация Анны Кашинской, декларации сторон). Автор публикации делает вывод, что реальная цель объединения так и не была достигнута в начале XX в., каждая сторона (староверы и официальное православие) использовали трибуны съезда для манифестации своих претензий.

Стремясь к расширению сферы научной информации, журнал продолжает публиковать переводы статей, вышедших ранее, но не получивших широкого распространения и не введенных в интернет-пространство. Речь идет о публикациях, имеющих, на наш взгляд, бесспорную научную ценность и основанных на свежих архивных или полевых материалах, несущих новое знание об изучаемых проблемах. Статьи публикуются в новой авторской редакции и снабжаются комментариями. Именно такой интерес представляет статья профессора *Такако Ямада* (Университет Киото, Япония), опубликованная на английском языке в 1997 г. Автор провела подробные полевые исследования в Республике Саха (Якутия), посвященные корням анимистических верований шаманов и их модификации в современном мире. Надеемся, что перевод статьи будет способствовать дальнейшему формированию связей в информационном пространстве гуманитаристики.

В рубрике *Dialogus* в этом номере *Quaestio Rossica* обсуждается «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири», созданный коллективом ученых и опубликованный в 2012–2013 гг. Специалисты по истории купечества и русской культуры, обсуждавшие Словарь, отметили уникальность издания, огромный источниковедческий потенциал двухтомника и многообразие фактов, способствующих не только раскрытию предпринимательских особенностей купечества, но и их соучастию в создании культурного и образовательного потенциала края.

Редколлегия продолжает публикацию материалов, раскрывающих историю российской гуманитарной науки. Журнал обратился к интересному феномену рассказов о становлении и развитии науки. Эти мемуары (рубрика *Scientia parata*) доносят живой голос участников научного процесса, показывают, насколько важны человеческая порядочность, настойчивость и вера в ценности научного поиска. Таков рассказ профессора Рудольфа Пихои (Институт истории РАН, Москва) о периоде его работы в Уральском университете и организации регулярной археографической экспедиции.

В разделе *Critica* публикуется рецензия профессора Валентины Борисовой (Башкирский педагогический университет, Уфа, Россия) на книгу Е. Г. Постниковой «Власть в творчестве Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты)»,

вышедшую в 2014 г. Отмечается интересный, давший новое понимание образа власти подход, существенный для раскрытия данного концепта как в русской, так и в мировой литературе.

Редколлегия выражает признательность кафедре германской филологии Уральского федерального университета и лично ее заведующей профессору О. Г. Сидоровой за помощь в подготовке номера.

Редколлегия

Scientia
narrata

Сотрудники археографической лаборатории, 1982 г.

Сотрудники археографической лаборатории, 2003 г.

Scientia
narrata

DOI 10.15826/qr.2015.2.093
УДК 930(470.5)+316.7(470.5)

Рудольф Пихоя

**УРАЛЬСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА**

Rudolf Pikhoya

**THE URAL ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION
AND THE STUDY OF URAL SPIRITUAL
CULTURE HISTORY**

The material presented in the article of the head research fellow of the Institute of History (Russian Academy of Sciences) R. G. Pikhoya does not comply with the traditional academic genres. We can define it as a *memoratum*, i. e. an account of events based on the writer's personal memories accompanied by reflection as is typical of national intellectual culture. Science can be unpredictable in the course of its evolution that depends on a number of arbitrary reasons, colliding destinies, people's characters, their perseverance, assertiveness or a search for a compromise. Everyone involved in the process has a clear idea of the role of human participation, meaning of an unexpected meeting, importance of an expressed idea or concealed resistance. It is extremely difficult to reveal such factors and that is why contemporary scholars rarely deal with it or turn it into a pursuit of the unattainable. This explains why R. G. Pikhoya's written story can be interesting: it draws a consecutive range of regularities and oddities of the establishment of archaeography as a branch of science in the Ural State University, complexities of relationships in the academic community, psychology and behaviour of academic administration and the community of specialists as a basis for the development of the humanities in the last third of the 20th century. The author remembers his associates and explains the meaning of the archaeological search for the development of various historical and culture studies in the Ural University. In his memoirs, he describes a unique phenomenon when support and enthusiasm from the research centres of Moscow, Novosibirsk and Saint Petersburg helped create a research sphere that resulted in a large multifold variety of research achievements. It is equally interesting to learn about the process of new specialists' training: the effort made by the Ural University some time ago demonstrates how significant the result was in terms of the University's authority and Russian academia as a whole. In this respect, we can characterize the memoirs as didactical as they illustrate the hindrances accompanying the development of new branches of science in a situation where one

is confronted by the incompetence in the treatment of the academia in the higher educational establishments of present-day Russia. The memoirs also reflect the aspects that lead to a renewed interest in the scholarly study of religious culture and history. Sincere and emotional, the notes enable the reader to revive and relive the events of the late 20th century and reflect on the troubled ways of the humanities.

Keywords: archaeography; Ural State University; Moscow State University; study of Old Belief; archaeological expedition.

Материал, представленный в статье ведущего научного сотрудника Института истории РАН Р. Г. Пихои не вписывается в систему традиционных научных жанров. Его можно назвать научным меморатом, то есть рассказом, основанным на личных воспоминаниях «как это было», сопровождаемых, как и положено в национальной интеллектуальной культуре, «думами». Наука имеет векторы определенной непредсказуемости в своем становлении, зависящие от множества случайных причин, перекрещивания судеб, человеческих характеров, настойчивости, напористости или поиска компромисса и системы уступок. Все, кто вовлечен в этот процесс, хорошо представляют значение человеческого вмешательства, случайной встречи, высказанной идеи и тайного сопротивления. Раскрыть эти моменты – задача сложная, зачастую маловыполнимая современниками и впоследствии превращающаяся в ловлю теней. Это объясняет безусловный интерес к записанному рассказу Р. Г. Пихои, где выстраиваются в один ряд закономерности и казусы процесса формирования археографии как научного направления в Уральском государственном университете, сложные взаимоотношения в университетской среде, психология и поведение чиновников в сфере науки и содружество специалистов как основа развития гуманитаристики в последней трети XX в. Автор вспоминает своих соратников, определяет значение археографического поиска для развития различных исторических и культурологических направлений в Уральском университете. В его воспоминаниях показан уникальный феномен: как в результате энтузиазма и поддержки научными центрами Москвы, Новосибирска, Петербурга за несколько лет выросло научное направление, результатом которого стал большой многообразный блок научных изысканий. Не менее интересно представлен процесс подготовки специалистов: усилия, которые предпринял Уральский университет в свое время, демонстрируют, насколько велика в итоге оказалась отдача для авторитета вуза и в целом российской науки. В этом плане воспоминания обладают своего рода дидактикой, раскрывающей сложность созидания научного направления, особенно на фоне проявлений некомпетентного отношения к научным кадрам в современной высшей школе России. В воспоминаниях раскрыты интересные аспекты возвращения в круг исследований проблем религиозной культуры и истории. Написанные искренне и эмоционально заметки дают возможность оживить и вновь пережить события конца XX в. и поразмышлять над непростыми дорогами гуманитарной науки.

Ключевые слова: археография, Уральский государственный университет, Московский государственный университет, изучение старообрядчества, археографическая экспедиция.

В своих заметках я хочу остановиться на некоторых, по преимуществу научно-организационных вопросах появления полевых археографических исследований, истории создания лаборатории археографических исследований (ЛАИ), ставшей инициатором появления программы системного изучения духовной культуры Урала, и организации исследовательского центра – Института русской культуры в Уральском университете. Эти заметки не официальная история, в основании лежат воспоминания и оценки с позиций сегодняшнего дня, но какими бы отрывочными и не всегда точными они ни были, память отбирает самое существенное и преимущественно – в человеческих взаимоотношениях. Кроме того, опыт профессионального историка свидетельствует, что за пределами традиционных источников чаще всего оказываются мотивы, отношения, человеческие симпатии и антипатии – словом, то, что предшествует появлению приказов, отчетов и проч.

Мне пришлось организовывать археографическую экспедицию, археографическую лабораторию на историческом факультете Уральского университета, а позже – уже в качестве проректора университета – Институт русской культуры. И рассказ о том, как и почему приходилось принимать в 70–80-е гг. конкретные решения, подобно осколку зеркала отражает состояние гуманитарной науки последней четверти XX в. в Советском Союзе. Заранее оговариваю возможность неточностей в отдельных деталях, так как весь рассказ ориентирован на устные источники, воспоминания – мои и частично моих коллег по экспедициям.

К началу 70-х гг. XX в. в Уральском университете существовали несколько направлений и школ, изучавших историю культуры Урала. Большая часть специалистов этого направления находилась на филологическом факультете, что не случайно. Имена уральских писателей Д. Н. Мамина-Сибиряка и Павла Бажова были хорошо известны в истории русской и советской литературы. Это направление, бесспорно важное для университета, получило развитие в работах профессоров М. А. Батина, И. А. Дергачева и их учеников [Батин, 1953; Батин, 1956; Дергачев, 1973; Дергачев, 1977]. На факультете работал выдающийся историк древнерусской литературы В. В. Кусков, среди учеников которого хочу отметить Е. И. Дергачеву-Скоп¹. Ими были предприняты первые археографические экспедиции в 60-х гг. в Свердловской области, которые, судя по экспедиционным дневникам, привели к заключению о бесперспективности их продолжения на Среднем Урале. К середине 70-х гг., когда вновь встал вопрос об археографических исследованиях, В. В. Кусков уже давно работал в Московском университете, а Е. И. Дергачева-Скоп – в Новосибирском, продолжая там археографические исследования Сибири.

---

¹ Ее небольшая книга [Дергачева-Скоп] содержала интереснейшие и очень плодотворные идеи для понимания процесса формирования урало-сибирского летописания.

На филологическом факультете действовала кафедра истории искусства под руководством Б. В. Павловского. Именно он оказался у начала изучения истории искусства Урала XVIII–XIX вв., уделив особое внимание тем его направлениям, которые специфичны прежде всего для края горнозаводской промышленности [Павловский, 1953; Павловский, 1975; Павловский, 1979; Павловский, 1982].

Большие традиции имело изучение уральского фольклора, связанное с экспедиционными исследованиями, выросшими из учебных фольклорных практик. Они были начаты доцентом М. Г. Китайником еще в 1944 г. и продолжены В. П. Кругляшовой, которая на протяжении многих лет (до 1991 г.) руководила полевыми фольклорными исследованиями, создала фольклорный архив, систематически занималась публикацией полевых материалов [Уральский фольклор; Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка; Кругляшова; Блажес].

Отдельным самостоятельным и мощным научным направлением стало изучение финно-угорской и северорусской диалектной лексики, топонимики и ономастики Урала [Словарь говоров Русского Севера; Матвеев], проводимое под руководством А. К. Матвеева. Оно сочетало в себе проведение ежегодных экспедиционных исследований, создание огромной словарной картотеки и большой объем научных публикаций. К концу 70-х гг. лаборатория топонимики была единственным гуманитарным подразделением УрГУ, имевшим официальный статус проблемной лаборатории.

В отличие от филологического факультета, на истфаке УрГУ вопросы истории и культуры Урала практически не изучались, за исключением исследований по истории культурной революции на Урале, проводимых на общеуниверситетской кафедре истории КПСС, которыми руководили В. Г. Чуфаров и М. Е. Главацкий [Чуфаров; Главацкий; Кондрашова]. Превосходно организованная археологическая экспедиция, руководимая В. Ф. Генингом, специализировалась по преимуществу на археологии Урала и Западной Сибири эпохи бронзы и железа. Среди историков, изучавших отечественную историю, абсолютно преобладали исследователи социально-экономических процессов развития Урала XVIII–XX вв. По словам моего учителя М. Я. Сюзюмова, сказанным в 1974 г. накануне моей защиты, последняя диссертация по истории России старше XVIII в. была защищена в УрГУ в 1942 г. А. А. Введенским – по истории хозяйства Строгановых [Перевалов]. Студенты-историки, специализировавшиеся по отечественной истории, практически не изучали палеографию, спецкурс по археографии читался формально и не был связан с реальной подготовкой публикаций. К сожалению, отсутствовали какие-либо межкафедрские связи между истфаком и филфаком.

...В апреле 1974 г. я, тогда старший преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода, оказался в Москве – чтобы передать рукопись своей диссертации по истории покаянной дисциплины русской церкви домонгольского периода моим оппонентам А. Г. Кузьмину

и А. И. Рогову. Диссертация далась очень трудно. Тема, предложенная М. Я. Сюзюмовым, предполагала исследование византийского влияния на право Древней Руси. В процессе подготовки пришлось ограничиться исследованием древнерусских епитимийников.

На этом пути я столкнулся как минимум с двумя проблемами. Первая – это почти полное отсутствие историографии по теме². Но гораздо труднее оказалось другое – отсутствие специальной подготовки в области палеографии и текстологии, курсы которых не преподавались в университете на тот момент. До поступления в аспирантуру я и рукописи в руках не держал. Да и где! В Свердловске единственное собрание находилось в фондах ГАСО (собрание рукописей УОЛЕ) и отдельные экземпляры хранились в областном музее, но они были малодоступны, и их архивное описание было неквалифицированным. Пришлось сидеть вместе со студентами истфака МГУ на практических занятиях по палеографии в рукописном отделе ГИМа, и штудировать исследования по древнерусской литературе, славянской филологии. Но едва ли не главной школой для меня стали рукописные отделы БАНа и Библиотеки им. Ленина.

Начав преподавать в УрГУ, я стал читать спецкурс по культуре Древней Руси для студентов-третьекурсников, ездил с ними на экскурсии в Верхотурье и в Тобольск, пытаясь хотя бы отчасти восполнить пробелы в учебной программе.

Возвратимся к апрелю 1974 г.

Меня разыскали в Москве и передали, что со мной хочет встретиться профессор В. Я. Кривоногов, руководивший историко-архивным отделением нашего истфака. Встреча была назначена в гостинице «Россия». В. Я. Кривоногов попросил меня найти в научной библиотеке МГУ Ирину Васильевну Поздееву и договориться, когда она сможет прочитать курс для студентов, желающих поехать в археографическую экспедицию. В. Я. Кривоногов осенью 1973 г. был на выездном заседании Археографической комиссии в Пермском университете, где И. В. Поздеева сделала доклад об итогах археографических исследований в Пермской области. Доклад и находки московских археографов произвели большое впечатление на В. Я. Кривоногова и на проректора по учебной работе УрГУ Б. А. Сутырина, заведовавшего кафедрой истории СССР. В Свердловске было организовано Уральское отделение Археографической комиссии во главе с В. Я. Кривоноговым, а Б. А. Сутырин возглавил его Свердловское отделение. Там же была достигнута предварительная договоренность о совместной работе Уральского университета и МГУ в Свердловской области.

---

² Едва ли не единственным исследователем этой проблемы до революции был ученик Е. Е. Голубинского С. И. Смирнов, профессор Московской духовной академии, автор книг «Духовный отец древней восточной церкви (История духовничества на Востоке). Ч. 1. Период Вселенских соборов» (Сергиев Посад, 1906), «Древнерусский духовник» (М., 1913), «Материалы для истории покаянной дисциплины» (М., 1912). В советское время можно отметить лишь издание по инициативе академика М. Н. Тихомирова Закона судного людем – одного из важнейших памятников покаянного права, основанного на византийской Эклоге.

Восторженный рассказ В. Я. Кривоногова я слышал, но никакого особого желания самому участвовать в археографических экспедициях не было. Мне было интересно заниматься Древней Русью. Конечно, во время долгого сидения в рукописных отделах БАН, Ленинки, Пушкинского Дома я слышал об экспедициях, да и знал некоторых участников. Но знакомство с рукописным собранием Пушкинского Дома убедило меня, что в собраниях, сформированных в результате полевых исследований в 50–60-е гг. XX в. преобладают поздние, а следовательно, неинтересные для меня рукописи XVII–XIX вв. Пожалуй, единственное, что вызывало некоторый интерес, это возможность получить десяток рукописей, чтобы сделать занятия по палеографии более живыми, чтобы студенты хоть увидели, что такое водяные знаки и как по ним можно датировать рукописи. История Урала меня совершенно не интересовала.

Предполагалось, что руководить будущей археографической экспедицией будет кандидат исторических наук А. В. Черноухов, специализировавшийся на истории Урала XVIII в. и работавший на историко-архивном отделении.

Просьба встретиться с И. В. Поздеевой была неожиданной, но отказаться я не мог. Эта встреча состоялась в маленькой комнатке научной библиотеки МГУ. Ирина Васильевна сказала, что необходимым условием проведения экспедиции должен стать учебный курс «Круг чтения людей Древней Руси». Со своей стороны я настаивал, чтобы находки первого года экспедиции остались в Свердловске, в университете.

В мае 1974 г. И. В. Поздеева приехала в Свердловск и начала читать курс, когда-то разработанный А. И. Роговым для археографов³ (не только замечательным ученым, но и глубоко православным человеком) и включавший в себя изложение церковного календаря и книжного сопровождения дневного, недельного и годового циклов богослужения. Сейчас трудно даже представить, насколько неожиданно звучали в стенах истфака слова «Евангелие», «Апостол», «Часослов», «Псалтырь»... Я сам был прилежным слушателем вместе со студентами. Этот курс слушали лаборант кафедры новейшей истории Н. В. Лерник, ставшая затем заместителем начальника свердловской части экспедиции, студенты-третьекурсники, занимавшиеся на моем семинаре по древнерусской культуре: О. А. Лысова (Мельчакова), Н. А. Литвинова (Мудрова), Н. П. Парфентьев, И. Горожанкин.

А. В. Черноухов привел на занятия трех студентов-первокурсников архивного отделения – Л. Дашкевич, Е. Пирогову, П. Сасина. На этом участие А. В. Черноухова в подготовке будущей экспедиции закончилось, я нечаянно оказался крайним...

В июле 1974 г. началась первая совместная экспедиция УрГУ и МГУ. Уральская часть отряда выехала в Невьянск. Нам предстояло работать там до Петрова дня, потом должен был прибыть московский отряд, работавший в Пермской области. Дух экспедиции родился, по существу,

---

³ А. И. Рогов вместе с Я. Н. Шаповым и В. Б. Кобриним были инициаторами археографических экспедиций рукописного отделения ГБЛ.

в часовне невянских староверов беспоповского согласия. Глубокая религиозность, непосредственная причастность каждого из молящихся к служению Богу, древние и писанные по древним образцам иконы, одежда из XVII–XVIII вв. – женские косоклинники с серебряными позументами и платки, заколотые «под иголочку», кафтаны-однорядки на мужчинах, старинные, но знакомые всем молящимся напевы службы – все это превращало часовню в удивительную «машину времени». Наш искренний интерес к истории, образу жизни староверов, уважение к их религиозным убеждениям стали залогом успешной работы по поиску и приобретению первых рукописных и старопечатных книг. Мы общались с людьми, которые в обычной жизни были рабочими, мастерами на заводе, бухгалтерами, но происходили из династий, появившихся здесь, в Невьянске, как минимум 250 лет назад.

Прибытие московского отряда во главе с И. В. Поздеевой означало возможность узнать и приобщиться к опыту работы московских археографов. И. В. Поздеева, по первой специализации археолог, привнесла в организацию археографической экспедиции своего рода «индустриальную составляющую», свойственную хорошим археологическим экспедициям. Вездеходный транспорт, обеспечивавший мобильность и безопасность, тщательно продуманный экспедиционный быт с вечерними отчетами, экспедиционными дневниками, запасом продовольствия, необходимого в полуголодных условиях провинциальной России, и многое другое, что позволяло эффективно работать. И. В. Поздеева в полной мере разделяла подход, впервые сформулированный основателем советской археографии В. И. Малышевым о том, что рукописная традиция – лишь часть, хотя и важная, местной культуры. Уже в первые часы нахождения в невянской часовне она обратила внимание на своеобразие местной иконописи и узнала имена местных иконописцев Романова, Богатырева⁴.

И. В. Поздеева рассказала о только что вышедшей монографии Н. Н. Покровского [Покровский]. О его непростой судьбе, драматической защите докторской диссертации и экспедициях за книгами в Сибири мне раньше рассказывала в рукописном отделе БАН О. П. Лихачева. Книга же Н. Н. Покровского была замечательна в частности тем, что вводила историю уральского раскола в контекст социальной истории Урала. Архивные источники, на которых она основывалась, дополнялись на наших глазах живой устной традицией уральских староверов. Не вызывало сомнений, что будут найдены сочинения самих староверов об их истории в XVIII–XIX вв.

Из Невьянска уже объединенный отряд перебрался в Шалинский район Свердловской области, где к нам присоединился В. А. Липатов, филолог, когда-то работавший в экспедиции с Е. И. Дергачевой-Скоп⁵.

---

⁴ Считаю очень важным отметить: сама постановка проблемы невянской иконописи принадлежит именно И. В. Поздеевой.

⁵ К сожалению, на следующий год В. Липатов отбыл в долгую зарубежную командировку и уже не смог продолжить экспедиционную работу.

Первый экспедиционный год закончился появлением на истфаке небольшой коллекции рукописных и старопечатных книг, это заметно оживило интерес студентов к изучению книжно-рукописной традиции, древнерусского певческого искусства, истории старообрядчества, да и история Урала XVIII в. оказывалась намного интереснее, чем представлялось по привычному курсу, читавшемуся на факультете. Возникла задача по описанию полученных рукописных и старопечатных книг, введению их в научный оборот, то есть появились условия для организации постоянной работы – и это было основой будущей лаборатории. Отмечу особо: *книжно-рукописное собрание Уральского университета создавалось на пустом месте. У нас не было рукописей в научной библиотеке, как в Московском университете, сюда не поступало пожертвований вроде ценнейшего собрания академика М. Н. Тихомирова, оказавшегося в Государственной публичной научно-технической библиотеке (Новосибирск). О существовании рукописей, полученных филологами в 60-е гг. и хранившихся на филфаке, я узнал, кажется, только в году 1977–1978-м.*

Работа в составе объединенной экспедиции была, без сомнения, полезной. Но не обошлось и без проблем. Между московскими и свердловскими студентами отношения складывались непросто. Дело было вполне обыкновенным – своего рода «дедовщина» старших и более опытных студентов-москвичей по отношению к новичкам-свердловчанам. Дело кончилось тем, что студенты-старшекурсники заявили мне, что впредь с москвичами работать не будут. Кроме этого, было ясно, что московская экспедиция откажется в дальнейшем оставлять находки в Свердловске. В МГУ, например, поступали все книги (их было немало), полученные в Пермской области, под предлогом отсутствия специалистов по их описанию в Перми. Почему Свердловск в таком случае мог стать исключением? Если Уральский университет хочет впредь пополнять свое собрание, то надо работать самостоятельно и, главное, подготовить специалистов различного профиля.

Для создания самостоятельной экспедиции требовалось выполнить несколько условий.

Первое – деньги. На суточные пятьдесят копеек на участника экспедиции, как полагалось по расценкам Минвуза, нормально работать не удастся. Кроме этого, требовался автотранспорт, горючее, спальные мешки, палатки... Надеяться на то, что университет выделит на это средства на второй (а если точнее, то на первый) год самостоятельной экспедиции, не приходилось.

Выход нашелся неожиданно. В Верхотурье создавался краеведческий музей, и художники, взявшиеся за это дело, вскоре поняли, что без историков им не обойтись. Поскольку я часто бывал в этом старейшем городе области, то обратились ко мне. Был заключен договор, который позволил не только два года финансировать экспедицию, но и содержать сотрудников археографической лаборатории, которая фактически была создана в 1975 г. Взамен мы должны были

написать историю Верхотурья, разработать музейно-экспозиционный план и по возможности собрать этнографический материал⁶.

Вторая проблема – обучение участников экспедиции – была решена наилучшим образом. Узнав о наших проблемах, А. И. Рогов предложил прочитать лекции о круге чтения.

Но появилась и третья проблема. После моего отказа от совместной работы с археографами МГУ весной 1975 г. в ректорат Уральского университета поступило письмо заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР И. Д. Ковальченко. В этом письме был выражен решительный протест против того, чтобы Уральский университет самостоятельно вел полевые археографические исследования. И. Д. Ковальченко был еще и заведующим кафедрой истфака МГУ, на которой работала И. В. Поздеева. Я – старший преподаватель, диссертация в ВАКе и еще не утверждена, а тут – один из руководителей исторической науки...

Пошел объясняться в ректорат, к проректору по науке, будущему академику А. Т. Мокроносову. Разговор получился короткий:

– Вас финансирует Московской университет?

– Нет, – отвечал я.

Тогда он порвал письмо и велел заниматься подготовкой к экспедиции⁷.

Экспедиции как 1975 г., так и 1976-го были очень важны – они заложили основы организации полевых археографических исследований в Уральском университете.

Число участников экспедиций быстро росло. В экспедиции 1974 г. участвовало 10 свердловчан, в 1975 г. – 23, в 1976-м – 36, в 1977-м – 44 человека, что сразу же делало ее самой крупной в стране. Требовалось тщательно спланировать будущие маршруты экспедиционных отрядов (как правило, двух-трех); необходимо было подготовить началь-

Экспедиция 1975 г. Сылва. На могиле старообрядческого старца о. Ефрема

⁶ Исторический очерк писали Б. Б. Овчинникова, В. А. Оборин, Г. В. Яровой, Л. А. Ольховая, Р. Г. Пихоя. Музей был открыт в конце 1976 г. Художники, создавшие музей, – А. Россошанский, А. Гриненко.

⁷ Много позже, уже в конце 1991 г., об этом письме мне напомнил сам Иван Дмитриевич Ковальченко (тогда академик-секретарь Отделения истории), рассказал об обстоятельствах его появления и извинился.

ников небольших экспедиционных групп из двух-трех человек, где старшим был участник, имевший два-три года экспедиционного опыта; закладывались традиции экспедиционного быта, которые спланируют людей. Экспедиция держалась на О. А. Мельчаковой, Н. П. Парфентьеве, Н. А. Мудровой, В. И. Байдине, А. Г. Мосине, Л. Бруцкой, А. Т. Шашкове, А. А. Гриненко, Е. П. Пироговой... Этот список можно было бы с легкостью продолжить. За каждым были несколько экспедиционных сезонов, организационный опыт и ответственность, научная проблематика и увлеченность.

Рос фонд рукописных и старопечатных книг, а вместе с этим росло понимание, что культурная традиция старообрядчества – это отнюдь не традиционная культура крестьянства. В условиях Урала книжно-рукописная традиция лучше сохранялась на заводах – Невьянском, Нижне-Тагильском, Нижне-Иргинском, Черноисточинском, Висимском, в селах, прежде приписанных к заводам. Исследования в окрестностях Верхотурья доказали, что в православной среде не только не сохраняется книжная культура прошлого, но и обычные исторические предания встречаются намного реже. Старообрядчество же оказалось чрезвычайно пластичным: сохраняя верность религиозным традициям, восходящим к XVII в., оно прекрасно приспосабливалось к изменяющимся экономическим условиям. Это отличало наши подходы к изучению старообрядчества от тех, которые развивались в МГУ, Пушкинском Доме, в СО АН СССР, где старообрядчество было связано с культурой крестьянства.

Мне пришлось изменить предмет своих ученых занятий – не без сожаления переключиться с Древней Руси на историю Урала. Надо было руководить дипломными работами по проблематике лаборатории, формулировать темы для научных исследований выпускникам, а для этого требовалось заниматься изучением истории Урала XVII–XVIII вв.

Книжно-рукописная традиция Урала все больше вписывалась в контекст общекультурных процессов, происходивших в России. Это, в свою очередь, требовало применения новых подходов к исследованию книг гражданской печати и светской рукописной традиции XVIII в. К этому времени уже были выявлены библиотека Нижнетагильского выйского училища, восходящая к личной библиотеке Н. А. Демидова, рукописные тексты литературных переводных сочинений эпохи Просвещения. В университете археографам читали лекции специалисты из Москвы и Ленинграда: Ю. К. Бегунов, А. Х. Горфункель, И. Ф. Мартынов. При том что это были разные люди, несомненно был их профессиональный опыт и знание книжного репертуара XVIII в. [Бельчиков, Бегунов, Рождественский; Описание Рукописного отдела].

В конце 1976 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по полевой археографии. К этому времени, всего за три года, в хранилище археографической лаборатории УрГУ было собрано около 500 рукописных и старопечатных книг. Благодаря поддержке ректората на конференцию с докладами прибыла целая делегация:

вместе со мной были Н. П. Парфеньев, В. И. Байдин, О. А. Мельчакова, Н. А. Мудрова, Е. П. Пирогова. В сущности, именно на этой конференции произошла научная «легитимация» полевой археографии в Уральском университете, что было тем более важно после конфликта с МГУ. Там я познакомился с Н. Н. Покровским. Он попросил взять на работу двух его учеников – А. Т. Шашкова и Л. Куандыкова⁸.

Я, в свою очередь, попросил его о возможности начать наши полевые исследования в Тюменской и Курганской областях.

Анатолий Тимофеевич Шашков был принят в штат лаборатории, и вместе с ним пришло серьезное исследование истории зарождения и распространения старообрядчества в Сибири XVII в. С начала 1977 г. с лабораторией сотрудничает прекрасный филолог, представительница новосибирской школы археографии Л. С. Соболева. С 1977 г. часто читал лекции свердловским археографам, оказывал неоценимую помощь в научных исследованиях Николай Николаевич Покровский.

С этого времени стала практиковаться стажировка участников экспедиции в МГУ, в Историко-архивном институте, в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Бесценной была помощь профессора А. И. Комиссаренко, в кружке которого занимались наши студенты, в практике были постоянные научные консультации С. О. Шмидта, А. И. Рогова, А. А. Амосова, Н. Н. Покровского, Л. Х. Горфункеля.

Осуществить задачу вхождения в систему археографической специализации было бы невозможно без поддержки ректоров Историко-архивного института С. И. Мурашова, Н. П. Красавченко, декана истфака МГУ Ю. С. Кукушкина. Всем им – моя искренняя благодарность.

Я глубоко убежден: без широких научных контактов, без стремления понять логику других научных школ и направлений не может сформироваться сколько-нибудь жизнеспособное направление в науке.

Нужно сказать, что фактически с 1976–1977 гг. сложилась своеобразная, чрезвычайно продуктивная, да и удивительно по-человечески комфортная обстановка в лаборатории и экспедиции, объединявшая примерно сорок – пятьдесят человек в Свердловске, друзей и партнеров в Ленинграде, Новосибирске, Москве, Перми, Шадринске, Кирове, Челябинске, Ярославле, Сыктывкаре. Тогда в университетах много говорили о «физтеховском принципе» обучения: студенты-старшекурсники, дипломники руководили научными исследованиями младшекурсников, дипломников консультировали аспиранты, а тех, в свою очередь, доценты и профессора. Так и было в археографической лаборатории УрГУ, с той лишь разницей, что на верхних ступенях этой образовательной лестницы вначале шли наши коллеги из других научных центров. Я глубоко признателен Н. Н. Покровскому за консультации в подготовке моей докторской, он же руководил кандидатской работой А. Т. Шашкова. Кандидатской диссертацией по древнерусской музыкальной культуре в уральской

---

⁸ Л. Куандыкову была выделена ставка в штате лаборатории, но переезд в Свердловск не состоялся.

традиции Н. П. Парфентьева руководил А.И. Рогов из института славяноведения АН СССР, диссертацией Н. А. Кривовой по социальному протесту горнозаводского населения XVIII в. – А. С. Орлов (МГУ), а позже началось и самовоспроизводство: научными руководителями и консультантами диссертаций стали Н. П. Парфентьев, Е. М. Главацкая, В. И. Байдин, А. Т. Шашков, П. И. Мангилев, Л. А. Дашкевич, И. В. Починская и др.

Дальнейшее развитие археографических исследований в Свердловске было невозможно без организации сколько-нибудь регулярных научных публикаций. Публиковаться в университете было практически невозможно. Сборники были тематическими, а проблематика исследований лаборатории с ними не совпадала. Публиковать «на стороне» было можно, но лаборатория нуждалась в постоянном издании, дававшем возможность публиковаться всем сотрудникам экспедиции. В плановом хозяйстве СССР это было непросто. Чтобы организовать издание серийного сборника объемом в 10 печатных листов, требовалось, кроме письма из университета, заручиться поддержкой идеологического отдела обкома КПСС, получить решение Роскомиздата (кажется, так называлось учреждение на Петровском бульваре в здании бывшего и будущего Высоко-Петровского монастыря в Москве). Когда получили разрешение, появился первый научный сборник лаборатории – «Из истории духовной культуры дореволюционного Урала» (Свердловск, 1979), сборник долгожданный, с суперобложкой, оформленной свердловским книжным графиком В. Д. Сысковым. С обретением своего сборника, который выходил под разными названиями, появилась возможность нормальной организации научного процесса, завершаемого публикациями на каждом новом этапе.

Экспедиции 1977 г. пополнили фонд хранилища лаборатории редчайшими рукописными и старопечатными книгами. Находка на Урале дофедоровского среднешрифтного Евангелия и московского Апостола 1564 г. стала поводом к появлению большой статьи в газете «Правда» о работах уральских археографов. И нам, археографам, и руководству университета – прежде всего ректору П. Е. Суетину – стало ясно, что требуется какая-то постоянная экспозиция для демонстрации книжных сокровищ прошлого. Ученый, специалист в области ядерной физики П. Е. Суетин прекрасно понимал, что в каждом приличном вузе найдутся более или менее удачные технические разработки, «железо», но такими книжными сокровищами, которые появились в Уральском университете, обладают редчайшие университеты в мире.

Было принято решение о создании Музея книги УрГУ. В разработке музейной экспозиции непосредственное участие приняли Свердловское отделение Союза художников и Б. В. Павловский. Мебель для музея делала Свердловская фабрика музыкальных инструментов. В 1980 г. Музей открыли [см. Кузнецова, Пихоя, Цыпина].

Он находился рядом с ректоратом и стал своего рода «визитной карточкой» УрГУ. Кого там только не было! Музей был включен в программу официальных делегаций, рассказ о посещении музея попал в мемуары А. А. Громыко...

Космонавт Г. М. Гречко в Музее книги, 1982 г.

Весной 1981 г. первый секретарь Свердловского обкома Б. Н. Ельцин посетил университет, готовясь к встрече со студентами города. Мне было поручено провести экскурсию. Ельцин оказался в музее после лекции по философии, которую просидел вместе со студентами, и явно устал. Он равнодушно посмотрел на Учительное Евангелие XV в., потом я показал ему анонимное дофедоровское среднешрифтное Евангелие. Это неожиданно вызвало резкое возражение: «Как? Ведь Иван Федоров – первопечатник!»

Я начал рассказывать о дофедоровских изданиях, два из которых есть у нас, доказывать, говорить о печати «в один прогон», достал книгу из витрины – все было бесполезно. Ельцин не верил. Положение спасло то, что у меня случайно под рукой был альбом А. А. Сидорова по истории книгопечатания [Сидоров]. Я открыл разворот альбома и попросил сравнить со старопечатной книгой. И – Ельцин обрадовался! После этого все мои разъяснения о специфике культуры горнозаводского Урала воспринимались с живейшим интересом. Книжные сокровища, сохранившиеся на Урале, похоже, вызвали у него чувство гордости за то, что это все здесь, в его Свердловской области... Экскурсия закончилась его предложением любой помощи. Прибегнуть к ней мне не пришлось, но обещание первого секретаря дорогого строило!

В этом же году началась разработка комплексной программы изучения духовной культуры Урала, которая должна была объединить все направления этой проблематики, разрабатываемые историками и филологами. С 1982 г. эта программа была заявлена в Минвуз России и была утверждена до 1990 г. [Духовная культура Урала].

Вместе с археографами работали искусствоведы Т. А. Рунова, С. В. и Г. В. Голынец, успешно развивалось исследование древнерусских музыкальных традиций, лидерами этого направления были Н. П. Парфентьев и М. Г. Казанцева, даже существовал кружок археографов, которым руководил один из известнейших уральских староверов, знаток знаменного пения Ф. И. Аникин.

Постоянной проблемой для меня было обеспечить стабильность состава научных сотрудников лаборатории полевых археографических

исследований. Ее формальный статус – учебная лаборатория при кафедре истории СССР досоветского периода. По штатному расписанию сотрудники лаборатории – лаборанты (в лучшем случае – старший лаборант) с минимальной зарплатой. Это еще годилось для студентов, но для людей, которые уже имели или должны были получить ученую степень, да к тому же семейных, такое положение было недопустимым. Поэтому наиболее квалифицированные сотрудники переходили на работу на кафедры университета, в научные библиотеки города, переезжали в другие города. Научные связи сохранялись, но лаборатория оставалась без наиболее квалифицированных сотрудников. Положение можно было бы изменить, добившись ставок научных сотрудников. Но это было возможно лишь в случае получения лабораторией от Минвуза статуса проблемной. Этот статус получали, как правило, те коллективы физиков, химиков, технологов, которые успешно работали на оборонную проблематику. Гуманитарные проблемные лаборатории были чрезвычайно редки, особенно в провинциальных вузах.

Подготовку к получению этого статуса мы начали уже в конце 70-х гг. Были исписаны горы бумаг, писем, отчетов... Не единожды в год ездили в Москву, на улицу Щепкина, где находилось подразделение Минвуза РСФСР, отвечавшее за организацию науки. Наконец весной 1987 г. для открытия лаборатории были собраны все мыслимые и немыслимые документы: от научных отчетов, решений Президиума УрО АН СССР, рекомендаций академика Д. С. Лихачева, Археографической комиссии – до хвалебных публикаций в «Правде», «Известиях»...

И вот утром, снова оказавшись на улице Щепкина, я передал исчерпывающий пакет документов на открытие лаборатории Е. Н. Геворкян, которая непосредственно занималась этими вопросами. Получив папку с документами, она сказала:

- Это не поможет. Все это уже не нужно!
- Почему? Что случилось?
- А вы не знаете? Перестройка! Все поменялось!
- Ну, тогда я пойду туда, где ее делают.
- Куда?
- В ЦК КПСС.

Моя злость и явно опрометчивое заявление возымели неожиданное действие. Собеседники реально перепугались. Перепугался и я сам, поняв, что деваться мне некуда и я должен сегодня попасть в ЦК КПСС.

Поехал на Старую площадь. Я никогда в жизни не был и не собирался там быть. Не знал ни единого человека за этими стенами. Здание, которое охраняли сотрудники КГБ и специальных подразделений МВД, ничего, кроме опасений, у меня не вызывало⁹. Но деваться

---

⁹ Тогда невозможно было вообразить, что 23 августа 1991 г. мне (в то время руководителю Государственной архивной службы России), для того чтобы обеспечить сохранность документов ЦК, придется опечатать кабинеты в пустом здании ЦК КПСС, покинутом и охранниками, и сотрудниками, а днем позже перевести аппарат Росархива в цеховское здание по ул. Ильинка.

было некуда. Я вошел в тот подъезд, который, как оказалось, предназначался для руководства ЦК. Несколько раз меня выпроваживали, но в конце концов подсказали, что можно позвонить по справочному телефону (попросив не говорить, кто посоветовал), и дали телефон человека из отдела науки, который имел отношение к проблеме. Тот назначил время встречи. Мне заказали пропуск, и через три часа я сидел в маленьком кабинете, где сотрудник ЦК внимательнейшим образом просмотрел все документы, выслушал мои объяснения и сказал, что позвонит мне вечером в гостиницу. Вечером он позвонил и сообщил, что вопрос решен положительно. Проблемную лабораторию утвердили. К стыду своему, я не помню фамилию этого человека. Но именно благодаря его поддержке в университете появилась наконец-то проблемная лаборатория!

В 1990 г. уже по моему представлению (я был тогда первым проректором университета) ректорат создал Институт русской культуры, первый и единственный в системе университетов страны.

К этому времени, в середине 80-х гг., в археографической лаборатории определилось несколько научных направлений. Среди них:

- исследование феномена горнозаводской культуры, специфики общественного сознания горнозаводского населения. Это было предметом моего докторского исследования, защищенного в 1987 г. К этому направлению примыкало исследование Н. А. Кривовой, В. И. Байдина;
- изучение древнерусской певческой культуры (Н. П. Парфентьев, М. Г. Казанцева, Н. В. Парфентьева);
- история книжной культуры Урала XVI–XVIII вв. (Н. А. Мудрова, Е. П. Пирогова, А. Г. Мосин, Е. В. Починская);
- история православия и старообрядчества на Урале и в Западной Сибири XVII–XIX вв. (А. Т. Шашков, П. И. Мангилев);
- традиции древнерусской литературы на Урале (Л. С. Соболева, В. И. Байдин);
- традиции изобразительного искусства и уральской школы иконописи (Е. В. Починская, Е. В. Ройзман);
- история межэтнических контактов на Северном Урале (Е. М. Главацкая).

Убежден, что перечислил далеко не всех.

Однако можно подвести некоторые итоги.

Есть крупнейшее собрание книг древнерусской традиции к востоку от Москвы до Новосибирска, насчитывающее около 6000 рукописных и старопечатных книг XV–XX вв.

Есть коллектив исследователей, сложившийся в ходе полевых исследований, радикально расширивший проблематику изучения истории Урала – от его заселения в XVI–XVII вв. и особенностей книжной культуры до истории горнозаводского дела, образования, православия и старообрядчества.

Список литературы

- Батин М. А.* Павел Бажов. М. : Современник, 1976. 262 с.
- Батин М. А.* Творчество П. П. Бажова. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1953. 282 с.
- Бельчиков Н. Ф., Бегунов Ю. К., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 360 с.
- Блажес В. В.* П. П. Бажов и рабочий фольклор. Свердловск : УрГУ, 1982. 104 с.
- Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937 гг.). Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1974. 216 с.
- Дергачев И. А.* Книги и судьбы. Страницы литературной жизни Урала. Свердловск, 1973. 207 с.
- Дергачев И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск, 1977.
- Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири. Свердловск, 1965. 152 с.
- Духовная культура Урала. Программы исследований по гуманитарным наукам на 1983–1990 гг. Свердловск : УрГУ, 1983.
- Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. 304 с.
- Кондрашова М. И.* КПСС – организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917–1927 гг. Иркутск, 1985. 151 с.
- Кузнецова К. П., Пихоя Р. Г., Цыпина Н. Е.* Путеводитель по Музею книги Уральского университета. Свердловск : УрГУ, 1983.
- Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. 100 с.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4. Вып. 2 : Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII – первая треть XIX в. / сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. 349 с.
- Павловский Б. В.* Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. 131 с.
- Павловский Б. В.* Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. 152 с.
- Павловский Б. В.* Каслинский чугунный павильон. Свердловск, 1979. 97 с.
- Павловский Б. В.* Художественный металл Урала XVIII–XIX веков. М., 1982. 209 с.
- Первалов В. А.* Историк А. А. Введенский в Уральском университете // Известия УрГУ. 2000. № 16. С. 150–154.
- Покровский Н. Н.* Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в ХУШ в. Новосибирск, 1974. 394 с.
- Сидоров А. А.* История оформления русской книги. М. : Книга, 1964. 391 с.
- Словарь говоров Русского Севера : 4 т. / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009.
- Уральский фольклор. Свердловск, 1949. 235 с.
- Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим) / сост. В. П. Кругляшова. Свердловск : УрГУ, 1967. 304 с.
- Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. 380 с.

References

- Batin, M. A. (1976). *Pavel Bazhov* [Pavel Bazhov]. 262 p. Moscow, Sovremennik.
- Batin, M. A. (1953). *Tvorchestvo P. P. Bazhova* [P. P. Bazhov's Creative Work]. 282 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Bel'chikov, N. F., Begunov, Yu. K. & Rozhdestvenskij, N. P. (1963). *Spravochnik-ukazatel' pechatny'h opisaniy slavyano-russkikh rukopisej* [A Reference Index Book of Printed Descriptions of Slavic-Russian Manuscripts]. 360 p. Moscow, Leningrad, AN SSSR.

Blazhes, V. V. (1982). *P. P. Bazhov i rabochij fol'klor* [P. P. Bazhov and the Folklore of Working People]. 104 p. Sverdlovsk, UrGU.

Chufarov, V. G. (1970). *Deyatel'nost' partijny'h organizacij Urala po osushhestvleniyu kul'turnoj revolyucii (1920–1937 gg.)* [The Activity of Ural Party Organizations in the Realization of Cultural Revolution (1920–1937)]. 380 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Dergachev, I. A. (1973). *Knigi i sud'by'. Stranicy' literaturnoj zhizni Urala* [Books and Destinies. Pages of Ural Literary Life]. 207 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Dergachev, I. A. (1977). *D. N. Mamin-Sibiriyak: Lichnost'. Tvorchestvo* [D. N. Mamin-Sibiriyak: Life. Creative Work]. Sverdlovsk.

Dergacheva-Skop, E. I. (1965). *Iz istorii literatury' Urala i Sibiri* [From the History of Literature of the Urals and Siberia]. 152 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Duhovnaya kul'tura Urala. Programmy' issledovanij po gumanitarnym naukam na 1983–1990 gg. [The Non-Material Culture of the Urals. Research Programmes of the Humanities for 1983–1990s]. (1983). Sverdlovsk, UrGU.

Glavaczkiy, M. E. (1974). *KPSS i formirovanie tehniceskoy intelligencii na Urale (1926–1937 gg.)* [The CPSU and the Emergence of Technical Intelligentsia in the Urals (1926–1937)]. 216 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Kondrashova, M. I. (1985). *KPSS – organizator formirovaniya socialisticheskoy intelligencii na Urale v 1917–1927 gg.* [The CPSU as the Initiator of the Establishment of Socialist Intelligentsia in the Urals (1917–1927)]. 151 p. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta.

Kruglyashova, V. P. (Comp.). (1967). *Fol'klor na rodine D. N. Mamina-Sibiriyaka (v ural'skom gornozavodskom poselke Visim)* [Folklore in the Hometown of D. N. Mamin-Sibiriyak (in Ural Mining Settlement Visim)]. 304 p. Sverdlovsk, UrGU.

Kruglyashova, V. P. (1974). *Zhanry' neskazochnoj prozy' ural'skogo gornozavodskogo fol'klora* [Non-Fairy Tale Prose Genres of Ural Mining Folklore]. 168 p. Sverdlovsk, UrGU.

Kuzneczova, K. P., Pihoya, R. G. & Cy'pina, N. E. (1983). *Putevoditel' po Muzeju knigi Ural'skogo universiteta* [A Guide for the Museum of Books of Ural University]. Sverdlovsk, UrGU.

Marty'nov, I. F. (Comp.). (1980). *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. T. 4. Vy'p. 2: Stihotvoreniya, romansy', poe'my' i dramaticheskie sochineniya, XVII – pervaya tret' XIX v.* [A Description of the Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 4. Issue 2: Poems, Love Songs, Works of Drama, 17th – 1st Third of the 19th Century]. 349 p. Leningrad, Nauka.

Matveev, A. K. (1986). *Metody' toponimicheskikh issledovanij* [Methods of Toponymic Research]. 100 (1) p. Sverdlovsk, UrGU.

Matveev, A. K. (Ed.). (2001–2009). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of Subdialects of the Russian North] (in 4 vols.). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Pavlovskij, B. V. (1975). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo promy'shlennogo Urala* [Decorative and Applied Arts of the Industrial Urals]. 131 p. Moscow, Iskusstvo.

Pavlovskij, B. V. (1953). *Kamnerезное iskusstvo Urala* [Stone Cutting Art of the Urals]. 152 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Pavlovskij, B. V. (1979). *Kaslinskij chugunny'j pavil'on* [Kasli Cast-Iron Pavillion]. 97 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Pavlovskij, B. V. (1982). *Hudozhestvenny'j metall Urala XVIII–XIX vekov* [Artistic Metal of the 18th – 19th Century Urals]. 209 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Perevalov, V. A. (2000). *Istoriik A. A. Vvedenskij v Ural'skom universitete* [Historian A. A. Vvedenskiy in Ural University], *Izvestiya UrGU*, 16, pp. 150–154.

Pokrovskij, N. N. (1974). *Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskih krest'yan-starobryadcev v XVIII v.* [An Anti-Feudal Protest of Ural-Siberian Old Believer Peasants in the 18th Century]. 394 p. Novosibirsk, Nauka.

Sidorov, A. A. (1964). *Istoriya oformleniya russkoj knigi* [A History of Russian Book Design]. 391 p. Moscow, Kniga.

Ural'skij fol'klor [Ural Folklore]. (1949). 235 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

The article was submitted on 11.05.2015

Рудольф Германович Пихоя,
профессор, ведущий научный
сотрудник Института
российской истории Российской
академии наук,
Москва, Россия
rudolfpikhoia@rambler.ru

Rudolf Pikhoya,
Professor, Leading Researcher
of Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
rudolfpikhoia@rambler.ru

Problema voluminis

The Images of Elements in the Artistic Culture of Russia
Russian Authorities: The Mechanisms of State Administration
Russia and Foreigners: Interaction and Conflicts

Problema voluminis

Образы стихий в художественной культуре России

Российская власть: механизмы государственного управления

Россия и иностранцы: взаимодействия и конфликты

THE IMAGES OF ELEMENTS IN THE ARTISTIC CULTURE OF RUSSIA

DOI 10.15826/qr.2015.2.094

УДК 75.047(470.5)+75.047(069)(73)

Ludmila Budrina

WILDFIRE IN A. K. DENISOV-URALSKY'S CANVASES: DESTINIES OF THE PAINTINGS

The article focuses on one aspect of the artistic work of Yekaterinburg-born painter, A. K. Denisov-Uralsky: the genesis and evolution of *The Forest Fire*. The article sheds light on the fate of this famous 1898 painting, including its exhibition history in Russia, its reproduction with the help of S. M. Prokudin-Gorsky (a pioneering specialist in colour photography), its appearance in the St. Louis World's Fair, and its further reproduction and exhibitions while in the United States between 1904 and 1979. The article also documents the subsequent variations of the same motif, which the painter created for his 1911 exhibition *The Urals and Their Treasures*. The author further examines interpretations of the same theme by Russian and non-Russian artists who were predecessors and contemporaries of Denisov-Uralsky. The article analyzes the influence of Denisov-Uralsky's painting on North American artists, by examining similarities in the composition and recurrences of the theme in works both by beginning painters and masters. Resulting from systematic research and analysis, the article makes apparent the significance of the wildfire theme in the work of Denisov-Uralsky. Artworks from the Yekaterinburg Museum of Fine Arts are at the basis of such research, along with the works from world museums and private collections, which have yet to be scrutinized for the thematic history of wildfires. The comparison of artwork and approaches to the theme of wildfires allows for conclusions about the appeal of this artistic theme in general and of its interpretation in particular.

Keywords: A. K. Denisov-Uralsky; *The Forest Fire*; Russian painting at the turn of the 20th century; Ural Fine Art, USA Art of the 20th century; 1904 World's Fair; interpretation and borrowing in painting.

Статья посвящена одному из аспектов творческого наследия художника А. К. Денисова-Уральского, уроженца Екатеринбурга. Анализируется генезис и эволюция ключевого в изобразительном наследии живописца сюжета «Лесного пожара». Приводятся новейшие сведения о судьбе холста, созданного в 1898 г.: выставочная история в России, репродуцирование при участии пионера цветной фотографии С. М. Прокудина-Горского, участие во Всемирной выставке в Сент-Луисе, воспроизведение и экспонирование в период нахождения полотна в США (1904–1979). Систематизируется информация о поздних вариантах сюжета, созданных

А. К. Денисовым-Уральским для своей выставки «Урал и его богатства» (1911). Рассматривается контекст и трактовка темы у отечественных и зарубежных художников – предшественников и современников Денисова-Уральского. Впервые анализируется влияние этого произведения на творчество североамериканских художников, приводятся данные о повторениях и интерпретациях композиции наивными живописцами и мастерами декоративно-прикладного искусства. В результате систематического поиска и последующего анализа выявляются свидетельства как актуальности и аттрактивности сюжета для изобразительного искусства второй половины XIX – начала XX в., так и особого значения его для творчества конкретного художника. В основу исследования легли живописные произведения, представленные на выставке в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, архивный материал и ранее не рассматривавшиеся в контексте изучения истории сюжета произведения из отечественных и зарубежных музеев и частных коллекций. Сопоставление произведений и подходов к трактовке темы стихийного бедствия позволили сделать выводы об особой востребованности как сюжета в целом, так и конкретной его трактовки.

Ключевые слова: А. К. Денисов-Уральский, «Лесной пожар», русская живопись рубежа XIX–XX вв., художественная культура Урала, искусство США XX в., Всемирная выставка 1904 г., интерпретации и заимствования в живописи.

Although fire has been with humankind since prehistoric times, the depictions of disasters caused by wildfires appear relatively later in the visual arts. Until the 19th century, few depictions exist of an all-devouring blaze. Even then, they often have either a mythological meaning (like “The Forest Fire” by Piero di Cosimo, ca. 1505, Ashmolean Museum, Oxford), or they connect to the destruction of the cities (like “L’incendie de Rome” by Hubert Robert, dated at the end of the 18th century, now in Musée des Beaux-Arts André Malraux, Le Havre). There are almost no wildfires among the early depictions of fire.

The Romantics’ and Realist artists’ interest in national and local landscapes, which emerged in Early Modernity, made the artists focus upon forest fires. A growing shortage of forests in Europe, in turn, created awareness of the value of this resource in the 19th century. Artists working on the ‘periphery’ of European art in the second half of the 19th century—in North America, Finland, Russia, and Australia—created a great variety of images that reveal different aspects of disaster wrought by wildfire.

Perhaps the only researcher closely examining depictions of wildfires in art is Professor Stephen J. Pyne at Arizona State University, USA. He studies the history of fighting forest fires and touches upon cultural aspects of the problem, apart from merely technical ones. In his book he outlines several national schools of art, devoting attention to their depiction of wildfires in nature. He, for example, discusses the tradition of prairie wildfires depicted in the Hudson School paintings (a number of paintings from the 1830s by

George Catlin (1796–1872)) [Pyne 2012, p. 124–128] and in a subsequent generation of the so-called ‘artists in the saddle’ (such as Albert Bierstadt (1830–1902), “White Mountains, New Hampshire”, ca. 1865, Thomas Gilcrease Institute, Tulsa, Oklahoma).

The American researcher highlights the popular theme of bush wildfires in the artworks of Australian painters (See, eg., John Longstaff (1861–1941), “Gippsland, Sunday Night, February 20th”, 1898, National Gallery of Victoria, Melbourne) [Pyne 2012, p. 132–136].

Isolated depictions of forest fires and firefighting activities can be found in the works of artists from those regions where forestry played an important role in everyday life. As such, this theme was exploited by Finnish and Lithuanian artists (Gustaf Wilhelm Edlund (1829–1907), “Finnish swidden, converting forest to field”, 1877 [Pyne, 2012, p. 69]; Vincetas Dmachauskas (ca. 1805–1862), “Forest Fire”, 1850s to the beginning of the 1860s, Lietuvos dailės muziejaus, Vilnius). The wildfire, which inflicted considerable damage on the unique pine forest on the coast of the Bay of Biscay (the famous French *Landes*), was captured by a representative of late French realism, Étienne Mondineu (1872–1940), on his canvas “Fire in the Landes” (“Incendie dans les Landes”, 1901, La mairie, Houeillès).

A major representative of the Russian Realism School, Vassily Polenov (1844–1927), addressed the theme of wildfires in his pencil drawing, “Fire in Dry Forest” (1877, in a private collection) and in his small oil-on-cardboard study, “Fire in the Forest”, (ca. 1877). Both works, apart from depicting the wildfire, have figures in their foreground. This *staffage* technique diminishes the poignancy of nature’s force. Likewise, a known master of hunting scenes, Vladimir Muraviev (1861–1940), creates his own “Forest Fire” at the turn of the 20th century (now in a private collection).

However, the subject of wildfires in Russian art was explored most consistently by Alexey Kozmich Denisov-Uralsky (1864–1926). Denisov-Uralsky was a native of Yekaterinburg, a prominent stone-cutter and jeweler, a known Russian entrepreneur and an advocate for the natural wealth of the Urals.

Having received no formal artistic education, Alexey Kozmich relied heavily upon his own taste. Freedom from academic standards allowed him to develop a unique talent, at times naive and at times subject to fashionable trends. The originality of Denisov-Uralsky paintings was determined by the artist’s sincerity and his spontaneity in depicting his beloved Urals, including its harsh nature, which frequently threatened natural disasters.

In Denisov-Uralsky’s artistic life, an important event that shaped his development was the Siberian and Ural Scientific and Industrial Exhibition held in Yekaterinburg in 1887. It not only distinguished the 23-year-old master, Alexey Denisov, with the Great Silver Medal for his stone compositions, chipped stones paintings and icons, but it also presented him with an opportunity to acquaint himself with the works of leading Russian masters: Ivan Aivazovsky, Vassily Perov, Ivan Shishkin, and Urals painters, such as Alexey Korzukhin, Nikolay Plyusnin, Vladimir Kazantsev and Petr Vereshchagin. A few years after the Siberian-Ural Exhibition, Denisov

arrived in St. Petersburg and became a student of the Drawing School of the Society for the Encouragement of Arts [Павловский, с. 9]. He attended a few courses before he was compelled to return to Yekaterinburg.

The theme of wildfires will occupy the artist for at least twenty years. He returns to it over and over again, rethinking his own work, retracing a path from a study to a landscape painting, from small forms to epic canvas.

In 1887 Denisov paints a "Burning Grass" study (now in Yekaterinburg Museum of Fine Arts) (Figure 4). With fast brush strokes he outlines burnt grass blades, and the flames leap and blaze through thick smoke.

Within a year, his first painting was finished; it was a small, even miniature work by the author's own standards. It did not show the forest wildfire *per se*; the viewer notes a flaming sky, and reflections back-light the forest and flicker on the water. Black cut-outs, reminiscent of landscape paintings from German Romanticism, represent the trees in the foreground. However, this version did not satisfy the artist; he kept searching for a more expressive composition, collecting observational materials for drawing.

A Ural researcher, A. A. Anfinogenov, Denisov's contemporary, observed the artist painting a burning forest behind *Chistoye* swamp at *Beryozovaya Dacha*:

A fascinating scene of a grandiose forest wildfire was seen from the top of *Kamennye Palatki* hill near Shartash Lake, where at that time one could observe a far-reaching view of the surroundings... A man was sitting on the top of *Palatki*, painting the wildfire scene. Interested by the painting, I approached the artist. The small piece of paper on top of a study box truly amazed me by the brightness and the truthfulness of the colors. The scene of the wildfire and this study, most probably unfinished, have forever stayed in my memory [cit. by: Семенова, с. 44].

Nine years later Denisov returns to the topic that captivated him. A study dated 1897 (now in Yekaterinburg Museum of Fine Arts) is oriented vertically, unlike earlier works, and has a lower horizon, allowing for a larger space to depict the sky. On the foreground the viewer sees a young pine tree, untouched by fire and lit by the sun's rays; behind it there is a burning tree, the center of the composition. A thick plume of smoke is crossing the picture diagonally. The right upper corner contains a strip of blue sky that symbolizes hope. A device of Romanticist paintings is used in this work by doubling the source of light: it comes from the sun in the foreground and the fire in the central part of the canvas. With this device Denisov succeeds in expressing two forces of nature: life-giving sunlight and destructive wildfire. This contrast reveals and expresses the drama within the painting.

The same year Alexey Kozmich replicates this composition in a large oil painting (now in Perm State Art Gallery). The oil painting differs from the earlier study in its reinterpretation of the forest: a big, tall pine tree appears in the foreground. Apparently, the author found this composition effective, as the next year he reproduced it in watercolor (now in Sverdlovsk Regional History Museum) (Figure 2) and presented to his friend, the Urals writer D. N. Mamin-Sibiriyak [Будрина, с. 51].

The need to connect the depiction of natural disaster to a certain locality makes the artist return to the horizontally oriented canvas. In 1899 in the magazine, "Novoe vremya", another variant on the same theme is published [Выставка картин], and the canvas was exhibited at the spring exhibition of the Academy of Fine Arts, attracting considerable attention.

On the large canvas we see the approaching fire. The artist makes the viewer feel the heat and the inevitability of its advance. Streams of fire on the left part of the painting and fallen wood on the right attest to the on-rushing flames. Absence of a visible barrier between the natural disaster and the viewer intensifies the sense of danger.

This painting became the centerpiece of the first personal exhibition of Denisov-Uralsky, open in Yekaterinburg on the 5th of November, 1900. At the end of December the exhibition was moved to Perm, where it appeared in the house of N. V. Meshkov, a known ship owner and philanthropist. Here too 'The Forest Fire' attracted attention. The painting was placed in a separate, small room with electric lighting and heated stoves, which added to the overall effect. This setting even allowed "Permskie vedomosti" newspaper to observe ironically: "Barely heated rooms, provided by Mr. Meshkov for the exhibition, cool the visitor's impression; he is ever eager to sit on a chair and observe 'The Forest Fire', which emits heat from no less than two ovens on both sides of it. As you can see, even Kuindzhi had not thought of creating such an effect: a nicely heated room and a landscape of 'The Forest Fire'" [cit. by: Семенова, с. 50–51].

In 1902, the same work was featured in a mobile exhibition of paintings of the Urals and its mineral and mining resources, opened by the artist in St. Petersburg. Denisov was so concerned with the consequences of wildfires in Russia that he even introduced proposals on the improvement of wildfire control measures in the "Guide to the exhibition":

Forest wildfires are a devastating scourge of forests, not only in Central Russia, but also in the Urals; it is there that the fires have a wilder character due to the prevalence of thick pine forestation, stretching for hundreds of miles. A summer does not pass without wildfires in one or another area of the Urals... Forest fires have a strong effect upon the factories and the factory population, depriving the people of the only fuel existing here [Денисов-Уральский, 1902, с. 98–99].

In early 1904, the Muscovites had a chance to acquaint themselves with the painting at the exhibition, "Urals and Its Treasures". Also at that time, from some of the artist's paintings, S. M. Prokudin-Gorsky made colored plates that were reproduced on several postcards (Figure 3). "The Forest Fire" was among those reproduced. In the same year the picture became one of the most important pieces in "Russian California" section at the World's Fair in St. Louis, Missouri [Official catalogue, p. 290–291].

Unfortunately, the collection of paintings and graphic works, gathered by A. K. Denisov-Uralsky for the St. Louis exhibition, did not return to

Russia. “The Forest Fire” remained in America. US researchers have traced the tragic and confusing fate of the Russian collection from this exhibition. The failure of its business plan ended with the organizer’s bankruptcy, which caused the works to be confiscated and sold [Williams, p. 1–5]. In spite of these difficulties, “The Forest Fire” was spared. In February 1905, shortly after the exhibition’s completion, the work was acquired by an organizer, the American entrepreneur, Adolphus Busch, for his house in Dallas [Pyne 2008, p. 51–54]. In March 1979, the US National Endowment for the Humanities on behalf of August Busch Jr. formally handed “The Forest Fire” to the Soviet government [Williams, p. 1–5]. The above mentioned Stephen J. Pyne devoted several years to studying the history of this painting and its various emulators [Pyne 2008].

For a long time the painting was thought to remain at the Russian Embassy in Washington or to be stored in one of the governmental residences. However, a new search in 2014, approaching the anniversary of A. K. Denisov-Uralsky’s exhibition, brought unexpected success. It turns out that the canvas was transferred to Tomsk Regional Museum of Arts in 1982 and in 1993 was featured in a published catalogue of the museum’s collection. Moreover, the research fellows at the museum completed an attribution appraisal, comparing the museum’s large canvas (198 by 270 cm) from 1898 with the publication in “Novoye vremya” magazine, confirming that the painting in their possession was indeed the famous one that ostensibly ‘disappeared’ [Тюрина].

Thus, the first monumental version of “The Forest Fire”, which participated in the 1899 exhibition at the Academy of Arts, in the 1902 exhibition in St. Petersburg, in the 1904 Moscow exhibition, “Urals and Its Treasures”, and in the St. Louis World’s Fair of the same year, is now located in Tomsk Regional Museum of Arts.

While preparing the second exhibition, “Urals and Its Treasures”, which was scheduled to open in spring 1911 in St. Petersburg, Denisov-Uralsky decided to create a new monumental painting on the same engrossing subject.

His search for a new approach to the wildfire theme resulted in a relatively small painting named “Wildfire Approaching”, featured at the 1911 exhibition. In this work Denisov changes the direction of the smoke column and slightly moves the fire deeper into the composition. Unfortunately, the work’s current location is not known. The only evidence testifying to its existence is a line in the catalogue for “Urals and Its Treasures” and a picture print, made during the exhibition (Photography atelier of K. Bulla, 1911, Central State Archive of Documentary Films, Photographs, and Sound Recordings, St. Petersburg) [Будрина, с. 52].

However, in 1910 Denisov created a new version of “The Forest Fire” (now in Yekaterinburg Museum of Fine Arts) (Figure 1). This canvas, shown at the end of the paintings’ section of the artist’s solo exhibition, very similar to its predecessor, did not leave the viewer cold. Similar to his earlier exhibition, the artist devoted several pages of his catalogue to the contemplation of wildfires and his interpretation of their significance:

Everything is covered in smoke. It smells of burning. As through the mist, a scorching red core of the sun is lurking through the thick haze of smoke. People and animals alike experience a heavy, dispiriting mood. The forest is burning, and it does so not for a day or two, but for weeks. In Russia, the rage of the wildfire is terrible, but it can be paralyzed by the communal efforts of people: they make clearings, they dig ditches and cover burning areas with sand, thus making the fire die down and stop.

In the Urals, however, wildfires are a devastating natural disaster that can not be overcome. The limited population of the region, wild mountainous landscape, abundance of forests with predominance of resinous conifers, as well as large masses of dried, fallen wood and moss give the natural disaster full potential for showing its terrifying force and emptying at once dozens of miles of forest, leaving in its wake naked, black trunks in grey ash covering smoldering ground. In most cases, forest fires happen because of the carelessness of an ignorant population.

When the forest fire picks up, it knows no obstacle. It thrusts from the valleys to the mountains; it shoots burning branches around at immense range, spreading wildly on and on. The air is overheated so that it is hard to breathe, even from far away. A dreadful crash and crack, reminiscent of shooting, fill the air. Wind that rises at every fire turns into a storm, which has no barriers. All living creatures flee in terror seeking salvation but die in the flames. There is no mercy for anyone.

Forest fires in the Urals are terrifying, grandiose and a magnificent tableau, a natural disaster that, unfortunately, keeps rampaging year in, year out.

Every year vast areas of forest are scorched completely. In 1884, a wildfire destroyed around 5000 square versts of taiga, and it will require many years to erase those awful traces of raging disaster [Денисов-Уральский 1911, с. 75–76].

This painting, acquired by Yekaterinburg Museum of Fine Arts in mid-20th century from a private collection, became a centerpiece of the 2014 anniversary exhibition. Here again, one sees a work of epic scale, reflecting the significance of its theme. A higher point of view, often favoured by Denisov, offers the prospect of a rocky ledge with mighty pines and an old giant deadwood on top of it. Further on there is a thick, lush forest and then flames that devour tall trees. A colossal column of smoke dissects the sky, broadcasting the wildfire to far away corners. The sense of powerful and inevitable disaster is accented by the brushwork, which is fierce and sprawling, almost too coarse in its strokes, expressing the inner state of the artist, dismayed by rampant disaster. It seems that the painter did not create the painting from the comfort of his workshop but instead from nature, standing close by on a cliff to catch the fire's movement, propelled by the wind.

"Forest Fires" by A. K. Denisov-Uralsky fascinate the researcher not only with their number and the artist's thematic fascination, but also with the unusual attention that the 1898 version attracted and the role it played in applied and fine arts in the 20th century.

Understanding the role of advertising in attracting visitors to exhibitions, in 1904 Denisov-Uralsky commissioned eight colour clichés from his most cherished works. Apart from six landscapes of the Urals and a watercolor depicting minerals from the artist's collection, the clichés included "The Forest Fire" from 1898. These clichés were used for printing postcards; "The Forest Fire" alone went through six reprints [Мазохина, с. 39–40]. Total circulation of those reprints can be approximated at thirty to forty thousand pieces.

It is highly likely that those postcards served as sources for the earliest emulations of "The Forest Fire" in Russia and abroad. It should be noted that for the various works reviewed, a whole range of similarities to the original image can be demonstrated: on the left are bent, dark tree trunks on a lighter background and on the right, a group of entangled trees, several standing, one lying and one semi-fallen, with an exposed rootstock. The emulators also kept the fire's position, centered and drifting to the upper left.

Thus, A. A. Yagodkin's painting (1899–1918, Nizhny Tagil Museum of Fine Arts) features an almost complete central section from Denisov-Uralsky's canvas, with the addition of a smoky forest on the left and right, and an enlarged foreground with green lawn.

The theme of forest fires once again reappears in the Urals during the 1940s in the works of Ivan Kirillovich Slyusarev (1886–1962). Much like Denisov-Uralsky, he starts with painting burning grass (1942, Nizhny Tagil Museum of Fine Arts). Another painting with a burning forest appeared five years later (1947, Yekaterinburg Museum of Fine Arts). In composition, this work is closer to Denisov's "Forest Fire" from 1910; however, Slyusarev's painting does not use dramatic juxtaposition between the heights in the foreground and the middle ground; the color scheme of the work is also more reserved. All in all, the work exhibits a more aloof character, lacking the passion of its predecessor.

Between 1912 and 1926, "The Forest Fire" could be seen in Beaux-Arts Centre in Dallas, Texas [Pyne 2008, p. 54]. An exhibition of the painting by its new American owners was accompanied with print reproductions. Only one calendar was printed in the beginning of 1930s, but it can be safely supposed that this edition was not the only one.

Another amazing example of "The Forest Fire" appears in a 1920s Japanese embroidery, which is stylized yet still close to original.

No less interesting is a porcelain cachepot produced by the Bavarian company "H&C Selb" and later hand-painted to reproduce a fragment of "The Forest Fire" [Fabulous]. The fragment is signed "Adolph Heidrich", an artist who worked for leading Chicago ateliers, and later, between 1915 and 1922 hand-painted porcelain in his own workshop.

Sometimes Denisov-Uralsky's composition received thematic additions. Thus, in one of the unsigned versions there is a depiction of a wooden cabin and a man, who walks with a bundle, on the background of Denisov's fire [Pyne, 2008, p. 53]. Another unknown artist's imagination combined the Urals "Fire" with the depiction of African snow peaks and a roaring lion in the foreground.

Relatively well-known American painters have turned to “The Forest Fire”. In 1925 Théodore Gégoux (1850–1931), a French Canadian, created a copy, which was extremely close to the original. Gégoux was a fine portraitist, who spent a few months in Paris in 1881, where he learned the latest artistic trends. In the late 1900s the painter left New York, where he had worked for over thirty years and moved to Oregon. There he painted portraits, views of neighborhoods and still-lives. Commissioned by a neighbor to make an image for a wall calendar, Gégoux created a small painting (56 by 71 cm) [Fire scene], reproducing Denisov-Uralsky’s canvas in a darker colour scheme, which can be attributed to the source image’s printing defects.

In the 1930s, Detroit native, John Aubrey Speer (1895–1955), who worked in Colorado, painted a series of independent compositions. We know at least three of his small paintings (all in private collections, USA), oil on cardboard, with similar compositional techniques: on the left, there is a burning forest (emulating Denisov-Uralsky in more or less detail), and on the right, a snowy mountain looms and a mighty tree towers, untouched by fire.

One of the most famous American naïve artists, Anna Mary Robertson “Grandma” Moses (1860–1961), emulates “The Forest Fire”. In 1940 she created her own version named “A Fire in the Woods”, preserving, however, all the basic details of the original work. A picture by M. M. Robinson, dated the following year, 1941 is essentially a stylized interpretation of the 1898 painting [Forest Fire].

Towards the middle of the century, the interest of American artists towards Denisov-Uralsky’s painting remained active. An example includes a small work signed, “A. Salsich”, which alludes to the central part of “The Forest Fire”. Approximately in the same period, Louise Van Buren Bullcock (1903–2000) created her own version. Her undated canvas is named “Herb’s Forest Fire”.

In the process of collecting data on interpretations of “The Forest Fire” by A. K. Denisov-Uralsky, apart from the works described above, more than a dozen paintings by various unknown artists have been discovered, representing one or another version of the Urals painting, differing in quality, formats, and precision.

Perhaps no other works of a Russian artist evoked such number of emulations, interpretations, and variations by foreign masters. More surprising is the fate of Denisov-Uralsky, who passionately devoted his art to his native land, its preservation and popularization. The gifted artist has been almost completely forgotten in his homeland, and only recently his name and work have returned to a wider audience.

Список литературы

Будрина Л. А. «...Более, чем художник...»: К 150-летию со дня рождения Алексея Козьмича Денисова-Уральского : Научный каталог выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. 19 февраля – 18 мая 2014. Екатеринбург, 2014. 84 с.

Выставка картин в Императорской Академии художеств // Новое время. 1899. № 8276 (15 марта). С. 1.

Денисов-Уральский А. К. Руководство к обзору картин Урала и его богатств. 3-е доп. изд. СПб. : Тип. Э. Э. Новицкого, 1902. 160 с.

Денисов-Уральский А. К. Урал и его богатства : Руководство к обзору II выставки, устроенной А. К. Денисовым-Уральским, автором выставленных картин и скульптуры и собственником всех экспонатов. 6-е изд., доп. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 120 с.

Мазохина Н. А. Открытые письма А. К. Денисова-Уральского // Творчество А. К. Денисова-Уральского и художественная культура Урала: европейский контекст и региональная самобытность : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 18–19 февраля 2014 г. Екатеринбург : Екатеринбургский музей изобразительных искусств, 2014. С. 36–40

Павловский Б. В. А. К. Денисов-Уральский. Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1953. 88 с.

Семенова С. В. Очарован Уралом. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1978. 144 с.

Тюрина И. П. Место «Лесного пожара» из коллекции Томского областного художественного музея в творчестве А. К. Денисова-Уральского // История и культура Томской области. Томск, 1998. С. 28–33.

Fabulous 1900's H&C Selb Bavaria hand painted «Forest Fire in the Wilds» Cache Pot, by Pickard artist A. Heidrich [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rubylane.com/item/222681-LAx20001090/1900s-H-C-Selb-Bavaria> (дата обращения: 07.06.2014).

Fire scene [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gegoux.com/fire.htm> (дата обращения: 28.12.2014).

Forest Fire painting after Uralsky [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveauctioneers.com/item/4357236> (дата обращения: 19.06.2014).

Official catalogue of Exhibitors. Universal Exposition. St. Louis, U. S. A. 1904. Department B Art. St. Louis : The official Catalogue Compagny, 1904. 281 p.

Pyne S. J. Fire: nature and culture. London : Reaktion Books Ltd, 2012. 207 p.

Pyne S. J. Untamed Art // Forest history today. Fall 2008. P. 48–57.

Williams R. C. Russian Art and American Money. 1900–1940. Harvard University Press, 1980. 315 p.

References

Budrina, L. A. (2014). «...Bolee, chem hudozhnik...»: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseya Koz'micha Denisova-Ural'skogo. [“More than an Artist”: For the 150th Birthday Anniversary of Alexei Koz'mich Denisov-Uralsky: An Academic Catalogue of the Exhibition in the Yekaterinburg Museum of Fine Arts. February, 19 – May, 18, 2014]. 84 p. Yekaterinburg.

Denisov-Ural'skij, A. K. (1902). *Rukovodstvo k obzoru kartin Urala i ego bogatstv* [A Guide for the Review the Painting Legacy of the Urals and Its Riches]. 160 p. Saint Petersburg, tipografiya E. E. Noviczskogo.

Denisov-Ural'skij, A. K. (1911). *Ural i ego bogatstva. Rukovodstvo k obzoru II vy'stavki, ustroennoj A. K. Denisovy'm-Ural'skim, avtorom vy'stavlenny'h kartin i skul'ptury' i sobstvennikom vseh e'ksponatov* [The Urals and Its Riches: A Guide for the Review of the 2nd Exhibition Organized by A. K. Denisov-Uralsky, Author of the Exhibited Paintings and Sculpture and Owner of All the Items on Display]. 120 p. Saint Petersburg, Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'borg.

Fabulous 1900's H&C Selb Bavaria Hand Painted “Forest Fire in the Wilds” Cache Pot, by Pickard Artist A. Heidrich, available at: <http://www.rubylane.com/item/222681-LAx20001090/1900s-H-C-Selb-Bavaria> (accessed 07.06.2014).

Fire Scene, available at: <http://www.gegoux.com/fire.htm> (accessed 28.12.2014).

Mazohina, N. A. (2014). Otkry'ty'e pis'ma A. K. Denisova-Ural'skogo [Postcards of A. K. Denisov-Uralsky] In *Tvorchestvo A. K. Denisova-Ural'skogo i hudozhestvennaya kul'tura Urala: evropejskij kontekst i regional'naya samobytnost'* (pp. 36–40). Yekaterinburg, Ekaterinburgskij muzej izobrazitel'ny'h iskusstv.

Official catalogue of Exhibitors. Universal Exposition. St. Louis, U.S.A. 1904. Department of Art. (1904). 281 p. St. Louis, The official Catalogue Company.

Pavlovskij, B. V. (1953). *A. K. Denisov-Ural'ski* [A. K. Denisov-Uralsky]. 88 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Pyne, Stephen J. (2008). 'Untamed Art'. In *Forest history today* (pp. 48–57).

Pyne, Stephen J. (2012). *Fire: nature and culture*. 207 p. London, Reaktion Books Ltd.

Semenova, S. V. (1953). *Ocharovan Uralom* [Charmed by the Urals]. 88 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Tyurina, I. P. (1998). Mesto «Lesnogo pozhara» iz kolekcii Tomskogo oblastnogo hudozhestvennogo muzeya v tvorchestve A. K. Denisova-Ural'skogo [The Place of *Forest Fire* from the Collection of the Tomsk Regional Fine Arts Museum in the Creative Work of A. K. Denisov-Uralsky] In *Istoriya i kul'tura Tomskoj oblasti* (pp. 28–33). Tomsk.

Vy'stavka kartin v Imperatorskoy Akademii hudozhestv [An Exhibition of Paintings in the Imperial Arts Academy] (1899). *Novoye vremya*, no. 8276, 15 March, p. 1.

Williams, Robert C. (1980). *Russian Art and American Money. 1900–1940*. 315 p. Harvard University Press.

Translated by Anna Dergacheva

The article was submitted on 23.04.2015

Людмила Алексеевна Будрина,
кандидат искусствоведения,
заведующая отделом
декоративно-прикладного
искусства, Екатеринбургский
музей изобразительных
искусств,
Екатеринбург, Россия
Ludmila.budrina@gmail.com

Ludmila Budrina, Dr.,
Head of Decorative Arts
Department
of Yekaterinburg Museum
of Fine Arts,
Yekaterinburg, Russia
Ludmila.budrina@gmail.com

DOI 10.15826/qr.2015.2.095

УДК 821.161.1 Мамин-Сибиряк-3+82.091

Лариса Соболева

**ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ В РОМАНЕ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ХЛЕБ»**

Larisa Soboleva

**ELEMENTS OF NATURE
IN D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S
NOVEL *BREAD***

The article considers imagery connected to the elements of nature in the novel *Bread* (1895) from the *Urals* cycle by the known Russian writer Dmitry Mamin-Sibiryak; it explores the importance of the images of water, earth, and fire for the realization of the novel's main idea.

The novel is based on the events preceding and following the great hunger of the 1891–1892 that had affected even the most fertile lands of Russia and touched upon the Trans-Urals. We argue that the writer sees the causes for this catastrophe not as much in the forces of nature, as in the general indifference of the people, their vane ambitions, absence of mercy, irresponsibility of the officials, and merchants' own adventurism. The novel's main heroes give in without exception to the temptation of easy life and fast enrichment. Loss of immunity to evil and reluctance to consider the consequences of one's own actions leads to amorality in traditionally agricultural regions. Fertile land, once utopianly beautiful, turns into cold desert towards the end of the novel. The force of life transforms into deadly threat. *Klyuchevaya* river that was lavishly giving away its waters, serving as the main artery for the vast region, turns into a grave for the main hero, Galaction Kolobov. The fire rages in the city, destroying it like a divine power that is punishing sinners. The elements, being an integral part of nature, therefore attain utterly symbolic meaning in the novel, revealing awful consequences of the human moral fail to the reader. The author uses those interpretations of the imagery that stem from the Biblical and popular Christian understanding.

Introducing elements of nature endows the novel with a universal dimension; thus small town events become tropes of the all-human tragedy resulting from the loss of *true* life values. Mamin-Sibiryak painfully anticipates the

forthcoming catastrophes of the 20th century; analyzing in his novel the deadly results of the recent events, he warns the reader of a possibility for yet deeper crisis, leaving them at the crossroads of the diverse possible ways for their Motherland.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiryak, Russian literature, elements of nature, hunger in Russia, development of Trans-Urals capitalism, characters of Russian manufacturers.

Рассматривается обращение известного русского писателя XIX в. Мамин-Сибиряка к образам стихий в романе «уральского» цикла «Хлеб». Показываются, насколько существенны были образы воды, земли, огня для воплощения идейной основы произведения. Роман, созданный на основе драматических событий случившегося голода 1891–1892 гг., который поразили даже самые плодородные губернии России, затронув Зауралье. Причины катастрофы писатель видит, по мнению автора, не только в природных катаклизмах, сколько в равнодушии людей, необоснованных амбициях, отсутствии милосердия, безответственности власти и предпринимательском авантюризме. Все главные герои романа подвергаются искушению легкой жизни и быстрого обогащения. Потеря иммунитета к злодейству, нежелание думать о последствиях поступков формируют аморальный климат в местах, связанных с традиционной земледельческой культурой. Благодатная земля, утопически прекрасная в начале романа, превращается в холодную пустыню в конце повествования. Живительная сила преобразуется в смертельную угрозу. Река Ключевая, щедро дарившая свои воды и бывшая главной артерией края, становится могилой для главного героя Галактиона Колобова. Огонь обрушивается на город, уничтожая его, подобно небесной силе, наказующей грешников. Стихии, будучи неотъемлемой частью природных условий, в романе обретают символическую природу, открывая читателю ужасающие последствия человеческого нравственного падения. Писатель использует трактовки этих образов, восходящие к библейскому и народно-христианскому пониманию.

Обращение к изображению стихий дает роману необходимый вселенский масштаб, события провинциального города становятся воплощением общечеловеческой трагедии в результате утраты подлинных жизненных ценностей. Мамин-Сибиряк предчувствует грядущие катастрофы XX в. и в своем романе не только анализирует случившиеся губительные последствия, но и предупреждает читателя о возможном углублении кризиса, оставляет его на перепутье, заставляя думать о выборе пути и способах спасения отечества. Философская, мировоззренческая подоплека романа усиливается организующей ролью стихий в сюжете и композиции текста.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, русская литература, образы стихий, голод в России, становление капитализма в Зауралье, образы российских предпринимателей.

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» завершает череду так называемых «уральских» романов писателя. Он был написан в сложное время конца XIX в.¹ (1895), время кризиса в социальных отношениях, время утверждения капиталистического типа хозяйствования. В равной степени это было присуще районам, связанным с производством и продажей хлеба [Китанина]. Для России эти процессы оборачивались бесконечным разнообразием конфликтных, зачастую трагически непримиримых ситуаций, которые в обостренном творческом сознании писателя требовали художественного воплощения.

Драматическим событием, подтолкнувшим писателя к необходимости (именно так!) создания художественного полотна о процессе экономического переворота и изменений в мире человеческих чувств и взаимоотношений послужил голод 1891 г.² Это событие потрясло писателя парадоксальной возможностью смерти от недоедания в хлебной империи, особенно в Зауралье, которое в совокупности с Поволжьем относилось к главным хлебопроизводителям, и не только для России. Взволнованные очерки о катастрофическом состоянии народа писали высочайшие авторитеты, формирующие общественное мнение (Л. Н. Толстой), друзья и коллеги Д. Н. Мамина-Сибиряка по писательскому цеху. Во второй половине XIX – начале XX в. появились многочисленные работы по истории голода, аналитические статьи по сельскому хозяйству и возможных мерах его улучшения (см., например, работы периода создания романа: [Романович-Славятинский; Цитович; Леонтович]). После нескольких десятилетий общественного ожидания положительных изменений в пореформенной России случившийся голод был шоковым событием, обнажившем внутренний конфликт в российской жизни [Носова].

После страшных документальных сведений и катастрофических картин голодных смертей литература не могла оставаться прежней, и это ярко воплотилось в творчестве многих писателей. Но если в большинстве своем эта тема была задействована в жанре очерка или рассказа (В. Короленко, Л. Андреев, Г. Успенский, А. Чехов и др.)³, то в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка кульминация народной трагедии воплощается в жанре романа. Роман этот неоднократно был предметом рассмотрения историков литературы, главное внимание при анализе уделялось проблемам социологического плана, связанным с изображением конфликта традиционной формы хозяйствования и нарождающегося банковского капитала [Миночкина]. Но уже И. А. Дергачев отмечал в комментариях к роману при его издании, что

¹ Первая публикация см.: Русская мысль. 1895. № 1–8.

² В результате голода 1891–1892 гг. в России умерло, по разным данным, от 400 до 600 тыс. человек [Книга, с. 21].

³ См., напр.: [Толстой Л. Н., т. 25, с. 411; т. 29, с. 86–116, 117–144; 215–232; Чехов, т. 9, с. 281–312; Андреев; Короленко, т. 5; Златовратский]. Подробную библиографию см.: [Емельянов].

роман – не социологический трактат. Здесь художественное исследование социального организма все же подчинено задаче разобраться в судьбах и характерах людей, в их радостях, бедах, взлетах духа и огорчениях, их подъемах и падениях. Автор ставит вопрос о границах свободы и условиях необходимости, с которыми должна считаться личность. Он хочет понять, в какой мере стихия общественного развития и деятельность согласуются, в каких антагонистических отношениях находятся, возможна ли гармония? [Дергачев, с. 427].

Все, о чем писал Мамин-Сибиряк, всегда имело подоплеку трудных раздумий о судьбе России, размышлений о возможных путях развития и драматических поворотах в истории отечества. В желании автора создать эпическое полотно сквозила цель потрясти разум и чувства читателей, вызвать деятельную реакцию общества, направленную на принятие мер к спасению народа, обнищание которого он наблюдал в своих путешествиях по России и воспринимал это как путь к гибели отечества.

Мамин-Сибиряк – мастер создания детализированного, исторически точного описания быта, привязки его к социокультурным контекстам человеческого существования. Столь же точен и разнообразен автор в описании перекрещивающихся желаний и интенций персонажей романа. Развитие судеб в романе напоминает броуновское движение, на первый взгляд неупорядоченное и противоречивое, но имеющее выраженный вектор к трагическим развязкам. В творчестве Мамина-Сибиряка позитивистские идеи его времени, объясняющие развитие общества законами научно-естественного генезиса, сочетаются с пониманием стихийности жизни, непредсказуемости и неуправляемости природных сил. Это парадоксальное сочетание придает роману общечеловеческую масштабность, писатель обращается к самобытному поэтическому приему, привлекая в качестве жизненной скрепы соотношение природных стихий и человеческих устремлений. Стихия социального бытия человека ярко высвечивается в романе на фоне природных стихий и их символической роли в обобщении и типологизации поворотов истории в судьбе всего народа.

Хлеб – всему голова

Скрепляющим образом становится концепт хлеба, вынесенный в заголовок романа. О сути этого образа для концептосферы российской картины мира писалось неоднократно [Митрофанова, 2002]. Действительно, в русской народной культуре хлеб – своего рода символ жизни и ее продолжения. В образе хлеба при этом как бы сливаются три стихии, к которым Мамин обратится в романе: водная,

земная и огненная. Заполье – своего рода столица хлеба. Мамин семантизирует пространство города: описывая город, он подчеркивает, что «все богатое, именитое в Заполье сбилось именно на Хлебной улице и частью на Хлебном рынке, которым она заканчивалась, точно переходила в громадный желудок» (с. 30)⁴. На выращивании и торговле хлеба наживают состояние жители Заполья. Обобщенный образ «новых знакомых» Михея Колобова словно также пришел из утопических легенд о мужицком счастье:

И мужики тоже не бедовали. Рожь сеяли только на продажу, а сами ели пшеничку. И хороша была эта ключевская пшеничка, хоть насквозь смолотая. Смолотая на раструске пшеничная мука была хоть и серая, но такая душистая и вкусная. Суслонские бабы отлично пекли свой пшеничный хлеб, а ржаного и в заводе не было. Так уж велось исстари, как было поставлено еще при дедах. От всего веяло тугим хорошим достатком. И народ был все рослый и крепкий – недаром этих «пшеничников» узнавали везде (с. 59).

Успешная реализация бытия человека кроется в его способности использовать и соотносить социальную жизнь с природными условиями и природными ограничениями. Природа и ее стихии могут быть благоприятны или враждебны к человеку, но в романе стихии обладают антропологической природой, негатив – следствие человеческой дисгармонии с миром и с самим собой. Мамин выводит фактически в качестве стихии иную злую силу – силу денег. Неумение ее разумного использования, неспособность противостоять искушению, которое несет в себе эта сила, приводят персонажей романа и утопически прекрасный мир Заполья к катастрофе вымирания от голода.

В основе повествования – переплетение судеб многих героев, их амбиции, тайные и явные желания, взлеты и катастрофические падения, утраты и обретения жизненных смыслов. Писатель начинает свой роман с того, чем традиционно заканчивают сюжет, – со свадьбы главного героя Галактиона Колобова. Излюбленный прием писателя состоит в соединении логики семейно-родовой жизни героев с историческими обстоятельствами времени [Соболева, 2012]. В желании обрести невесту для сына старик Колобов, талантливый крепостной самоучка, старовер и каторжник по родовым корням, проходит пешком по зауральской земле (в топонимике автора – Заполье), мечтавая преобразовать, оживить эти края, поставить на реке Ключевой мельницу, заставить ее работать на себя и свое семейство. И идя по этой земле, Михей Зотыч Колобов, наделенный писателем особой чуткостью и недюжинным умом, не только вычитывает в этой земле ее прошлое, но рисует себе ее будущее.

---

⁴ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на текст романа по наиболее выверенному изданию 1984 г. под редакцией И. А. Дергачева и с его комментариями: [Мамин-Сибиряк].

Земля как доминантный мифобраз Зауралья

Особое отношение русского человека к земле-кормилице Мамин подробно описывает в ряде текстов. Так, герои романа «Три конца», привезенные из хлебопашных районов Тульской губернии, живут одной мечтой – вновь обрести землю как единственную и непреходящую ценность. В круге представлений русского человека земля как дарованное Богом сокровище, земля живая, образ земли соотнесены с Богородицей, с материнским культом. Изначально культ рода и земли был единым целым, и по древнейшим верованиям преступника, пролившего кровь рода наказывала сама земля⁵. Таким образом, земля выступает не только как спасающая, но и как наказывающая сила. В своем исследовании круга концептуальных представлений русской народной культуры Н. И. Толстой отмечал, что «чистая, святая, рождающая и дающая жизнь людям земля была носителем правды и справедливости, ей нельзя было солгать, от нее нельзя было ничего скрыть» [Толстой Н. И., с. 507]. Эти возникшие в далекую языческую эпоху представления не были разрушены последующим православием, а, скорее, как считает исследователь, были укреплены народным «бытовым» христианством.

Колобок, не скрывая своего восхищения, любит расстилающейся перед ним землей. Любование исходит от путешествующего Колобка, само прозвище которого связано и с образом хлеба и с образом земли, по которой он «катится»:

Иногда на Михея Зотыча находило какое-то детское умиление, и он готов был целовать благодатную землю, точно еврей после переселения в обетованную землю. Уж очень хорошо было кругом. Народ жил полною чашей, – любо посмотреть. Этакого-то удобного места по всей Расее не сыщешь с огнем. Народ еще не «испотачился» и жил по-божески. Все свое, домашнее, – вот и достаток, потому что как все от матушки-земли жили и не гнались на городскую руку моды заводить (с. 71).

Мамин соединяет два идеализированных архетипических образа. С одной стороны, у него обетованная земля, отданная избранному народу Израиля, вышедшего из египетского плена, с другой – это земля из утопической народной легенды, земля, которая сама родит, земля, которая не нуждается в каждодневном каторжном труде:

Весь бассейн Ключевой представлял собой настоящее золотое дно, потому что здесь осело крепкое хлебопашественное население, и благодатный зауральский чернозем давал баснословные урожаи, не нуждаясь в удобрении (с. 29).

---

⁵ Именно такая трактовка роли земли проявилась в культе Бориса и Глеба: по тексту Сказания и других памятников земля не принимает в свое лоно тело Святополка.

Утопическая жизнь на этой земле рисуется словами одного из персонажей (Вахрушки) в начале первой главы:

Не житье им здесь, а масленица... Мужики богатые, а земля – шуба шубой. Этого и званья нет, штобы навоз вывозить на пашню: земля-матушка сама родит. Вот какие места здесь... Крестьяны государственные, наделы у них большие, – одним словом, пшеничники. Рожь сеют только на продажу... (с. 9).

Писатель афористически точно подбирает определения утопического ряда для крестьянского мировосприятия. Пшеница подается как основная еда крестьян, а рожь – только для продажи⁶. Это и есть крестьянское царство, где молочные реки с кисельными берегами.

Казалось, что этому «божьему царству» не будет конца⁷, но вот настают страшные времена, через необдуманные, продиктованные жадностью и корыстолюбием дела людей приходит в Заполье настоящая катастрофа. Хлебная монополия разоряет край, перевод хлеба на водку и недород из-за засухи приводят к тому, что земля отказывается от человека. Писатель видит причины не только в природных климатических изменениях, но прежде всего в нежелании думать, работать и жить в трудовом союзе с землей. Согласно круговой композиции Колобок в эпилоге вновь оказывается в тех же местах, которые он проезжал в начале своего судьбоносного пути. Картина, которая расстилается перед глазами, удручает и не сулит в будущем ничего светлого, потому что, кроме природной, перед читателем нравственная катастрофа. И эта катастрофа оказалась непреодолима, это тот «душевный голод», который позволит населению огромного и богатого края бездумно расточить земные блага. *Никто не смог устоять* перед легкими, на первый взгляд, деньгами водочных производителей. Слово эпидемия охватила население, спустившее банковские кредиты на приобретение предметов нового быта.

Причина казачьей голодовки была налицо: беспросыпная казачья лень, кабаки и какая-то детская беззаботность о завтрашнем дне. Если крестьянин голодает от своих четырех десятин надела, так его и бог простит, а голодать да морить мором скотину от тридцати – прямо грешно. Конечно, жаль малых ребят да скотину, а ничем не поможешь, – под лежачий камень и вода не течет (с. 377).

В изображении Мамина сама земля становится страдальцей. Она, словно монахиня, «затворяется», то есть отказывается кормить согре-

---

⁶ Хлеб всегда связывался с благополучием, что получило образное воплощение в подблюдных песнях, предсказывающих хороший год [см.: Чичеров, с. 104]. Выражение «Мужики богатые, гребут золото лопатой» входит в гадательный и паремиологический фонд русского фольклора.

⁷ Глубокую и детальную работу о крестьянской утопии см.: [Клибанов].

шивший народ. Возникает поистине апокалиптическая картина разлада народа со своей землей.

Хорошего и тут мало было. Народ совсем выбился из всякой силы. Около десяти лет уже выпадали недороды, но покрывались то степным хлебом, то сибирским. Своих запасов уже давно не было, и хозяйственное равновесие нарушилось в корне. И тут пшеничники плохо пахали, не хотели удобрять землю и везли на рынок последнее. Всякий рассчитывал перекрыться урожаем, а земля точно затворилась (с. 377).

В своих размышлениях о природе голода, значении нравственной силы народа и ответственности власти Мамин переключается с высказываниями Льва Толстого по этому поводу.

Значение реки Ключевой в развитии конфликта

Вторая животворящая и в то же время опасная для человека стихия – вода привлекала внимание писателя во многих текстах. Ее жизненная основа для человека и историческая роль в освоении уралосибирского региона вполне осознавалась писателем, и конкретное описание характера уральских рек соединялось с трактовкой их символической сути. Особенно ярко это проявилось в очерке «Бойцы (Очерки весеннего сплава по реке Чусовой)», где плавание по реке (сплав) предстает как девятидневное испытание грешной души человека, ведущее к очищению и прощению. Столь же важной и символически насыщенной является роль реки в данном романе писателя. Переименование реки Исеть в Ключевую раскрывает замысел писателя. Топоним Ключевая имеет, как уже было высказано исследователями, несколько взаимосвязанных смыслов [Девятайкина]. Во-первых, реализуется значение ключа как источника, который пробивает земную твердь, принося с собой жизнь, оживляя все вокруг. Здесь подчеркивается его живая природа, противостоящая застою⁸. Восхищение рекой, понимание ее витальной сути выражено в словах Колобка: «А больно хороша река, вот и глядел... ах, хороша!.. Другой такой, пожалуй, и не найти... Сердце радуется» (с. 6).

Богатство края определяется соединением плодородной земли и «главной кормилицы» реки, как называет ее писатель словами своих героев⁹. Мамин воспринимает реку в антропологической парадигме: это главная «артерия» благословенного Зауралья, она «сжата круты-

⁸ Подобный топоним хорошо известен в русской литературе, будучи представлен в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.) как воплощение живительного начала, принесенного христианством.

⁹ В народных крестьянских легендах утопическое царство («Беловодье»), как явствует из изысканий К. В. Чистова, возможно при нескольких необходимых составляющих: чистые полноводные реки, плодородная земля и отсутствие несправедливой власти, выраженной в системе государственного принуждения [Чистов].

ми берегами», в речах Колобка слышатся отголоски древнейшей мифологии воды как женского начала [Аверинцев]: «И невесту уж высмотрел. Хорошая невеста, а женихов не было. Ну, вот я и пришел... На вашей Ключевой женюсь» (с. 35)

В названии «Ключевая» заключен социоэкономический и антропологический смысл. Река является ключом к открытию богатств края, и ее красота, свобода и мощь стимулируют творческие искания человека, дают веру в свои силы, подталкивают его новым поворотам в деятельности. В XIX в. при отсутствии железнодорожного сообщения реки являлись для России главными связующими звеньями общегосударственного хозяйства. И если старший Колобков, задумываясь оживить край, мечтает заставить реку крутить мельничное колесо, то его сын Галактион масштабно представляет себе, как он организует паромные перевозки по реке.

Стихийная сила воды выявлена Маминым в романе не так масштабно, как при описании поведения реки Чусовой [см.: Кунгурцева], но и Ключевая имела свой характер: при ее разливе «ключевские мельники со страхом ждали полой воды, которая рвала и разносила по веснам их плотины» (с. 292).

Река у Мамина – живое существо, она становится частью жизни Галактиона, который своими грандиозными планами готов перевернуть застоявшийся тихий мир Заполя. Писатель привлекает внимание к говорящей детали. Городок Заполье, располагаясь в бассейне реки, отделен от нее большим болотом. Горожане никак не могут справиться с силами и организовать строительство дороги к реке, что в будущем станет причиной огромного пожара, уничтожившего большую часть города. У Мамина деталь природного ландшафта становится символом жизни города, прозябающего в застойном, засасывающем состоянии.

Масштаб замысла Галактиона писатель сравнивает с половодьем. Мамин предсказывает, что человек может не сладить с собственными амбициями, становясь игрушкой в тисках разбухших им сил, что интуитивно ощущает Галактион. Ему

вдруг сделалось жаль этого маленького городка, жившего до сих пор тихо и мирно. Что с ним будет через несколько лет? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своем пути все, как прорвавшая плотину вода. И он явился покорным слугой этой силы с первого раза (с. 199).

Галактион Михеич Колобов – один из наиболее противоречивых героев в изображении Мамина. В нем присутствует наследие предков-староверов, вынужденных выживать в противостоянии государственной религиозной политики. В то же время он потомок рода, в котором творческое начало мастера своего дела сочетается со смелостью и даже дерзостью. Дед, основатель рода, – каторжник

из Сибири, так и не открывший свою биографию потомкам, отец Галактиона Михей смекалкой заработал состояние и выкупил себя и семью из заводской крепостной зависимости. Автор дает имя герою романа, явно намекая читателю на семантику «молочный» (греч.), то есть на главную пищу славян наравне с хлебом. По магическим верованиям славян молоко входит в систему оберегающих ритуалов, и молоко связано с дождем, в сказках молочные реки текут в царстве мертвых; в поверьях восточных славян Млечный Путь – это дорога на «тот свет» [Толстая]. Но в имени реализована семантика галактики (Вселенной), приводящая к смыслу всеохватности интересов героя, мощи его замыслов относительно мира Заполя.

Третий смысл вскрывается в соотношении с семантикой жития раннехристианского мученика Галактиона, которого после долгих мучений утопили в море (праздник 22 июня по старому стилю)¹⁰.

В образе Галактиона новый человек – не только предприниматель, промышленник и банковский делец, в нем воплощается персонаж масштаба культурного героя, готового принести новый тип жизни, разбудить провинцию, изменить жизненный темп и жизненные цели населения. Подобно рода персонаж многократно возникает в творчестве Мамина, но в этом романе его судьба обретает трагическое звучание.

Выводя новый тип героя, автор идет по пути создания своего рода антижития. Изначально перед читателем идеальный персонаж. Все, начиная с внешности героя и заканчивая его энергичным характером и добрым нравом, склоняет к вере в его возможности успешно реализовать далекоидущие планы.

Это был высокий статный молодец с типичным русским лицом, только что опущенным небольшою бородкой. Ласковые темные глаза постоянно улыбались. <...> За что ни возьмется, всякая работа горит в руках. Он и механик, и мельник, и бухгалтер, и все, что хочешь. Никакое дело от рук не отобьется (с. 38).

Кроме того, на его стороне сама судьба: «Галактиону везде везло, – такой уж удачливый зародился» (с. 63), и его тянуло на широкий простор. Галактион удачливо внедряется в новый мир, вызывая одобрение и даже восхищение немца Штоффа, который предвидит в его лице появление нового типа русского деятеля, становящегося героем своего времени:

Нынешний, настоящий герой не имеет даже имени, история не занесет его в свои скрижали, благодарное потомство не будет чтить его памяти...

---

¹⁰ В планах писателя жизнь самоубийством в волнах реки должна была закончить Харитина, впоследствии автор изменил развязку, сделав жертвой Галактиона. В житии Хариты (Харитины) имеется эпизод, когда мучители бросают ее в море, по которому она идет как по суку, уподобляясь Христу (день празднования 5 (18) октября) [Дмитрий Ростовский, с. 261–269]. Но, видимо, женская жертва после раскрытия этого мотива у А. Н. Островского показалась писателю банальной.

Сам по себе он даже не интересен и даже лучше его совсем не знать, ибо он весь растворяется в своем деле, он фермент, бродильное начало, та закваска, о которой говорится в писании... да. Одним словом, я говорю о Галактионе (с. 363–364).

По его мнению, Галактион способен открыть новые пути, использовать народные богатства, стать своего рода гением дела. Это герой, в котором странно переплелись память о традициях предков, чувство момента и деловая хватка, тоска по нереализованной мечте об утопически-прекрасном будущем. При этом пафос речи и идеальная характеристика снимаются тем, что ее произносит не самый авторитетный человек в окружении веселящейся на пароходе компании, до которой он не успевает донести свой послыл: его импровизированный тост прерывается видом городского пожара на берегу. Аллюзии к герою своего времени очевидны, но это герой несостоявшийся – как не состоявшимся остался панегирик Галактиону в речи немца.

Перелом в судьбе и поведении героя происходит после его погружения в пучину новой, незнакомой ему жизни капитала и новых отношений, основанных на обмане, жесткости, немилосердном использовании людей. Даже если это люди со своими заблуждениями, ошибками и преступлениями. Именно здесь автор выходит на подлинно национальную традицию, которая не может допустить благополучное существование героя нового времени вне мучительных переживаний совести. Высокая и прогрессивная идея развития края оборачивается его гибелью, если в ее основу ставятся жестокость и обман. В судьбе героя пересекаются трагедии личной жизни (смерть жены, оксюморонно названной автором Серафима, от пьянства, разорение отца, моральное опустошение возлюбленной Харитины) и гибель такого привлекательного и благополучного в прошлом, потенциально перспективного в настоящем края. Судьба земли и населяющих ее людей рисуется писателем в эсхатологических красках. Михей Колобов вместе со старцем из скита в эпилоге едет по совершенно разрушенной пустой земле, диаметрально противоположной той благодати, которая расстилалась перед ним в начале романа. Таким образом, автор соединяет в романе спасение отечества и спасение души человека в одну неразрывную цепь, слабыми звеньями которой являются не столько природные стихии, сколько грехи, порожденные себялюбием человека. Русская литература в такой трактовке раскрывает этот извечный конфликт начиная со «Слова о полку Игореве» и летописных повестей о княжеских преступлениях, проводя через высокий пафос толстовской эпопеи и гоголевского горького смеха к роману Мамина-Сибиряка. Омертвление души оборачивается телесной смертью. «Духовный голод» преобразуется в телесный голод. Проведя героя через испытания высокими помыслами и сломавшими его искушениями, автор завершает роман трагической развязкой: Галактион кончает жизнь самоубийством, бросившись в воды той самой

реки, которая должна была служить возрождению Заполя. Реанимируется не только мотив жертвы, присутствующий в житии мученика Галактиона, но и более архаические представления народной дохристианской культуры о реке, уводящей в мир предков, о реке забвения, о реке, связанной «с идеями судьбы, смерти, страха перед неведомым, с физиологическими ощущениями холода и темноты, эмоциональными переживаниями утраты, разлуки ожидания» [Топорков, с. 333]. Смерть Галактиона – своего рода искупление вины перед родом, семьей и верой, светлыми мечтами и общечеловеческими ценностями доброты и милосердия¹¹. Именно в их отсутствии обвиняет его накануне Устенка. Галактион казался ей каким-то проклятым человеком, который тем не менее был симпатичен ей своей энергией и необъяснимым обаянием. Устенка – самый привлекательный женский образ, героиня, в которой для Мамина сосредоточено все самое человеческое и гуманное, все, с чем автор связывает дальнейшее течение жизни.

Пожар в Заполье как наказание за «духовный голод»

Огонь в качестве природной стихии имеет то отличие, что его появление в городах и поселках в большей степени зависит от деятельности человека, и беда, принесенная пожаром, наиболее часто встречающееся бедствие. В архаических верованиях огонь воспринимался в двух ипостасях: огонь домашний, прирученный, огонь очага, метафорически преображенный в огонь творчества и огонь чувств. Противоположная семантика – огонь уничтожающий, сила, наказующая человека, одновременно обладающая очистительной семантикой. Это огонь пожара, огненная река, которая отделяет мир живых от мира мертвых и которую необходимо перейти после смерти, огонь Страшного суда [Топорков, с. 285]. В современных исследованиях символики огня в христианстве отмечается, что для верующего библейский огонь везде един. Будучи порожден Господом, он безвреден для праведника и смертельно опасен для грешника, огонь Господень «выжигает грех». В Библии огонь упоминается многократно, и среди самых распространенных его значений – огонь как самоуничтожение греха и как проявление Божьего гнева. Жертвенный огонь исполняет ту же функцию, так как уничтожает перенесенный на жертву грех [подробно см.: Охоцимский]. Тема огня в варианте пожара не раз упоминается в творчестве Мамина и многогранно реализуется в романе «Хлеб».

Мамин-Сибиряк готовит читателя к возможной огненной катастрофе, истоки которой в равнодушии людей. Вот Колобок делает замечание своему будущему свату Малыгину о хранении хлебных запасов вместе с льняным семенем: «Вот это ты напрасно, Харитон

---

¹¹ Мировоззренческая подоплека жертвоприношений в древних культурах кроется в уподоблении различных частей тела части вселенной. Это соответствует представлению о творении человека из четырех стихий [см.: Мильков, с. 229].

Артемьич. Все такой припас, што хуже пороху. Грешным делом, огонек пыхнет, так костер костром, – к слову говорю, а не беду накликаю» (с. 22). Предрекает будущий пожар Михей Зотыч и всему городу Заполю: «Грешным делом, огонек пыхнет, вы за водой, да в болоте и завязнете. Верно говорю... Не беду накликаю, а к примеру. Все соглашались с ним, но никто не хотел ничего делать. Слава богу, отцы и деды жили, чего же им иначе? Конечно, подъезд к реке надо бы вымостить, это уж верно, – ну, да как-нибудь...» (с. 38). Но и сам Колобов причастен к общему греху жадности и корысти. Он подает пример, сжигая свои мельницы, чтобы получить страховку. «Это точно послужило сигналом. Мельничные пожары начали из года в год повторяться с математической точностью, так что знатоки дела вперед предсказывали, чьи теперь мельницы должны были гореть. И обреченные мельницы в указанный срок загорались» (с. 330).

И была в этих предсказанных пожарах греховная обреченность города, стоящего у пропасти нравственного падения. Мельницы, которые должны были работать для хлеба, спасая людей от голода, делаются средством наживы. Городской пожар становится неизбежным. Его масштабы все увеличивались, охватывая весь город. «Пожар начался в городском предместье Теребиловке, где засела мещанская голь перекатная. Загорелась какая-то несчастная баня. С бани огонь перекинулся на соседнюю стройку, а потом уже охватил разом целый порядок». Мамин пишет с горькой иронией бывалого репортера:

Пожарная команда оказалась в неисправности, как и следует быть пожарной команде, – прогресс еще не дошел до нее. Бочки рассохлись, рукава полопались, помпы не желали выкидывать воды, – одним словом, все как и должно быть. Стоявшая засуха делала из деревянных мещанских построек какую-то подтопку, и огонь захватывал одну улицу за другой. Самое главное неудобство заключалось в том, что нельзя было проехать за водой к Ключевой. Река была на виду, а добраться до нее нельзя. Сделавшие отчаянную попытку бочки пожарного обоза застряли в трясине, да еще на беду сломался ветхий мостик через болото. Получалась картина полной беспомощности (с. 365).

В перечислительную интонацию вклиниваются чувства апокалиптического отчаяния, пожар уподобляется разлившейся огненной реке, в его разрастании участвует четвертая стихия – вихрь. Религиозный подтекст наказания грешников автор раскрывает, упоминая, что на город ополчилось само небо, а жители стояли с иконами (образами). Старики воспринимают пожар как наказание, которого можно избежать только молитвой и взыванием к божественным силам.

Когда из Теребиловки перекинуло на главную Московскую улицу, всех охватила настоящая паника. Спасенья не было. Не прошло часа, как город уже был охвачен пламенем. Теперь сразу горело в нескольких местах.

<...> А пожар все разливался. Носились тучи искр, огонь перебрасывало через несколько кварталов, а тут еще поднялся настоящий вихрь, точно ополчилось на беззащитный город само небо¹². Горел хлебный рынок, горел Гостиный дом, новые магазины, земская управа, женская гимназия, здание Запольского банка. Картина получалась страшная. Большинство домов были деревянные, и притом по амбарам везде хранилась пенька, лен, льняное семя и т. д.¹³ <...> У ворот стояли старики и старухи с образами в руках (с. 365).

Перед читателем разворачивается картина наказания «огнем неугасимым» грешного города. Подобного рода образы часто использовались староверами, даруя им надежду на спасение очищающим и карающим огнем погрязшего в греховном «болоте» мира. В лицевых старообрядческих апокалипсисах, распространенных на Урале, миниатюры с изображением исчезающего в пламени города служили своего рода манифестацией протеста праведников, очутившихся в мире антихриста¹⁴. Огонь карающий, огонь апокалиптический не только уничтожил большую часть города, но и разорил все среднее купечество и открыл дорогу банковскому капиталу: «Теперь вся жизнь строилась на кредите: дома строили в кредит, промысла в кредит, торговля в кредит» (с. 392). Иллюзорность жизни и ее эфемерная неустойчивость, исчезающая стабильность бытия выразились в том, какой суматошной, суетливой и безнравственной показывается жизнь новых людей. Ликвидация последствий пожара в материальном мире не сопровождается последующим исправлением человека¹⁵. Человек ничему на учится, напротив, наступает смерть души и физическая смерть от голода: «...по первым заморозкам, Заполье очутилось в каком-то малом осадном положении. В город со всех сторон брели толпы голодающих, – это был авангард страшной голодной армии» (с. 398–399).

По дороге из скита возвращаются к себе домой в Заполье Михей Зотыч с близким другом и духовным наставником. Ситуация зеркально повторяет его путешествие в начале романа, где Колобок любовался неисчерпаемыми богатствами хлебного края. Но в данном случае разворачивается «хождение по мукам» в умирающей от голода зауральской земле. Окружающая обстановка такова, что царство антихриста становится для них не фактом будущего Второго пришествия а фактом времени, и зауральская действительность напоминает

¹² Ср.: «И ниспал огонь с неба и пожрал их» (Откр. 20:9).

¹³ Ср.: «и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12).

¹⁴ См.: воспроизведение миниатюр из уральских старообрядческих рукописей в альбоме [Ануфриева, Починская].

¹⁵ Пожар как наказание за аморальность проникнет и в литературу советского периода. Самым показательным текстом является повесть В. Распутина «Пожар» (1986). Исследователь замечает: «Банальный сюжет пожара на поселковом складе разворачивается в тексте по аналогии с мотивами Апокалипсиса и старообрядческих гарей» [Ковтун, с. 177].

картины адских мук. Для старовера Колобка легче примирить свое сознание с убеждением, что это все дело рук антихриста, который доставал их по дороге и которому верующий человек может противостоять, чем услышать трезвые рассуждения бывшего слуги Вахрушки: «...Ну, плохой антихрист, который будет по дорогам бегать! К настоящему-то сами все придут и сами поклонятся. На, радуйся, все мы твои, как рыба в неводу... Глад-то будет душевный, а не телесный. Понял?» (с. 414).

Представления о современном мире как царстве антихриста и времени наступления конца света были присущи старообрядчеству, ответвления которого были широко представлены на Урале [Гурьянова]. Мамин-Сибиряк основательно интересовался идеями, историей и бытом староверов [Соболева, 2002; Соболева, 2008], образы староверов, их жизненные воззрения привлекали писателя в различных аспектах¹⁶. Но состояние «конца света» в романе, в отличие от старообрядческих эсхатологических ожиданий, не неизбежно, а является результатом человеческой деятельности. Это вытекает из подчинения различных сословных структур одному антихристу, проявления которого явственно ощущает писатель, – это злая сила жадности, жестокости, честолюбия людей. Именно эти качества порождают цинизм при желании обогащения любой ценой, что становится силой неизмеримо более сокрушительной, чем природные стихии. Эта сила сметает на своем пути все прежние традиции и обычаи, верования, нравственные принципы, чистые чувства и честный труд¹⁷. Мамин-Сибиряк подвергает этому испытанию всех героев романа, приводя их к сокрушительному поражению в самой возможности достижения гармонии и человеческого счастья даже при внешнем успехе предпринимательства (Галактион). Показывая этот горький для национального чувства процесс, автор достигает эпического размаха, привлекая образы стихий, обращаясь к библейским параллелям в поэтике, конструируя сюжет на основе соединения разрушения человека и разрушения народного бытия. Однако эта горечь писательского чувства и является главным утешением для читателя. В силе описания трагич-

---

¹⁶ На рубеже веков в крестьянской среде произошло оживление идей конца света, что было связано с процессами ускоренной адаптации патриархального сознания к новым знаниям и представлениям, свойственным «городскому» типу культуры. См.: [Мельникова].

¹⁷ В письме Д. Н. Мамина-Сибиряка знакомому А. П. Пятковскому (25 мая 1891) выявляется суть конфликта: «...Бассейн Исети снабжал своей пшеницей весь Урал и слыл золотым дном. Центр хлебной торговли – уездный город Шадринск процветал, мужики благоденствовали. Все это существовало до того момента, когда открылось громадное винокуренное дело, а затем уральская железная дорога увезла зауральскую пшеницу в Россию. На сцене появились громадные капиталы – мелкое хлебное купечество сразу захудало. Хлебные запасы крестьян были скуплены, а деньги ушли на ситцы, самовары и кабаки. Теперь это недавнее золотое хлебное дно является аренной периодических голодовок, и главными виновниками их являются винокурение и вторжение крупных капиталов. Все эти процессы проходят наглядно, и тема получает глубокий интерес. Я собирал для нее материалы в течение 10 лет и все не мог решиться пустить их в ход...» [Русская старина, с. 422].

ности российской жизни кроется надежда на возможное исцеление, что соответствует христианскому миропониманию автора, основанному на глубоко укоренившейся мысли библейского и народно-христианского генезиса¹⁸ о возможности спасения.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Вода // Мифы народов мира : в 2 т. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 240.
- Андреев Л.* Царь Голод. Представление в пяти картинах с прологом. СПб. : Шиповник, 1908. 126, [18] с.
- Ануфриева Н. В., Починская И. В.* Лицевые апокалипсисы Урала. Православная традиция и элементы европейского культурного влияния. Екатеринбург, 2014. 232 с.
- Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск : Наука, 1988. 187 с.
- Девятайкина Г. Л.* Топонимический аспект романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Региональный и литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 284–289.
- Дергачев И.* Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1984. С. 422 – 431.
- Дмитрий Ростовский.* Жития святых : в 12 т. Б. м. : Сибирская благовонница, 2011. Месяц октябрь. С. 261–269.
- Емельянов А. П.* Голод в отражении русской литературы и публицистики : Указатель книг, журнальных и газетных статей по истории голода в России и вопросам, связанным с ним. Казань, 1922. IV, 52 с.
- Златовратский Н. Н.* Повести, рассказы, очерки. М. : Современник, 1988. 684, [1] с.
- Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л. : Наука, 1978. 288 с.
- Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России XIX в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1978. 342 с.
- Книга М. Д.* История голода 1891–1892 гг. в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 23 с.
- Ковтун Н. В.* Современная традиционалистская проза : Идеология, мифопоэтика : учебное пособие. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. 352 с.
- Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. Пг., 1914.
- Кунгурцева Н. А.* Река Чусовая в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность : Сборник статей. Вып. 3 : Автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2008. С. 250–258.
- Леонтович Ф. И.* Голодовки в России до конца прошлого века // Северный вестник. 1892. № 111. С. 47–77.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Хлеб / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1984. 430 с.
- Мельникова Е.* Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 250–266.
- Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 896 с.
- Миочкина Л. И.* Социальный роман Д. Н. Мамина-Сибиряка как порождение «особого быта Урала» // Региональные аспекты изучения литературы и фольклора на материале Урала. Челябинск, 1984. С. 20–32
- Митрофанова Л. М.* Концепт «хлеб» в структуре одноименного романа Д. Н. Мамина-Сибиряка // Дергачевские чтения : Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : Материалы Всеросс. научн. конф. / сост. А. В. Подчинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. Т. 1. С. 176–183.

¹⁸ О христианской подоплеке в ряде рассказов Мамина-Сибиряка, выводящей к природе творческого метода писателя, называемого «одухотворенный реализм», писал О. В. Зырянов [Творческое наследие, с. 36–40].

Носова Е. А. Голод 1891–1892 гг. и зерновой рынок Западной Сибири // Известия АлтГУ. 2007. № 4/1 [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.asu.ru/ru/fmt.ru.html> (дата обращения: 02.05.2015).

Охоцимский А. Образ-парадигма Божественного огня в Библии и в христианской традиции // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира. М. : Феория, 2013. С. 45–81.

Романович-Славятинский Л. В. Голода в России и меры правительства против них // Университетские известия. Киев. 1892. Янв. С. 27–68.

Русская старина. 1916. Декабрь.

Соболева Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 5 (24). Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. С. 97–122.

Соболева Л. С. Репрезентация родового мира в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 137–148.

Соболева Л. С. Старообрядческий мир в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность : Сборник статей. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2008. С. 143–156.

Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения : К 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя / общ. ред. и предисл. О. В. Зырянова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. 480 с.

Толстая С. М. Молоко [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/slowar/m/moloko8.php> (дата обращения: 25.05.2015).

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат, 1928–1958.

Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М. : Индрик, 2003. 624 с.

Топорков А. Л. Река [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/slowar/r/reka0.php> (дата обращения: 25.05.2015).

Цитович П. О голодах в Западной Европе // Киевские университетские записки. 1891. Т. 12.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. в 18 т. М. : Наука, 1974–1982.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.

Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. 237 с.

References

Andreev, L. (1908). *Czar' Golod. Predstavlenie v pyati kartinah s prologom* [King Hunger]. 126, [18] p. Saint Petersburg, Shipovnik.

Anufrieva, N. V. & Pochinskaya, I. V. (2014). *Licevy'e apokalipsisy' Urala. Pravoslavnyaya tradiciya i e'lementy' evropejskogo kul'turnogo vliyaniya* [Illuminated Apocalypses of the Urals. Orthodox Christian Tradition and Elements of European Cultural Influence]. 232 p. Yekaterinburg.

Averincev, S. S. (1980). Voda [Water]. In *Mify' narodov mira* (in 2 vols.). (Vol. 1, p. 240). Moscow, Sovetskaya e'nciklopediya.

Chehov, A. P. (1974–1982). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters] (in 30 vols.). Moscow, Nauka.

Chicherov, V. I. (1957). *Zimnij period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vekov* [The Winter Period of the Russian Folk Agricultural Calendar of the 16th – 19th Centuries]. 237 p. Moscow, AN SSSR.

Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodny'e social'no-utopicheskie legendy' XVII–XIX vv.* [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the 17th – 19th Centuries]. 341 p. Moscow, Nauka.

Citovich, P. (1891). *O golodah v Zapadnoj Evrope* [On Famines in Western Europe]. In *Kievskie universitetskie zapiski* (Vol. 12).

Dergachev, I. (1984). *Kommentarii* [Commentaries]. In Mamin-Sibiryak, D. N. *Hleb* (pp. 422–431). Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Devyatajkina, G. L. (2008). *Toponimicheskij aspekt romana D. N. Mamina-Sibiryaka «Hleb»* [The Toponymic Aspect of D.N. Mamin-Sibiryak's Novel Bread]. In *Regional'ny'j i literaturnyj landshaft v russkoj perspektive* (pp. 284–289). Tyumen.

Dmitrij Rostovskij (2011). *Zhitiya svyaty'h* [Hagiographies] (in 12 vols.). (Oktober, pp. 261–269). Sibirskaya blagozvonnicza.

Emel'yanov, A. P. (1922). *Golod v otrazhenii russkoj literatury' i publicistiki: Ukazatel' knig, zhurnal'ny'h i gazetny'h statej po istorii goloda v Rossii i voprosam, svyazanny'm s nim* [Famine as Reflected in Russian Fiction and Non-Fiction: An Index of Books, Magazine and Newspaper Articles on the History of Famine in Russia and Related Issues]. IV, 52 p. Kazan.

Gur'yanova, N. S. (1988). *Krest'yanskij antimonarhicheskiy protest v staroobryadcheskoj e'shatologicheskoj literature perioda pozdnego feodalizma* [Peasant Antimonarchist Protest in Old Believer Eschatological Literature of the Late Feudalism Era]. 187 p. Novosibirsk, Nauka.

Kitanina, T. M. (1978). *Hlebnaya trgovlya Rossii v 1875–1914 gg.* [Bread Trade in Russia between 1875 and 1914]. 288 p. Leningrad, Nauka.

Klibanov, A. I. (1978). *Narodnaya social'naya utopiya v Rossii XIX v.* [Folk National Utopia in 19th Century Russia]. 342 p. Moscow, Nauka.

Kniga, M. D. (1997). *Istoriya goloda 1891–1892 gg. v Rossii* [The History of Famine of 1891–1892 in Russia]. (Abstract of a PhD Thesis). 23 p. Voronezh.

Korolenko, V. G. (1914). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Petrograd.

Kovtun, N. V. (2013). *Sovremennaya tradicionalistskaya proza: Ideologiya, mifopoe'tika* [Modern Traditionalist Prose: Ideology, Mythopoeitics: a Tutorial]. 352 p. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'ny'j universitet.

Kungurceva, N. A. (2008). Reka Chusovaya v rannem tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka [The Chusovaya River in D. N. Mamin-Sibiryak's Early Creative Work]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* (Iss. 3, pp. 250–258). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Leontovich, F. I. (1892). Golodovki v Rossii do konca proshlogo veka [Hunger Strikes in Russia at the End of Last Century], *Severnyj vestnik*, III, pp. 47–77.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1984). (Dergachev, I. A., ed.). *Hleb* [Bread]. 430 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Mel'nikova, E. (2004). E'shatologicheskie ozhidaniya rubezha XIX–XX vekov: konca sveta ne budet? [Eschatological Expectations of the Turn of the 20th Century: Will there Be no End of the World?], *Antropologicheskij forum*, I, pp. 250–266.

Mil'kov, V. V. (1999). *Drevnerusskie apokrif'y* [Old Russian Apocrypha]. 896 p. Saint Petersburg, RHGI.

Minochkina, L. I. (1984). Social'ny'j roman D. N. Mamina-Sibiryaka kak porozhdenie «osobogo by'ta Urala» [D. N. Mamin-Sibiryak's Social Novel as a Result of a 'Special Mode of Life of the Urals']. In *Regional'ny'e aspekty' izucheniya literatury' i fol'klora na materiale Urala* (pp. 20–32). Chelyabinsk.

Mitrofanova, L. M. (2002). Koncept «hleb» v strukture odnoimennogo romana D. N. Mamina-Sibiryaka [The Bread Concept in the Structure of D. N. Mamin-Sibiryak's Same-Named Novel]. In Podchinenov, A. V. (Comp.). *Dergachevskie chteniya: Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'ny'e osobennosti* (Vol. 1, pp. 176–183). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Nosova, E. A. (2007). *Golod 1891–1892 gg. i zernovoj ry'nok Zapadnoj Sibiri* [The Famine of 1891–1892 and the Grain Market of Western Siberia]. In *Izvestiya AltGU*, iss. 4/1, available at: <http://izvestia.asu.ru/fmt.ru.html> (accessed: 02.05.2015).

Ohocimskij, A. (2013). Obraz-paradigma Bozhestvennogo ognya v Biblii i v hristianskoj tradicii [The Paradigm Image of the Holy Fire in the Bible and Christian Tradition]. In *Ierotopiya ognya i sveta v kul'ture vizantijskogo mira* pp. 45–81. Moscow, Feoriya.

Romanovich-Slavyatinskij, L. V. (1892). *Goloda v Rossii i mery' pravitel'stva protiv nih* [Famines in Russia and the Government's Measures against Them], *Universitetskie izvestiya*, January, pp. 27–68. Kiev.

Russkaya starina [Russian Antiquities] (1916). December.

Soboleva, L. S. (2002). Istoki predstavlenij o staroobryadchestve v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka [Sources of the Idea of Old Belief in D.N. Mamin-Sibiryak's Creative Work]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* (Iss. 5 (24), pp. 97–122). Yekaterinburg, UrGU.

Soboleva, L. S. (2008). Staroobryadcheskiy mir v proizvedeniyah D. N. Mamina-Sibiryaka [The Old Believer World in D. N. Mamin-Sibiryak's Works]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statej* (Iss. 4, pp. 143–156). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Soboleva, L. S. (2012). *Reprezentaciya rodovogo mira v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka* [The Representation of the Family World in D. N. Mamin-Sibiryak's Creative Work]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarny'e nauki* (Vol. 4, no. 108, pp. 137–148).

Tolstaya, S. M. *Moloko* [Milk], available at: <http://pagan.ru/slowar/m/moloko8.php> (accessed: 25.05.2015).

Tolstoj, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochenenij* [Complete Works] (in 90 vols.). Moscow, Goslitizdat.

Tolstoj, N. I. (2003). *Oчерки slavyanskogo yazy'chestva* [Essays on Slavic Heathenism]. 624 p. Moscow, Indrik.

Toporkov, A. L. *Reka* [River], available at: <http://pagan.ru/slowar/r/reka0.php> (accessed: 25.05.2015).

Zlatovratskij, N. N. (1988). *Povesti, rasskazy', oчерki* [Short Novels, Stories, Essays]. 684, [1] p. Moscow, Sovremennik.

Zy'ryanov, O. V. (Ed., Foreword). (2013). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivy' izucheniya: K 160-letiyu so dnya rozhdeniya i 100-letiyu so dnya smerti pisatelya* [D. N. Mamin-Sibiryak's Artistic Legacy: Research Results and Prospects. For the Writer's 160th Birthday Anniversary and 100th Death Anniversary]. 480 p. Yekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii.

Лариса Степановна Соболева,

профессор,

Уральский федеральный

университет,

Екатеринбург, Россия

l.s.soboleva@mail.ru

Larisa Soboleva,

Professor,

Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia

l.s.soboleva@mail.ru

DOI 10.15826/qr.2015.2.096

УДК 821.161.1 Бунин-3+82.091+398

Наталья Пращерук

**ОБРАЗЫ ОГНЯ В ПРОЗЕ ИВАНА БУНИНА
(1910–1920-е гг.)**

Natalia Prascheruk

**THE IMAGES OF FIRE IN IVAN BUNIN'S PROSE
(1910–1920)**

The author studies the images of fire in Ivan Bunin's *Dry Valley*, *Sacrifice*, *Cursed Days*, and *The Devouring Fire*, demonstrating that the writer employs a vast variety of meanings connected with the archetype, referring to the general cultural symbolism and biblical tradition. Taking into account the ambiguous semantics of fire, the writer emphasizes the negative aspects of the meaning of the archetype, interpreting fire as a symbol of destruction, scathing heat and inferno. In this respect, it is not the original character of the newly discovered meanings that matters to the artist but the peculiarities and novelty of the experience conditioned by something that has already been discovered by cultural tradition. The images of fire compared with the main motifs of the works in question turn out to possess a strong phenomenological character. On the one hand, it is expressed by thunderstorms and fires that bring distress and devastation, and, on the other hand, fire symbolizes the characters' souls, their character and their behaviour: the spontaneity of their feelings, impulsiveness, single-mindedness, and their ravaging passions. In a number of works (*Dry Valley*, *Sacrifice*) the writer creates a model of the popular idea of fire as an element and that of heavenly forces controlling it relying on a variety of folklore sources.

Considered as a system, the images of fire are interpreted as manifestations of a disastrous state of the life of the nation and the world as a whole as portrayed in the works of Bunin in the aforementioned period.

Keywords: images of fire; archetype; symbolism; narration; biblical tradition; culture; creation of myths; national aspect; position of the author.

Исследуются образы огня в произведениях И. А. Бунина «Суходол», «Жертва», «Окаянные дни», «Огонь пожирающий». Показывается, что художник, опираясь на общекультурный символизм и обращаясь к библейской традиции, задействует широкий спектр значений, связанных с архетипом. Учитывая двойственную семантику огня, писатель акцентирует отрицательные аспекты значения архетипа, интерпретируя огонь

как символ разрушения, уничтожающего огненного жара, адского пламени. Художнику были важны при этом не оригинальность открываемых смыслов, а характер и новизна переживания уже открытого культурной традицией. Образы огня, соотнесенные с системой ключевых мотивов произведений, обнаруживают и ярко выраженную феноменологическую природу. С одной стороны, это гроза и пожары, несущие бедствия и разорение. А с другой стороны, огонь символизирует состояние души героев, их характер и поведение: стихийность чувств, импульсивность, «сосредоточенность на одном», безумие страстей. В ряде произведений («Суходол», «Жертва») художник, опираясь на фольклорные источники, моделирует народное представление об огненной стихии и о небесных силах, управляющих ею.

Образы огня, рассмотренные в системе, интерпретируются как знаки катастрофического состояния национальной жизни и мира в целом, представленного Буниным в произведениях указанного периода.

Ключевые слова: образы огня, архетип, символика, проза Бунина, библейская традиция, Бунин, мифотворчество, фольклорные источники, национальный аспект, авторская позиция.

И. А. Бунин, в отличие от многих своих современников, никогда не был склонен к мифотворчеству. В этом отношении он стоит особняком в русской литературе XX в., активно пересоздающей и модифицирующей традиционные смыслы общекультурных символов и архетипов. Художник «комфортно» чувствовал себя «под сенью традиции». Это было то поле, на котором выростала удивительная органика его образности, изящная непреднамеренность письма. Всякая нарочитость, которая неизменно сопровождает эксперименты художника-мифотворца, столь же неизменно грозит разрушениями этой редкостной органики, привнесением театральности и искусственности, что для Бунина было совершенно неприемлемо. Ему была важна не столько оригинальность открываемых мифотворчеством смыслов, сколько сам характер, а точнее – новизна переживания и проживания уже открытого культурной традицией, «новизна переживания постоянного» [Мущенко, с. 57; Пращерук, 1999, с. 52].

Представляется, что подобное отношение он демонстрирует и к общекультурному символу и архетипу *огонь*, имеющему богатейшую историю и содержащему широкие возможности для интерпретаций. В качестве исходного аргумента приведем в пример фрагмент из «Окаянных дней», иллюстрирующий способ интерпретации реальности, который вызывал у художника однозначно негативную реакцию: «Вот и Волошин. <...> Мне он пытался за последние дни вдолбить следующее: чем хуже, тем лучше, ибо есть девять серафимов, которые сходят на землю и входят в нас, дабы принять с нами распятие и горение, из коего возникают новые, прокаленные, просветленные лики. Я ему посоветовал выбрать для этих бесед кого-нибудь поглупее» [Бунин, 1991, с. 76–77].

Семантика огня двойственна: с одной стороны, огонь – это священный символ домашнего очага; с другой стороны, огонь является символом адского пламени, уничтожающего огненного жара, а также символизирует разрушения как небесным огнем в виде молнии, так и вулканическим, извергающимся из недр земли. В «Словаре символов» Х. Э. Керлот пишет о том, что огонь «охватывает как хорошее (жизненное тепло), так и плохое (разрушение и сожжение)» [Керлот, с. 352–353]. Огонь амбивалентен: он несет в себе и женское, и мужское начало. Е. М. Щепановская пишет о том, что для древних индоевропейцев существовало два вида огня: «полученный от природы или сохраненный человеком». Первый мыслился «как прикосновение к стихии, которую страшится человек». Второй – искусственный. Он несет на себе женские функции. «Женский огонь» лишен связи с «изначальной стихией» [Щепановская].

Образы огня представлены в художественном мире Бунина широко и многоаспектно. Огонь как стихия, которая властно вторгается в человеческие судьбы, влияет на них разрушительно, со всей возможной полнотой, представлен в повести «Суходол». Образы огня, соотнесенные с системой ключевых мотивов повести, обнаруживают ярко выраженную феноменологическую природу. С одной стороны, это гроза и пожары, несущие суходольцам бедствия и разорение их дому. А с другой – огонь как нельзя лучше символизирует состояние души героев, их характер и поведение – стихийность чувств, импульсивность, «сосредоточенность на одном», безумие переживаемых ими страстей, в том числе «огненную», испепеляющую их привязанность к родной усадьбе, от которой фактически ничего не осталось, а «что и было, погребено в огне».

Обитатели Суходола живут в постоянном страхе перед огнем (земным и небесным) и его уничтожающей силой:

По народу бродили темные, тревожные слухи – о какой-то войне, о каких-то бунтах и *пожарах*;

Каждый день приходили отовсюду вести о бедах – о *грозах* и *пожарах*. И все возрастал в Суходоле *древний страх огня*... [Бунин, 1966–1967, т. 3, с. 176, 177]¹⁹.

Гроз и пожаров боится дедушка, Петр Кириллыч:

Они, голубчики, уж очень *грозы боялись*, – рассказывала Наталья... (т. 3, с. 147);

Ну вот, Петр Кириллыч и пойдут по залу, по гостиной и все в окна, в сад заглядывают: не видно ли тучи? <...> Как, бывалыча... пойдут из-за сада тучки... *они*, батюшка, *вздыхают*, крестятся, лезут свечку восковую у образов зажигать, полотенце заветное с покойника прадедушки вешать... али ножницы за окошко выкидывают (т. 3, с. 147).

¹⁹ Далее ссылки на произведения Бунина даются по этому изданию в круглых скобках – с указанием номера тома и страниц.

Бойтся огня Наталья. Вместе с ней «древний страх огня» переживает и барышня, Тоня: «...опять тоска и такой страх *гроз, пожаров* и еще чего-то, что она затаивала...» (т. 33, с. 176). «Заражается страхом» Клавдия Марковна, жена Петра Петровича:

Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхом даже барыня. Прежде она говорила, что гроза – «явление природы». Теперь она тоже крестилась и жмурилась, вскрикивала при молниях, а чтобы увеличить и свой страх, и страх окружающих, все рассказывала о какой-то необыкновенной грозе... сразу убившей сто одиннадцать человек (т. 3, с. 178).

Все суходольцы суеверны. Они верят, что избегут беды, катастрофы, если будут соблюдать особые ритуалы:

...чуть только взвизвался первый вихрь по выгону и тяжело прокатывался отдаленный гром, кидались бабы выносить на порог темные дощечки икон, готовить горшки молока, которым, как известно, скорей всего усмирится огонь. А в усадьбе летели в крапиву ножницы, вынималось страшное заветное полотенце, зажигались дрожащими руками восковые свечки (т. 3, с. 177–178).

Верят суходольцы, что спасут их «колдовские», «первобытно-грозные слова»:

На море, на окяне, на острове Буяне... – зашептала она, кидаясь назад и чувствуя, что совсем губит себя колдовскими заклинаниями. – Там лежит сучница, серая руница... (т. 3, с. 180).

Наталья острее остальных обитателей Суходола предчувствует *огонь*, испытывая при этом настоящий страх. В своих снах она видит рыжего карлика:

...на глинисто-сухом косогоре безобразного головастого мужика-карлика в разбитых сапогах, без шапки, со включенными ветром рыжими кудлами в распоясанной, развевающейся огненно-красной рубахе. «Дедушка! – крикнула она в тревоге и ужасе. – Ай пожар?» (т. 3, с. 170–171).

Сон Натальи сбывается, а «рыжие кудлы» карлика и его «огненно-красная рубаха» выступают знаками-предвестниками ужасного пожара: «от молнии, от золотого клубка... *загорелся* и долго, *страшно пылал* суходольский дом» (т. 3, с. 181).

При этом ожидание гроз трактуется расширительно – как страх суходольцев перед неведомым и одновременно способ иллюзорного существования – симптом ухода от реального разрешения проблем: «...сказывали, что *великая гроза* прошла над Суходолом перед вечером *того дня*» (когда умирает жена Петра Кириллыча) (т. 3, с. 147);

«...они, голубчики, уж очень *грозы* боялись...» (т. 3, с. 147); «...опять тоска и такой страх *гроз*, пожаров и еще чего-то, что она затаивала...» (т. 3, с. 176). Вместе с тем грозы – это реальность:

Разразился ливень с *громовыми* ударами и ослепительно-быстрыми, *огненными змеями молний*... (т. 3, с. 140);

А *грозы*, и правда, куда как часто в старину собирались. Да и *грозы-то великие* (т. 3, с. 176);

По ночам, особенно в *грозу*, когда бушевал под дождем сад... а потом, в темноте, с треском раскалывались *громовые удары*, – по ночам в доме было страшно (т. 3, с. 147);

Лето же было знойное, пыльное, ветреное, с *каждодневными грозами* (т. 3, с. 177);

Шли *грозы*, а он... придумал забить слуховые окна, чтобы обезопасить крышу *от молний*, выбегал под самые *страшные удары* на крыльцо, чтобы показать, как они не страшны (т. 3, с. 178);

...со всех сторон вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слепило золотыми и бледно-голубыми сполохами молчаливое, *полное огня и таинств небо* (т. 3, с. 180).

Они – неперемнная составляющая суходольского мира, соединенная с темой суходольской же тишины. И это соединение очень остро и символически обозначает суть авторских размышлений о национальной жизни в целом, о том, какой обманчивой, чреватой стихийными проявлениями является тишина суходольской природы и как внезапно – подобно природным стихиям – взрывается от «огненных страстей» хрупкий мир человеческих отношений. Много раз говорится о «горячности» обитателей Суходола: «*Горячие* все были – чистый порох!» (т. 3, с. 144); «добрей суходольских господ “во всей вселенной не было”, но не было и “горячее” их» (т. 3, с. 135); «Дня не проходило без войны! *Горячие* все были – чистый порох» (т. 3, с. 135). Не только господа были «горячие», слуги похожи на своих хозяев, как и хозяйева похожи на своих слуг: «У господ было в характере то же, что у холопов» (т. 3, с. 149).

Бунин идет дальше в своих размышлениях о парадоксах национального характера. «Огненная тема» становится ключевой в изображении фатального комплекса, присущего русскому человеку. Придумать себе роль и самозабвенно ее исполнить, рискнув даже собственной жизнью, – об этом свидетельствуют истории Натальи и тети Тони [Пращерук, 1999, с. 65–83; Пращерук, 2012, с. 38–56]. Наталья не может противиться «неминуемому», ею же самой и выдуманному, и это «неминуемое» свершается на фоне разбушевавшейся грозы: «...со всех сторон *вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слепило* золотыми и бледно-голубыми сполохами молчаливое, *полное огня и таинств небо*» (т. 3, с. 180). И в такую же ночь во время страшного пожара суходольского дома, загоревшегося «от молнии, от золотого клубка», Наталья лишилась ребенка:

А Наталья, которая, *увидав дым и огонь*, со всех ног бежала от бани, – от бани, где она проводила целые дни и ночи в слезах, – рассказывала потом, что наткнулась она в саду на кого-то, *одетого в красный жупан и высокую казацкую шапку с позументом...* Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достоверно только то, что ужас, поразивший ее, освободил ее от будущего ребенка (т. 3, с. 181).

В повести мы видим особых персонажей – носителей *огня, людей пожара*, которые в отличие от суходольцев не испытывают перед огнем ни малейшего страха. Это «провиненный монах» Юшка, неожиданно появившийся в усадьбе: «Шли грозы, а он без устали забавлял хозяек рассказами, придумал забить слуховые окна, чтобы обезопасить крышу от молний, *выбежал под самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, как они не страшны*» (т. 3, с. 180). Страшный человек, «без роду-племени», совершающий насилие и обещающий «сжечь дотла» дом, если кто-то об этом узнает. Красноречив его внешний облик: «...он поминутно закидывал назад *длинные красно-бронзовые волосы...*» (т. 3, с. 178).

Символично, что впервые Юшка приходит к Наталье в ночь на Илью-пророка, древнего Огнеметателя. Согласно русским народным представлениям, во время грозы Илья-пророк мчится по небу на огненной колеснице и мечет на землю молниеносные стрелы, чтобы разить насмерть *злых духов*, враждебных человеку. Юшка несет Наталье боль и страдания. Однако Илья-пророк не карает злодея, он исчезает из Суходола так же внезапно, как появился. Образ Ильи-пророка можно считать еще одной репрезентацией *огненной* темы в тексте. Как известно, в народной культуре он совмещает в себе черты двух персонажей, принадлежащих к языческой и христианской традициям. Один из них – бог-громовержец Перун, другой – библейский пророк Илия. Илье-пророку приписывалась власть над грозой, громом, молнией, дождем, ветром. И в этом плане он являлся преемником функций Перуна. Поэтому именно Илья-пророк наиболее органичен в мире суходольцев, над которыми так сильна власть преданий [Славянская мифология, с. 284–285].

В рассказе «Жертва» (1913) Бунин-художник продолжает эту тему. Здесь блестяще смоделированы представления русского человека об Илье-пророке. Он изображен всемогущим, карающим за непослушание и принимающим жертвы: «...на туче, как церковная картина, начертался и высится огромный зрак: белобрадый, *могутный Илья в огненном одеянии*, сидящий, как бог Саваоф, на мертвенно-синих клубках облаков, а над ним – две горящих по аспиду зелено-оранжевых радуги» (т. 4, с. 79). Жертвой становится дочь главного героя, которую тот сам предлагает Илье в воображаемом разговоре с ним и на которую пророк соглашается: «Прислушайте, православные, – громко сказал Илья. – Соглашаюсь! И такой *огонь разорвал всю высь*, что у Семена чуть веки не вспыхнули, и такой удар расколол небеса, что вся земля под ним дрогнула» (т. 4, с. 81).

Позднее на первый план выходят другие аспекты *огненной* темы, обозначенные в «Суходоле». Огонь становится знаком социальной катастрофы, обретающей характер и масштабы общенациональной и метафизической. Эти смыслы особенно отчетливо актуализируются в «Окаянных днях»:

...Просматривал (тоже для «Паруса») свои стихи за 16 год.
Хозяин умер, дом забит,
Цветет на стеклах купорос,
Сарай крапивою зарос,
Варок, давно пустой, раскрыт,
И по хлевам чадит навоз...
Жара, страда... Куда летит
Через усадьбу шальный пес?

Это я писал летом 16 года, сидя в Васильевском, предчувствуя то, что в те дни предчувствовалось, вероятно, многими, жившими в деревне, в близости с народом.

Летом прошлого года это осуществилось полностью:

Вот рожь горит, зерно течет,
А кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И, как Мамай, всю Русь пройдет... (т. 3, с. 13).

Очевидно, что стихотворный текст, включенный художником в дневниковое повествование, призван остранить непосредственность описываемых впечатлений и акцентировать общую тему дневника – тему разоренного дома и тех, кто имеет к этому непосредственное отношение (в подобном ключе может быть проанализирован и фрагмент «Пожар», 1930).

Наряду с этим образы огня в «Окаянных днях» привносят в текст дополнительную символику, связанную с воссоздаваемой в произведении картиной сознательно и бессознательно сотворенного и продолжающегося абсурда, хаоса: «Какая-то дикая и жуткая ерунда: у нас весь день сам собой звонит, не умолкая, телефон и из него сыплется огонь» (т. 3, с. 29).

В 1923 г. Бунин написал один из самых жестких и беспощадных по своей тональности рассказов с символическим названием «Огонь пожирающий». Рассказ передает трагическое состояние художника, потерявшего родину и трактующего события в России как преддверие глобальной катастрофы, грозящей всему человечеству. Образ огня здесь обретает апокалиптическое звучание. Речь идет о внезапной смерти молодой и красивой женщины, завещавшей похоронить себя

не по христианскому обычаю, а кремировать. Текст строится на подчеркнутом контрасте. С одной стороны, это образы жизни, связанные с героиней и окружающим ее пространством – весенним Парижем, наполненным цветом, запахами, звуками, голосами. С другой – символика побеждающей все это смерти. Весенний пейзаж как будто вытесняет поначалу из сознания повествователя известие о кончине героини, кажущееся нелепостью на радостном фоне воспринимаемого пространства:

В открытое окно входила весенняя свежесть и глядела верхушка старого черного дерева, широко раскинувшего узор своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной в силу противоположности с черной сетью сучьев. Там, за окном, сыпали веселым треском воробьи, минутно заливалась сладкими трелями какая-то птичка, а наверху топали и играли, и все это сливалось с непрерывным смутным шумом города, с дальним гулом трамваев, с рожками автомобилей, со всем тем, чем так беззаботно при всей своей озабоченности жил весенний Париж... (т. 5, с. 113).

Многоточие как знак длящейся жизни обрывается сообщением о том, что «автомобиль мчал» повествователя на кладбище Пер-Лашез, а затем идет описание крематория, в котором ведущим становится мотив механистичности процесса, исключаяющий органику живого:

...на широкой площади, внезапно открывшейся передо мной, высилось нечто вроде храма или, вернее, капища с круглым куполом, две высоких заводских трубы, – именно заводских, голых, кирпичных, – поднимались в небо по сторонам этого купола – и из одной черными клубами валил дым. Уже! Я опоздал, ее уже жгли! Это из той адской подземной печи, куда, верно, уже вдвинули гроб с ее телом, валил этот страшный, молчаливый дым, такой особенный, такой не похожий ни на один дым в мире! (т. 5, с. 113).

Описание подчеркнуто символично. Тема жуткой механистичности как знака распавшейся жизни продолжена мотивом поразившего мир молчания: «молчаливый дым», «грубая молчаливость», «глубокое молчание», «молчливо приемлющий», «как окаменелые сидели мы», «мертвая тишина» и т. п. Это мир, в котором Слово пограно. И потому кремация трактуется как языческий обряд жертвоприношения («капища», «окаменелые», «бутафорское подобие золоченого гроба», «пучили глаза изваянные совы»): «...в небе мне все-таки грезился Некто безмерный, широко простерший длани и молчливо приемлющий и обоняющий жертву, приносимую ему...» (т. 5, с. 115–116). В самом начале рассказа упомянут «огнь пожирающий» в связи с другим персонажем, также предполагающим подобный образ погребения: «известный собиратель фарфора, старомодный богач и едкий

причудник», умерший в прошлом году и завещавший себя сжечь, пожелал, как он выразился, «быть тотчас же после смерти ввергнутым в печь огненную, в огонь пожирающий, без всякой, впрочем, претензии на роль Феникса» (т. 5, с. 111).

В примечаниях А. Саакянц к рассказу говорится о том, что «огнь пожирающий» отсылает нас к буддийскому контексту: «Согласно буддийскому учению, все в мире подвергнуто вечному изменению и уничтожению, и это величайшее зло, “огнь, пожирающий весь мир”» [Бунин, 1987–1988, т. 4, с. 680]. Однако следует отметить, что огонь соединен здесь, во-первых, с Фениксом, выводящим в сферу общекультурного, универсального символизма, а во-вторых – с «пещью огненной», прямо репрезентирующей прежде всего библейские смыслы. Закономерно, что именно библейская тема акцентирована и в последующих высказываниях безымянных участников разговора, вспомнивших «участь трех отроков, что в печи огненной пели хвалы Господу» (т. 5, с. 112). Имеется в виду ветхозаветная история, изложенная в Книге пророка Даниила, о трех отроках Ании, Азарии и Мисаиле, которые были брошены в огненную печь по приказу царя Навуходоносора за отказ поклониться золотому идолу. Они были спасены архангелом Михаилом и вышли оттуда невредимыми: «И, собравшись, сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели, что над телами мужей сих огонь не имел силы, и волосы на голове не опалены, и одежды их не изменились, и даже запаха огня не было от них» (Дан. 3:94). Важно, что этот библейский сюжет более чем конкретно репрезентирует преемственную связь ветхозаветной и новозаветной проблематики, глубоко укоренен в православном богослужении и православной религиозной жизни. Тема трех отроков в «печи огненной» вызывала в России на протяжении многих веков особое внимание и почитание. Кроме того, на Руси еще с византийских времен был известен обряд «пещного действия», театрального представления, которое совершалось в воскресную службу перед Рождеством. Обряд был запрещен только в XVIII в. Петром Первым в связи с реформами Русской православной церкви [Охоцимский]. Очевидно, что тема «пещного действия» – театрального представления, обозначенная отсылкой к трем отрокам, имплицитно присутствует в описании крематория и кремации, обретая форму трагической пародии. Не случайно повествователь задействует целый спектр театральной атрибутики:

Церемония совершалась где-то там, за *траурным занавесом, который висел в глубине залы, закрывая нечто вроде театральной сцены*. И зачем-то между его сдвинутыми черными полотнищами торчало бугафорское подобие золоченого гроба (т. 5, с. 115);

И что это такое было то, где сидели мы? Храм, театр? Нечто вроде присутственного места или какого-то верховного судилища, где совершается что-то самое последнее и самое жестокое над человеком? (т. 5, с. 115).

Сознание повествователя не способно принять реальность происходящего. Все напоминает зловещий, страшный спектакль. Иронический тон начальных реплик окончательно вытеснен переживанием подступающего ужаса и несправедливости того, что совершается в этом то ли «храме», то ли «театре». Внутреннее состояние повествователя, близкое к шоковому, передается особой повествовательной формой. Интенсивные вопрошания («Где ее жгли? <...> Но почему же все это длится так нестерпимо долго?» и т. п.) остаются без ответа, разбиваются о непроницаемую стену глухого молчания, обступившего героя. Безотчетность можно трактовать как знак человеческого сиротства, как реальность богооставленности:

Странно, – меня, кажется, больше всего поразила именно грубая молчаливость, спокойная беспощадность, с которой валил дым. И такое же глубокое молчание царило и внутри этого капища. <...> Бога здесь не было, и существование и символы его здесь отрицались. Совы пучили слепые глаза только с бессмысленным удивлением, траур занавеса говорил только о смерти (т. 5, с. 115).

А «бутафорское подобие золоченого гроба» в контексте целого – еще одно напоминание об исходном библейском сюжете.

Важно также, что описание крематория дается не только в контрасте с картинами весеннего Парижа, но и с описанием кладбища, которое совсем не случайно пришлось пересечь повествователю – «пройти многочисленные проспекты и аллеи, целые бульвары и улицы» (т. 5, с. 114). Герой переживает совершенно иное, нежели в крематории:

Тут мысли мои опять спасительно отвлеклись на некоторое время от ужасной цели моей поездки. Я шел и смотрел: какая музейная чистота в этом городе, какой порядок! И что за день, что за красота! Сколько ослепительной белизны, во всяческих видах сверкающей в небесной сини, среди еще сквозной черноты деревьев, осыпанной изумрудными мушками! Сколько пышных живых цветов на куртинах, у подножия крестов и бюстов, на мраморных и гранитных плитах и у входа склепов! <...> Это город великой печали и великого отчаяния, – подумать только, какие миллионы уже легли здесь и еще лягут! Но удивительно, – какая-то благодатная, душу умиротворяющая радость все-таки витает здесь надо всем. Радость чего? Весны, неба, первой зелени, мрамора? Вечной молодости мира, вечно воскресающей жизни? Или же и впрямь той жизни небесной, в которую сердце невольно и наивно верит или жаждет верить здесь? (т. 5, с. 114).

«Красота», «ослепительная белизна», «пышные живые цветы», «весна», «небо», «первая зелень», «благодатная, душу умиротворяющая радость» и т. п. – это все образы продолжающейся жизни, жизни, которая смертью не побеждена. В том, как герой воспринимает увиденное, автор остается верен себе, а именно тому, что очень точно

сформулировал С. Кьеркегор: «Мышление к смерти уплотняет, концентрирует жизнь» [цит. по: Подорога, с. 96]. И в этом плане контраст описаний более чем красноречив. Выбор кремации для Бунина является симптомом конца, поскольку означает отказ и от традиции, и от веры. И потому на кладбище герой ощущает – парадоксально и закономерно – радость от прикосновения («касаться» – любимое бунинское слово) к «жизни небесной», в крематории же четко и определенно фиксирует: «Бога здесь не было, и существование и символы его здесь отрицались» (т. 5, с. 115).

Очевидно, что в рассказе, как отмечали современники Бунина, отразилось неприятие обряда кремации, который писатель увидел в Париже впервые и который для русского человека в то время воспринимался как совершенно невозможный. Саша Черный отмечал: «Любопытно сопоставить “Исход” – тихую смерть старого князя – с жутким и сильным рассказом “Огонь пожирающий”. Душа поэта словно содрогнулась перед машинно-кошунственным уничтожением праха, лишённого своего последнего “уюта”, содрогнулась как-то по-русски, вызывая такую же встречную волну в читателе» (т. 5, с. 516).

Художник переводит собственные переживания в обобщенный план, активно используя библейскую символику. Наряду с «пещью огненной» автор прибегает к образам «адской подземной печи», «геенны огненной», «адской сковороды», что означает в контексте целого актуализацию темы *огня карающего*. Именно в таком ключе осмыслится пережитое героем в крематории: «Там, где-то за занавесом, где-то в глубоком подземелье, где слепила и полыхала с невообразимой силой и яростью истинно геенна огненная. Эта геенна, этот огонь пожирающий должен действовать с быстротой всеокрушающей» (т. 5, с. 116). Геенна – огонь, которым будут сожжены воскресенные после Второго Пришествия Христа грешники. Упоминается много раз и в Ветхом, и Новом Завете:

Будут народы, как горящая известь, как срубленный терновник, *будут сожжены в огне*. Устрашились *грешники* на Сионе; трепет овладел нечестивыми: «кто из нас может жить при *огне пожирающем*? кто из нас может жить при *вечном пламени*? (Ис. 33:12,14);

Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним *огонь поядающий*, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, *судить* народ Свой (Пс. 49:3,4);

И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть *ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает* (Марк. 9:47, 48);

Дьявол, прельщавший их, *ввержен в озеро огненное и серное*. И судимы были мертвые по написанному в книгах, *сообразно с делами своими*. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро *огненное* (Откр. 20:10, 12, 15);

и многие др.

Образ связан прежде всего с темой Высшего суда, наказания за грехи. Следует напомнить, что библейская традиция трактует и благодатный свет, и «геенну огненную» как проявления одной Божественной природы – Божественного Света, Божественного Огня. А потому считает последнюю порождением взаимодействия Божественного Света с грешным миром:

Божий Свет, сам по себе идеальный, породит разрушительный физический огонь во взаимодействии с грешным миром. Лучи того же света, попадая на грешные души, порождают адский огонь. С этой точки зрения адский огонь – это лишь чувственное выражение страданий грешной души, выставленной на «свет Божий». Именно в этом смысле грешники разжигают свой адский огонь сами... [Охоцимский].

Не случайно в этом ключе поведение завещающих себя кремировать воспринимается художником символически. А в соотношении с сюжетом о трех отроках-праведниках, перед которыми огонь оказался бессильным, бунинская мысль обозначается еще более определенно и жестко. Крематорий является для художника своего рода прообразом будущего современной безбожной цивилизации, сознательно обрекающей себя на сожжение. Отсюда прямые контрастные переключки с подтекстовым сюжетом. Библейский текст свидетельствует:

И, собравшись, сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели, что над телами мужей сих огонь не имел силы, и волосы на голове не опалены, и одежды их не изменились, и даже запаха огня не было от них (Дан. 3:94).

У Бунина:

И те прозрачно-розовые, инде горящие ярко-синим огоньком известковые бугры и возвышенности, что были на этом прямоугольнике, это и были скудные останки нашего друга, всего ее божественного тела, еще позавчера жившего всей полнотой и силой жизни. Больше ничего! (т. 5, с. 116).

А в строках:

Чувствуя на лицах и руках палящий зной от этой адской сковороды, мы стояли и тупо глядели. Асбест рдел, змеился лазурными огоньками... Потом стал медленно бледнеть, блекнуть, приобретать светло-песочный цвет... (т. 5, с. 116–117) –

угадывается тоже библейский подтекст – свидетельство о том, как были наказаны бросившие отроков «в печь, раскаленную огнем»:

«...и печь раскалена была чрезвычайно, то пламя огня убило тех людей, которые бросали Седриха, Мисаха и Авденага» (Дан. 3:22).

Образы огня в художественном мире Бунина – тема обширная, требующая специального и обстоятельного исследования. Предлагаемая статья – лишь первое к ней приближение. Однако и на основе рассмотренного материала можно вполне определенно утверждать, что образы огня у Бунина выстраиваются с опорой на сложившиеся в культуре традиционные смыслы, связанные с этим архетипом. Вместе с тем повествовательно сложно и безупречно организованный текст с множеством прямых и ассоциативных отсылок к этим известным смыслам обретает символическое звучание. И это позволяет автору при всей жесткости его позиции виртуозно избегать какой бы то ни было дидактики.

Список литературы

- Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. М. : Художественная литература, 1966–1967.
 Бунин И. А. Собр. соч. : в 6 т. М. : Художественная литература, 1987–1988.
 Бунин И. А. Окаянные дни. М. : Советский писатель, 1991. 175 с.
 Керлот Х. Э. Словарь символов. М. : REFL-book, 1994. 608 с.
 Мущенко Е. К. Путь к новому роману на рубеже XX–XXI веков. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1986. 185 с.
 Охочимский А. Д. Огонь в Библии // Огонь и свет в сакральном пространстве : Материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Индрик, 2011 [Электронный ресурс]. URL : http://hierotopy.ru/contents/FireAndLight_CompleteBook_2011_RusEn.pdf (дата обращения: 10.02.2015).
 Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М. : Наука, 1993. 320 с.
 Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург : Развивающее обучение, 1999. 254 с.
 Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2012. 232 с.
 Славянская мифология : Энциклопедический словарь. М. : Эллис Лак, 1995.
 Щепановская Е. М. Образ огня в Ригведе и мировой мифологии // Тезисы XI конференции «Рериховское наследие». СПб., 2011. С. 46–47.

References

- Bunin, I. A. (1966–1967). *Sobranie sochinenij* [Collected Works] (in 9 vols.). Moscow, Hudozhestvennaya literatura.
 Bunin, I. A. (1987–1988). *Sobranie sochinenij* [Collected Works] (in 6 vols.). Moscow, Hudozhestvennaya literatura.
 Bunin, I. A. (1991). *Okayanny'e dni* [Cursed Days]. Moscow, Sovetskij pisatel'.
 Kerlot, H. E'. (1994). *Slovar' simvolov* [A Dictionary of Symbols]. Moscow, REFL-book.
 Mushhenko, E. K. (1986). *Put' k novomu romanu na rubezhe XX–XXI vekov* [A Way to the New Novel at the Turn of the 21st Century]. Voronezh, VGU.
 Ohocimskij, A. D. (2011). Ogon' v Biblii [Fire in the Bible]. In Lidov, A. M. (Ed., Comp.). *Ogon' i svet v sakral'nom prostranstve: Materialy' mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow, Indrik, available at: http://hierotopy.ru/contents/FireAndLight_CompleteBook_2011_RusEn.pdf (accessed: 10.02.2015).

Podoroga, V. A. (1993). *Metafizika landshafta. Kommunikativny'e strategii v filosofskoj kul'ture XIX–XX vekov* [The Metaphysics of Landscape. Communicative Strategies in the Philosophical Culture of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka.

Prashheruk, N. V. (1999). *Hudozhestvenny'j mir prozy' I. A. Bunina: yazy'k prostranstva* [The Artistic World of I.A. Bunin's Prose: The Language of Space]. Yekaterinburg, Razvivayushhee obuchenie.

Prashheruk, N. V. (2012). *Proza I. A. Bunina kak hudozhestvenno-filosofskij fenomen* [I. A. Bunin's Prose as an Artistic and Philosophical Phenomenon]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Slavyanskaya mifologiya: E'nciklopedicheskij slovar' [An Encyclopaedic Dictionary]. (1995). Moscow, E'llis Lak.

Shhepanovskaya, E. M. (2011). *Obraz ognya v Rigvede i mirovoj mifologii* [The Image of Fire in the Rig-Veda and World Mythology]. In *Tezisy' XI konferencii «Rerihovskoe nasledie»* (pp. 46–47). Saint Petersburg.

The article was submitted on 12.03.2015

Наталья Викторовна Пращерук
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
pnv1108@gmail.com

Natalia Prascheruk,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
pnv1108@gmail.com

DOI 10.15826/qr.2015.2.097

УДК 821.161.1-14+7.037

Игорь Васильев

**СТИХИЯ ОГНЯ В РУССКОМ
ПОЭТИЧЕСКОМ АВАНГАРДЕ
(ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ И ДАНИИЛ ХАРМС)**

Igor Vasiliev

**THE ELEMENT OF FIRE IN THE RUSSIAN
POETIC AVANT-GARDE
(VELIMIR KHLEBNIKOV AND DANIIL KHARMS)**

The article considers the element of fire as reflected in the motif and image structure of V. Khlebnikov's and D. Kharms' poetic works as two representatives of the Russian avant-garde. The author demonstrates that fire as an element in their poetry is ambivalent and multisided, as it can be both external and internal, it can be conditioned by physical and material processes and connected with the ideal and spiritual sides of people's lives, it has a potential to create but it can also destroy, it can both be an object and a means of depiction. The main conclusion the author makes is that fire is a universal that, owing to its multifold nature, makes it possible to create meaningful symbolic perspectives thus enabling the poets to artistically express themselves.

Keywords: Velimir Khlebnikov; Daniil Kharms; avant-garde; element; fire; fire images.

В статье рассматривается стихия огня, отраженная в мотивно-образной структуре поэтических произведений В. Хлебникова и Д. Хармса – представителей русского авангарда. Показано, что огонь для них как стихия обладает многоплановостью и амбивалентностью: он может быть внешним и внутренним, обусловлен физическими, материальными процессами и связан с идеальными, духовными сторонами жизни человека, он способен созидать, но может и разрушать, он может быть и предметом, и средством изображения. Главный вывод: огонь – это универсалия, позволяющая в силу разнообразия своего проявления создавать значимые символические проекции для творческого самовыражения поэтов.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, Даниил Хармс, авангард, стихия, огонь, образные воплощения огня.

Выбор имен для рассмотрения стихии огня в поэзии русского авангарда не случаен: Велимир Хлебников и Даниил Хармс связаны между собой тесными узами. Первый был зачинателем русского исторического авангарда, второй – его завершителем [см.: Жаккар]. Можно сказать, что эти поэты воплощают своим творчеством концы и начала, самое существенное в авангардном творчестве. Хармс считал Хлебникова своим учителем и неоднократно высоко отзывался о нем (в дневниковых записях Хармса есть признание, что он знает наизусть некоторые стихи Хлебникова, в частности отрывок из стихотворения «Уструг Разина». Хлебников выведен как персонаж в пьесе Хармса «Лапа» (1930). В 1926 г. Хармс написал на рисуночном портрете Хлебникова работы Б. Григорьева эпитафию «Виктору Владимировичу Хлебникову», утверждавшую его творческое бессмертие: «Ногу за ногу заложив / Велимир сидит. Он жив» [Хармс, 1997, т. 1, с. 60]. Параллели между творчеством Хлебникова и Хармса проводили многие исследователи [см., напр.: Жаккар; Кобринский; Лекманов; Панова; Шифрин; Ямпольский].

В наши задачи входит попытка охарактеризовать особенности видения и использования Хлебниковым и Хармсом стихии огня как понятийной категории художественного мышления и как единицы образно-мотивного плана поэтических произведений.

Мотив огня занимает значительное место в творчестве Велимира Хлебникова¹. Отметим, что, во-первых, у Хлебникова довольно часто встречаются метафоры из общепоэтического фонда типа «пылкие желания» [Хлебников, с. 237]², «зной страсти» (с. 230), «пламень уст» (с. 206), «глаз огонь» (с. 236), «пылкие взоры» (с. 226), «огонь улыбок» (с. 87), «костер дум» (с. 239). Это, как правило, общеупотребительные, устойчивые выражения, в которых элемент новообразования не выражен. В них актуализируется семантика чего-то увлекающего, яркого, позитивного либо, наоборот, присутствует значение жжения, доставляющего беспокойство. Здесь происходит перенос качеств и свойств огня на посторонние предметы.

Уже в этой фразеологии присутствует смысловая разнополюсность выражений, связанных с огнем. Еще большая полярность обнаруживается на уровне мотивов и образов огня. Огонь существует как самостоятельная субстанция в виде костра, пламени свечи, пожара и т. п., но он может быть и принят внутрь того или иного вещества либо явления. Например, огонь может быть «растворен» в жидкости, усиливая воздействие напитка: «Напитка огненной смолой / Я развеселил суровый чай» (с. 115). Поэтическая фантазия прибегает к анимализации, одушевлению огня, и тогда он предстает живым существом, нуждающимся в пище: «И тебя, о, огонь, рабочий кормил

¹ Несмотря на это обстоятельство, работы, посвященные анализу темы огня в творчестве В. Хлебникова, весьма малочисленны. См.: [Петриченко, 2002; Петриченко, 2012; Ханинова].

² Далее ссылки на произведения Хлебникова по этому изданию указываются в круглых скобках.

/ Тушами белых берез испуганной рощи» (с. 108). Это живой и подвижный зверь, дикое «дровоядное» животное: «После дико бросался и грыз, гривой сверкнув золотой, / Грудю полен среброрунных, / То глухо выл, пасть к небу подняв» (с. 108). Подобное восприятие огня свидетельствовало о сближении его с опасностью и грозящей смертью. У Хлебникова встречаются описания пожаров, дотла спаливших целые селения. Однако огонь можно приручить, и тогда, усмиренный, он из ненасытного чудовища превращается в обыкновенные спички, тихо дремлющие, подобно овцам:

Как стадо овец мирно дремлет,
Так мирно дремлют в коробке
Боги былые огня – спички, божественным горды огнем (с. 130).

Такой огонь способен приносить пользу: он плавит металл на заводах (с. 161), помогает появиться на свет металлическим изделиям в кузницах (с. 139, 161) и приготовить пищу для человека («Чтоб кашу сварить, / Пламя горит», с. 110).

Наряду с зооморфными в репрезентации огня использовались любимые Хлебниковым орнитологические ассоциации: с горихвосткой («Лови и зови огонь горихвостки», с. 159), синим зимородком (с. 108). Переливы птичьего оперения соотносились со сполохами пламени, что свидетельствовало об установке на эстетизацию огня. Поэт даже вымыслил фантастических птиц – ярких, радужных «жарирей» с их пастырем «стаедем» Жарбогом: «Волю видеть огнезарную / Стаю легких жарирей, / Дабы радугой стожарною / Вспыхнул морок наших дней» (с. 44)³.

С огнем связываются представления о красоте промышленных процессов. Так, «горбатая» заводская руда с «черной гривой» прихорашивается, «плеснув огнем, чтоб стать красивой» (с. 161), а электрические молнии могут зажечь «пожар-красавец» (с. 97).

Корни положительной активности огня, по Хлебникову, в его порождающей способности, а инструментами зиждительного огня являются огниво и кресало: «Огнем-сечивом высек я мир» (с. 45). Хлебников осознавал себя поэтом-пророком, который подобен «кресалу для огнива» (с. 353) и может изобрести уже упомянутые чудесные «спички судьбы» (с. 130). Его слова и творческие деяния воспламеняют и зажигают, поэтому огонь в данном случае становится синонимом животворящего акта созидания. Показательным символом

---

³ Семантическое гнездо «огонь» с легкостью заполнялось у Хлебникова неологистическими лексемами: от слова *свет* он образовывал неологизм «светинка», от слова *сиять* – «сиявицы», «сияль» («сиявицы убранств сияли голубой»), от слов *пламя* и *костер* – «пламевик» (дух огня), «кострель» (нечто связанное с огнем костра), от слова *солнце* – «солнцелов», «Солнцестан». Особенно много неологизмов образовано от слова *огонь*: «огневод», «огнеоко», «огнестьн», «огнезлаки», «огневый», «огневеть», «огнестр» (вероятно, по типу кальки от слова *оркестр*) и др. Об особенностях хлебниковской неологизации см.: [Григорьев; Dhooge].

выступает красный (по цвету пламени) цветок в руках у истинного пророка (с. 145).

Сохраняется и биологическая подоплека в репрезентации огня: извлечение огня, как и отношения между влюбленными, связано с касанием, трением:

«Точно спичка о коробку,
Не зажжешься об меня».
Смотришь тихо и лениво,
Тихо смотришь на кистень.
Где же искра? Знать огниво
Недовольно на кремь (с. 178).

Любовный жар (с. 72), страсть переключаются с иссушающим огнем, зноем:

Вы вся – дыхание знойных засух...
.....
Жмут, жгут меня медные косы (с. 105).

Отношения между людьми подобны огню, сначала разгорающемуся, пламенному, а затем затухающему, превращающемуся в золу, пепел, холодные угли: «Дружбы пепел и зола, истлев, угасли» (с. 59); «Это пеплом любви так черны вечера» (с. 132). Человек нуждается в заботе и внимании, то есть человеческом тепле: «Усталый и остылый, / Я сижу. Согрей меня» (с. 84). Но самоопределение в мире может происходить и путем жертвования собой, отказа от личностной автономии. В стихотворении «Я вышел юношей один...» обретение идентичности происходит через самосожжение: лирический герой зажигает собственные волосы именно в условиях душевного дискомфорта («Кругом стояла ночь, / И было одиноко, / Хотелось друзей, / Хотелось себя», с. 181). Результатом этого акта стало превращение «Я» в «Мы», способное к отправлению жизненно важных для истории и общества функций.

Огонь – некое первоначало, источник жизни, движения и развития. С ним, «костром почина», связана и возможность «земного быта перемен» (с. 291), столь ценимых футуристами. Причем перемен мгновенных, ибо «все, что изменяется быстро, объясняется огнем», справедливо пишет Г. Башляр в книге «Психоанализ огня» и дает огню следующую характеристику:

Огонь сокрыт и вездесущ. Он живет в нашем сердце. Он обитает на небесах. Он поднимается из глубин вещества и дарит себя, как любовь. Он возвращается в материю и прячется там, затаившись, содержится ею как ненависть и мщение. Среди всех явлений он один может вполне определенно получить две противоположные оценки: добро и зло. Он сияет в Раю. Он жжется в Аду. Он – ласка и мучение. <...> Он – благополучие

и он – поклонение. Он – бог, заботливый и страшный, добрый и злой. Он может сам себе противоречить: он есть, таким образом, одно из начал объяснения вселенной [Башляр, с. 15].

Хлебникову как раз важна связь огня с космосом, поэтому в стихах так часто встречаются образы небесного огня, сопутствующего заре, блеску звезд, солнечному свету. Это свет божественный, золотой. Может быть, поэтому у Хлебникова столь часто встречается этот эпитет: «золотые волосы», «чернила золотые» (с. 358), «золото веток», «плевки золотые», «труп золотой», «цыгане золотые» (с. 334), «золотописьмо» (с. 55). Порой значительный фрагмент текста весь до отказа насыщен словами, производными от слова «золото»:

Золотая бабочка
Присела на гребень высокий
Золотого потопа,
Золотой волны –
Это лицо.
.....
Это училось синее море у золотого,
Как подыматься и падать
И закипать и рассыпаться золотыми нитями,
Золотыми брызгами, золотыми кудрями
Золотого моря.
Золотыми брызгами таять... (с. 345).

Принявший революцию Хлебников радовался огненно-алым знаменам, «золотому письму полотен» (с. 137):

Золото красными птицами
Носится взад и вперед.
Огненных крыл вереницами
Был успокоен народ (с. 124).

Он приветствовал «аль знамен» (с. 489) и призывал «повесить ковер кумачовый», с помощью которого можно попасть в «завтрашний день» (с. 132).

Красные революционные стяги с золотыми буквами, по мнению составителей «Энциклопедии символов, знаков, эмблем», восходят в своей символике к средневековой орифламме: «Золотое пламя (au-ri-flamma) орифламма – первоначально алое знамя, посланное Папой Львом III Карлу Великому в конце VIII века перед коронацией его на императорский престол. <...> Сакрально-монархический смысл орифламмы проявляется в разворачивании красного знамени в тех случаях, когда война велась против врагов христианства или других недругов королевства. Возможно, происхождение красного знамени

СССР связано с орифламмой» [Энциклопедия, с. 357–358. Курсив авторов. – И. В.]. Так или иначе, но и большевистские, и средневековые стяги связаны с огнем, его великой силой, которая способна очищать и преобразовывать вещество, разрушать и создавать. Издавна «священный огонь был источником власти, был честью и достоинством этой власти» [Энциклопедия, с. 355]. По Хлебникову, революция приносит свободу более жгучую, нежели пламя: «Жгучи свободы глаза, / Пламя в сравнении – холод!» (с. 112). Новая Москва «богиней воли» поднимает над миром «светоч золотой» (с. 277). В этой связи стоит отметить, что световая трансформация огня ощутимо явлена в творчестве Хлебникова. Кроме красного и золотого цвета, огонь может быть и зеленым – цветом растений и насекомых («Огонь зеленый – ползет жужелица, / Зеленые поднявши усики, / Зеленой смертью старых кружев / Сквозняк к могилам обнаружив», с. 376), и синим («Зеленый плеск и переплеск – / И в синий блеск весь мир исчез!», с. 377).

Огонь связан со светом, небесными светилами, лучезарным солнцем. С небесным огнем, с космосом у Хлебникова существует душевная близость: «Звезды смотрят в душу с черного неба» (с. 357). Огромное земное светило выполняет свою природную функцию по поддержанию жизни на планете. Его жизненность может материализоваться, и тогда солнце превращается в пищу, становится блином, которым можно питаться:

В солнцезорные дни
 Мы не только читали,
 Но и сами глотали
 Блинами в сметане
 И небесами другими,
 Когда дни нарастали,
 На масляной...
 ...
 Съел солнышко в масле и сыт.
 Солнце щиплет дни
 И нагуливает жир,
 Нужно жар его жрецом жрать и жить (с. 364–365).

Солнце отражается «в черном глазу у быка / И на крыле синей мухи» (с. 177). Но Хлебникову важно, что свет оказывается общей основой человека и вселенной («хочу, чтобы солнце / И жилы моей руки соединяла общая дрожь»; «хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза», с. 61). Сияние, блеск часто встречаются в стихах Хлебникова. Они сопровождают природные явления и сопутствуют жизни человека. Чаще всего Хлебников отмечает сияющий огонь глаз («глубь пламени сверкающих зениц», с. 84); «блеснуть глазами из льда», с. 101; «торжеством глаза горели», с. 195; «в глазах его огонь солнечный», с. 349). Однако огонь может сиять и в улыбке («дева ответила мне

/ огнем благодарных улыбок», с. 87), отмечать нечто возвышенное и величественное («светлая кровь Святослава», с. 88), символизировать женскую красоту («она и светоч и заря», с. 211).

Таким образом, у огня в хлебниковской интерпретации широкие возможности в соответствии с общекультурной наполненностью этого концепта и собственными представлениями о месте, роли и значении огня в жизни природы и человека. По мнению Р. В. Дуганова, все творчество Хлебникова восходит к огню в его энергичной ипостаси. Ключевым понятием, объясняющим природу хлебниковского дарования выступает, по утверждению исследователя, молния: «Молния (со всеми ее мифопоэтическими модификациями: *огонь, свет, луч, взрыв* и т. п.) является у него и первообразом мира, и принципом всеобщего единства, и архетипом поэтического слова. В этом символе в свернутом, концентрированном виде содержится едва ли не все богатство хлебниковской эстетики» [Дуганов, с. 149. Курсив автора. – И. В.].

Действительно, Хлебников писал о «молниенно-световой природе человека» (с. 626). Он делил свет, а следовательно, и огонь на добрый и злой, нравственный и безнравственный: «...начало “греха” лежит на черном и горячем конце света, а начало добра – на светлом и холодном» (с. 626). Злой огонь – это огонь уничтожающий. Он таится в порохе и содержит в себе разрушительную силу, оставляя после себя пепел, обугленные головни. Войны, революции сопровождаются взрывами, выстрелами, несущими смерть. Добрый огонь связан с озарением, сиянием. Так сияют у Хлебникова горы с ледяными вершинами (с. 112); икона (с. 123), устремленные вверх архитектурные сооружения из стекла и воздушных масс (с. 119, 163). Это свет трансформировавшегося огня, перешедшего из состояния жжения и разъедания в материализовавшуюся эфирную субстанцию, чистую и высокую поэзию, духовную культуру человечества.

***

Огонь у Хармса связан с миром природы как одна из четырех стихий, составляющих основу мироздания. Важность этих первостихий утверждают служители Церкви и ученики Христа – Апостолы. В поэме «Мечь» они произносят: «Огонь, воздух, вода, земля» [Хармс, 1997, т. 1, с. 149]⁴. Каждое именование по-библейски весомо и значимо. Тем более что рядом появляются рассуждения о высших силах и божественных началах:

Маргарита: Над высокими домами,
между звезд и между трав,
ходят ангелы над нами,
морды сонные задрал.

---

⁴ Далее ссылки на страницы этого издания с указанием тома приводятся в тексте в круглых скобках.

Выше, стройны и велики,
 воскресая из воды,
 лишь архангелы, владыки,
 садят божии сады.
 Там у божьего причала,
 (их понять не в силах мы)
 бродят светлые Начала,
 бестелесны и немы.

Апостолы: Выше спут Господни Власти.
 Выше спут Господни Силы.
 Выше спут одни Господства... (т. 1, с. 152–153).

Устремляясь в верхние пределы, поэтическая мысль Хармса закономерно подмечает участие стихий в космических процессах. Освещаются они не без мифологических ассоциаций. В одном из поздних стихотворений, стилизованных под классический стих (Хармс называл такие стихи «упражнениями в классических размерах»), лирический герой, аттестуя себя «поэтом, забытым небом», ностальгирует по «золотому веку»:

А были дни когда мы с Гебой⁵
 Носились в тучах над водой.
 И свет небес летал за Гебой
 И гром смеялся молодой
 И гром гремел летя за Гебой
 И свет струился золотой (т. 1, с. 283).

Мотивы полета и движения динамизируют изображение. Эпитеты «молодой» и «золотой» выгодно оттеняют природные явления, отсылая к тютчевскому стихотворению «Весенняя гроза», наполненному юной восторженностью, ликованием. Как и у Тютчева, предпочтения отдаются положительным представлениям, создающим мажорное чувство приятия мира, восхищения его величием и красотой. Небесный огонь соединяется здесь с земными водами и небесной водой туч в единое гармоничное целое, а свет определяется как субстанциональная основа мира⁶.

⁵ Мифологические имена не редкость в стихах Хармс. Зарю поздний Хармс, например, обозначал мифемой «светлая Аврора» (т. 1, с. 267).

⁶ Эпистемологические проблемы, волновавшие Хармса на протяжении всей его творческой биографии, требовали установления «природы света»: «В миг / открыл я сто книг / найти желая средство / установить природу света / я шёл по кочкам малолетства / не видя дерева совета / моя верёвка разума / гремела по числам / глаза ездили по строчкам / собирая смыслов ком» (т. 1, с. 206). Несмотря на скептическое отношение к рациональному постижению мироустройства (слова «мир» и «свет» в познавательном дискурсе могут выступать синонимами), Хармс в духе времени задумывался над такой серьезной задачей, как «покоренье человеком / законов света и волны» (т. 2, с. 260).

Гораздо драматичнее соотношение земли, воды и огня в стихотворении «Что делать нам?», в котором конфликт скал и морского прибоя – следствие «игры» дельфина (существа, способного жить как в воде, так и в воздухе и поэтому являющегося медиатором между небесным и земным) и морского коня (гибрида коня и рыбы, восходящего к мифологеме огнедышащего змея). В первой части стихотворения утверждается, что жизненное равновесие держалось активностью воды и стойкостью сопротивляющихся гор. Это обеспечивало ход времени: «Ревела страшная вода. / Светили звезды. Шли года». Во второй части показано наступление конца земной жизни, когда все исчезает («меня уж нет, и нету вас, / и моря нет, и скал, и гор, / и звезд уж нет»). Бог упразднил время («сдунул пыль веков»), и воцарились «хлад кругом и мрак вокруг» (т. 1, с. 356).

Подобных апокалиптических зарисовок у Хармса несколько. Иногда падение мира связано с его греховностью, и тогда наказание исходит от Бога: «Гнев Бога поразил наш мир. / Гром с неба свет потряс». Хармс изображает разрушительные последствия земного крушения и завершает видения грандиозным космологическим финалом: «Терпеть никто не мог такой раскол небес – / планет свирепый блеск, и звездный вихрь чудес» (т. 1, с. 292).

Космос у Хармса заполнен полыхающими звездами, с их магнитными и гравитационными полями, сверкающими гигантами наподобие Юпитера, кружащимися соцветьями планет: «Блестит Юпитер. Звездам жарко. / К трубе подносит Клумбов глаз. / Огромной силы приближенье / увидел Клумбов сквозь трубу. / Звезд бесконечное движенье / планет безумный танец / фу ослепительно» (т. 1, с. 324). Однако более свойственна Хармсу веселая эсхатология, в условиях которой всеобщее обрушение и космические перестановки и путаница – свидетельство наступления нового мира:

Небеса свернутся
в свиток и падут на
землю; земля и вода
взлетят на небо;
весь мир станет
вверх ногами.
Когда ты все это увидишь,
то раскроется и зацветет
цветок в груди твоей.
Я говорю: это конец
старого света, ибо я
увидел новый свет (т. 1, с. 212).

Здесь перемена места земли, воды и неба устанавливает мир «вверх ногами», и это радует бунтарски, как и сам Хармс, настроенного человека, у которого в груди от наблюдения за подобными трансформа-

циями «раскроется и зацветет цветок» (метафорический заместитель огня радости и чувства воодушевления от происходящих перемен).

Огонь и вода антагонистичны: огонь горяч, обладает высокой температурой, вода прохладна:

Однажды Бог ударил в плечо
воскликнул я: ой горячо!
и в воду прыгнул остудиться
заглушать на теле зной (т. 1, с. 211).

Вода текуча, и поэтому она «гнется», принимая любую предлагаемую форму. Огонь же свободолюбив и непокорен: «Гнётся в море вода. / Но не гнётся огонь никогда. / Огонь любит воздушную свободу» (т. 1, с. 253). Он тянется вверх: «Огонь играет в печке / И искры вверх летят» (т. 1, с. 266). Устремленность огня вверх – свидетельство его связи с сакральными пространствами неба. Огонь, оказавшийся на небе, превращается в свет солнца, луны и звезд («Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили вниз» (т. 2, с. 10). Как считает герой стихотворения «Виталист и Иван Стручков», «огонь приносит неба весть» (т. 1, с. 172), и эта весть действительна: «Солнце грянуло с небес / покачнулся твердый лес» [Хармс, 2001, с. 191]. Но небесный огонь, как и у Хлебникова, может становиться агрессивным («Месяц в окна светом бил» [Там же, с. 189]; «Однако я спешу туда, где свет вгоняет гвозди в лоб», т. 1, с. 203), пугающим и разрушительным («Короткая молния пролетела над кучей снега / зажгла громовую свечу и разрушила дерево», т. 1, с. 191), обрушивающимся полыхающими кометами. Соприродной планетному веществу выступает кипящая лава вулканов:

Пусть комета в землю тычется,
угрожая нарушить бег нашей материи.
И, если пена – подружка огня на черном кратере
выпустит мух с небесными каракульками на лапках,
мы гордо глядим на вулкан... (т. 1, с. 199).

В стихотворении «Пожар» вода и огонь снова соседствуют, как в космологических описаниях («Над карнизом пламя вьется, / Тут же гром и дождик льется, / И в груди сжимает дух...», т. 1, с. 71), но в соответствии с бытовой тематикой превалирует мотив опасности огня и его подавления пожарными с помощью воды («Люди в касках золотых / Топорами воздух бьют, / И брандмейстер на машине / Воду плескает в кувшине», т. 1, с. 71). Опасливое отношение к пожару и к огню выражается у Хармса через уважительное восприятие пожарных: в составленных Хармсом в 1929 г. шуточных правилах для дозорных, обязанных следить за порядком в городе, значилось: «Дозорный обязан к пожарным относиться с почтением» [Хармс, 1991, с. 89].

В природном универсуме Земли источником огня выступает солнце. Оно генерирует круговорот воды, образуя из нее пар, превращающийся в тучи, льющие дождь обратно на землю:

Уже сверкает солнце шаром
И с неба в землю мечет жар,
И поднимает воду паром,
И в облака сгущает пар.
И снова страшный ливень льется,
И снова солнца шар блестит... (т. 1, с. 273–274).

Солнце обладает живительными возможностями. Даруя тепло, светило поддерживает все живое на земле: оно «зацветает» вместе с растениями и поднимает их в «надземные местности», «раскрывая чашечки цветов» (т. 1, с. 206), «девушки, греясь, на солнце лежат» (т. 2, с. 329), а лирический герой после пребывания в воде обсыхает «на солнце под сосной» (т. 1, с. 211). Солнце становится главным символом идиллического изображения:

Посмотри –
на небе солнце,
в светлом воздухе летают
птицы,
на цветах сидят стрекозы
и жуки (т. 1, с. 257).

Однако солнце может и испепелять. Кружащаяся «без малейшего трения» вокруг солнечного шара Земля подвергает тем не менее опасности свои «мирные домики», которые могут погибнуть «в кольцах пожара» (т. 1, с. 204).

В домашнем хозяйстве, в быту на роль солнца претендует самовар. Он также превращает воду в полезный кипяток или пар:

В самовар глядим, подруги,
там пары встают упруги,
лезут в чайник. Он летит.
Воду в чашке кипятит.
Вьется в чашке кипяток (т. 1, с. 120).

В изображении чайного застолья, душевных бесед за самоваром (см. «Разговоры за самоваром») у Хармса есть предшественники и богатая поэтическая традиция. Достаточно вспомнить сцену чаепития у Лариных в третьей главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина с блистающим «вечерним самоваром», нагревающим китайский чайник шипящим паром. Лаконичными, но точными мазками (упоминаются «темная струя» «душистого чая», сливки, чашки) создается живопис-

ная картина привычного быта дворянских усадеб первой половины XIX в. Настоящий гимн русскому самовару сложил П. А. Вяземский в стихотворении «Самовар» (1838). Поэту дорого то, что самовар объединяет поколения, приобщает к традициям и памяти о прошлом, укрепляет семейную близость:

Где ж самовар родной, семейный наш очаг,
 Семейный наш алтарь, ковчег домашних благ?
 В нем льются и кипят всех наших дней преданья,
 В нем русской старины живут воспоминанья...

...

Повсюду на Руси святой и православной
 Семейных сборов он всегда участник главный [Вяземский, с. 170].

Борис Садовский, создавший в 1913 г. стихотворный цикл «Самовар» (уже сами названия стихов говорят о тематической определенности подборки: «Родительский самовар», «Студенческий самовар», «Самовар в Москве», «Самовар в Петербурге», «Новогодний самовар»), писал в предисловии к сборнику:

Самовар в нашей жизни, бессознательно для нас самих, огромное занимает место. <...> Русскому человеку в гуле и шепоте самовара чудятся с детства знакомые голоса: вздохи весеннего ветра, родимые песни матери, веселый призывный свист деревенской вьюги. <...> Человек, обладающий самоваром, уже не одинок. Ему есть с кем разделить время, от кого услышать добрый совет, близ кого отогреться сердцем. Двое собеседников в сообществе самовара теплей сближаются, понимают нежней друг друга. <...> Самовар живое разумное существо, одаренное волей... [Садовский, с. 135].

Таковым, наделенным волей, антропоморфным, предстает самовар в сказке А. М. Горького «Самовар», изданной в 1918 г. в книжке для детей «Елка». Самовар в ней собирается жениться на луне и претендует на роль заместителя солнца:

Я мог бы на себя и днем и ночью взять
 Обязанности солнца!
 И света и тепла земле я больше дам,
 Ведь я его и жарче и моложе!
 Светить и ночь и день ему не по годам, –
 А это так легко для медной рожки! [Горький, с. 345].

Другой современник Хармса – Эдуард Багрицкий уже прямо отождествляет солнце и самовар: «Куда как приятны прогулки весной: \ Бредешь по садам, пробегаешь базаром!.. \ Два солнца навстречу: одно над землей, \ Другое – расчищенным вдрызг самоваром» [Ба-

грицкий, с. 197]. Такое отношение к самовару ставит его в центр событий, делает значительной фигурой. Коллега Хармса по литературному цеху обэриут Николай Заболоцкий, оттеняя доминирование самовара, называл его «домашним генералом» (стихотворение «Ивановы»), а в стихотворении «Самовар», аттестуя самовар пышными эпитетами, утверждал его способность противостоять мировому злу:

Император белых чашек,
Чайников архимандрит,
Твой глубокий ропот тяжек
Тем, кто миру зло дарит [Заболоцкий, с. 70].

Хармс поддерживает разговор о властительной и самоуправной природе самовара («самовар» у Горького внутренне рифмуется со словом «самодур», чванливость и бахвальство ведут к самоуничтожению: самовар распаялся и погиб, развалился на части), но его герой выполняет роль вершителя домашних дел, судьбы и воспитателя. Самовар в стихотворении «Самовар Иван Иванович» наказывает ленивого, неумытого и невоспитанного мальчика Сережу и лишает его возможности попить чай:

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!
Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает (т. 3, с. 9–10).

Итак, по Хармсу, огонь в пространстве дома, используемый для домашних нужд, полезен и функционален. Оптимальное соотношение воды и огня создает комфорт и домашний уют («В лампе горит золотой огонёк, / Топится печка, трещит уголёк, / Рвётся на волю из чайника пар, / Муха жужжит и летает комар», т. 3, с. 231), служит для приготовления пищи («из бульёна варим куру», т. 2, с. 295), гарантирует полноценный отдых на природе – на берегу реки, у костра («Мы с тобой, должно быть, маги, / разрушаем время песней, / от огня и нежной влаги / все становится прелестней», т. 1, с. 254). Эти ассоциации и представления об «одомашненном» огне, сочетающемся с водой и пищей, весьма устойчивы и стереотипны, ибо восходят к исторической архаике становления человечества. Выявляя функционально-смысловую «связь огня, воды, кипятка и еды в картине мира древнего человека», исследователь А. К. Устюжанина пишет:

Любой свой практический опыт древний человек приспособлял к своей внутренней системе образов, убеждений и объяснял с мифологической точки зрения, наделяя явление реальности дополнительным мифи-

ческим смыслом. Это могло происходить и относительно такого простого ежедневного действия, как приготовление пищи на огне. Вода, нагреваемая на огне, образует кипяток – ту самую «живую и активную» стихию, которая к тому же является жизненно важной для человека, поскольку в кипятке варится еда. И кипяток, и вода с огнем как первоэлементы Вселенной были одинаково важны и священны для человека, поэтому могли быть в одном ассоциативном ряду... [Устюжанина, с. 59].

Бытовой огонь подчинен воле человека, который может его разжечь, погасить, притушить, и локализован: наиболее частые локализации – свеча, лампа (лампочка, лампада, лампийон, фонарь), печка, камин, костер.

Эти же локализации частотны и у А. Введенского, ср.: «а когда огонь узнаешь / или в лампе или в печке / то скажи чего зияешь / ты огонь владыка свечки / что ты значишь или нет / где котёл где кабинет» («Значение моря» [Введенский, с. 121]).

Носители и хранители огня, как все прочие реалии обэриутского текста, могут метафоризоваться, точнее говоря, выступать у Хармса в роли «иероглифов» – образов-уподоблений по неявным либо произвольным признакам («отождествление нетождественного» [Машинский] – вот путь создания образной реальности у обэриутов), когда происходит подмена одного явления (предмета, действия, свойства) другим без видимых и выятных для этого оснований, что приводит либо к абсурду, либо к затемнению смысла. Так, в следующем четверостишии слово «свеча» явно обозначает не эмпирический предмет, а, скорее, метафизическую реалию, которая связана с экзистенциальными понятиями становления отдельной человеческой жизни и ее личностными смыслами:

Под стук и лепет колотушек
дита свечу свою потушит
потом идет в леса укропа
куриный дом и бабий ропот (т. 1, с. 52).

Точно так же слово «печка» в стихотворении «Берег и я» насквозь символично и выражает слабо дифференцированную смысловую зону «духовные ценности человека»:

Наша кровля, дым и снег,
не стареет каждый миг;
наша речка лента нег,
наша печка груда книг (т. 1, с. 254).

При этом и «свеча», и «печка» сохраняют свое первичное, непереносное предметно-материальное значение, что и приводит к появлению двусмысленности и ставящей в тупик непонятности текста.

И Хармса и его друзей чинарей интересовали «истинные» смыслы «явлений и существований», которые открываются вне рационально ориентированной гносеологии, через стремление разглядеть суть, увидеть «реальное» содержание мира. Л. Липавский, например, писал:

Слова обозначают основное – стихии; лишь потом они становятся названиями предметов, действий и свойств. Неопределенное склонение и есть название стихии, а не действия. Есть стихии, например, тяжести, вязкости, растекания и другие. Они рождаются одни из других. И они воплощены в вещах, как храбрость в льве, так что вещи – иероглифы стихий. Я хочу сказать, что выражение лица прежде самого лица, лицо – это застывшее выражение. Я хотел через слова найти стихии, обнажить таким способом души вещей, узнать их иерархию. Я хотел бы составить колоду иероглифов, наподобие колоды карт [Липавский, с. 628].

Слово «лампа» обозначает прежде всего прибор для освещения («Вечер тихий наступает. / Лампа круглая горит», т. 1, с. 279; «лампа в пол бросает свет»; «лампа / не светит больше в потолок», т. 1, с. 270), но может становиться персонажем – «лампой Сашей» («Лампа Саша ты карзина / не способная светить / темной ванне ты кузина», т. 1, с. 173) либо даже неким жанром или дискурсом (ср. название стихотворения: «Лампа о словах подносящих укронную музыку»). Электрическими носителями света выступают «лампочки» (запись в дневнике: «Рассматривал электрическую лампочку и остался ею доволен»), фонари («Уже заря снимает звезды и фонари на Невском тушит», т. 1, с. 268), светофор (см.: «Приказ лошадям). Между светоносителями искусственными и природными наблюдается рокировка: звезды называются лампочками («Сверкают в небе лампочки», т. 1, с. 267), а электроосвещение уподобляется звездам («Загорятся под куполом / Электрические звезды», т. 1, с. 81).

Костер как носитель огня приближен к природе и человеческому прошлому – первобытному времени. Он воплощает идею очага, объединяет людей в сообщество:

Земли, огня и ветра дщери
меча зрачков лиловый пламень
сидели храбрые в пещере
вокруг огня. Тесали камень.
Тут птицы с крыльями носились
глядели в пламя сквозь очки
на камни круглые садились
тараща круглые зрачки (т. 1, с. 122).

Оказавшись в лесу, студенты разводят костер, чтобы отпугивать зверей:

Два студента бродили в лесу
в воду глядели дойдя до речки
ночью жгли костры отпугивать хищников (т. 1, с. 214).

И в первом, и во втором стихотворении природное (а в первом стихотворении еще и доисторическое) соединяется с культурным: «дщери» стихий оказываются машинистками треста («Мы все вместе / служим в тресте / на машинках день и полночь / отбиваем знаки смыслов / дел бумажных полный стол...», т. 1, с. 122), а любители природы – студентами. Интересно, что в обоих случаях появляется политическое содержание. Как и у В. Хлебникова, огонь связан со знаменами и государственной символикой. Однако отношение к ним скорее отрицательное, чем положительное, ибо используются такие изобразительные детали, как дым, гарь и черный цвет:

горел костер
и ветки шаловливого пламени
играли серпом на знамени
и дым и гарь болтаясь в воздухе платком
висели черным молотком (т. 1, с. 215).

Птицы из стихотворения о машинистках, по мнению В. Сажина, комментатора цитируемого собрания сочинений Хармса, представляют собой не что иное, как орлов – «символов Российской империи» (т. 1, с. 371):

Очень птицы удивились
на косматых глядя дев
клювом стукнули и взвились
очи злые к небу вздев
и когтей раскинув грабли,
рассекая воздух перьями
разлетались дирежабли
над Российскими империями (т. 1, с. 122–123).

Если обратить внимание на внутренние качества огня у Хармса, то можно заметить, что огонь способен производить звук – часто это треск («Трещал в камине огонёк», т. 1, с. 122; «грозный треск огня» [Хармс, 2001, с. 205]; «Топится печка, трещит уголёк», т. 3, с. 231). Он обладает способностью к движению («Над карнизом пламя вьётся», т. 1, с. 71) – и часто это человеческие движения: танец, игра («Плясал в камине огонёк», т. 1, с. 122). На основании такого признака, как светочность, блестят и сверкают связанные с огнем небесные тела («блестит Юпитер», «звезды блещут», «планет свирепый блеск», т. 1, с. 292; «громоблещущий Юпитер / Мечом сверкает в небесах», т. 1, с. 273; «сверкает солнце шаром», «солнца шар блестит», т. 1, с. 273), металли-

ческие предметы и оружие («Вмиг ножи вокруг сверкают», т. 1, с. 408; «вдали сверкнули пилы», т. 1, с. 297; «Железный градусник сверкал», т. 1, с. 282). Могут сиять, сверкать и блестеть регалии и свидетельствующие об избранности знаки отличия («когда сияет эполета», т. 1, с. 168; «академики / Сидят, сверкая орденами», т. 1, с. 261), а также отдельные части человеческого тела («Сверкает зубом атаман», т. 1, с. 408; «красотка в доспехе / сверкала спиной», т. 1, с. 63; «половых приборов части, / нагой торговки, блещут влагой», т. 1, с. 247), а также женская нагота («блестя по прежнему красотой, / ...стоишь у зеркала нагая», т. 1, с. 246–247). Светом бывает отмечен лоб чем-либо выдающихся людей: «видишь там сидит артист / на высоком стуле он / во лбу тлеет аметист / изо рта струится Дон» (т. 1, с. 91), «и на лбу твоём высоком / Вспыхнет яркий лампион» (т. 1, с. 258)⁷. Признаки разогретости тела от движения, высокой температуры, внутреннего жара и болезни позволяют Хармсу связать с огнем щеки, лоб, голову («Лоб в огне», т. 1, с. 153; «Голова моя горит», «щёки наши разгорелись и горят», т. 3, с. 44) и все тело в целом («Любопытствуя большого / тела жар – температуру, / мы вершок ему приносим», т. 2, с. 295). Подобно Хлебникову Хармс использовал огневые образы при изображении глаз («её зрачки блестят огнями», т. 1, с. 116; «взор стал пламенный», т. 2, с. 290), помещал огонь в волосы («Огонь зажигался в волосах», т. 1, с. 84) и выражал чувства любви и всепоглощающей страсти устойчивыми огненными метафорами (отсюда выражения «любовный пыл», т. 2, с. 288; «И вмиг любовь зажжется снова», т. 1, с. 274; «триста знойных поцелуев / от в красных шапочках девиц», т. 1, с. 99; «два блестящих глаза... гасили в сердце страсти», т. 1, с. 246; «уста горели в день по часу» [Хармс, 2001, с. 155]). Эротические сцены, изображающие сильное возбуждение, с помощью огненных деталей приобретают остранный вид:

Елизавета играла с огнем,
Елизавета играла с огнем,
пускала огонь по спине,
пускала огонь по спине.
Петр Палыч смотрел в восхищенье кругом,
Петр Палыч смотрел в восхищенье кругом
и дышал тяжело,
и дышал тяжело,
и за сердце держался рукой (т. 1, с. 233).

С огнем связана духовная сфера человека. В молитвах и обращениях к Богу лирический герой Хармса жаждет приобщения к божественному огню веры, надеясь очиститься от греховной скверны:

---

⁷ Возможно, здесь мы имеем дело с перифразами из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина: «За морем царевна есть, / Что не можно глаз отвесть: / Днем свет божий затмевает, / Ночью землю освещает, / Месяц под косой блестит, / А во лбу звезда горит» [Пушкин, с. 330].

Господи пробуди в душе моей пламень Твой
Освети меня Господи солнцем Твоим
Золотистый песок разбросай у ног Моих
чтобы чистым путем шел я к Дому Твоему (т. 1, с. 272)⁸.

Хармс высоко ценил творческие состояния и говорил, что его интересуют «озарение, вдохновение, просветление, сверхсознание, все, что к этому имеет отношение» [Липавский, с. 583]. Его концепция поэтического слова пронизана семантикой огня. «Я гений пламенных речей» (т. 1, с. 278) – аттестует себя лирический герой, а в стихотворении «Н. А. Заболоцкому» хвалит поэта в таких выражениях: «твоя строка прочтется ланью / передо мною как свеча». Несообразность сравнения строк с ланью и свечой вполне выражает характер обэриутских осмыслений словесного творчества. Утрированно заниженное и грубоватое уподобление слов поленьям, а поэтических смыслов скрытому в них огню в высказывании Фауста из диалогической поэмы «Месть» – также прямое следствие хармсовской трактовки общеязыковой метафоры «огонь творчества»:

Слова сложились, как дрова.
В них смыслы ходят, как огонь (т. 1, с. 155).

Памятуя о корреляции в представлениях Хармса стихии воды и огня, отметим, что он делил творцов искусства, музыкантов, художников, поэтов и писателей на «огненных» и «водяных (а также смешанных – «огненно-водяных») и даже составлял их развернутые списки, но никакого обоснования для этой систематики не приводил [Хармс, 1991, с. 84–85].

***

Рассмотрение стихии огня в поэзии В. Хлебникова и Д. Хармса подводит нас к выводам о довольно широком ее использовании данными авторами в качестве предмета изображения, а также основания для различного рода экспликаций, художественных обобщений и образно-метафорических уподоблений в поэтическом постижении таких соотнесенных в поэзии с человеческой субъективностью сфер бытия, как космос, мир земной природы и общества, внешняя и внутренняя жизнь человека. Огонь – это универсалия, позволяющая в силу разнообразия своего проявления создавать многоплановые символические проекции для творческого самовыражения поэтов.

---

⁸ Есть у Хармса и обращения-молитвы, похожие на заклинания, связанные со светом, мотивом окна, пронизывающими и одновременно возрождающими лучами солнца. Ср.: «На сиянии дня месяца июня / говорил Даниил с окном / слышанное сохранил / и таким образом увидеть думая свет / говорил солнцу: солнце посвети в меня / проткни меня солнце семь раз / ибо девятью дарами жив я...» [Хармс, 2001, с. 175].

Список литературы

- Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. М. : Правда, 1984.
- Башия Г. Психоанализ огня. М., 1993.
- Введенский А. И. Все. М. : ОГИ, 2010.
- Вяземский П. А. Стихотворения. М. : Советская Россия, 1978.
- Горький М. Самовар // Горький М. Полн. собр. соч. : в 25 т. Т. 24. М. : Наука, 1974.
- Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М. : Наука, 1986. С. 165–254.
- Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М. : Советский писатель, 1990.
- Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб. : Академический проект, 1995.
- Заболоцкий Н. А. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1983.
- Кобринский А. Наследники Велимира (К проблеме «Обэриуты и Хлебников») // Кобринский А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 97–188.
- Лекманов О. «Молодой человек (господин), удививший сторожа» (Заметки к теме «Хармс и Хлебников») // Даугава. 1997. № 1. С. 116–117.
- Липавский Л. С. Разговоры // Введенский А. И. Все. М. : ОГИ, 2010. С. 582–652.
- Машинский А. Г. Чинари-обэриуты // Литература. 2005. № 16 (640) [Электронный ресурс]. URL : <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200501609>.
- Панова Л. Г. Наука об авангарде: между солидарным и несолидарным чтением // Поэтика и эстетика слова : Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева / сост. З. Ю. Петрова, Н.А. Фатеева, Л.Л. Шестакова. М. : УРСС, 2010. С. 119–133.
- Петриченко О. А. Особенности переосмысления образов первоэлементов Бытия в речи Н. Гумилева и В. Хлебникова // Слов'янський збірник. 2012. Вип. 17. Ч. 2. С. 441–446.
- Петриченко О. А. Особенности поэтики Велимира Хлебникова сквозь призму образов первоэлементов Бытия // Мова : Науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2002. № 7. С. 174–178.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 4. Л. : Наука, 1997.
- Садовский Б. Морозные узоры : Стихотворения и письма. М. : Водолей, 2010.
- Устюжанина А. К. Сегментная многоуровневая структура древнегерманского концепта «огонь» // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 10 (138). Томск, 2013. С. 58–62.
- Ханинова Р. М. «Спички судьбы» Велимира Хлебникова: поэтика пламени // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций : Научная конференция «Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен» : материалы междунар. конгресса в 2 ч. Элиста : Издательство КалмГУ, 2005. Ч. 1. С. 186–192 [Электронный ресурс]. URL : <http://refdb.ru/look/2640263.html>.
- Хармс Д. Горло бредит бритвою : Случаи, рассказы, дневниковые записи // Глагол. 1991. № 4. С. 84–85.
- Хармс Д. Неизданный Д. Хармс : Полн. собр. соч. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3. Т. 4. СПб. : Академический проект, 2001.
- Хармс Д. Полн. собр. соч. : в 3 т. СПб. : Академический проект, 1997.
- Хлебников В. Творения. М. : Советский писатель, 1987.
- Шифрин Б. Поэтика странного в русском модернизме: от Хармса к Хлебникову // Художественный текст как динамическая система : Материалы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию В. П. Григорьева, Москва, 19–22 мая 2005 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 579–586.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева и др. М. : Локид, 1999.
- Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М. : Новое литературное обозрение, 1998.
- Dhooge V. Прием языковой деформации. Платонов, Хармс, Хлебников // Wiener Slawistischer Almanach. 2009. Vol. 63. С. 283–325.

References

- Andreeva, V. (Comp.). (1999). *E'nciklopediya simbolov, znakov, e'mblem* [An Encyclopaedia of Symbols, Signs and Emblems]. Moscow, Lokid.
- Bagriczkij, E'. (1984). *Stihotvoreniya i poe'my'* [Poems and Epics]. Moscow, Pravda.
- Bashlyar, G. (1993). *Psihoanalizognya* [The Psychoanalysis of Fire]. Moscow.
- Dhooge, V. (2009). Priem yazy'kovej deformacii. Platonov, Harms, Hlebnikov [The Method of Linguistic Deformation. Platonov, Harms, Hlebnikov.] In *Wiener Slawistischer Almanach*, 63, pp. 283–325.
- Duganov, R. V. (1990). *Velimir Hlebnikov. Priroda tvorcestva* [Velimir Khlebnikov. The Nature of Creative Work]. Moscow, Sovetskij pisatel'.
- Haninova, R. M. (2005). «Spichki sud'by» Velimira Hlebnikova: poe'tika plameni [The Matches of Destiny of Velimir Khlebnikov: The Poetics of Flame]. In *Aziya v Evrope: vzaimodejstvie civilizacij: Nauchnaya konferenciya «Yazy'k, kul'tura, e'tnos v globalizirovannom mire: na sty'ke civilizacij i vremen»* (in 2 parts). (Part 1, pp. 186–192). E'lista, Izdatel'stvo KalmGU. Available at: <http://refdb.ru/look/2640263.html>.
- Harms, D. (1991). Gorlo bredit britvoyu: Sluchai, rasskazy', dnevnikovy'e zapisi [Occasions, Stories, Diary Notes]. In *Glagol*, 4, pp. 84–85.
- Harms, D. (2001). *Neizdannyy' D. Harms: Polnoe sobranie sochinenij. Traktaty' i stat'i. Pis'ma. Dopolneniya: ne voshedshee* [Complete Works. Treatises and Articles. Letters. Addenda. Outtakes]. (Vol. 4). Saint Petersburg, Akademicheskij proekt.
- Harms, D. (1997). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works] (in 3 vols., 6 books). Saint Petersburg, Akademicheskij proekt.
- Hlebnikov, V. (1987). *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sovetskij pisatel'.
- Gor'kij, M. (1974). Samovar [Samovar]. In Gor'kij, M. *Polnoe sobranie sochinenij* (in 25 vols.). (Vol. 24). Moscow, Nauka.
- Grigor'ev, V. P. (1986). *Slovotvorcestvo i smezhny'e problemy' yazy'ka poe'ta* [Word Coinage and Related Issues of a Poet's Language] (pp. 165–254). Moscow, Nauka.
- Kobrinskij, A. (2000). Nasledniki Velimira (K probleme «Obe'riuty' i Hlebnikov») [On the Problem of OBERIU Members and Khlebnikov]. In Kobrinskij, A. *Poe'tika «OBE'RIU» v kontekste russkogo literaturnogo avangarda* (in 2 vols.). (Vol. 1, pp. 97–188). Moscow.
- Lekmanov, O. (1997). «Molodoj chelovek (gospodin), udivivshij storozha» (Zametki k teme «Harms i Hlebnikov») [A Young Man (Gentleman) That Surprised the Guard (Notes on the Topic Harms and Khlebnikov)], *Daugava*, 1, pp. 116–117.
- Lipavskij, L. S. (2010). Razgovory' [Talks]. In Vvedenskij, A. I. *Vse* (pp. 582–652). Moscow, OGI.
- Mashinskij, A. G. (2005). Chinari-obe'riuty' [The Chinari-OBERIU]. *Literatura*, 16 (640), available at: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200501609>.
- Panova, L. G. (2010). Nauka ob avangarde: mezhdou solidarny'm i nesolidarny'm chteniem [The Study of the Avant-Garde: Between Shared and Non-Shared Reading]. In Petrova, Z. Yu., Fateeva, N. A. & Shestakova, L. L. (Comps.) *Poe'tika i e'stetyka slova: Sbornik nauchny'h statej pamyati Viktora Petrovicha Grigor'eva* (pp. 119–133). Moscow, URSS.
- Petrichenko, O. A. (2012). Osobennosti pereosmysleniya obrazov pervoelementov By'tiya v rechi N. Gumileva i V. Hlebnikova [The Reconsideration Peculiarities of the Basic Elements Images of Being and Speech of N. Gumilyov and V. Khlebnikov]. In *Slov'yans'kij zbirnik* (Iss. 17, part 2, pp. 441–446).
- Petrichenko, O. A. (2002). Osobennosti poe'tiki Velimira Hlebnikova skvoz' prizmu obrazov pervoelementov By'tiya [The Peculiarities of Velimir Khlebnikov's Poetics through the Prism of Elements of Being]. *Mova: Naukovo-teoretichnij chasopis z movoznavstva*, 7, pp. 174–178.
- Pushkin, A. S. (1997). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. (1–10 vols.). (Vol. 4). Leningrad, Nauka.
- Sadovskij, B. (2010). *Morozny'e uzory': Stihotvoreniya i pis'ma* [Frosty Pictures: Poems and Letters]. Moscow, Vodolej.
- Shifrin, B. (2006). Poe'tika strannogo v russkom modernizme: ot Harmsa k Hlebnikovu [The Poetics of the Queer in Russian Modernism: From Harms to Khlebnikov]. In *Hudozhestvennyj tekst kak dinamicheskaya sistema: Materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (pp. 579–586). Moscow.
- Ustyuzhanina, A. K. (2013). Segmentnaya mnogourovnevnyaya struktura drevnegermanskogo koncepta «ogon'» [Segment Multilevel Structure of the Ancient German Concept

'Fire']. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Iss. 10 (138), pp. 58–62). Tomsk.

Vvedenskij, A. I. (2010). *Vse* [Everyone]. Moscow, OGI.

Vyazemskij, P. A. (1978). *Stihotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskaya Rossiya.

Yampol'skij, M. (1998). *Bespamyatstvo kak istok (Chitaya Harmsa)* [Frenzy as a Start: Reading Kharms]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Zaboloczkij, N. A. (1983). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works] (in 3 vols.). (Vol. 1). Moscow, Hudozhestvennaya literatura.

Zhakkar, Zh.-F. (1995). *Daniil Harms i konec russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-Garde]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt.

The article was submitted on 18.04.2015

Игорь Евгеньевич Васильев
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия,
bazilio@k66.ru

Igor Vasiliev,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
bazilio@k66.ru

DOI 10.15826/qr.2015.2.098
УДК 910.4(28)(410)

**Елена Милюгина
Михаил Строганов**

**ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИЙСКИМ РЕКАМ:
ТРАВЕЛОГ НОВОГО ВРЕМЕНИ¹**

**Elena Milyugina
Mikhail Stroganov**

**DOWN RUSSIAN RIVERS:
A TRAVELOGUE OF THE MODERN ERA**

The article is devoted to the phenomenon of travelling by water in Russian culture. Modern literary and cultural studies usually describe travelling from the point of view of anthropology. However, the natural conditionality of travelling lies outside the scope of research. The purpose of the article is to prove that it is advisable to carry out comprehensive research of travelling through the close interdependence of its human and natural components.

The nature-centred analysis of the phenomenon of travel has not become common practice among national scholars yet, and therefore the authors actualize the idea of nature-centrism (ecocentrism), established in world research practice, particularly in the western discourse of ecocriticism (works of L. Buell, Yu-Fu Tuan, F. Jameson, V. Plumwood). The key idea of the spatiotemporal concept is that space is the subject of the narrative and everyday human life, mental experience, cultural languages being conditioned to a greater extent by the category of space than the category of time. This approach makes it possible to consider space as a palimpsest of consecutive place experiences which seems productive for the analysis popularity of certain loci and itineraries with travellers.

Limiting their research goals by the cultural approach, the authors demonstrate the effectiveness of the nature-centred analysis of travelogue discourse and present their own results of Tver water travelogue research. They analyze how travel is determined by the element chosen by the traveler as a means to travel and what the conditions of paths that are imposed by the elements of nature are. The stereotypes connected with the use of land and water as roads formed in traditional culture are compared with a new attitude

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта «Верхневолжские водные пути в русской культуре» (проект № 14-14-69002).

to the natural conditions of travelling in the modern culture. The authors explore different genres of water travelogue – from luxurious to mass-cultural.

The article presents observations related to water voyages around Tver region. The authors conclude that in pre-Petrine Russia, in the 16th–17th centuries, travelling diplomats were forced to choose river routes as comfortable overland roads did not exist at the time. In the 18th century, after the organization of artificial water systems, the travelers' attitude to the water trips changed significantly. Water routes became an integral part of luxurious voyages, their indispensable component, a central part. By the end of the 18th century, private travellers had clearly realized the benefits of land transportation: it was more comfortable and faster. Since the mid-19th century land and water trips have counterbalanced each other to a certain degree, although their functions are different as can be seen in the travelogue. In overland journeys, the cognitive function comes to the foreground, and water voyages are made predominantly for recreational purposes. To a certain extent, this separation of functions between water and land trips remains.

Keywords: elements as roads; water trip; water travelogue; Upper Volga.

Статья посвящена феномену путешествия по водным дорогам России. В современном литературоведении и культурологии феномен путешествия изучается, как правило, с позиций антропологии. Природная же обусловленность путешествия оказывается за пределами исследовательского внимания. Цель статьи – доказать целесообразность комплексного исследования путешествия в неразрывном взаимодействии его антропогенной и природной составляющих.

Природоориентированный анализ феномена путешествия до сих пор не стал практикой для отечественной науки, поэтому авторы статьи актуализируют идеи природоцентризма (экоцентризма), сложившиеся в мировой науке, в частности в западном дискурсе экокритики (работы Л. Буэлла, Ю-Фу Туана, Ф. Джеймисона, В. Пламвуда). Ключевыми идеями используемой спatio-темпоральной концепции являются представления о месте как субъекте повествования и обусловленности человеческой повседневности, психического опыта, культурных языков категорией пространства в большей мере, чем категорией времени. Такой подход позволяет рассматривать пространство как «палимпсест последовательных ощущений места», что представляется продуктивным для анализа феномена востребованности путешественниками тех или иных локусов и маршрутов.

Ограничив свои намерения культурологическим подходом, авторы показывают перспективность природоориентированного анализа travelogического дискурса и представляют результаты выполненных в этом ключе исследований водных путешествий по Тверскому краю. В статье вскрыта зависимость путешествия от характера стихии, выбранной человеком в качестве дороги, и выявлены условия путей, продиктованные путешественнику природными стихиями. Стереотипы освоения сухопутных и водных дорог, сложившиеся в традиционной культуре, сопо-

ставлены с новым отношением к природным условиям путешествия в культуре индустриального типа. Рассмотрены жанры водного травелога Нового времени – от представительского до масскультурного.

Представленные в статье конкретные наблюдения касаются водных путешествий по Тверскому краю. Авторы делают вывод, что в допетровской Руси (XVI–XVII вв.) путешественники-дипломаты выбирали речные маршруты вынужденно, поскольку комфортных сухопутных дорог в то время не существовало. В XVIII в., после организации искусственных водных систем, отношение путешественников к поездкам по воде существенно изменилось. Отныне водные маршруты стали неотъемлемой частью представительских вояжей, их обязательным компонентом, центральным эпизодом. Частные же путешественники к концу XVIII в. отчетливо осознали преимущества сухопутного передвижения: оно было комфортнее и быстрее. С середины XIX в. сухопутные и водные путешествия в известной мере уравниваются друг друга, хотя функции их, как можно судить по травелогам, различаются. В сухопутных путешествиях на передний план выдвигается познавательная функция, а водные путешествия совершаются преимущественно с рекреационными целями. В известной мере это разделение функций осталось за водными и сухопутными путешествиями и до настоящего времени.

Ключевые слова: стихия как дорога, водное путешествие, водный травелог, Верхневолжье.

Путешествия стали модной принадлежностью современной культуры, травелоги – модной темой современной филологии и культурологии. Но представляется, что исследователи видят путешествия в сугубо антропологической перспективе. Они изучают цели и задачи путешественника, мотивацию путешествий и возможности травелога [Феноменология], образ пути и путника в мировой культуре [Культурное пространство путешествий], содержательную насыщенность историко-культурных маршрутов [Литература путешествий], трансформацию путевых жанров [Труды], дорожные дискурсы [Дискурс травелога], другими словами – путешественника. Завершающий подобные работы вывод относительно универсальности феномена путешествия как в плане экзистенциального эксперимента, так и в качестве социального института, еще раз подчеркивает тотальный антропоцентризм реализуемого в них подхода. Природа же как таковая – стихия, компонент, без которого путешествие невозможно, – оказывается за пределами исследовательского внимания, и лишь в единичных случаях природный фактор изучается наряду с социокультурным и историческим факторами [В зеркале путешествий].

В данном случае нет задачи объяснить все явления с этой относительно новой позиции, но есть необходимость поставить ее в центр внимания современных исследователей. Природоориентированный анализ феномена путешествия до сих пор не стал практикой для отечественной науки, и потому мы считаем целесообразным

актуализировать здесь идеи природоцентризма (экоцентризма), сложившиеся в мировой науке, в частности в западном дискурсе эко-критики. Так, нам близка мысль Л. Буэлла о том, что окружающая человека среда представляет собой некое существование, свидетельствующее о включенности, «вплетенности» человеческой истории в историю природы [Buell, p. 64]. Перспективной видится идея Ю-Фу Туана рассматривать место в качестве субъекта повествования [Tuani, p. 4, 161–162]. Логичным ее продолжением мы считаем развивающий идеи М. Фуко тезис Ф. Джеймисона об обусловленности человеческой повседневности, психического опыта, культурных языков категорией пространства в большей мере, чем категорией времени [Jameson, p. 16]. Спацио-темпоральная² концепция путешествия, позволяющая рассматривать место как «палимпсест последовательных ощущений места» (palimpsest of serial place-experiences) [Plumwood, p. 41–69], представляется продуктивной для анализа феномена востребованности путешественниками тех или иных локусов и/или маршрутов. В задачи статьи не входит ни теоретическое описание жанра травелога, фундаментально представленное в энциклопедических изданиях [см.: Literature of travel], ни целостный анализ текстов о путешествиях. Мы намереваемся, ограничившись в данном случае культурологическим подходом, показать перспективность природоориентированного анализа травелогического дискурса и представить итоговые результаты выполненных в этом ключе исследований водных путешествий по Тверскому краю.

Человеку изначально предоставлены два места жизни и два типа пути: жизнь на суше и жизнь на воде, путешествие по суше и путешествие по воде (совершенно не случайно известный художественно-географический альманах-ежегодник, который издавался в нашей стране в 1960–1991 гг., назывался «На суше и на море»). Путешествие по воздуху, в отличие от путешествий по суше и по воде, человек способен совершить только с помощью высокоорганизованной техники. За отсутствием технических средств человек может пойти пешком или пуститься вплавь, может соорудить примитивное транспортное средство для суши или воды своими руками. Но ни взлететь, ни подняться в воздух без специальной техники невозможно. Неустойчивость воздушного пространства человек способен преодолеть только головокружительной скоростью. Воздух максимально сокращает пространство и процесс путешествия, но это сокращение пространства имеет и оборотную сторону: путешествуя по воздуху, нельзя самовольно прервать свой путь и «остановиться», «оглянуться». Если путешественника привлекли красоты открывшегося за иллюминатором горного пейзажа, он не может остановить движения, чтобы полюбоваться ими. Путешествие по воздуху сосредоточено не на процессе, а на результате (взлет и посадка) и, кроме того, еще не до конца

² Мы предпочитаем этот термин из области формальной грамматики более традиционному «хронотопу».

освоено и тем более не до конца образно осмыслено человеком в жанрах искусства, в отличие от традиционных путешествий по суше и воде, представленных в виде отдельных описаний или включенных в общую архитектонику произведения.

Поэтому в данной статье мы рассмотрим два элемента: стихии воды и суши как две среды обитания человека и стихии воды и суши как пространства пути.

Стихия как среда обитания

Говоря о феномене путешествия, обычно мало учитывается явление стихии как среды обитания человека, то есть не раскрывается каузальность природных ресурсов, обусловивших цели, задачи, историческую, социально-бытовую специфику путешествия и повлиявших на выбор и аксиологическую позицию путешественника. Человек живет на суше, суша – естественная среда его обитания, поэтому все путешествия измеряются сухопутными мерками. Но жизнь человека невозможна без воды как таковой. Сочетание двух этих стихий и организует разные типы пространства.

Самое обычное сочетание суши и воды: человек живет на материке, внутри материка вокруг него расстилается пространство, предполагающее пути по суше, но при этом суша перерезана реками и речками разной длины и ширины. Путь по суше не обязывает человека непременно пользоваться специальными транспортными средствами. По суше человек изначально передвигался пешком. Транспортные средства для передвижения по суше достаточно сложны, создание их предполагало открытие колеса, создание телеги, а самое главное – создание дороги, неизмеримо ускоряющей связи между поселениями. Суша хороша тогда, когда она вполне и только суша. Но весенняя и осенняя распутица превращают ее в непроходимую топь, совершенно непригодную как для обычной поездки, так и для военного похода. Вода в этом случае становится самым оптимальным и желательным пространством передвижения и провоцирует минимализм транспортных средств, минимальные затраты на их создание: бревно, связанные бревна, выдолбленные бревна.

Не менее привычно и второе сочетание суши и воды, когда человек живет на краю материка, за его спиной находится суша, а перед глазами расстилается море-океан. У такого человека есть два пространства, по которым он может совершить путешествие: вода и суша. Пространство суши, разумеется, привычнее и естественнее, но пространство воды заманчивее и таинственнее. Примерно в этой же ситуации оказываются и люди, населяющие берега больших внутренних водоемов, крупных озер. Чтобы добраться на другой берег, озеро можно обойти, а можно и переплыть. Тот, кто предпочитает второй путь, увеличивает опасность, идет на риск, но зато сокращает время в пути.

Третий и четвертый варианты сочетания суши и воды менее тривиальны, хотя тоже часто встречаются в культуре. Человек живет на острове и видит вокруг себя только воду. Остров может давать человеку все необходимое для жизни, кроме одного. Если этот человек задумал путешествие, у него нет возможности выбрать сухой путь, в качестве стихии путешествия ему предоставлено только одно – вода. Для человека воды переплыть с острова на остров столь же естественно, как для человека суши сходить в соседнюю деревню. И это ведет к определенному типу поведения и локальным проявлениям характера.

Наконец, четвертый вариант: человек живет в пустыне и обречен на путешествие только по суше. Но пустыня – особое пространство, где есть безбрежность, одиночество, бури и барханы, сближающие его с водной стихией. Видимо, не случайно появление метафоры верблюда как *корабля пустыни*: человек даже в безводной пустыне в качестве пространства передвижения сориентирован на воду. Очевидно, представление о воде как пространстве мобильности, предназначенном для передвижения (путешествия), заложено в самые основы человеческого сознания, а в таком случае суша воспринимается в качестве противоположности воды, в качестве среды стабильного обитания.

Стихия как дорога

Итак, человеку изначально предоставлены два места, где он может жить и путешествовать: суша и вода. Как мы показали выше, обычно человек, будучи существом сухопутным, пользуется водой как дорогой для путешествия: чаще всего оказывая ей предпочтение по свободному выбору (первый и второй случай); реже – вследствие неизбежности (третий случай); иногда же просто имитируя водное путешествие (четвертый случай), очевидно, по привычке связывать путешествие и воду. Таким образом, передвигаться по воде для человека столь же привычно, как и жить на суше.

Чтобы путешествие выполняло функцию связи человека с местами заселения, а не научной экспедиции, нацеленной на открытие прежде неизвестного, пространство должно быть предварительно освоено человеком. На суше человек рождается, здесь он живет всю свою жизнь, и здесь его пристанище после смерти. Тем не менее путешествие по суше требует специальной, а также дорогостоящей и длительной подготовки. Качество дороги, по сути, определяет качество путешествия: без создания спроектированной, комфортабельно обставленной дороги успешное путешествие невозможно. Путешествие по воде такого уровня специальной подготовки не требует. Вода не столь родное пространство для человека, как суша, но ее не надо расчищать, обустраивать, чтобы отправиться по ней в путь-дорогу. Вода как будто изначально предназначена человеку как наиболее оптимальное по трудозатратам и времени достижения цели средство. Не случайно первые дороги всегда шли по рекам.

В исторической реальности миграционные процессы всегда сочетали различные типы передвижения целых народов [Головнев]. Для традиционной культуры характерна стабильная жизнь на одном месте в течение длительных отрезков времени; для культуры буржуазного и постбуржуазного времени свойственны повышенная мобильность человека и, как следствие, частое передвижение с места на место. В мировой культуре жизненный путь человека чаще всего представляется метафорой путешествия по воде от истока до устья. Таким иносказанием служил образ реки в византийской и русской иконописной традиции. В православной иконописи существуют изображения Христа, стоящего на вершине горы, из которой изливаются четыре потока, символизирующие четыре Евангелия. На храмовых фресках, воспроизводящих картины Страшного суда, из-под ног Христа-Судьи вытекает огненная река, унося с собой грешников в ад. Образ реки как метафоры жизни человека или человечества мы находим в мировой поэзии. Приведем наиболее известные примеры из русской литературы. Образ жизни человека как реки присутствует у А. Ф. Воейкова («Четыре возраста человеческих: Отрывок из Делилевой поэмы: Воображение»), В. А. Жуковского («Жизнь»), А. А. Дельвига («Мои четыре возраста»), М. Д. Деларю («Элегия»). Жизнь человечества как поток осмысливается в оде А. Н. Радищева «Осмнадцатое столетие», стихотворении «На тленность» Г. Р. Державина. И только у А. С. Пушкина в стихотворении «Телега жизни» изображена сухопутная дорога жизни. В описании водной стихии всегда присутствует топос движения и неустойчивого состояния. Это подвижная стихия в художественном осмыслении становится символом изменений судьбы человека, изменений состояния души и состояния мира.

Различны и зрительные впечатления от путешествия по суше и по воде. Суша словно бежит навстречу ездоку, и дорога стелется под колесами телеги, машины или поезда. Ощущение дороги, «зовущей вдаль», верно только тогда, когда человек стоит на ней, прекратив движение. Путешествие по воде дает совсем иные зрительные впечатления. Плывая по реке, мы плывем вместе с рекой. Водная дорога не стелется, она вывозит нас. Правда, это относится только к сплавным водным путям (вниз по течению). Взводные пути (вверх по течению), конечно, преодолевают движение воды, и возникает другой зрительный эффект: поднимаясь вверх по течению, нос лодки (корабля) буквально разрезает воду на две части, которые, бурля, расходятся по обе стороны.

Посадка водного судна – характеристика, отличающая его от сухопутного транспортного средства. При путешествии по суше любое транспортное средство твердо стоит на ней, не проваливаясь. Если оно погрузилось в сушу, это значит, что мы завязли в грязи. Если речное/морское транспортное средство не погрузилось в воду, это также (хотя и иначе) плохо: без необходимого погружения корабль не поплывет.

Таковы условия путей, особенности которых человеку диктуют природные стихии и откорректировать которые, конечно, можно с помощью технических средств, но стереотипные представления, сложившиеся в течение тысячелетий, от этого не изменятся.

Водная стихия Верхневолжья в истории путешествий

Первые путешествия, особенно длительные, совершались, если было возможно, по воде – исходной дороге для человека. По суше путешествовали там, где воды не было. Первые тверские путешественники выбирали воду. Так, посол Священной Римской империи С. Герберштейн по пути из Новгорода в Москву (1517) пересек по воде почти весь Тверской край – от Выдропужска до Твери по Тверце и далее до Городни по Волге. Датский дипломат Я. Ульфельдт (1578) упомянул Тверцу и Мсту как водные дороги от Твери до Новгорода [Тверь в записках, 2012, с. 24–25, 27]. Водный маршрут выбрало посольство А. Гюльденстиерне, сопровождавшее жениха Ксении Годуновой датского герцога Ганса (1602): герцог со свитой отправился из Вышнего Волочка по Цне и, пройдя озеро Мстино, приплыл по Мсте в Новгород. Посол антиохийского патриаршего дома Павел Алеппский отмечал востребованность этого пути (1655). Тверцой как водной дорогой от Торжка до Твери воспользовался голландский путешественник Я. Стрейс (1668). Удобство водного сообщения по Волге до Астрахани подчеркивал шведский военный инженер Э. Пальмквист (1674). Реки служили удобной дорогой не только в теплое время года, но и зимой и ранней весной: в марте 1636 г., когда Волга еще была покрыта толстым слоем льда, а сухопутные дороги размыла распутица, А. Олеарий преодолел по реке путь от Твери до Городни.

В допетровской Руси, в XVI–XVII вв., путешественники-дипломаты выбирали речные маршруты вынужденно, поскольку комфортных сухопутных дорог в то время не существовало. Но в XVIII в., после организации искусственных водных систем, отношение путешественников к поездкам по воде существенно изменилось. Отныне водные маршруты стали неотъемлемой частью представительских вояжей, их обязательным компонентом, центральным эпизодом. Так, в 1785 г. Екатерина II в сопровождении свиты предприняла путешествие в Вышний Волочек с целью показать иностранным посланникам обновляющуюся Вышневолоцкую водную систему, причем в маршрут входило намерение провести караван судов через опасные Мстинские и Боровицкие пороги, чтобы продемонстрировать доступность этих путей для пассажирских перевозок. Об этом пишет французский дипломат Л.-Ф. Сегюр; эти же эпизоды вояжа придворный художник М. М. Иванов запечатлел в акварелях «Вышний Волочек» и «Императорская флотилия на реке Мсте» [Там же, с. 107–112]. Представительское путешествие по Вышневолоцкой

водной системе до Петербурга, предпринятое в 1810 г. великой княгиней Екатериной Павловной и ее супругом принцем Георгом Ольденбургским, было, разумеется, менее масштабным. Следует иметь в виду, что принц Ольденбургский являлся губернатором тверским, новгородским и ярославским и в этом качестве курировал водные сообщения в стране. Однако и это путешествие было обставлено с величайшей пышностью и торжественностью: если Екатерина II ознаменовала свою поездку закладкой Борисоглебского собора в Торжке, то тверские правители заложили Богоявленский собор в самом центре Вышневолоцкой водной системы – в Вышнем Волочке [Тверь в записках, 2013, с. 97–98].

Частные же путешественники к концу XVIII в. отчетливо осознали преимущества сухопутного передвижения: оно было комфортнее и быстрее. Можно сказать, что со второй половины XVIII в. начинает формироваться эпоха сухопутных путешествий, в которых вода, теснимая сушей, отходит на второй план. Эта эпоха торжествует до середины XIX в., и в рамках ее создаются наиболее интересные травелоги этого времени. Даже Н. Я. Озерецковский, первым (1814) описавший истоки Волги и озеро Селигер, не пересекал озеро на водном транспорте: в его путешествии нет описания берегов со стороны воды. Он видит другой берег с этого берега, но никогда – не с пространства воды [Там же, с. 23–65]. Можно было бы сказать, что Озерецковский совершил свое водное путешествие по суше. Чуть раньше, в 1811 г., Ф. Н. Глинка сделал попытку совершить водное путешествие из Ржева в Тверь, но на последнем перегоне из-за суровой непогоды он выбрал более комфортный путь по суше [Тверь в записках, 2012, с. 171–240]. Первым, кто в Новое время предпринял и завершил путешествие по воде, был А. М. Петропавловский. Вместе с престарелым отцом-священником, сестрой и ее семьей (муж-чиновник и ребенок) этот небогатый петербургский чиновник купил в Твери лодку, нанял гребцов, и в 1852 г. пятеро пассажиров и два гребца прошли по воде до Калязина [Тверь в записках, 2013, с. 303–400]. Такие путешествия были очень дешевы, поэтому люди с малым достатком всегда выбирали водные дороги.

Петропавловский совершил свое путешествие по старинке. Но он будто предвосхитил тот водный бум, который начался в России во второй половине 1850-х гг. Изучение водных ресурсов стало предметом специальных научных экспедиций, организованных Морским ведомством страны. На Верхнюю Волгу с этим заданием в 1856 г. приехал А. Н. Островский [Тверь в записках, 2012, с. 350–415]. Тогда же стали возникать акционерные общества по организации пароходного транспорта на реках России, в первую очередь на Волге [Тверь в записках, 2014, с. 106–149].

С середины XIX в. сухопутные и водные путешествия в известной мере уравнивают друг друга, хотя функции их, как можно судить по травелогам, различаются. В сухопутных путешествиях

на передний план выдвигается познавательная функция, а водные совершаются преимущественно с рекреационными целями. Путешественник по суше стремится узнать новое, путешественник по воде – насладиться красотами и отдохнуть. В известной мере это разделение функций осталось за водными и сухопутными путешествиями и до настоящего времени.

Список литературы

В зеркале путешествий / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь : СФК-офис, 2012. 320 с.

Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН : Волот, 2009. 496 с.

Дискурс травелога / сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, 2008. 184 с.

Культурное пространство путешествий / ред.-сост. Е. Э. Сурова. СПб. : Центр изучения культуры, 2003. 350 с.

Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск : Гаудеамус, 2013. 592 с.

Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / сост., вступ. статья, биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь : Книжный клуб, 2012. 416 с.

Тверь в записках путешественников. Вып. 2 : Записки XVIII–XIX веков / сост., вступ. статья, биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь : Книжный клуб, 2013. 436 с.

Тверь в записках путешественников. Вып. 3 : Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX – начало XX века / сост., вступ. статья, биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь : Книжный клуб, 2014. 464 с.

Труды Русской антропологической школы. М. : РГГУ, 2013. Вып. 13. 355 с.

Феноменология, история и антропология путешествия / сост., ред. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. СПб. : Свое издательство, 2013. 200 с.

Buell L. *The Environmental Imagination*. Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard University Press, 1995. 500 p.

Jameson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC. : Duke University Press, 1991. 461 p.

Literature of travel and exploration: an encyclopedia: in 3 vols. / ed. by J. Speake. New York : Fitzroy Dearborn, 2003.

Plumwood V. *Feminism and the Mastery of Nature*. London: Routledge, 1993. 250 p.

Tuan Yi-Fu. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1977. 235 p.

References

Buell, L. (1995). *The Environmental Imagination*. 500 p. Cambridge, Mass., The Belknap Press of Harvard University Press.

Golovnev, A. V. (2009). *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii)* [The Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. 496 p. Ekaterinburg, Uro RAN, Volot.

Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. 461 p. Durham, NC., Duke University Press.

Kobelt-Grobah, M., Kulishkina, O. & Polubojarinova L. (Comp., Eds.). (2013). *Fenomenologiya, istoriya i antropologiya puteshestviya* [The Phenomenology, History and Anthropology of Travelling]. 200 p. Saint Petersburg, Svoe izdatel'stvo.

Milyugina, E. G. & Stroganov, M. V. (Eds.). (2012). *V zerkale puteshestvij* [In the Mirror of Travelling]. 320 p. Tver: SFK-ofis.

Milyugina, E. G. & Stroganov, M. V. (Comp., Eds., Comment.). (2012). *Tver' v zapiskah puteshestvennikov XVI–XIX vekov* [Tver in the Diaries of 16th – 19th Centuries Travellers]. 416 p. Tver, Knizhny'j klub.

Milyugina, E. G. & Stroganov, M. V. (Comp., Eds., Comment.). (2013). *Tver' v zapiskah puteshestvennikov. Vy'p. 2: Zapiski XVIII–XIX vekov* [Tver in the Diaries of 18th – 19th Centuries Travellers. Issue 2]. 436 p. Tver, Knizhny'j klub.

Milyugina, E. G. & Stroganov, M. V. (Comp., Eds., Comment.). (2014). *Tver' v zapiskah puteshestvennikov. Vy'p. 3: Vodny'e puti Verhnej Volgi. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [Tver in the Diaries of 16th – 19th Centuries Travellers. Issue 3]. 464 p. Tver, Knizhny'j klub.

Pecherskaya, T. I. (Ed.). (2013). *Literatura puteshestvij: kul'turno-semioticheskie i diskursivny'e aspekty* [Literature on Travelling: Cultural, Semiotic and Discourse Aspects]. 592 p. Novosibirsk, Gaudeamus.

Plumwood, V. (1993). *Feminism and the Mastery of Nature*. 250 p. London, Routledge.

Rusakova, O. F. & Rusakov, V. M. (Comp.). (2008). *Diskurs traveloga* [The Travelogue Discourse]. 184 p. Yekaterinburg.

Trudy' Russkoj antropologicheskoi shkoly' [Works of the Russian School of Anthropology]. (2013). (Iss. 13). 355 p. Moscow, RGGU.

Tuan, Yi-Fu. (1977). *Space and Place: The Perspective of Experience*. 235 p. Minneapolis, University of Minnesota Press.

Speake, J. (Ed.). (2003). *Literature of travel and exploration: an encyclopedia* (in 3 vols.). New York, Fitzroy Dearborn.

Surova, E. E'. (Ed.). (2003). *Kul'turnoe prostranstvo puteshestvij* [The Cultural Space of Travelling]. 350 p. Saint Petersburg, Centr izucheniya kul'tury'.

The article was submitted on 24.03.2015

Елена Георгиевна Милюгина,
профессор, Институт
педагогического образования
Тверского государственного
университета,
Тверь, Россия
elena.milyugina@rambler.ru

Elena Milyugina,
Professor,
Institute of Pedagogical Education
in Tver State University,
Tver, Russia
elena.milyugina@rambler.ru

Михаил Викторович Строганов,
профессор,
Государственный
республиканский центр
русского фольклора,
Москва, Россия
mistro@rambler.ru

Mikhail Stroganov,
Professor,
State Republican Center of Russian
Folklore,
Moscow, Russia
mistro@rambler.ru

RUSSIAN AUTHORITIES: THE MECHANISMS OF STATE ADMINISTRATION

DOI 10.15826/qr.2015.2.099

УДК 94(470.4)+94(470.5)+316.462+351/354(09)

**Петр Кабытов
Эдуард Дубман
Ольга Леонтьева**

СРЕДНЯЯ ВОЛГА И ЗАВОЛЖЬЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

**Petr Kabytov
Edward Dubman
Olga Leontieva**

THE MIDDLE VOLGA AND TRANS-VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE SYSTEM: A MODERN CONCEPT

Until the mid-19th century, the Middle Volga and Trans-Volga region could be considered as a frontier of the Russian state. It was a specific border between Europe and Asia, an imperial periphery facing the southeast, the nomadic steppe world. Until the mid-18th century, the administrative system in the Middle Volga had primarily fulfilled military and fortification tasks. The permanent process of mass colonization was the most important feature of the region's history between the mid-17th century and the early 20th century; it was facilitated owing to a large amount of vacant land and favorable market conditions. Mass migration caused establishment of Russian farms and landownership in the region and a gradual replacement of nomadic pastoralism. By the mid-19th century, the policies of the Russian Empire in the Trans-Volga region had lost their military and foreign-policy functions, and the administrative system had been brought into line with the all-imperial standards. The region began to turn into an "inner periphery" of Russia which combined some features of the border region and those of the inlands of the Empire. After the abolition of serfdom in 1861, the Trans-Volga region acquired the status of the "Russian breadbasket", one of the main centers of grain production and supply of bread to the national and

international markets. Construction of railways and the development of the Volga river shipping lines contributed to the intensive influx of people to the region, and to the plowing and cultivation of the virgin steppe lands. The main feature of the region's population was its ethnic and religious diversity, as well as historically conditioned interaction of the peoples of "forests and steppes". By the beginning of the 20th century, the "inner periphery" had acquired its recognizable historical and cultural image and become motherland for its diverse population.

Keywords: frontier; inner periphery; Middle Volga region; Trans-Volga region; history of Russia; power and society.

Авторский коллектив исходит из концепции, согласно которой вплоть до середины XIX в. средневожский регион может быть охарактеризован как один из фронтиров Российского государства – специфическое пограничье Европы и Азии, окраинная территория, обращенная на юго-восток, к кочевому степному миру. До середины XVIII в. система управления в Среднем Поволжье выполняла прежде всего военные и фортификационные задачи. Важнейшей особенностью региона был процесс его массовой колонизации, осуществлявшейся с середины XVII и до самого начала XX в., чему способствовали наличие здесь значительного фонда свободных земель и благоприятная рыночная конъюнктура. Результатом переселенческого движения стало укоренение на основной территории региона русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения, постепенное вытеснение кочевого скотоводства. К середине XIX в., когда имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции, а система управления была унифицирована по общероссийскому образцу, средневожский регион из фронта вдоль юго-восточной границы начал превращаться в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. В пореформенный период Заволжье обрело статус «российской житницы», одного из основных центров товарного зернового производства, поставщиков хлеба на внутренний и внешний рынки. Строительство железных дорог, развитие волжского пароходства способствовали интенсивному притоку населения, стремительной распашке степных земель. На рубеже XIX–XX вв. регион стал транзитным узлом, через который шло массовое переселение крестьян из центральных губерний России и Украины в Сибирь. Особенностью сельского населения региона, его отличием от других «внутренних районов» России являлась этноконфессиональная неоднородность и активное взаимовлияние народов «леса и степи», что имело глубокие исторические корни. К началу XX в. «внутренняя окраина» превратилась в особое историко-культурное пространство со своим узнаваемым обликом, в «общую родину» для своего многоликого населения.

Ключевые слова: фронт, внутренняя окраина, колонизация, Среднее Поволжье, Заволжье, Приуралье, история России, власть и общество.

Российская государственность и цивилизация исторически складывались как общность регионов с различным уровнем социально-экономического развития, уникальным историческим опытом и традициями, гетерогенным этноконфессиональным и социокультурным составом населения. В силу этого особую важность традиционно имела проблема поиска оптимальных моделей интеграции регионов страны, формирования чувства причастности их жителей к судьбе как «большой», так и «малой» родины.

Решение этой задачи невозможно без обращения к историческому опыту. Современная наука пришла к осознанию необходимости построения многомерных моделей исторического развития, охватывающих обширные регионы на протяжении периодов «большой длительности» (до нескольких веков) и учитывающих взаимовлияние географических, социокультурных, социально-экономических, политических и этноконфессиональных факторов [Бродель]. Такой подход направлен на выявление ресурсов стабильности и возможных «точек хрупкости» крупных геополитических образований.

Для российских государства и социума фактор освоения новых территорий являлся определяющим на протяжении едва ли не всего исторического прошлого. Этот тезис, впервые в обобщенной форме сформулированный С. М. Соловьевым [Соловьев, с. 631], в чеканную, классическую форму перевел В. О. Ключевский, заявивший: «История России есть история страны, которая колонизируется». При этом, подчеркивал историк, с каждым новым переселением, под влиянием «физических особенностей новозанятого края» и «новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах», изменялись «формы общежития», а народная жизнь получала «особое направление, особый склад и характер» [Ключевский, с. 19–20]. Важное методологическое значение для изучения рассматриваемой проблемы имеет также концепция фронта (пограничной, колонизируемой территории с подвижными границами и полиэтническим составом населения), предложенная еще в XIX в. американским историком Д. Тернером [Тернер] и успешно используемая в настоящее время отечественными и зарубежными исследователями, изучающими колонизационные процессы в истории Российского государства в целом [Рибер], а также на Северном Кавказе [Барретт], в Сибири [Сибирь; Побережников], в Северном Казахстане, Приуралье и Южной Сибири [Khodarkovsky] и др. В современной отечественной науке примером подхода к истории России сквозь призму процессов «внутренней колонизации» может служить недавнее исследование А. Эткинды, в котором как объект колонизации рассматриваются не только «иностранные территории», но и «внутренние земли России» [Эткинды, с. 9–10]. Актуальным направлением исследований стало изучение культурных трансферов между Российской империей и другими странами или же в рамках самой Российской империи [Imperium; Kusber].

Значимость процессов расселения, государственного и хозяйственного освоения огромного пространства Евразии, трансляции цивилизационных моделей и взаимодействия культур ни в коем случае нельзя преуменьшать. Процесс последовательного освоения огромного лесостепного и степного пространства от границ с Польшей до Урала, а также Сибири растянулся на несколько столетий, с середины XVI до начала XX в.: со времени существования традиционного аграрного общества до эпохи капиталистической модернизации. В осваиваемых, колонизируемых регионах Российского государства складывался новый тип общества: модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения «окраин». В силу этого историческое становление цивилизационного пространства современной России необходимо исследовать, учитывая множественность акторов исторического процесса на каждой имперской окраине, исследуя их взаимодействие, выявляя мотивацию их поведения и реакций на обстоятельства и действия других акторов [Миллер, с. 31–32].

Используя новые методологические подходы, самарские исследователи обратились к комплексному изучению особенностей развития южных и юго-восточных лесостепных пространств Средней Волги и Заволжья в составе Российского государства на протяжении периода «большой длительности» – с середины XVI до начала XX в. [История Самарского Поволжья; «Обретение родины», 2013; «Обретение родины», 2014]. Эти пространства (в границах современного административно-территориального деления этот регион охватывает Самарскую и Ульяновскую области, а также пограничные с ними районы Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей, республик Татарстан, Башкортостан и Казахстан), не имевшие вплоть до присоединения к Московскому государству сколько-нибудь устойчивых структур оседлого расселения, в эпоху позднего Средневековья и Нового времени стали зоной интенсивного колониационного освоения представителями различных этносов: русских, украинцев, немцев; народов Среднего Поволжья – татар, чувашей, мордвы, башкир; кочевого населения юго-восточных степей [«Обретение родины», 2014]. Своеобразие природно-климатических и почвенных зон предопределило особенности хозяйственной деятельности населения региона в условиях непрерывной колонизации: возможность трансформации «вмещающего ландшафта», перехода от преобладания кочевого скотоводства к экстенсивно развивающемуся земледелию [«Обретение родины», 2013, с. 78–85]. Для переселенцев, приходивших в «дикое поле», расселявшихся на «порозжих землях», с течением времени этот регион становился «общей родиной» [Кабытов, Дубман, с. 84–86; Смирнов]. По сути своей «обретение родины» было сложным поэтапным процессом, где переплетались несколько составляющих: взаимовлияние природно-географических условий региона и антропогенного факто-

ра; складывание сословно-классовой структуры сельского и городского населения; становление социокультурного облика населения региона, формирование региональной идентичности и ряд других.

Процесс формирования и развития нового социума в колонизируемом регионе допустимо разделить на два особых исторических этапа. С середины XVI в. расселение по всей территории «вмещающего ландшафта» происходило в условиях постоянного преодоления воздействия внешних сил, и прежде всего кочевых образований; интенсивного взаимодействия различных этноконфессиональных групп в ходе совместной экономической и социокультурной деятельности. Вплоть до середины XIX в. средневожский регион может быть охарактеризован как один из *фронтиров* Российского государства. К середине XIX в. имперская политика на юго-востоке, в Заволжье, утратила военные и внешнеполитические функции. Средневожский регион из фронта начал превращаться в своеобразную *внутреннюю окраину* России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи [Поволжье – «внутренняя окраина», с. 5–6].

Выступая в качестве фронта Российского государства, Среднее Поволжье и Заволжье являлись пограничьем Европы и Азии, плацдармом для продвижения в Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. В течение длительного исторического периода южные и юго-восточные территории региона служили зоной кочевого и полукочевого скотоводства, тогда как расположенные севернее лесостепные черноземы привлекали сюда переселенцев-земледельцев. В качестве стенового хребта региона выступала Волга и ее притоки, связывающие его пространство в единое целое.

Государственная политика в регионе после присоединения к России определялась его пограничным статусом: Среднее Поволжье становится интенсивно осваиваемой окраинной территорией, обращенной на юго-восток, к кочевому степному миру. Правительственная и вольная колонизация «украин» в XVI–XVII вв. постоянно взаимодействовали друг с другом [История крестьянства СССР, с. 405]. Необходимо отметить чрезвычайную важность действий Московского государства в процессе формирования так называемых «всеобщих условий производства» прежде всего на окраинных пограничных территориях страны [Милов, с. 361].

Последние десятилетия XVI в. следует считать отправной точкой становления системы местных органов власти в Среднем Поволжье. Беспокойный характер региона, частые пограничные конфликты с кочевниками диктовали выбор способов управления, которые неизбежно приобретали военно-административный характер. Именно на территории бывшего Казанского ханства впервые в России было введено воеводское управление, создана и постоянно расширялась к югу и юго-востоку система административно-территориального деления, опирающаяся на сеть укрепленных опорных пунктов, новых «понизовых» городов-крепостей, находившихся в ведении приказа Казан-

ского дворца – центрального административно-территориального органа, наделенного обширными полномочиями [Ермолаев]. Строительство засечных черт и «испомещение» под их защитой различных категорий служилого населения положило начало интенсивному заселению края, его сельскохозяйственной и промысловой колонизации и позволило резко расширить во второй половине XVII – начале XVIII в. зону оседлого расселения.

Ареал расселения охватил практически все правобережье Среднего Поволжья (до широты Сызрани и ниже по течению Волги) и земли Прикамья (под защитой Закамской черты). В ходе строительства системы засечных линий (Симбирской, Корсунской, Саранской и др.) важнейшую роль в заселении примыкающих к ним территорий сыграло переведенное на них военизированное население: приборные люди (стрельцы, казаки и др.), дворяне и дети боярские, служилые мурзы, татары, чувашаи и мордва. Их «испомещение» дало толчок к складыванию крупного массива служилого землевладения – значительного количества сравнительно мелких помещичьих имений с крепостным населением. Вплоть до конца 1680-х гг. правительство, стремясь сохранить это многочисленное военизированное население от конкуренции со стороны крупных привилегированных собственников, распространяло на уезды средневожского фронта нормы законодательства о «заказных городах». Только в последние десятилетия XVII в. начались массовые раздачи земли монастырям и представителям светской элиты [Дубман, с. 225–233]. Заметную категорию жителей региона составляли государственные и дворцовые крестьяне; правительство активно использовало их как источник людских ресурсов для пополнения различных категорий приборных людей, заселения и хозяйственного освоения более южных порубежных территорий [Малинкин].

Особенностью сельского тяглого населения региона, отличавшей его от жителей других «внутренних районов» Московского государства, являлась этноконфессиональная неоднородность. Различные в этническом и конфессиональном отношении группы сельских жителей – русских, татар, мордвы и чувашей, как правило, мирно соседствовали друг с другом [«Обретение родины», 2014]. Города и пригороды региона представляли собой военизированные поселения с преобладанием служилого населения. Только Симбирск и отчасти Саратов во второй половине XVII в. являлись крупными торгово-промышленными центрами с многочисленным посадским населением.

Способы и методы управления регионом существенно изменились в результате проведения Петровских реформ. На территории Поволжья была введена губернская система управления (Казанская, Астраханская губернии); со второй трети XVIII в. началось интенсивное военно-государственное и экономическое освоение левобережья. Но говорить об унификации управления краем по единому имперскому образцу было еще рано. В 1730-е – начале 1740-х гг. в Заволжье

функции местного управления фактически выполняли временные комиссии (комиссия Ф. В. Наумова, Оренбургская экспедиция, а затем Оренбургская комиссия), осуществлявшие прежде всего задачи военизированного заселения региона.

Создание крупного вотчинного землевладения в лесостепной полосе Поволжья при Екатерине II имело своим следствием трансляцию на имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны. Губернская реформа 1775 г. сформировала типичный набор органов губернского управления, заложила новые принципы формирования административных границ внутри Российской империи; в результате аппарат местного гражданского управления стал аналогичным существовавшему в большинстве регионов европейской России. В середине и второй половине XVIII в. в регионе появились новые административно-территориальные образования: Оренбургская, Симбирская, Саратовская губернии.

Наиболее многочисленной сословной группой жителей Поволжья в XVIII в. были государственные крестьяне (по данным 1760-х гг., они составляли почти половину всего крестьянского населения региона). С середины XVIII в. начинается наступление дворян на крестьянские земли – дворянское землевладение в крае расширялось в результате пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укрепленных линий, покупки земли у однодворцев, ясачных крестьян и других категорий местного населения, наконец, путем самовольных захватов, позднее легализованных в ходе Генерального межевания.

В Заволжье помещики обосновались позже, чем на правобережье Волги, – по мере ликвидации угрозы от кочевых набегов и укрепления власти. Земледельческое освоение самарского Заволжья пошло быстрее после отмены в 1736 г. запрета на покупку и продажу башкирских земель: часть башкирских охотничьих угодий и кочевий была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались за бесценок помещиками. В свои новые владения помещики активно переводили крепостных из менее плодородных районов страны. Политика властей вела к формированию в Заволжье крупного помещичьего землевладения – и соответственно крепостного земледельческого крестьянства, преимущественно русского.

Изменения структуры населения региона отразились и на городском социуме. В первой половине XIX в. прирост городского населения в Поволжье был выше, чем в среднем по стране. Однако урбанизация здесь осуществлялась за счет развития уже существовавших, а не вновь основанных городов. Значительный прирост населения наблюдался в волжских городах с удобными пристанями; численность их населения в несколько раз возрастала во время крупных ярмарок, а также летом – за счет притока бурлаков и сезонных рабочих. В городах региона сохранялся патриархальный образ жизни, преобладающее большинство городского населения в конце XVIII в. и даже в первой половине XIX в.

составляли крестьяне. Состав жителей городов Поволжья был многонациональным, но преобладало русское православное население. Представители автохтонных этносов концентрировались, как правило, в сельской местности. Различался социальный облик поволжских городов: у Симбирска сформировалась устойчивая репутация «дворянского гнезда», у Саратова – «купеческого» города. Именно в конце XVIII – первой трети XIX в. были заложены основы системы народного образования в регионе [Артамонова].

Мощное переселенческое движение и сельскохозяйственная колонизация подготовили основу для административного переустройства региона. К середине XIX в. имперская политика на левобережье Волги утрачивает военные функции; происходит окончательное включение этих земель в политическую и экономическую систему Российской империи (так, в середине XIX в. в регионе были образованы новые губернии: в 1850 г. – Самарская, в 1865-м – Уфимская). Ликвидация в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства показала, что зона имперского фронта переместилась гораздо южнее. Реализация в регионе реформ Александра II по общероссийскому сценарию доказала, что правительственные структуры к тому времени рассматривали Среднее Поволжье и Заволжье как внутренние территории империи, где власть могла рассчитывать найти надежную социальную опору.

Новый импульс колонизационным процессам был дан в пореформенный период: строительство железных дорог, интенсификация волжского пароходства способствовали увеличению численности и плотности населения, задавали вектор миграции. Во второй половине XIX – начале XX в. регион стал важным транзитным узлом, через который шло массовое переселение крестьян из центральных губерний России и Украины в Сибирь; часть переселенцев оседала в самом Поволжье – в южных степных уездах. Переселение шло и внутри Поволжского региона: сохранение крепостнических пережитков, перенаселенность вели к росту числа переселенцев из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний на юго-восток региона.

На новых местах поселенцы воспроизводили традиционные для них формы общежития, самоуправления, ведения хозяйства, долгое время сохраняли свои особенности говора, быта, культуры; переносили на новые реалии привычные топонимы. Во второй половине XIX – начале XX в. Среднее Поволжье и Приуралье являли собой историко-культурную область, где активно взаимодействовали различные этноконфессиональные группы. Типичным явлением лесостепной полосы было наличие смешанных поселений – например, русских и татар, русских и мордвы и т. д. Напротив, в степных районах Поволжья и Приуралья развитие земледелия шло за счет сокращения землевладения и кочевого хозяйства башкир. Когда необходимость в иррегулярной военной охране приграничных территорий отпала, земли кочевых народов из военного ведомства были переданы в распоряжение Министерства государственных имуществ, которое стало

активно передавать их переселенцам из центральных регионов страны. Это привело к изменению экологической и этнокультурной ситуации в регионе.

Социальный облик населения Среднего Поволжья в XIX – начале XX в. был типичным для российской провинции, но при этом обладал некоторой региональной спецификой. Дворянство средневожских губерний по общероссийским меркам сформировалось довольно поздно, в конце XVIII – первой половине XIX в.; лишь Симбирская губерния принадлежала к «дворянским» территориям империи с «древними благородными родами». Низкий удельный вес дворян в общем составе населения Поволжья еще более сократился в пореформенный период; причинами тому были убыль дворянского землевладения, постепенное формирование купеческой и крестьянской собственности на землю, перемещение потомственного дворянства в столицы и другие города страны. С 1877 по 1914 г. дворянство региона потеряло почти две трети своего земельного фонда. Пик распродажи «дворянских гнезд» в Самарской и Саратовской губерниях пришелся на 1906–1907 гг., когда многие поместья пришли в расстройство в результате крупнейших в России крестьянских волнений [Кабытов, Баринава].

Характерной чертой аграрного развития Поволжья во второй половине XIX в. были экстенсивные методы земледелия. В степных уездах за два десятилетия рубежа веков размеры пашни удвоились. Под посевы шли распаханые залежи, луга и пастбища, на севере и северо-востоке – расчищенные леса. Благодаря этому завожские степи превратились в бескрайние хлебные житницы; к началу XX в. лишь в Уфимской и Оренбургской губерниях оставались нераспаханные ковыльные степи, хотя их размеры быстро уменьшались. Главными посевщиками в крае были крестьяне, что было особенно заметно на фоне сокращения фондов дворянского землевладения. Удельный вес новаций в агрономии был невелик; улучшения в агротехнике и агрикультуре были заметны в частновладельческих экономиках, в крестьянских хозяйствах фермерского типа на степном юге Самарской губернии, фермерских уездах, сформировавшихся вокруг Уфы, Белебея, Стерлитамака, в хозяйстве немцев-колонистов в Поволжье и на Южном Урале. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи. В пореформенный период Заволжье обрело статус «русской житницы», одного из основных центров товарного зернового производства, поставщиков хлеба на внутренний и внешний рынки [Дубман, Кабытов, Тагилова]. В то же время значительное увеличение пахотных угодий оборачивалось постепенным снижением урожайности и «выпаханностью» земель, усилением зависимости земледельца от климата, что, наряду с ростом численности сельского населения, постепенно вело аграрный сектор хозяйства края к кризису.

Ход столыпинской реформы в регионе наглядно свидетельствует о неоднородности социально-экономического облика поволжской и приуральской деревни. В многонациональной деревне лесостепного региона землеустроители натолкнулись на стойкое сопротивление сельской общины. Напротив, в степных уездах Заволжья быстрее шло формирование хозяйства фермерского типа, и идея перехода к индивидуальному землевладению встретила там гораздо более широкую поддержку крестьян, чем в других уездах и губерниях региона [Столыпинская аграрная реформа, с. 89–125, 187–203]. Но все же в данном регионе, как и в стране в целом, реформа не смогла снять остроту крестьянского вопроса. В ходе революций начала XX в. наглядно проявилась социально-политическая дифференциация населения Поволжья; крестьяне выдвигали конфискационные требования и поддерживали демократические силы [Кабытова].

В пореформенный период города региона начали превращаться в новые, динамично развивающиеся торгово-промышленные центры, важные транзитные пункты российской торговли. Основной категорией городского населения стали мещане, второй по численности категорией городского населения (в Симбирской губернии – первой) были осевшие в городах крестьяне. Рост доли дворян в городском населении, по всей видимости, был вызван «оскудением» дворян после реформы 1861 г. и переселением их в города. Несмотря на скромную численность купцов, их влияние на городскую жизнь было огромным, в силу владения ими значительной частью городской недвижимости и ведущей роли в городской экономике [Тюрин].

Торгово-предпринимательская деятельность средневожского купечества была напрямую связана с природно-климатической и хозяйственной спецификой региона. Крупнейшие капиталы самарских купцов были нажиты на хлеботорговле, на кожевенных и салотопенных предприятиях. Во второй половине XIX в. основной сферой приложения купеческих капиталов стала хлеботорговля. Наконец, в конце XIX в. купечество оценило выгоду совмещения торговой деятельности с промышленным производством: предприниматели объединили в своих руках закупку зерна, его переработку на собственных мельницах, транспортировку и продажу как в ближайших губерниях, так и за их пределами. Это способствовало выделению крупных торгово-промышленных фирм, получивших возможность выйти за пределы поволжских губерний и найти свое место на всероссийском рынке. Купечество стало «лицом» городского управления: в составе городских дум насчитывалось в среднем 60–70 % представителей купечества, а городские головы в подавляющем большинстве случаев являлись купцами. Купечество оставило свой след в формировании городской среды Среднего Поволжья, что выразилось в строительстве храмов, доходных домов, торговых заведений, производственных предприятий [Кабытов, Баринава]. Отражая расстановку социальных сил, городские думы Среднего Поволжья до начала революции 1905–1907 гг.

были политически индифферентны и сосредотачивались на хозяйственных проблемах [Леонов].

Самым многочисленным городским сословием в пореформенный период стало мещанство, пополнявшееся выходцами из самых разных социальных групп (главным образом за счет крестьян, переселившихся в города). Доходы основной массы мещан незначительно превышали прожиточный минимум. Реализация Городового положения 1870 г., с его принципом всеословности и высокими избирательными цензами, вызвала исход мещан из городского самоуправления и снижение их роли в городской жизни [Кобозева].

Окраинный статус региона все еще был заметен по многим показателям, прежде всего по темпам развития образования и культуры. Только в Казани, образовательном центре Поволжья, действовал университет, основанный еще при Александре I, ветеринарный институт, духовная академия; в Саратове первым высшим учебным заведением стал сельскохозяйственный институт, а университет в составе одного факультета (медицинского) был создан только в 1909 г. И это тоже было показателем провинциальности, того факта, что Поволжье очень слабо включалось в процесс социокультурного развития имперского «ядра».

К началу XX в. средневожское пространство приобрело статус «места памяти» для российской культуры, одного из ключевых символов русской национальной идентичности. Волжские пейзажи И. И. Левитана или И. Е. Репина воспринимались как типично русские ландшафты; сравнение могучей и величавой реки с русским народным характером стало расхожим литературным приемом. «Внутренняя окраина» превращалась в особое историко-культурное пространство со своим узнаваемым, выразительным обликом [Цыганова]. В отношении этого региона особенно верным представляется наблюдение Ключевского об «исторической службе русской реки», которая «воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение» [Ключевский, с. 55–56].

Таким образом, важнейшей особенностью региона был процесс его массовой колонизации, начавшейся в середине XVII в. и продолжавшейся вплоть до начала XX в. Наличие здесь значительного фонда свободных земель и благоприятная рыночная конъюнктура порождали интенсивные миграционные процессы, которые, в свою очередь, оказывали прямое или косвенное влияние и на экономическую, и на социальную, и на общественно-политическую ситуацию. Складывание системы устойчивого расселения, формирование нового хозяйственного и культурного облика, взаимовлияние различных народов «леса и степи» в ходе «обретения родины» и формирования нового

социума являлись основными сущностными характеристиками развития региона, превращения его из территории фронта в «внутреннюю окраину» Российской империи, в «общую родину» для его многоликого населения.

Список литературы

Артамонова Л. М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 110–117.

Барретт Т. М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. 332 с. С. 163–194.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / пер. с фр. М.: Весь мир, 2006.

Дубман Э. Л. Юго-Восток Европейской России: монография. Ч. 1: Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара: Самарский университет, 2012. 236 с.

Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара: Самарский университет, 2004. 296 с.

Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. 222 с.

История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М.: Наука, 1990. 616 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 1–6. М.: Наука, 2000.

Кабытов П. С., Баринова Е. П. Дворянство Поволжья второй половины XIX – начала XX в.: историография проблемы // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 47–52.

Кабытов П. С., Дубман Э. Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993. № 2.

Кабытова Н. Н. Социально-политическая дифференциация населения Поволжья в 1917 г. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 161–171.

Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. 572 с.

Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Самарский университет, 2013. 608 с.

Леонов М. И. Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 139–150.

Малинкин Е. М. Военные силы Понизовья во второй половине 1640-х – начале 1660-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 26–34.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. 2 изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

«Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1: Очерки истории / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Самарский университет, 2013. 360 с.

«Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация / под

ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара : Самарский университет, 2014. 254 с.

Побережников И. В. Канадский и российский фронт: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара : Самар. отд.-ние Литфонда, 2007. 328 с.

Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Советский период : антология. Самара : Самарский университет, 2000. С. 94–145.

Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Смирнов Ю. Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX в. : дис. ... д. и. н. М., 1999.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. 2. М. : Мысль, 1988. 768 с.

Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии : Сборник документов и материалов. Самара, 2012. 314 с.

Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. М. : Весь мир, 2009. 304 с.

Тюрин В. А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 92–98.

Цыганова Я. М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 74–82.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Imperium inter pares : Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2002. 304 p.

Kusber J. Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of The Russian Empire // Quaestio Rossica. 2014. № 2. P. 233–251.

References

Artamonova, L. M. (2012). Uchastie duhovenstva v otkry'tii i deyatel'nosti obshheobrazovatel'ny'h shkol Kazanskogo uchebnogo okruga v pervoj treti XIX veka [The Participation of the Clergy in the Establishment and Functioning of Secondary Schools of the Kazan Educational District in the 1st Third of the 19th Century], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 99, pp. 110–117.

Aust, M., Vul'pius, R. & Miller, A. (Eds.). (2010). *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. 392 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Barrett, T. M. Linii neopredelenosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [The Lines of Uncertainty: The North Caucasian Frontier of Russia]. In David-Fox, M. (Comp.). (2000). *Amerikanskaya rusistika: Vехi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period. Antologiya* (pp. 163–194). Samara, Samarskij universitet.

Braudel, F. (2006). *Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism: 15th – 18th Centuries] (in 3 vols.). (Transl. from Fr.). Moscow, Ves' mir.

Cy'ganova, Ya. M. (2013). Rossijskaya provinciya poreformennoj e'pohi kak istoriko-kul'turnoe prostranstvo: podkhody' k izucheniyu [Russian Province after the Reform Era as a Historical and Cultural Space: Approaches to Research], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 109, pp. 74–82.

Dameshek, L. M. & Remnev, A. V. (2007). *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. 368 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Dubman, E'. L. (2012). *Yugo-Vostok Evropejskoj Rossii: monografiya. Ch. 1: Povolzhskij frontir v seredine XVI–XVII vv. Oчерki istorii* [The Southeast of European Russia: A Monograph. Part 1. The Volga River Basin Frontier in the Mid-16th – 17th Centuries. Essays on History]. 236 p. Samara, Samarskij universitet.

Dubman, E'. L. & Kaby'tov, P. S. (Eds.). (2007). *Povolzh'e – «vnutrennyaya okraina» Rossii: gosudarstvo i obshhestvo v osvoenii novyh territorij (konecz XVI – nachalo XX v.)* [The Volga River Basin – Russia's Inner Outskirts: The State and Society in the Development of New Territories (Late 16th – Early 20th Century)]. 328 p. Samara, Samarskoye otdelenie Litfonda.

Dubman, E'. L., Kabytov, P. S. & Tagirova, N. F. (2004). *Oчерki istorii Yugo-Vostoka Evropejskoj Rossii* [Essays on the History of the Southeast of European Russia]. (296 p.). Samara, Samarskij universitet.

Ermolaev, I. P. (1982). *Srednee Povolzh'e vo vtoroj polovine XVI–XVII vv. (upravlenie Kazanskim kraem)* [Middle Volga River Basin in the 2nd Half of the 16th – 17th Centuries (The Management of Kazan District)]. 222 p. Kazan, Kazanskij universitet.

E'tkind, A. (2013). *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opy't Rossii [Inner Colonization. Russia's Imperial Experience]*. 448 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Istoriya krest'yanstva SSSR s drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialistscheskoj revolyucii [The History of Peasantry in the USSR from the Antiquity till the Great October Socialist Revolution. Vol. 2: Peasantry in the Times of Early and Full-Fledged Feudalism] (in 5 vols.). (1990). 616 p. Moscow, Nauka.

Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevnejshih vremen do nashih dnei [The History of the Samara Volga River Basin from the Antiquity till Our Times]. (2000). (Bks. 1–6). Moscow, Nauka.

Kaby'tov, P. S. & Barinova, E. P. (2012). *Dvoryanstvo Povolzh'ya vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: istoriografiya problemy'* [The Nobility of the Volga River Basin of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century: A Historiography of the Issue], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 99, pp. 47–52.

Kaby'tov, P. S. & Dubman, E'. L. (1993). *Srednee Povolzh'ye i problemy' nacional'ny'h otnoshenij* [The Middle Volga River Basin and the Problems of National Relations], *Regiologiya*, 2.

Kaby'tov, P. S., Dubman, E'. L. & Leont'eva O. B. (Eds.). (2013). *«Obretnenie rodiny'»: obshhestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.)*. Ch. 1: *Oчерki istorii* [“Finding Motherland”: Society and Authorities in the Middle Volga River Basin (2nd Half of the 16th – Early 20th Century): Essays on History]. 360 p. Samara, Samarskij universitet.

Kaby'tov, P. S., Dubman, E'. L. & Leont'eva O. B. (Eds.). (2014). *«Obretnenie rodiny'»: obshhestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.)*. Ch. 2: *Zaselenie regiona i etnodemograficheskaya situaciya* [“Finding Motherland”: The Society and Authorities in the Middle Volga River Basin (2nd Half of the 16th – Early 20th Century): The Colonization of the Region and Its Ethnodemographic Situation]. 254 p. Samara, Samarskij universitet.

Kaby'tova, N. N. (2012). *Social'no-politicheskaya differenciaciya naseleniya Povolzh'ya v 1917 g.* [The Social and Political Differentiation of the Volga River Basin Population in 1917], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 99, pp. 161–171.

Khodarkovsky, M. (2002). *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. (304 p.). Bloomington, IN, Indiana University Press.

Klyuchevskij, V. O. (1993). *Russkaya istoriya: Polny'j kurs lekcij* [Russian History: A Complete Course of Lectures, Three Books]. 572 p. Moscow, My'sl'.

Kobozeva, Z. M. (2013). *Meshhanskoe soslovie g. Samary' v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.), ili Rasskaz o «dushe s povinnostjami»* [Petty Bourgeoisie of Samara in the Space of Power and Everyday Life (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries), or A Story of “a Soul with Obligations”]. 608 p. Samara, Samarskij universitet.

Kusber, J. (2014). *Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of The Russian Empire, Quaestio Rossica*, 2, pp. 233–251.

Leonov, M. I. (2013). *Vlast' i obshhestvo Srednej Volgi i Zavolzh'ya v gody' Dumskoj monarhii* [The Authorities and Society of the Middle Volga and Trans-Volga River Basin during the Duma Monarchy Era], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 109, pp. 139–150.

Malinkin, E. M. (2013). *Voenny'e sily' Ponizov'ya vo vtoroj polovine 1640-h – nachale 1660-h gg.* [The Military Forces of Ponizovyie in the 2nd Half of the 1640s – Early 1660s],

Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya, 8/2, 109, pp. 26–34.

Miller, A. I. (2010). *Imperiya Romanov'y'h i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methods of Historical Studies]. 320 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Milov, L. V. (1998). *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo procesa* [The Ploughman of Great Russia and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. 573 p. Moscow, ROSSPE'N.

Poberezhnikov, I. V. (2009). Kanadskij i rossijskij frontir: obshhee i osobennoe (XVI – nachalo XX v.) [Canadian and Russian Frontiers: Common Features and Differences (16th – Early 20th Century)], *Ural'skij istoricheskij vestnik, 2, 23, pp. 25–30.*

Riber, A. (2000). Ustojchivy'e faktory' rossijskoj vneshnej politiki: popy'tka interpretacii. In *Amerikanskaja rusistika: Vehi istoriografii poslednih let. Sovetskij period: antologiya* [Stable Factors of Russian International Policy: An Interpretation] (pp. 94–145). Samara, Samarskij universitet.

Smirnov, Yu. N. (1999). *Narod i vlast' v osvoenii Rossijskogo Zavolz'h'ya: XVIII – seredina XIX v.* [People and Authorities in the Development of the Russian Trans-Volga River Basin: 18th – Mid-19th Centuries]. (Dissertation). Moscow.

Solov'yev, S. M. (1988). *Sochineniya* [A Collection of Works] (in 18 bks.) (Bk. 2, 768 p.). Moscow, My'sl'.

Stoly'pinskaya agrarnaya reforma v Samarskoj gubernii: Sbornik dokumentov i materialov [Stolypin's Land Reform in Samara Governorate: A Collection of Documents and Materials]. (2012). 314 p. Samara.

Turner, F. J. (2009). *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontiers in American History]. (Transl. from Eng.). 304 p. Moscow, Ves' mir.

Tyurin, V. A. (2013). Struktura, chislennost', social'ny'j sostav gorodskogo naseleniya Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The Structure, Number, and Social Makeup of the Urban Population of the Middle Volga River Basin in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya, 8/2, 109, pp. 92–98.*

The article was submitted on 11.04.2015

Петр Серафимович Кабытов,
профессор,
Самарский государственный
университет,
Самара, Россия
don.kabytov2012@yandex.ru

Petr Kabytov,
Professor,
Samara State University,
Samara, Russia
don.kabytov2012@yandex.ru

Эдуард Лейбович Дубман,
профессор,
Самарский государственный
университет,
Самара, Россия
dubmane@mail.ru

Edward Dubman,
Professor,
Samara State University,
Samara, Russia
dubmane@mail.ru

Ольга Борисовна Леонтьева,
доктор исторических наук,
Самарский государственный
университет,
Самара, Россия
oleontieva@yandex.ru

Olga Leontieva, Dr.,
Samara State University,
Samara, Russia
oleontieva@yandex.ru

DOI 10.15826/qr.2015.2.100

УДК 94(47+57)+351.742+351.711-048.35

Алсу Бикташева

**ЖАНДАРМЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО
УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ
(ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)¹**

Alsu Biktasheva

**GENDARMES AND THE MODERNIZATION
OF LOCAL RULE IN RUSSIA
(RESEARCH EXPERIENCE AND PROSPECTS)**

The article explores the historiography of the secret police in the Russian Empire. Revealing the approaches of historians to this subject, the methods and manner of their work with historical sources, the author demonstrates the negative consequences that were a result of political topicality and the concealing of information about the state. A review of historiographic heritage enables the author to cleanse the perception of the topic from a number of “quasi-evident facts” created at various times and under different circumstances. Additionally, she pays attention to the existence of a vast number of documents of the police department which can still be found in state archives. Special attention needs to be paid to those ones that contain the reflections of gendarme officers on professional ethics and duties. The author reveals documental evidence of conflicts of interest between the local administration and the police officers controlling its activity. The approach used by the author bears a non-conventional character which consists in the study of creation of these documents and their functions in the police department. Preliminary results enable the author to claim that these certificates can provide information not only about the sphere of impact and peculiarities of the secret police, but also about the ways of implementation of the political concept of a regular, well-organized state in 19th century-Russia and the ways of self-improvement of government.

Keywords: Russian empire; Third Section of H. I. M. Own Chancery; Corps of Gendarmes; management modernization.

Статья содержит анализ историографии тайной полиции в Российской империи. Выявляя подходы историков к данной теме и способы их работы с историческими свидетельствами, автор показывает негативные

---

¹ Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг. (проект № 12-01-0123).

следствия политической актуальности и процесса герметизации знаний о государстве. Ревизия историографического наследия позволяет автору освободить восприятие темы от созданных в разные времена и в разных условиях «квазиочевидностей». Одновременно обращается внимание на наличие богатого комплекса делопроизводственных документов полицейского ведомства, сохранившихся в государственном архиве. Предлагая неинституциональный подход к их анализу, автор показывает очевидные и латентные информационные возможности обнаруженных документов. Среди них особенный интерес представляют тексты, в которых зафиксировалась рефлексия жандармских офицеров о профессиональной этике и служебном долге, а также находятся свидетельства конфликтов интересов местной администрации и контролирующей ее деятельности полиции. Оригинальность предлагаемого подхода состоит в том, чтобы исследовать логику создания этих документов, их назначение в полицейском управлении. Предварительные результаты позволяют автору утверждать, что данные свидетельства могут рассказать не только о сфере полномочий и характере работы тайной полиции, но и о способах реализации политической концепции «регулярного, хорошо организованного» государства в России XIX в., о путях самоусовершенствования государственного аппарата.

Ключевые слова: Российская империя, III Отделение СЕИВК, корпус жандармов, модернизация управления.

После событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Собственная Его Императорского Величества канцелярия (СЕИВК) превратилась в орган «ручного» управления страной и неформальной коммуникации между императорской канцелярией и административными ведомствами. При Николае I статус этой институции сильно изменился. До восстания декабристов личная канцелярия не играла политически значимой роли. После 1825 г. каждое отделение обрело функциональную специализацию, а их начальники стали нести личную ответственность перед императором за определенную сферу государственной жизни. Легко было бы предположить, что этот опыт управления хорошо изучен историками. Однако знакомство с исследовательской литературой убеждает в том, что российское интеллектуальное сообщество слабо владеет данной темой. У нас до сих пор нет аналитического осмысления опыта губернского управления Российской империи, и особенно ощущается дефицит знаний о механизмах самоорганизации и самосовершенствования государственного аппарата.

В этой связи использование делопроизводственных материалов органов административного надзора способствовало бы изменению сложившейся исследовательской ситуации. Особую значимость как для политической, так и для социальной истории Российской империи имеют свидетельства о причинах и принципах создания, а также регулирования деятельности III Отделения. Делопроизводственная

документация зафиксировала намерения создателей тайной полиции, содержит вопросники и этические рекомендации жандармским офицерам. Ее изучение подводит к пониманию того, что диагностика состояния административного управления была приоритетной для деятельности наблюдательной полиции.

Деятельность XIX века в истории российской государственности ознаменовался созданием и постоянным совершенствованием полицейских институций. Так, с 1810 по 1819 г. в империи существовало специальное министерство полиции, а в 1826 г. было учреждено III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии [ПСЗРИ-2, № 449]. Замысел создания «наблюдательной полиции» заключался в выведении российской жандармерии из министерской исполнительной системы. Предполагалось, что это обеспечит ей объективность в оценках и суждениях. Подчиняясь лично императору, политическая полиция находилась за пределами правительственного и ведомственного давления. В 1880 г. III Отделение СЕИВК было реорганизовано в Департамент полиции, который просуществовал до 1917 г.

Даже этот краткий обзор показывает, что на протяжении всего XIX столетия верховная власть искала оптимальную форму ведения полицейского наблюдения, и прежде всего за государственным аппаратом. Были ли эти институциональные реформы результатом личных инициатив, государственной модернизации или реакцией на социальные вызовы? Насколько они соответствовали тогдашним теориям общественного порядка или политического развития? Возможны ли у полицейских учреждений механизмы самоорганизации, подобные врачебным или юридическим профессиям?

Указанные вопросы обсуждаются исследователями в двух контекстах: с одной стороны, в связи с изучением истории и теории полицейского государства в Европе [Polizeiwissenschaft; Полицейский порядок; Овченко], а с другой стороны, в связи с концепциями политической власти в Российской империи. Во втором случае особый интерес вызывает тема адаптации идей французского *surveillance* и политической утопии просвещенного правительства. Цель данной статьи – выявить состояние историографического задела в изучении административного потенциала III Отделения и его зависимость от разработки архивных свидетельств.

Что и как прочитывали исследователи

Исследовательская судьба практически всех дореволюционных институтов власти во многом схожа. В советское время «буржуазные учреждения» были не интересны, за исключением, пожалуй, «наблюдательной полиции». Этот институт давал аргументы в пользу вековой истории борьбы царского правительства с революционными идеями. Впрочем, трактовка деятельности III Отделения как

карательного учреждения не была изобретением советского времени. Примерно на рубеже XIX–XX вв., в период радикальных политических размежеваний, оценки деятельности III Отделения стали проникать в научную литературу. В этот период ведомству А. Х. Бенкендорфа стали приписывать черты душителя и гонителя всех прогрессивных сил. III Отделение олицетворяло негативные стороны жизни николаевской России. И если во времена А. С. Пушкина интеллектуалы иронично ассоциировали детище графа Бенкендорфа с цветом пламени «жжёнки», то в конце 1880-х гг. его ведомство именовали не иначе как сборище «синих скотов». В подобной обстановке трудно представить появление серьезного и непредвзятого исследования. И не удивительно, что после 1917 г. в научной литературе стала преобладать тенденция изучать карательные действия III Отделения в ущерб всем другим направлениям его деятельности. Поражалось все, что касалось царской охранки. Постепенно в литературе исчезла разница, стерлась грань между этими институтами, их функциями и направленностью. Историки игнорировали причины замены одного другим. И даже в работах современных исследователей встречаются случаи их отождествления. Такое искусственное ограничение значения политической полиции стало преодолеваться лишь в последние годы [Иванцов; Макарова].

В начале XX в. источниковая и апологетическая ограниченность российских «государственников», отчасти объяснимая цензурным гнетом, «канцелярской тайной», запретами на изучение, стала преодолеваться в трудах историков. Одним из первых, кто специально обратился к функциям императорского секретариата, был Ю. В. Готье – специалист по истории областного управления XVIII в. Изучив характер делопроизводственных материалов СЕИВК, он пришел к выводу, что посредством личной канцелярии осуществлялось управление всей страной [Готье, с. 346]. Через сорок лет в работах Н. П. Ерошкина можно обнаружить почти зашифрованную, очень краткую характеристику функциональности личной канцелярии императора. Смысл ее сводился к утверждению, что при Николае I это учреждение превращается в правительственный орган, наделенный самыми широкими полномочиями, и что между его отделениями существовала глубокая внутренняя связь [Ерошкин, 1968; Ерошкин, 1981]. И если у дореволюционных исследователей российской государственности отсутствовала традиция комплексного рассмотрения всех структурных частей этого ведомства, в работах Н. П. Ерошкина она была заявлена, но не реализована. Его заслуга заключалась в продвижении тематики полицейских исследований среди своих учеников, поскольку без ее разработки невозможно было исследовать революционное движение в России. Благодаря этой установке архив политической полиции стал активно осваиваться советскими историками.

Но настоящим прорывом в интересующем нас направлении стала книга финского исследователя П. Мустонена [Мустонен], второй под-

заголовок которой – «К типологии основ имперского управления» – указывает на оригинальность исследовательского толкования значимости данного надведомственного учреждения. В этой книге впервые обосновывалась трансформация императорского секретариата в общегосударственный орган в области гражданского управления, предпринималась попытка комплексного анализа компетенций всех отделений СЕИВК на фоне проводимых административных реформ Российской империи. Исследовательский импульс был задан активным освоением делопроизводственных материалов всех отделений. После выхода этой книги история каждого отделения стала обрастать собственной исследовательской литературой. Попытаемся выявить в исследовательской литературе изучение административного ресурса III Отделения, поскольку делопроизводство тайной полиции на момент своего создания и в последующее десятилетие свидетельствует в пользу участия российских жандармов в разрешении административных проблем губернского управления.

Впервые архив III Отделения стал объектом основательного изучения в диссертационном исследовании ученицы П. А. Зайончковского Т. Г. Деревниной «III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России» (1973). Обращение к этой теме, по-видимому, оказалось не случайным, ведь Петр Андреевич был учеником В. Ю. Готье. В данном случае можно говорить о преемственности подходов к этой теме. Вводимый впервые в научный оборот пласт архивных материалов позволил Т. Г. Деревниной реконструировать институциональные контуры «высшей полиции», прописать объем ее полномочий. В итоге она приходит к очень важному открытию: российские жандармы занимались не только политическим сыском, они сконцентрировали «в своих руках ряд отраслей государственного управления, подменив, по существу, некоторые министерства» [Деревнина, с. 63]. Практически все исследователи, которые после Т. Г. Деревниной занимались делопроизводством III Отделения, с завидным постоянством ссылались на текст ее неопубликованной диссертации, отдавая дань ее трудам и подтверждая в своих работах многие ее находки. Позднее появились работы И. В. Оржеховского, И. М. Троцкого [Оржеховский; Троцкий]. В них раскрывались различные аспекты устройства и деятельности «высшей полиции» с момента ее создания и до ликвидации в 1880 г., но специальных исследований по интересующей нас проблематике в советское время так и не появилось.

Зарубежные историки приступили к освоению истории тайной полиции Николая I примерно с 1960-х гг. Их участие позволило уйти от идеологически заданной интерпретации этой темы [Monas], использовать ее компаративистские возможности [Squire; Emsley], продемонстрировать многосложность уровней коммуникационных каналов [Lincoln], изучить истоки проникновения жандармерии в Россию [LeDonne]. В этой связи стоит отметить, что Сидни Монас дал блестя-

ший анализ деятельности политических органов в правление Николая I. Рассуждая о различиях в интерпретации понятия «полиция», он уделил особое внимание как общеевропейскому контексту, так и конкретному пониманию института полиции в камералистике и в рамках концепции правового государства [Monas, p. 22–23, 294]. Конечно, в те годы зарубежные историки не имели свободного доступа к архивным материалам III Отделения. Они могли работать лишь с опубликованными источниками. Со временем их взгляды и подходы в оценках российской жандармерии стали проникать в отечественную науку.

В начале 1990-х гг., во времена перестройки, отечественные историки освоили функционалистский подход, реализуемый сквозь призму поиска эффективного государственного управления в условиях этнического и культурного разнообразия. По интересующей нас проблематике большинство исследователей сосредоточили внимание на изучении политической деятельности А. Х. Бенкендорфа и его влияния на решения императора. Вначале это были небольшие статьи [Рац; Экштут]. Затем появились монографические исследования. Значительных результатов достигли работы, ориентированные на личностный срез институциональной истории наблюдательной полиции [Чукарев; Тарасов; Бибииков; Олейников]. Современные авторы стремятся выявить связующие механизмы между деятельностью политической полиции и решениями правительства, изучить влияние этого ведомства на позицию императора [Порох, Рослякова; Абакумов].

При этом деятельность подчиненных III Отделению жандармов, то есть рутинная повседневность политической полиции, до сих пор остается темой малоизученной. Обойденной исследовательским вниманием оказалась история Корпуса жандармских штаб-офицеров, механизмы его внутриинституциональных взаимоотношений. В литературе встречается смешение полномочий жандармских штаб-офицеров и командиров жандармских команд. Только благодаря развитию региональных исследований институтов власти появилось представление о корректирующей роли жандармских офицеров в имперском управлении [Романов; Бикташева]. В силу того что, как правило, это периферийный сюжет для региональных историков, а также по причине скудости региональных архивов на свидетельства общей политики у нас до сих пор нет четкого понимания, чем занималась российская жандармерия в губерниях, какими были полномочия жандармских офицеров, как они справлялись с ними.

Между тем информационный ресурс донесений, должностных записок губернских штаб-офицеров свидетельствует об их активном включении в модернизацию губернского управления. Продвижению локальных исследовательских намерений на общероссийский уровень способствует богатейший архив Корпуса жандармов, отложившийся в Государственном архиве Российской Федерации. С момента создания Корпуса жандармов [ПСЗРИ-2, № 1062] его штаб-офицеры стали основными поставщиками разнохарактерных сведений из гу-

бернских городов. С этого времени коммуникативное пространство империи стало наполняться их тайными сводками, которые стекались в единый «наблюдательный центр», находящийся под личной опекой царя. Иными словами, функцию обратной связи с обществом и местными властями начали выполнять сводки жандармских штаб-офицеров. Таким образом, во второй четверти XIX в. негласный рутинный надзор над местной администрацией и общественными настроениями пришел на смену гласному, но спорадическому сенаторскому.

Изменение способов административного контроля и политических установок верховной власти связано не только с личностью императора и его персональными тактиками властвования, но и с опытом изучения и разрешения губернских конфликтов первой четверти XIX в. Очевидные сбои в министерском механизме государственного управления, неэффективность спускаемых по губерниям сенаторских ревизий подвигали верховную власть к ремиссии авторитарных форм местного управления, к замене сенатских разбирательств негласным жандармским наблюдением.

Комплексное изучение жандармского делопроизводства предполагает исследование «исходящих» и «нисходящих» бумаг этого ведомства. Первые, как правило, являются носителями политики, творимой в недрах самого отделения. Местные подразделения в своем служебном доносительстве отражали реалии применения этой политики на практике. В монографии Г. Бибикова «А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I» [Бибиков] административным намерениям III Отделения уделена особая роль. И хотя Корпусу жандармов в ней посвящена всего одна глава, ее автору удалось создать цельное представление об управленческой компетентности губернских штаб-офицеров. Сделано это было во многом благодаря разбору текстов первых инструкций, выдаваемых жандармским штаб-офицерам. Небольшой раздел книги вместил характеристики наиболее ярких корпусных представителей, в нем затронута проблема комплектования жандармских чинов, впервые говорится о технологиях создания «положительного образа» жандармского ведомства. Заявленный делопроизводственный материал в основном освещает штабные проблемы, но созданный автором исследовательский задел позволяет апробировать его на материале местных подразделений, используя возможности региональных архивов.

В книгах ульяновского историка В. В. Романова читателю предложены две исследовательские оптики. Первая его монография посвящена основным тенденциям развития политической полиции за 1826–1860 гг. [Романов, 2007], вторая – формам и основным направлениям деятельности местных подразделений [Романов, 2008]. В качестве исследовательской модели избраны поволжские губернии. Достоинством обеих книг является наличие в них масштабной проработки местных и столичных архивных материалов. Изложение

форм и основных направлений деятельности Корпуса жандармов подается с позиций структурно-функционального подхода. Однако такая структурированная подача деятельности жандармских штаб-офицеров, ограниченная рамками официальной документации, не позволяет раскрыть мотивы и причины принятия тех или иных административных решений, а главное, показать, как они реализовывались на местах. Исследовательская канва сужается чередой примеров многообразия деятельности жандармских офицеров на губернском уровне, но при этом механизмы и технологии апробации спускаемых III Отделением политических и административных программ остаются не затронутыми. К примеру, комментируя приказ по Корпусу за № 278 от 8 февраля 1832 г. [Романов, 2008, с. 18–19], автор приводит свидетельство взаимоотношений ряда губернаторов с жандармским штаб-офицером 5-го округа, но делает это лишь для того, чтобы «проследить изменения профилактической деятельности» жандармов. При этом упускается существенный момент из жизни «начальствующих лиц». Причина же изменений во взаимоотношениях губернаторов с жандармскими наблюдателями видится в перекрое компетенций между Министерством внутренних дел и III Отделением, произошедшем после увольнения министра внутренних дел А. А. Закревского, который активно сопротивлялся проникновению жандармов в сферу исполнительных органов власти. И таких сюжетов, когда за нагромождением локальных казусов нельзя разглядеть «высокой» политики, в книге немало.

Трудности освоения административной составляющей в деятельности губернских жандармских подразделений можно пояснить малоизученностью местных административных практик, отсутствием работ по участию жандармских штаб-офицеров в саморегулируемых процессах имперского управления. В целом же изучение деятельности подразделений Корпуса жандармов остается на стадии разрозненных эмпирических представлений.

Скрытые возможности полицейского делопроизводства

Вместе с тем прочтение жандармских делопроизводственных текстов позволяет заключить, что с момента своего создания «наблюдательная» полиция осуществляла тайное наблюдение за административными органами, делала диагностические выводы. Источниковой основой для этого служат документы III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ, ф. 109, 110]. Действенность и эффективность этой экспертизы ждет своего специального изучения. Примечательно, что самые первые свои рапорты и донесения губернские штаб-офицеры начинали словами «о состоянии управления...».

Прежде всего ведомство А. Х. Бенкендорфа интересовало «состояние управления» в тех губерниях, в которых при Александре I проводились тотальные ревизии Сената. Теперь при назначении новых ревизий в состав ревизоров стали включать по одному жандармскому офицеру. И если в первых инструкциях III Отделения прописывалось, что жандармы не должны вторгаться в компетенции органов исполнительной власти, на деле их присутствие и опосредованное участие в губернском управлении стали замечать сами губернаторы. Отсюда поток их обоснованных жалоб на имя министра внутренних дел. Подобные конфликты разрешались по-разному. Сводки и донесения жандармских штаб-офицеров полны свидетельств осмысления собственных служебных полномочий. Вот мнение одного из них: «Корпус жандармов не разделяет никакой власти, ни от кого не отнимает ее; он вспомогательное средство для всех других частей; он член всех мест управления; он принадлежит всем министерствам. Наблюдательное учреждение не оскорбляет благонамеренных... Вот необходимые убеждения для лиц заблуждающихся насчет корпуса жандармов» [ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 70 с.]. Архивные материалы предоставляют возможность услышать голоса людей этого ведомства, сделать их участниками диалога об их предназначении.

Интерес вызывают самые первые документы, отложившиеся в «секретном архиве» тайной полиции [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а]. Большая часть бумаг написана по-французски. Их язык, подзаголовки и содержание позволяют говорить, что здесь аккумулировалось секретное в «секретном». Это разного рода проекты, записки и мнения, направленные на имя шефа жандармов. Похоже, что отдельные тексты писались по его личной просьбе. В них содержатся оценка современного управления Российской империи, причины его кризиса или неудовлетворительного состояния, а также меры к его совершенствованию силами и возможностями наблюдательной полиции.

Известно, что шеф жандармов посещал заседания различных комитетов и комиссий, в частности комитета 6 декабря 1826 г., где выработывалась будущая модель губернского управления. Из дошедших до нас документов видно, что А. Х. Бенкендорф обращался к генерал-губернаторам внутренних губерний с вопросом о целесообразности сохранения наместнического управления в европейской части России. Его осведомленность на разных этапах выработки местных реформ подтверждается отдельными сохранившимися документами, такими как, например, «Мнение генерал-губернатора Балашова о пользе военных губернаторов» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 287]. Думается, и к другим комитетам николаевского времени шеф жандармов также не оставался безучастным. Расширение жандармских территориальных округов, распространение этой службы в Царстве Польском (после восстания 1830 г.), в Закавказье и Финляндии продемонстрировало участие российских жандармов в выработке новой модели управления окраинными территориями Российской империи.

И последнее: с появлением III Отделения кадровые вопросы постепенно переместились в сферу его компетенций. Отныне в этом ведомстве аккумулировались сведения практически на каждого российского чиновника. Влияние жандармов на назначения и увольнения губернаторов стало очевидным даже для современников. Для «чиновного мира» мнение «синих мундиров» было одним из главных факторов продвижения по карьерной лестнице, а кадровая политика – одним из важных рычагов управления.

Все изложенные здесь наблюдения о научном состоянии темы и ее источниковом обеспечении подводят к пониманию ее новизны, актуальности и возможностях глубокого изучения. Думается, что такое исследование позволит переосмыслить сложившееся представление о социальном и модернизационном значении политической полиции в истории Российской империи.

Список литературы

Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы» : Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. 212 с.

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. 424 с.

Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012. С. 373–413.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109; Ф. 110.

Готье Ю. В. Происхождение собственной е. и. в. канцелярии // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб, 1922. С. 346–355.

Деревнина Т. Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России : дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 177 с.

Ерошкин Н. П. Крепостное самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М., 1981. 252 с.

Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.

Иванцов М. Н. Деятели политического сыска России в отечественной историографии // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 6. С. 74–80.

Макарова Н. В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения). М., 2012. 393 с.

Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества канцелярия в механизме властвования института самодержца 1812–1858 гг. : К типологии основ имперского управления. Хельсинки : Aleksanderi inst., 1998. 357 с.

Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. М., 2010. 232 с.

Олейников Д. И. Бенкендорф. М., 2009. 428 с.

Олейников Д. И. Николай I. М., 2012. 339 с.

Оржиховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. 207 с.

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884. № 449; № 1062.

Порох В. И., Рослякова О. Б. III Отделение при Николае I. Саратов, 2010. 238 с.

Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций : Проект в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/org/projects/79579505>.

Рац Д. В. «Отрицательно – добрый человек» // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 42–57.

Романов В. В. Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции и развитие. Ульяновск, 2007. 559 с.

- Романов В. В. Подразделения политической полиции в Поволжских губерниях в 1826–1860 гг.: формы и основные направления деятельности. Ульяновск, 2008. 270 с.
- Тарасов Б. Н. Николай Первый – рыцарь самодержавия. М., 2007. 513 с.
- Троцкий И. М. Третье отделение при Николае I. Л., 1990. 318 с.
- Чукарев А. Г. Тайная полиция Николая I (1826–1855) : в 2 т. Ярославль, 2003. Т. 1. 261 с.; Т. 2. 291 с.
- Экшутум С. А. На службе российскому Левиафану. Исторические опыты. М., 1998. 328 с.
- Emsley C. Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe. Oxford, 1999. 288 p.
- LeDonne J. P. Absolutism and ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. New York : Oxford University Press, 1991. 376 p.
- Lincoln W. B. Nicolas I. Emperor and Autocrat of All Russians. London, 1978. 424 p.
- Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961. 354 p.
- Polizeiwissenschaft in Deutschland // Polizeiwissenschaft 1 / hrsg. M. Möllers, R. van Ooyen. Frankfurt, 2013. S. 111–146.
- Squire P. S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968. 272 p.

References

- Abakumov, O. Yu. (2008). «...*Ch'tob npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely*»: *Iz istorii bor'by' III otdeleniya s evropejskim vliyaniem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-h gg.)* [Preventing the Withering of Morals from Reaching Our Lands: On the History of the Third Section's Fight with European Influence in Russia (1830s – Early 1860s)]. 212 p. Saratov.
- Bibikov, G. N. (2009). *A. H. Benkendorfi politika imperatora Nikolaya I* [A. H. Benckendorff and the Policy of Emperor Nicholas I]. 424 p. Moscow.
- Biktasheva, A. N. (2012) *Antropologiya vlasti: kazanskiye gubernatory' pervoy poloviny' XIX veka* [The Anthropology of Power: Kazan Governors of the 1st Half of the 19th Century] (pp. 373–413). Moscow.
- Gosudarstvennyj' arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 109; F. 110.
- Got'e, Yu. V. (1922). Proisshozhdenie sobstvennoj e. i. v. kancelyarii [The Establishment of H. I. M. Own Chancery]. In *Sbornik statej po russkoj istorii, posvyashhenny'h S. F. Platonovu* (pp. 346–355). Petrograd.
- Derevnina, T. G. (1973). *III otdelenie i ego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroya absolyutnoj monarhii v Rossii* [The Third Section and Its Role in the System of Absolute Monarchy in Russia: PhD Thesis]. 177 p. Moscow.
- Eroshkin, N. P. (1981). *Krepostnoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty'. Pervaya polovina XIX veka* [Serfdom Autocracy and Its Political Institutions: 1st Half of the 19th Century]. 252 p. Moscow.
- Eroshkin, N. P. (1968). *Ocherki istorii gosudarstvenny'h uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [Essays on the History of Public Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. 368 p. Moscow.
- Ivancov, M. N. (2009). Deyateli politicheskogo sy'ska Rossii v otechestvennoj istoriografii [Political Investigators of Russia in National Historiography], *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»*, 6, pp. 74–80.
- Makarova, N. V. (2012). *Zhizn' rossijskih soslovij v e'pohu pravleniya Nikolaya I (po materialam III Otdeleniya)* [The Life of Russian Social Classes during the Reign of Nicholas I (with Reference to the Third Section)]. 393 p. Moscow.
- Mustonen, P. (1998). *Sobstvennaya Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyariya v mehanizme vlastovovaniya instituta samoderzhca 1812–1858 gg.: K tipologii osnov imper-skogo upravleniya* [His Imperial Majesty's Own Chancery in the Mechanism of the Autocrat's Ruling Institution in 1812–1858: On the Typology of Imperial Rule Foundations]. 357 p. Helsinki, Aleksanderi inst.

- Chukarev, A. G. (2003). *Tajnaya policiya Nikolaya I (1826–1855)* [The Secret Police of Nicholas I (1826–1855)] (in 2 vols.). Yaroslavl.
- E'kshtut, S. A. (1998). *Na sluzhbe rossijskomu Leviafanu. Istoricheskie opy'ty'* [Serving the Russian Leviathan. Historical Experiences]. 328 p. Moscow.
- Emsley, C. (1999). *Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe*. Oxford.
- LeDonne, J. P. (1991). *Absolutism and ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825*. New York, Oxford University Press.
- Lincoln, W. B. (1978). *Nicolas I. Emperor and Autocrat of All Russians*. London.
- Monas, S. (1961). *The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I*. Harvard.
- Möllers, M. & Ooyen, R. van. (Eds.) (2013). *Polizeiwissenschaft in Deutschland [Polizeiwissenschaft in Germany]*. In *Polizeiwissenschaft 1* (pp. 111–146). Frankfurt.
- Olejnikov, D. I. (2009). *Benkendorf* [Benckendorff]. 428 p. Moscow.
- Olejnikov, D. I. (2012). *Nikolaj I* [Nicholas I]. 339 p. Moscow.
- Orzhehovskij, I. V. (1982). *Samoderzhavie protiv revolyucionnoj Rossii (1826–1880 gg.)* [Autocracy against Revolutionary Russia (1826–1880)]. 207 p. Moscow.
- Ovchenko, Yu. F. (2010). *Moskovskaya ohranka narubezhe vekov, 1880–1904 gg.* [Moscow Guard Department at the Turn of the 20th Century, 1880–1904]. 232 p. Moscow.
- Policejskij poryadok i situativnaya solidarnost': dinamika vzaimodejstviya i transformacij: Proekti v ramkah Programmy' fundamental'ny'h issledovanij NIU VShE' v 2013 g.* [Police Order at the Situation of Solidarity: The Dynamics of Interaction and Transformation: A Project within the Programme of Fundamental Studies of National Research University, Higher School of Economics in 2013]. Available at: <http://www.hse.ru/org/projects/79579505>.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. (1830–1884). Saint Petersburg.
- Poroh, V. I. & Roslyakova, O. B. (2010). *III Otdelenie pri Nikolae I* [The Section during Nicholas I's Reign]. 238 p. Saratov.
- Racz, D. V. (1990). «Otriczatel'no – dobryj chelovek» [A Negatively Kind Man]. In *Fakel. Istoriko-revoljucionnyj al'manah* (pp. 42–57). Moscow.
- Romanov, V.V. (2007). *Politicheskaya policiya Rossijskoj imperii 1826–1860 gg.: osnovny'e tendencii i razvitie* [The Political Police of the Russian Empire between 1826 and 1860: Main Tendencies and Development]. 559 p. Ulyanovsk.
- Romanov, V. V. (2008). *Podrazdeleniya politicheskoi policii v Povolzhskih guberniyah v 1826–1860 gg.: formy' i osnovny'e napravleniya deyatelnosti* [Political Police Units in Volga Region Governorates between 1826 and 1860: Forms and Main Directions of Activity]. 270 p. Ulyanovsk.
- Squire, P. S. (1968). *The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I*. Cambridge.
- Tarasov, B. N. (2007). *Nikolaj Pervyj – ry'czar' samoderzhaviya* [Nicholas the First – The Knight of Autocracy]. 513 p. Moscow.
- Troczkij, I. M. (1990). *Tret'e otdelenie pri Nikolae I* [The Third Section under Nicholas I]. 318 p. Leningrad.

The article was submitted on 06.04.2015

Алсу Назимовна Бикташева,
профессор, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
biktashi@mail.ru

Alsu Biktasheva,
Professor,
National Research University –
Higher School of Economics,
Moscow, Russia
biktashi@mail.ru

DOI 10.15826/qr.2015.2.101

УДК 94(479)+351.711-048.35

Амиран Урушадзе

**КАВКАЗ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ
НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Amiran Urushadze

**THE CAUCASUS IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES:
PROBLEMS OF GOVERNANCE AND MODERNIZATION
ON THE SOUTHERN OUTSKIRTS
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The study is based both on previously published and unpublished archival documents. The article refers to a variety of materials from federal, regional and college archives. The article is devoted to problems of administration and education development on the southern outskirts of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. That was a time of systemic crisis in the Caucasus. The revolution of 1905–1907 and the intensification of insurgent groups' activity created a situation where the Russian Empire risked losing the Caucasus. Many deficiencies in the work of administrative institutions and the decrease in the pace of modernization aggravated the situation. It was already in the late 19th century that the representatives of the regional administration pointed to the crisis in the Caucasus. The Russian Empire faced problems of war in the Caucasus again, and to overcome the crisis a Caucasian Viceroyalty was established. The Caucasian Viceroy received a number of administrative privileges. In this regard, the Caucasian Viceroyalty was an attempt to escape from the Empire for the sake of the Imperial interests. The ruling elite of in the capital of the Empire was against the return to the vicegerency which was most severely criticized by Chairman of the Committee and the Council of Ministers S. Yu. Witte, who almost succeeded in achieving the abolition of vicegerency in December, 1905. Primarily, the Russian administration needed to find effective ways of combating units of abrekhs (outlaws expelled by their tribes). The most dangerous enemy of the Russian administration in the region was the legendary abrek Zelimkhan Gushmazukaev. His popularity and prosperity undermined the authority of the official rulers. Soon Caucasian Viceroy I. I. Vorontsov-Dashkov proved it was impossible to resist the instability by means of punitive methods alone. The Viceroy proposed a reform programme to alleviate the

situation. An important part of the reforms was the development of education. However, the lack of funds did not allow for its systematic implementation. Thus, the problem of complex modernization of the Caucasus did not receive a full solution. The Caucasus remained a problematic region of the Russian Empire. Overall, it may be stated that the Romanovs' policy in the Caucasus was one of half accomplished measures and half passed ways.

Keywords: Caucasus; Caucasian Viceroyalty; I. I. Vorontsov-Dashkov; modernization; state institutions.

Статья основана на опубликованных и архивных документах. Используются материалы федеральных и региональных архивов, а также документы из архивов научных учреждений. Статья посвящена проблемам развития институтов администрации и образования на южной окраине Российской империи в конце XIX – начале XX в. Это время системного кризиса на Кавказе. Революционные события 1905–1907 гг. и активизация повстанческих групп угрожали России потерей контроля над регионом. Многочисленные изъяны в работе административных учреждений и потеря темпа модернизации усложняли ситуацию. Уже в конце XIX столетия раздавались тревожные голоса представителей региональной администрации, отмечавших кризисный характер сложившейся ситуации. Российская империя вновь столкнулась с проблемами времен Кавказской войны. Для их разрешения был восстановлен победоносный институт – Кавказское наместничество. Кавказский наместник, как и ранее, получил множество административных прав и привилегий. В этом отношении Кавказское наместничество являлось бегством от империи для сохранения интересов империи. Возвращение к наместничеству встретило сопротивление части столичной государственной элиты. Одним из критиков этой идеи стал председатель Комитета и Совета министров С. Ю. Витте, едва не добившийся упразднения наместничества уже в декабре 1905 г. Прежде всего обновленной российской администрации необходимо было найти эффективные методы борьбы с абречеством, захлестнувшим край. Лидер одной из таких групп, легендарный Зелимхан Гушмазукаев пользовался поддержкой среди местного населения и представлял большую угрозу для официальных властей. Использование против недовольных исключительно карательных методов было бесперспективно. Это очень скоро осознал предпоследний кавказский наместник И. И. Воронцов-Дашков, который выступил с проектом масштабного реформирования края. Усилия наместника были направлены на усовершенствования работы образовательных заведений, развитие которых могло стать залогом возвращения лояльности широких слоев местного населения. Однако на проведение комплексной модернизации наместнику не хватило финансовых средств. Кавказ остался проблемным регионом в составе Российской империи. Можно сказать, что политика Романовых на Кавказе была политикой наполовину осуществленных дел и наполовину пройденных путей.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказское наместничество, И. И. Воронцов-Дашков, модернизация, государственные учреждения.

Кавказ в политике России – это во многом бег по кругу, где по мере движения происходит постоянное возвращение к уже пройденному и, казалось бы, окончательно преодоленному. В отчете о деятельности Кавказского наместничества в период с 1855 по 1880 г. великий князь Михаил Николаевич не без гордости отмечал многочисленные перемены, произошедшие за это время в крае. Окончание Кавказской войны позволило расширить сферу гражданского управления, а это повлекло за собой широкое распространение общеимперских судебно-правовых практик за исключением тех случаев, «когда отступления от оных не оказывалось, по местным условиям, совершенно необходимым» [ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 687, л. 4]. Не меньшее значение имели крестьянская реформа (1864–1870), значительное увеличение численности городского населения (с 350 до 550 тыс. человек), прокладка железных дорог (общей протяженностью более 950 км) [ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 687, л. 2–18]. Через пятнадцать лет после завершения Кавказской войны многим казалось, что самое трудное уже позади. Современники были полны оптимизма: «После покорения Кавказа народилось уже новое поколение, чуждое воинственным тревогам прошлого...» [Вайнахи и имперская власть, с. 169].

Последовавшая в начале 1880-х гг. ликвидация Кавказского наместничества и Кавказского комитета не только практически, но и символически лишила Кавказский край особого административного статуса в составе Российской империи. Однако взятый в царствование Александра III курс на форсированную интеграцию региона с внутренними губерниями империи в рамках единого, унифицированного административно-правового поля не только себя не оправдал, но оказался дополнительным катализатором развития общественно-политических процессов, приведших к нарастанию общего системного кризиса. Впечатление, что на Кавказе империя как никогда близко подошла к реализации стратегической задачи всей своей политики в отношении окраин – полного их слияния с другими частями государства [АКВ, с. 387], – на деле оказалось опасной иллюзией.

В историографии широко распространена оценка, согласно которой модернизация региона, проведенная империей в XIX столетии, привела к формированию и развитию на Кавказе ряда национальных движений. Российский историк З. Д. Авалов так писал о грузинском национальном возрождении:

Для правильной оценки этих явлений необходимо помнить, что Грузия в начале XIX века переменяла азиатское средневековое на российский казарменно-канцелярски-патриархальный строй; что две почти трети этого века заполнены были на Кавказе военной эпопеей, в которой грузины принимали живое участие; что духовное и политическое возрождение народов-неудачников есть продукт европейского свободолюбия... [Авалов, с. 477–478].

Также отмечается, что общеимперский политический контекст революции 1905–1907 гг. способствовал запоздалой «весне народов» на Кавказе [Каппелер, с. 401]. Кроме того, в качестве местных факторов, приведших к массовым беспорядкам в крае, принято выделять «особые приемы» по русифицированию региона, широко практиковавшиеся в 1896–1905 гг. главноначальствующим на Кавказе Г. С. Голицыным, но давшие «противоположные их цели результаты» [Флоринский, с. 381]. Известный отечественный кавказовед Д. И. Исмаил-Заде среди предпосылок «кавказской смуты» начала XX в. отметила значимость аграрного перенаселения ряда районов Кавказа [Исмаил-Заде, с. 112].

В этой работе предпринята попытка рассмотреть кавказский кризис начала XX столетия в связи с проблемами системы управления и модернизации края. В качестве исходного тезиса отметим, что в процессе нарастания напряженности в регионе на рубеже XIX–XX вв. не последнее значение имели именно кризисные явления в работе российских судебно-административных институтов и образовательных учреждений – основных очагов модернизации южной окраины.

Тревоги российской администрации на Кавказе

В «Политическом обзоре Терской области и Ставропольской губернии за 1899 год» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 2–8] представители местной администрации обращали внимание вышестоящих начальников на ряд тревожных обстоятельств и негативных «условий народной жизни». Так, в частности, в отношении горского населения Терской области откровенно отмечался «застой в развитии названного населения», который был обусловлен условиями жизни горцев, не претерпевшими значительного изменения со времени их покорения. В обзоре отмечено, что большинство горцев, исповедующих ислам, крайне нетерпимо и даже «с презрением» относилось к христианскому населению области. На почве религиозного фанатизма возникала «масса убийств, разбоев и грабежей». Основной причиной такого удручающего положения дел была определена крайне низкая эффективность местной российской администрации: «...учреждения администрации, которые ближе стоят к народу, исполняют лишь чисто полицейские обязанности и в деле своевременной помощи нуждам населения, по незнанию туземных языков, находятся в зависимости от переводчиков – туземцев же...» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 3]. Деятельность российской администрации в регионе к концу XIX столетия свелась преимущественно к мерам принуждения: арестам, ссылкам, штрафам, насильственному разоружению, – почти полностью лишившись своей преобразовательной «цивилизаторской» компоненты, которая являлась основой политики ряда кавказских наместников – М. С. Воронцова (1844–1854), А. И. Барятинского (1856–1862), великого князя Михаила Николаевича (1862–1881).

Одним из ключевых направлений политики российской администрации на Кавказе в 1840–50-е гг. было развитие сферы образования, формирование и расширение сети учебных заведений. Именно европейское образование и просвещение были надежным каналом формирования широкой социальной опоры Российской империи в регионе. Между тем во второй половине XIX в. развитие институтов образования в крае замедлилось. Так, например, инспекция народных школ Терской области, учрежденная в 1877 г., за период до 1900 г. не открыла ни одной новой школы [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 5]. Касаясь положения народного образования, автор «Политического обзора» отметил следующее: «Учебный персонал в области и губернии во всех учебных заведениях нельзя назвать в большинстве случаев отвечающим своему назначению, много есть преподавателей даже в гимназиях и реальном училище, из туземных уроженцев, плохо говорящих по-русски, с неправильным произношением русских слов» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 7].

Как показывает опыт предшествующих этапов интеграции Кавказа в пространство Российской империи, общий уровень квалификации чиновников администрации во многом определялся успешным развитием местных образовательных учреждений, качеством их преподавательского состава. Ведь именно учебные заведения Кавказского учебного округа являлись кузницами административных кадров края.

Подводя неутешительные итоги своего «Обзора», чиновник отметил, что горцы Терской области фактически оказались предоставлены сами себе, а образовавшимся социокультурным вакуумом с успехом воспользовались представители исламской религиозной элиты, почти полностью подчинившие себе умы и общественную жизнь местного населения [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 5].

Одной из причин кризиса российской администрации на южной окраине империи являлась и неудачная политика, проводившаяся в отношении горского самоуправления. В 1871–1906 гг. в Терской области сельские старшины не избирались односельчанами, а назначались ее начальником. При этом имперская администрация использовала сословный принцип, назначая на должность сельского старшины представителя местной знати. Однако российские власти не учитывали того факта, что общественные преобразования 60-х гг. XIX в. серьезно «сжали» социальную роль знати в жизни сельских обществ. Чиновники российской администрации, как отмечает Д. Н. Прасолов, «почти сразу обнаружили свою неготовность адекватно оценивать их (знатных сельских старшин. – А. У.) управленческие методы, граничившие с самоуправством, и эффективно урегулировать внутриобщинные конфликты, где потерпевшей стороной выступал знатный глава общества» [Прасолов, с. 33].

Уже в первые годы XX столетия начинают открыто звучать предложения о необходимости скорейшего реформирования кавказской администрации. В 1903 г. подполковник Д. С. Барановский представил записку «Причины разбоев, грабежей и других беспорядков в Закавказье

и способы к их искоренению», где с настойчивостью утверждал: «...для достижения полного порядка на Кавказе в близком будущем и постепенного его культурного развития нужны следующие коренные реформы: первое и самое важное – это реорганизация административных учреждений» [Кавказ и Российская империя, с. 481]. Наряду с жесткими мерами по усилению полицейского контроля проект Д. С. Барановского предполагал и активизацию культурно-образовательной политики.

Пока в Петербурге обдумывали возможные преобразования, положение на Кавказе стремительно скатывалось к масштабному кризису, угрожавшему для империи потерей региона. Начальник Терского областного жандармского управления в докладе командиру корпуса и товарищу министра внутренних дел К. Н. Рыздзевскому от 29 апреля 1905 г. отмечал: «...не могу обойти молчанием того бьющего и теперь в глаза обстоятельства, что столь трудно доставшийся нам Кавказ – бочка с порохом, которую следует оберегать от искры, хотя бы самого слабого напряжения, достаточной чтобы весь его взорвать» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 13]. Среди причин такого бедственного состояния края в докладе были обозначены неразвитость общественной жизни, а именно: «Незначительное число лиц свободных профессий, преобладание среди интеллигентов отставных военных и чиновников, отсутствие всякого рода кружков и обществ...» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 17]. Отдельно указывалось на то, что военные столкновения на Кавказе оставались перманентным явлением:

Не редкость, что на улицах самого Владикавказа происходят перестрелки с вооруженными шайками горцев, устраивающих набеги на денежные кассы и склады казенного оружия, о селениях и станциях и говорить нечего: местная хроника положительно переполнена сообщениями о грабежах и убийствах, в которых потерпевшей стороной являются сельские и станичные жители [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 18–19].

В 1905–1907 гг. такая ситуация была характерна не только для Терской области, но и для всего Северного Кавказа. Так, ввиду общего ослабления власти в горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Дагестанской областей появились многочисленные банды разбойников-абреков. Главари банд были способны контролировать целые районы, где в условиях дефицита официальной власти и кризиса доверия к институтам российской администрации устанавливали новый «справедливый» порядок. На примере стихийной канонизации погибших в это время абреков, объявлявшихся святыми (шейхами) [Бобровников, с. 82], можно видеть, как империя проигрывала борьбу в идеологической сфере, где имперская законность и идентичность уступали свои позиции радикальным убеждениям. Последнее стало зримым следствием неудовлетворительной работы местной администрации в области народного образования и просвещения. Империя потеряла статус культуртрегера. Это обстоятельство только усугублялось

ввиду того, что, как отмечалось в докладе начальника жандармов Терской области, «со времени покорения Восточного Кавказа, культурная миссия России здесь далеко еще не окончена; впереди нам предстоит сделать гораздо больше, чем было сделано до сих пор» [Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 18]. Очевидно, что тотальный кризис, охвативший российскую администрацию в регионе, мог быть преодолен только радикальными преобразованиями в системе управления.

Опыт прошлого в преодолении проблем настоящего

26 февраля 1905 г. Николай II подписал указ «О восстановлении должности наместника на Кавказе» [Законодательные акты, с. 28–29]. Наместником был назначен крупный государственный деятель, бывший министр императорского двора и уделов, входивший в ближайшее окружение Александра III, граф И. И. Воронцов-Дашков. Как и его наиболее известные предшественники на этом посту М. С. Воронцов и А. И. Барятинский, И. И. Воронцов-Дашков начинал карьеру именно на Кавказе, где принимал участие в боевых действиях на завершающем этапе Кавказской войны. Наместник наделялся особыми полномочиями в гражданской и военно-полицейской сферах управления, являлся членом Государственного совета, Совета и Комитета министров, главнокомандующим войсками наместничества, войсковым атаманом кавказских казачьих войск. Как и ранее, он непосредственно подчинялся лично императору. Невозможность постоянного и деятельного участия кавказского наместника в заседаниях высших государственных институтов породила учреждение должности постоянного представителя наместника в Петербурге – своеобразного Кавказского комитета в одном лице. Эту должность 13 мая 1905 г. занял известный и влиятельный государственный деятель, управляющий делами Комитета министров, статс-секретарь барон Э. Ю. Нольде.

Далеко не все в столице империи были готовы отдать богатую южную окраину в почти независимое управление вновь назначенного наместника. Возрождение института наместничества встретило сопротивление. Одним из наиболее опасных оппонентов И. И. Воронцова-Дашкова стал председатель Комитета и Совета министров С. Ю. Витте, едва не добившийся упразднения наместничества уже в декабре 1905 г. [Волхонский, Муханов, с. 107]. Полномочия наместника, введенные императорским указом 26 февраля 1905 г., скорее

И. И. Воронцов-Дашков, наместник кавказский. Тифлис, 1905 г. Придворная фотография Мищенко. Фотограф Б. Козак

провозглашались, а не закреплялись. Наместник должен был постоянно бороться за свою самостоятельность, доказывая императору необходимость автономной формы управления краем. Именно это являлось лейтмотивом всеподданнейшей записки И. И. Воронцова-Дашкова от 10 февраля 1907 г., в которой он мягко, но настойчиво убеждает монарха в правильности принятого ранее решения: «Все те основания, по которым Вашему Величеству благоугодно было восстановить должность наместника, приобрели ныне в моих глазах, по ближайшем ознакомлении на месте с делом управления Кавказским краем, значение неопровержимых доказательств невозможности управления далекою окраиной из Петербурга» [Кавказ и Российская империя, с. 493].

Кризисные явления на Кавказе, во многом заставившие официальный Петербург вернуться к проблемам полувекковой давности, реанимировали и один из наиболее успешных имперских институтов управления краем. Само по себе воссоздание Кавказского наместничества было символом обособленности края и знаком признания его специфики официальным Петербургом. Наместничество являлось победоносным институтом, с именами кавказских наместников связывалось окончание казавшейся бесконечной Кавказской войны. Кроме того, данный институт пользовался признанием местного населения, которое с восстановлением наместничества связывало надежды «на гражданское и культурное обновление во многом обветшавших условий кавказской жизни» [Флоринский, с. 389–390].

Как бороться с абречеством?

Одной из наиболее сложных проблем, требовавшей незамедлительного решения, была организация противодействия абречеству. Банды абреков хозяйничали в ряде районов Кавказа, нанося существенный хозяйственный и финансовый урон, еще более подрывая и без того сильно пошатнувшийся авторитет официальной администрации. И. И. Воронцов-Дашков лично возглавил «войну» с абреками. В своем секретном циркуляре от 14 сентября 1908 г., предназначавшемся губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края, наместник приказывал: «...периодически к 1–15 числам каждого месяца представлять мне через особый отдел Канцелярии наместника подробные сведения о случаях преследования, поимки и уничтожения разбойничьих шаек...» [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 1]. Кроме того, в декабре того же года наместник предписывал главам областей и округов Кавказского края: «Увольнять со службы тех полицейских приставов и начальников участков и входить в установленном порядке с представлениями об увольнении тех уездных начальников, в районе которых разбои принимают хронический характер» [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 51 об].

Нередки были случаи когда неумелые действия чинов российской администрации провоцировали вооруженное неповиновение горцев. Региональные власти позволяли северокавказскому казачеству проводить показательные, унижительные и никак не регламентированные акции по насильственному разоружению местных жителей [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 59]. Между тем ношение оружия мужчинами на Кавказе имело важный символический аспект, выступая признаком свободного человека. Лишение оружия воспринималось горцами как посягательство на их социальный статус. Произвол властей подпитывал недовольство местного населения, а наиболее отчаянные пополняли отряды известных абреков. Серьезным инцидентом, возникшим в результате бесконтрольного разоружения горцев, стало столкновение воинских частей с чеченцами на базаре Гамурзиевского селения Веденского округа 14 марта 1909 г.

Регламентированный порядок изъятия оружия был введен в наиболее беспокойной Терской области в том же 1909 г. В циркуляре начальника области атаманам отделов и начальникам округов от 10 апреля указывалось:

...чтобы проектированное отображение огнестрельного оружия усовершенствованных систем, а не холодного и не старого дедовского кремневого, производилось бы с соблюдением строгой последовательности, со своевременным и надлежащим оповещением населения о предпринимаемых мероприятиях, без не входящих в программу насильственных действий и без излишних и бесполезных кровавых жертв [ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 756, л. 141].

Несмотря на все усилия, борьба с абречеством приняла затяжной характер. Символом бессилия российской администрации стали смелые действия отрядов, возглавляемых Зелимханом Гушмазукаевым. Самой отчаянной акцией абреков Зелимхана стало ограбление Кизлярского казначейства 27 марта 1910 г., совершенное открыто, при свете дня. Секрет неуловимости Зелимхана был в его народной популярности. Для многих жителей Терской области он был далеко не просто удачливым бандитом, но борцом за справедливость. Иногда его имя связывалось с идеей продолжения борьбы, к которой мусульман Кавказа призывал и которую долгие годы возглавлял имам Шамиль. Российская агентура даже имела сведения, согласно которым Зелимхан в 1909 г. на съезде старейшин селений Терской и Дагестанской областей был провозглашен святым и великим имамом [Вайнахи и имперская власть, с. 251]. Кроме того, часто Зелимхан получал помощь и убежище от шейхов-зикристов [Императорская Россия, с. 423]. Некоторые исследователи полагают, что самый известный абрек Северного Кавказа прямо «присоединился» к зикристам [Хутарев-Гарнишевский, с. 165]. С другой стороны, есть свидетельства, указывающие на широкие связи Зелимхана с эмиссарами радикаль-

ной младотурецкой национально-патриотической организацией «Итигат», целью которой было создание «Великой Турции» от Средиземноморья до Тихого океана [Вайнахи и имперская власть, с. 251].

Резонансные акции Зелимхана (в первую очередь налет на Кизлярское казначейство) поставили в сложное положение И. И. Воронцова-Дашкова. От наместника требовали подробных объяснений и энергичных действий Николай II и председатель Совета министров П. А. Столыпин. В объемном донесении об обстоятельствах нападения на Кизляр и ответных мерах, предпринятых имперской администрацией, кавказский наместник указывает на бесперспективность борьбы с абречеством одними карательными методами. Эту борьбу он уподобляет лечению симптомов, а не самой болезни. И. И. Воронцов-Дашков выделяет несколько «первопричин» беспорядков на Кавказе, среди которых бедность местного населения, изъятия организации административных институтов края, отчужденность между властью и народом [Вайнахи и имперская власть, с. 234]. Здесь же наместник предлагает целую антикризисную программу, включающую набор преобразований: от увеличения окладов и штатной численности административно-полицейского состава до расширения сети российских образовательных учреждений. Оценивая значение образовательной сферы для развития края, предпоследний кавказский наместник отмечал²:

Несомненно, что правильно поставленная русская народная школа, с началами грамотности на материнском языке, является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями, и на языке преподавания, чуждом населению, в роде арабского или адзербайджанского (чуждый для всех горцев) – в тех частных мусульманских школах, куда население посылает своих детей за неимением достаточного количества русских школ [Всепопданнейший отчет, с. 17–18].

Все это предлагалось в целях «насаждения гражданственности» и «развития культуры» в пределах Кавказского края. Иначе говоря, в видах придания нового импульса имперской модернизации на южной окраине, потеря темпа которой так дорого обошлась местному населению и имперским властям. Для проведения в жизнь обозначенных мер И. И. Воронцов-Дашков просил у Петербурга денег. В отличие от своих предшественников на посту кавказского наместника, И. И. Воронцов-Дашков был лишен финансовой самостоятельности. Деньги Кавказа были в руках Министерства финансов. Это не удивительно, учитывая важность централизованного контроля за нефтяными сборами [Правилова, с. 160].

² В цитате ниже сохраняются особенности написания источника.

Недостаток средств и упущенное время

Отсутствие широкой поддержки И. И. Воронцов-Дашков пытался компенсировать активностью и энергичностью. Наместник исходил из необходимости учета специфики традиций местного населения, сложившихся норм и практик обычного права. Наместник отменил указ о секуляризации имущества армяно-григорианской церкви. Ввел в состав Совета наместника наблюдателей от общественных организаций для участия в обсуждении спорных вопросов. Военно-народное управление, все еще действовавшее на территории Дагестана, постепенно трансформировалось в гражданское. В 1913 г. в Дагестане был создан институт мировых посредников, назначаемых местным военным губернатором из российских чиновников и «коренных» владельцев. Нехватка средств не остановила попыток И. И. Воронцова-Дашкова вернуть Российской империи на Кавказе статус первого просветителя. К 1913 г. начальных училищ на Кавказе насчитывалось уже 3037, а число учащихся в них составляло 302 664 человек. Количество общеобразовательных низших училищ достигло 107 и охватывало 20 тыс. учеников; соответственно средних учебных заведений имелось 263 (25 тыс. учащихся); специальных учебных заведений для подготовки учителей – 24 (1 100 обучающихся); промышленных училищ – 29 (3 тыс. учеников) [Всеподданнейший отчет, с. 30–31]. На фоне данных о численности населения Кавказского края, которое уже по переписи 1897 г. составляло 9,3 млн человек [Первая всеобщая перепись], а также с учетом высокого уровня естественного прироста населения, превышающего в некоторых областях общероссийские показатели [Кабузан, с. 102–103], цифры развития образовательного пространства выглядят не столь впечатляюще.

Активизация социальной политики вкупе с возрастающим военным давлением на банды абреков позволили коронной администрации восстановить контроль над ситуацией в крае к 1913 г., когда основные лидеры кавказского абречества были истреблены, а имперские власти расширили социальную базу поддержки проводимой политики. Имеющихся ресурсов хватило на стабилизацию положения, но было явно недостаточно для дальнейшего поступательного развития края по пути модернизации жизни населения, работы администрации, общего социального взаимодействия. Отсутствие средств дополнилось нехваткой времени. Начавшаяся Первая мировая война превратила все планы «обновления» Кавказа в комплект благих пожеланий.

Последний кавказский наместник – великий князь Николай Николаевич, сменивший И. И. Воронцова-Дашкова летом 1915 г., докладывая императору о необходимости проведения на Кавказе самых широких реформ во всех областях местной жизни, со смешанным чувством удивления и тревоги писал:

...нельзя не признать, что за истекшие со времени присоединения Кавказа к Русской империи десятилетия было уделено чрезвычайно мало внимания этой богатейшей окраине и проявлялась забота не столько об экономическом и культурном преуспевании, сколько о поддержании в пределах края полицейского порядка и спокойствия [Кавказ и Российская империя, с. 543].

Социально-политический кризис кавказского края рубежа XIX–XX вв. был спровоцирован падением эффективности системы управления регионом. Централизация административных практик затормозила интеграцию Кавказа в пространство империи, заменив живую деятельность мертвой формой. Восстановление Кавказского наместничества было крайним шагом, свидетельствующим о тупиковости создавшегося положения. Сам институт наместничества с его автономией и самостоятельностью наместника являлся не чем иным, как бегством от империи ради империи. Проведенные в экстремальных условиях преобразования вернули российской власти доверие населения и статус ментора. Однако многие проблемы модернизации края так и не получили полного разрешения, что способствовало дальнейшему возрастанию конфликтного потенциала и развитию центробежных тенденций. В истории Российской империи навсегда осталась актуальной известная максима отечественного историка и философа Г. П. Федотова: «Кавказ никогда не был замирен окончательно» [Федотов, с. 346].

Список литературы

- Авалов З. Д.* Грузины // *Формы национального движения в современных государствах* / под ред. А. И. Кастелянского. СПб. : *Общественная польза*, 1910. С. 469–493.
- АКВ – Архив князя Воронцова. Кн. 38. М. : Университетская типография, 1892. 543 с.
- Архив КБИГИ – Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.
- Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие : *Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана*. М. : *Восточная литература*, 2002. 368 с.
- Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)*. М. : *Российская политическая энциклопедия*, 2011. 1094 с.
- Волхонский М. А., Муханов В. М.* Россия на Кавказе. Пять веков истории : *Научно-публицистические очерки*. М. : *Объединенная редакция МВД России*, 2009. 488 с.
- Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И. И. Воронцова-Дашкова*. СПб. : [Б. и.], 1913. 52 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678. Оп. 1. Д. 687.
- Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг. : Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России* / под ред. Н. И. Лазаревского. М. : *Государственная публичная историческая библиотека России*, 2010. 888 с.
- Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)* : *Сборник материалов* / сост. Д. Ю. Арапов. М. : *Наталис*, 2006. 480 с.

Исмаил-Заде Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М. : Центрполиграф, 2005. 511 с.

Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 228 с.

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб. : Звезда, 2005. 720 с.

Каннелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии : Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое издательство, 2005. С. 395–435.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=3 (дата обращения: 11.01.2015).

Правилова Е. А. Бюджетно-финансовая политика России в Закавказье (1801–1905 гг.) // Английская набережная, 4 : Сборник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 4. СПб. : Лики России, 2004. С. 137–162.

Прасолов Д. Н. Правовой плюрализм в административной практике пореформенной кабардинской деревни // Исторический вестник. Вып. 10. Ч. 2. Нальчик : КБИГИ, 2012. С. 28–45.

Федотов Г. П. Судьба империй // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М. : Наука, 1993. С. 328–346.

Флоринский М. Ф. Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Центр и регионы в истории России : Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия : сборник научных статей / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : СПбГУ, 2010. С. 380–411.

Хутарев-Гарнишевский В. Российские спецслужбы, политический исламизм и сепаратизм на Северном Кавказе в начале XX и XXI веков. Историческая компаративистика. Общественно-политический фон // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности. М. : НЛЮ, 2014. С. 160–182.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756.

References

Arapov, D. Yu. (Comp.). (2006). *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konec XVIII – nachalo XX v.): Sbornik materialov* [Imperial Russia and the Muslim World (Late 18th – Early 20th Century)]. 480 p. Moscow, Natalis.

Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarny'h issledovanij [The Archive of Kabardino-Balkar Institute of Humanitarian Studies]. F. 1. Op. 3. D. 1.

Arhiv knyazy Voroncova [Archives of Prince Vorontsov]. (1892). Bk. 38. 543 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Avalov, Z. D. (1910). Gruziny' [Georgians]. In Kastelyanskij, A. I. (Ed.). *Formy' nacional'nogo dvizheniya v sovremenny'h gosudarstvah* [Forms of the national movement in modern states] (pp. 469–493). Saint Petersburg, Obshhestvennaya pol'za.

Bobrovnikov, V.O. (2002). *Musul'mane Severnogo Kavkaza: oby'chaj, pravo, nasilie: Oчерки po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: Customs, Law, Violence. Essays on the History and Ethnography of Law of Upland Dagestan]. 368 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 6. Op. 1. D. 756.

Fedotov, G. P. (1993). Sud'ba imperij [The Fate of Empires]. In *Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: evrazijskij soblazn* (pp. 328–346). Moscow, Nauka.

Florinskij, M. F. (2010). Central'naya vlast' i kavkazskaya administraciya v sisteme upravleniya Rossijskoj imperiej v 1905–1914 gg. [The Central Authority and the Caucasian Administration in the System of Governance of the Russian Empire between 1905 and 1914]. In Dvornichenko, A. Yu. (Ed.). *Centr i regiony' v istorii Rossii: Problemy' e'konomicheskogo, politicheskogo i sociokul'turnogo vzaimodejstviya: Sbornik nauchny'h statej* (pp. 380–411). Saint Petersburg, SPbGU.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. F. 678. Op. 1. D. 687.

Hutarev-Garnishevskij, V. (2014). Rossijskie speczsluzhby', politicheskij islamizm i separatizm na Severnom Kavkaze v nachale XX i XXI vekov. Istoricheskaya komparativistika. Obshhestvenno-politicheskij fon [Russian Secret Services, Political Islamism and Separatism in the North Caucasus in the Early 20th and 21st Centuries. Comparative Historical, Social and Political Background]. In *Bol'shoj Kavkaz dvadcat' let spustya: resursy' i strategii politiki i identichnosti* (pp. 160–182). Moscow, NLO.

Ismail-Zade, D. I. (2005). *Graf I. I. Voronciov-Dashkov. Namestnik Kavkazskij* [Count I. I. Vorontsov-Dashkov. Caucasian Viceroy]. 511 p. Moscow, Centrpoligraf.

Kabuzan, V. M. (1996). *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. Etnostaticheskoe issledovanie* [The Population of the Northern Caucasus Region between the 19th and the 20th Centuries: an Ethnostatistical Study]. 228 p. Saint Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLICZ.

Kappeler, A. (2005). Obrazovanie nacij i nacional'nye dvizheniya v Rossijskoj imperii [The Formation of Nations and National Movements in the Russian Empire]. In Vert, P., Kaby'tov, P. S. & Miller, A. I. (Comps.). *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty' poslednih let: antologiya* (pp. 395–435). Moscow, Novoe izdatel'stvo.

Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty', idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. [The Caucasus and the Russian Empire: Projects, Ideas, Illusion and Reality. Early 19th – Early 20th Centuries]. (2005). 720 p. Saint Petersburg, Zvezda.

Lazarevskij, N. I. (Ed.). (2010). *Zakonodatel'nye akty' perehodnogo vremeni. 1904–1908 gg.: sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stvuyushhemu senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, otnosyashhishya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii* [Legislative Acts of the Transitional Period. 1904–1908: A Collection of Laws, Manifests, Orders]. 888 p. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. [The first General Census of the Russian Empire in 1897]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=3 (accessed: 11.01.2015).

Prasolov, D. N. (2012). Pravovoj plyuralizm v administrativnoj praktike poreformnoj kabardinskoj derevni [Legal Pluralism in the Administrative Practice of the Post-Reform Kabardian Village]. In *Istoricheskij vestnik* (Iss. 10, Pt. 2, pp. 28–45). Nalchik, KBIGI.

Pravilova, E. A. (2004). Byudzhetno-finansovaya politika Rossii v Zakavkaz'e (1801–1905 gg.) [Russian Fiscal Policy in the Caucasus (1801–1905)]. In *Anglijskaya naber-ezhnaya, 4: Sbornik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshhestva istorikov i arhivistov* (Iss. 4, pp. 137–162). Saint Petersburg, Liki Rossii.

Vajnahi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) [Vainakhs and Imperial Power: the Problem of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (Early 19th – Mid-20th Century)] (2011). 1094 p. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya.

Volhonskij, M. A. & Muhanov, V. M. (2009). *Rossiya na Kavkaze. Pyat' vekov istorii: nauchno-publicisticheskie ocherki* [Russia in the Caucasus. Five Centuries of History: Academic and Journalistic Essays]. 488 p. Moscow, Ob'edinennaya redakciya MVD Rossii.

Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom grafa I. I. Voronciov-Dashkova [Report for Eight-Year Governance of Caucasus Count I. I. Vorontsov-Dashkov]. (1913). 52 p. Saint Petersburg.

The article was submitted on 03.03.2015

Амиран Тариелович Урушадзе,

кандидат исторических наук,

доцент,

Институт истории и

международных отношений

Южного федерального

университета,

Ростов-на-Дону, Россия

urushadze85@mail.ru

Amiran Urushadze, Dr.,

Associate Professor,

Institute of History

and International Relationships

of the Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia

urushadze85@mail.ru

RUSSIA AND FOREIGNERS: INTERACTION AND CONFLICTS

DOI 10.15826/qr.2015.2.102

УДК 929.732(470)+910.4(470:4)

Стефан Лер

ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА: ОТ ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ К НАЦИОНАЛЬНЫМ КОРНЯМ КУЛЬТУРЫ (СЕМЕЙСТВА ГОЛИЦЫНЫХ И АПРАКСИНЫХ В 1780–1812 гг.)¹

Stefan Lehr

EDUCATING RUSSIAN ARISTOCRATIC YOUTH: FROM THE GRAND TOUR TO THE DISCOVERY OF NATIONAL ROOTS (THE FAMILIES OF GOLITSYN AND APRAK SIN, 1780–1812)

The author examines education in imperial Russia, referring to the aristocratic family of Golitsyn in the late 18th and early 19th century. The article deals with the significance of education for the members of the Golitsyn family and examines the motivation to obtain it. The author studies the ideals of perfect education and the role of the parents in raising their children. Referring to the Grand Tour of two young Golitsyn princes, he shows proper noble education at work. The article also surveys the role of the Russian language in the process of education. In conclusion, the author examines to what extent the conduct of the Golitsyn family was typical of the Russian aristocracy. The article is mostly based on family correspondence kept in Moscow and Saint Petersburg archives.

Keywords: nobility; aristocracy; education; language; Princes Golitsyn; Nataliya Petrovna Golitsyn; Counts Apraksin; Counts Stroganov.

В статье рассматривается процесс воспитания и образования в царской России на примере аристократической семьи Голицыных в конце XVIII – начале XIX в. Автор отвечает на вопрос о значении и мотивации воспитания в дворянской культуре, показывает систему представлений об идеальном образовании и роль родителей в воспитательном процессе.

---

¹ Автор выражает благодарность сотрудникам читальных залов РГАДА, РГИА, НИОР РГБ за благожелательное отношение и помощь в работе, а также Е. В. Акельеву, Т. А. Ахполовой, Е. П. Гречаной, С. В. Польскому, В. С. Ржеуцкому за советы и помощь.

На примере образовательного путешествия (*Grand Tour*) двух юных князей Голицыных демонстрируются результаты полученного ими образования. Также в статье уделяется внимание роли родного языка в образовании этой семьи. В заключение автор рассматривает, насколько типичным было поведение Голицыных для высшего русского общества. Статья написана по материалам семейной переписки, находящимся в московских и петербургских архивах.

Ключевые слова: российское дворянство, история воспитания в России, образовательные путешествия, князя Голицыны, Н. П. Голицына, графы Апраксины, графы Строгановы.

«L'éducation est le principal objet» («Образование – это главное»). Эта фраза написана княгиней Натальей Петровной Голицыной, известной личностью конца XVIII – начала XIX в., в письме к зятю, графу Степану Степановичу Апраксину, в 1811 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 5, л. 3–4]². Граф Апраксин, планируя заграничное путешествие для поправки здоровья, хотел взять с собой шестнадцатилетнего сына Владимира, воспитывавшегося в доме княгини Голицыной в Санкт-Петербурге, с целью завершить его образование. Однако княгиня воспротивилась отъезду внука в чужие края для получения образования. В связи с этим возникает вопрос: почему Наталья Петровна, которая сама тридцать лет назад организовала *Grand Tour* с целью образовывать своих детей [Голицына; Шереметев; Петерс; Гречаная, с. 251–271; Gretchanaia] и впоследствии неоднократно гордилась их успехами, полученными благодаря заграничному образованию, теперь весьма негативно восприняла намерение зятя? В предлагаемой статье представлена практика дворянского образования в конце XVIII – начале XIX в. на примере русской аристократической семьи. Это даст возможность проследить и существовавшие традиции, и то, как менялся подход к образованию в дворянской среде. Исследование даже одной семьи дает материал, позволяющий сделать вывод о степени типичности образовательной стратегии семейства Голицыных для высшего русского дворянства.

Поскольку у данной ветви семьи Голицыных³ не было специального руководства по воспитанию и образованию своих детей, в отличие от некоторых других русских аристократических родов (напри-

---

² Письмо ошибочно находится в единице хранения, обозначенной как письма Н. П. Голицыной к Дмитрию В. Голицыну. Но так как речь идет о шестнадцатилетнем сыне, а два сына Д. В. Голицына родились в 1815 и 1819 гг., это письмо могло быть адресовано только зятю – С. С. Апраксину, что подтверждается письмами Екатерины Вл. Апраксиной (см. письмо Е. В. Апраксиной к Н. П. Голицыной, 10 апреля 1811 [НИОР РГБ, ф. 64, к. 88, ед. хран. 4, л. 22–23]).

³ Владимиром Береловичем написано несколько статей об образовании в семье Голицыных, но о другой ветви этого большого дворянского рода, см.: [Berelowitch, 1993; Берелович, 2004; Berelowitch, 2005; Берелович, 2011].

мер, руководство Ивана Барятинского⁴, образовательные концепты Екатерины Дашковой [Preuß; Witte] или записки Андрея Шувалова об образовании детей, составленные им в форме завещания⁵), тема раскрывается на основе изучения переписки внутри семьи, между наставником и его учениками и их родителями, которая в основном хранится в личном фонде Голицыных «Вязёмы» (по названию поместья) в НИОР РГБ (Москва).

Значение и мотивация процесса образования

В кругах состоятельного русского дворянства в период XVIII–XIX вв. образованию придавалось очень большое значение, и русский аристократ являлся активным и самостоятельным деятелем образовательного процесса. Образование было важно как для будущей государственной службы, так и для светского времяпровождения дворянства. Идеальной карьерой для сыновей в семьях Голицыных и Апраксиных считалась военная служба, и целью их образования была подготовка к этой службе. Таким образом, с одной стороны, мотивацией к получению образования было следование государственному идеалу и воле монарха, которые предписывали дворянину службу «государю и отечеству». С другой стороны, знание культуры и литературы считалось уже неотделимой частью жизни высшего света и повседневной жизни дворянской семьи. И молодые дворяне усваивали эти культурные знания с удовольствием. В начале XIX в. дети Апраксиных, например, принимали активное участие в подготовке домашних театральных и музыкальных представлений.

В воспитании своих детей Голицыны были достаточно самостоятельны, то есть действовали по собственному усмотрению, без учета государственных приоритетов. Императрица Екатерина II в 1787 г. была удивлена, что княгиня Голицына избрала местом для учебы своих детей Страсбург и Париж, и выразила неодобрение тем, «что ради образования покидают страну» [Гречаная, с. 158–159]. Наталья Петровна объяснила, что Париж выбран из-за необходимости поправить здоровье мужа и параллельно осуществлять образование детей⁶. До Французской революции и возвращения Голицыных на родину тогда оставалось еще два с половиной года.

---

⁴ «Mes idées sur l'éducation de mon fils» («Мои идеи по поводу образования моего сына») – педагогическая статья И. И. Барятинского, 1815 г. [НИОР РГБ, ф. 19 (Барятинские), раздел V, ед. хран. 70]; «Conseils à mon fils aîné 1821» («Советы для моего старшего сына, 1821») – наставления И. И. Барятинского старшему сыну об отношениях к членам семьи и крестьянам и различные хозяйственные советы, 1821 г. [Там же, ед. хран. 72].

⁵ «Mon testament» («Мое завещание»), 1780 г. [РГИА, ф. 1092 (гр. Шуваловы), оп. 1, д. 136].

⁶ Письмо Н. П. Голицыной к Д. П. Салтыковой, 31 января 1788 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 48, л. 7–7 об.].

Идеал образования

Предлагаемое образование должно было быть элитарным и домашним и осуществляться под строгим присмотром семьи. О возможности получения образования в учебных заведениях (даже элитарного типа) среди русского дворянства существовали разные мнения. Многие считали полезным отдавать детей в закрытые учебные заведения, такие как пансионы или кадетские корпуса [Аурова]. В особенности это касалось небогатых дворян. Но княгиня Голицына – как и другие представители высшей аристократии – не раз высказывалась против этого⁷, считая идеалом воспитание детей дома, в семье, с помощью одного главного гувернера и прочих учителей. Она боялась возможных негативных и опасных влияний на детей, если те не будут находиться под присмотром семьи. Этой традиции воспитания Голицыны придерживались и в дальнейшем.

Grand Tour с образовательными целями был предпринят Голицынами в 80-х гг. XVIII в. Образцом для княгини Голицыной послужили путешествия других дворянских семей. Она ставила в пример своим детям сына Екатерины Дашковой – Павла, который как раз в это время вернулся в Россию из Великобритании после учебы в Эдинбургском университете и заслужил по приезду всеобщую похвалу за хорошие знания и примерное светское поведение⁸. Причинами, по которым Наталья Петровна отвергла желание зятя Апраксина взять с собой за границу в

⁷ Письмо Н. П. Голицыной к Петру Васильевичу Мятлеву, 6 октября 1810 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 41, л. 12–13].

⁸ «J'ai a vous communique mon cher enfan que nous avons a Petersbourg un jeune homme de 19-ans nouvellement arrivé qui est le Prince Dachehoff qui a fait ses étude dans les pais étrangé sous la direction de sa mere, je vous avoue mon enfan que plus on le connois, et plus il paroît aimable, je ne puis vous caché que toute les fois que je le vois, je me dis a moi meme que je serez heureuse si mon cher ami Baris pouvois le ressemblé; il est parti d'ici justeman a lage ou vous est, il a fais ses premieres étude en Irlande pres d'une université quon y dit tres bonne. Cest un jeune homme qui a eu laprobation en général de tous le monde, parlan le francois, langlois, lalmane, le latin et le Russe parfaitement bien, beaucoup d'acquis beaucoup de talan, et un jeune homme de grand monde ce presantan parfaitement bien, on trouve de la satisfaction a lentandre parlé, il dance a ravire et joue dememe de plusieurs instruman. Je me flate mon cher ami de trouvé en vous la meme satisfaction, vous m'avez avivé d'esperance toute ma satisfaction ne gite que dans lidé de croire que vous continurez vos étude avec la meme ardeur et jöse me persuadé de la reussite » (здесь и далее переписка цитируется с сохранением орфографии оригинала; перевод с французского – автора статьи. – Прим. ред.) («Я сообщила Вам, мое дорогое дитя, о том, что в Петербург недавно приехал молодой человек девятнадцати лет – князь Дашков, учившийся в чужих краях под руководством своей матери. Признаюсь, дитя мое, что чем больше мы узнаем его, тем больше он кажется приятен. Не скрою, что каждый раз, когда вижу его, я говорю себе, что буду счастлива, если мой дорогой друг Борис будет похож на него. Он уехал отсюда в том же возрасте, что и Вы, и начал учиться в Ирландии в университете, очень хорошо, как говорят. Этот молодой человек, снискавший всеобщее одобрение, говорит по-французски, по-английски, по-немецки, по-латински и по-русски в совершенстве, обладает многими познаниями и талантами, этот юноша имеет светский лоск, слушать, как он говорит, одно удовольствие, он восхитительно танцует и столь же прелестно играет на нескольких инструментах. Я лишь себя надеждами, что Вы доставите мне такое же удовлетворение. Вы возродили мою надежду. Все мое удовольствие состоит в том, чтобы быть уверенной, что Вы продолжите обучение с прежней горячностью, и я убеждена в Вашем успехе») (письмо Н. П. Голицыной к Б. В. Голицыну, 30 июля 1782 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 4, л. 1–4]. См. также: [Гречаная, с. 321–322]).

1811 г. сына для совершенствования его образования, были – согласно ее представлениям – как неустойчивая и опасная ситуация в большей части Европы⁹, так и слишком молодой возраст шестнадцатилетнего графа. При этом собственных сыновей она отправляла в европейское образовательное путешествие в еще более юном возрасте: Борису было 13, а Дмитрию 11 лет. Социальные контакты в первые годы пребывания их в Страсбурге были ограничены. В доме, в котором Голицыны жили на втором этаже, первый этаж занимали дети российского посла в Варшаве Штакельберга, тоже находившиеся в Страсбурге для учебы. Они предложили Голицыным столоваться вместе, тем более что и те и другие пользовались услугами одного повара. Однако гувернер Оливье, опекавший молодых князей, отверг это предложение, в частности по той причине, чтобы дети не отвлекались от занятий¹⁰, так как Наталья Петровна написала сыну Борису: «...vous etes a Strasbourg uniquement pour étudier, le moins de connaissances que vous ferai sera le mieu...»¹¹.

Роль родителей

Особенностью семейства Голицыных являлось то, что воспитание детей входило прежде всего в компетенцию матери – Натальи Петровны. Исходя из примера других дворянских семей, можно утверждать, что обычно за воспитанием детей, в особенности сыновей, в гораздо большей степени следили отцы. В то время как в других дворянских семьях зачастую оба родителя вели переписку со своими детьми, у Голицыных отец Владимир Борисович в переписке участвует только в связи с поздравлениями. Мать объясняла это детям леностью отца¹². Так что корреспонденция между гувернером и Голицыными происходила исключительно через Наталью Петровну.

Гувернеры

Правильный выбор гувернера был самым важным решением для дворянских семей¹³. Этот вопрос обсуждался на семейном совете.

---

⁹ «...Dans un pais au milieu du monde ou les esprit et tout en général et bouleversé » («...В этой стране среди людей света, где не только дух, но все в целом потрясено») (письмо Н. П. Голицыной к С. С. Апраксину, 26 января 1811 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 5, л. 3–4]).

¹⁰ Письмо Оливье к Н. П. Голицыной, б. д. [1782]. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 82, ед. хран. 35, л. 9–10].

¹¹ «...вы находитесь в Страсбурге исключительно для обучения, чем меньше у вас будет знакомств, тем лучше...» (письмо Н. П. Голицыной к Б. В. Голицыну, 22 октября 1782 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 3, л. 9–9 об.]). В том же самом письме она пишет: «Mon cher Baris d'avoir le moins que vous pourrez des liaisons avec des jeunes gens, leur connoissances ne peut vous etre d'aucune utilité...» («Мой дорогой Борис, менее всего Вам стоит заводить связи с молодыми людьми, знакомство с ними не принесет Вам никакой пользы...»).

¹² Письмо Н. П. Голицыной к Б. В. Голицыну, 30 июля 1782 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 4, л. 1–4].

¹³ О гувернерах см.: [Берелович, 2011; Rjéoutski, 2013b].

Гувернеров принимали на основе рекомендаций. От кандидата прежде всего требовалось хорошее знание французского языка. Поэтому большинство гувернеров, работавших в семействе Голицыных, были французами либо швейцарцами. Важно было и хорошее общее образование. Внешность также влияла на решение о приеме гувернера на службу. Действительные его знания обычно проверялись в процессе беседы, что, конечно, являлось довольно поверхностным способом. У гувернанток, выбираемых для девочек, больше ценились способности в пении и рисовании.

Гувернеры и гувернантки жили вместе с дворянской семьей. В роду Голицыных и Апраксиных между господами и гувернерами складывались довольно тесные отношения, зачастую продолжавшиеся и после завершения обучения детей.

Гувернер, проводя занятия с детьми, был сравнительно свободен в выборе методов обучения.

Гендерный аспект: различное образование для сыновей и дочерей

Воспитание и образование сыновей и дочерей значительно различалось, так же как и в других странах Европы того времени¹⁴. Образование имело большое значение для мальчиков ввиду предполагаемой служебной карьеры, и вся семья в первую очередь была озабочена этим. Но и для девочек Голицыны и Апраксины нанимали франкоязычных гувернанток, которые обучали их языкам, письму, рисованию и пению. С дочерьми Дмитрия Владимировича и Татьяны Васильевны Голицыных проводились и разные другие занятия (например, по грамматике и географии). Уроки были частными, учитель приходил к детям. Из писем девушек к родителям видно, что их учебные занятия были короче, и у них оставалось больше времени для развлечений, чем у братьев.

Предмет образования

Молодые князья Борис и Дмитрий поступили в 1782 г. в Страсбургский университет только номинально¹⁵. Фактически они не посещали лекции, как обычные студенты, а получали только частные уроки. Благодаря записанным темам занятий становится ясно, что их готовили прежде всего к военной карьере, так как преподавались фортификация и математические дисциплины. Кроме того, братья изучали различные иностранные языки, приобретали навыки в таких важных в то время для дворян занятиях, как танцы, фехтование

¹⁴ О воспитании и образовании женщин в России см.: [Pushkareva; Rjéoutski, 2015; Black].

¹⁵ О русских в Страсбурге см.: [Stremooukhoff; Vöss; Baudin].

и музицирование. Еще в Петербурге губернёр Мишель Оливье обучал своих воспитанников языкам и математике, а учитель немецкого языка Циммерман давал им дополнительно уроки латыни¹⁶. Тогда же у них были занятия и по английскому языку¹⁷. В последующие годы князь продолжали эти упражнения. Еще перед отъездом в Страсбург князь Борис сообщал родителям и сестре о том, что прочел труды различных авторов по истории Древнего Рима и Египта¹⁸. Впоследствии молодой князь также много читал и иногда рассказывал о прочитанном матери. Своему шурина Павлу Строганову он позже говорил, что в годы учебы увлекался тем же, что и вся общественность Европы. В парижских салонах это была литература. Во время Французской революции, будучи в Лондоне, он занимался вопросами конституционного развития и государственного устройства в Англии и Франции, прочитал произведения Руссо, Делольма, Монтескье и Блэкстона¹⁹, в Германии он заинтересовался публичным правом, а в Италии увлекся искусством и архитектурой²⁰. Получаемое князьями образование было направлено на освоение европейской культуры и литературы, прежде всего на французском, а также на английском и немецком языках. Очевидно, что изучение иностранных языков – ведь кроме французского изучали немецкий, английский, итальянский и латынь – занимало в семье Голицыных важное место.

Владение различными языками не было особой редкостью в русских высших дворянских кругах в ту эпоху [Rjéoutski, 2013a]. Тем не менее сравнительно немного семей придавали большое значение глубокому изучению сразу стольких иностранных языков. С другой стороны, уровень знания этих языков у Голицыных не был одинаков. Французский (как литературный, так и язык для светского общения и переписки) знали лучше, чем родной язык. Немецкий в Страсбурге

---

¹⁶ Письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 94, ед. хран. 29, л. 19–20].

¹⁷ Письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 93, ед. хран. 41, л. 7–8].

¹⁸ Письма Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д.; письма Е. В. Голицына к Б. В. Голицыну, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 93, ед. хран. 41, л. 30–31, 36; ф. 64, к. 91, ед. хран. 16, л. 2, 4].

¹⁹ В. Ржеуцкий опубликовал неоконченный труд Бориса В. Голицына о влиянии тех или иных событий на формирование конституции («De l'influence des événements sur la formation d'une Constitution») [Ржеуцкий, Чудинов, с. 192–236].

²⁰ « Je me rappelle qu'à Paris pendant un tems la littérature seule faisait le sujet des conversations, et alors je m'en occupais presque exclusivement, dans le tems de la révolution les objets d'administration absorbèrent l'attention publique, et je me mis à lire Rousseau, Delolme, Montesquieu, Blackstone; en Allemagne, pendant le couronnement, je ne m'occupai que du Droit Public... en Italie, des objets relatifs aux arts, et en Angleterre de tout ce qui regardoit leur constitution » («Мне вспоминается, что в Париже в течение некоторого времени одна литература была главной темой для разговоров, а потом, во время революции, мною завладели исключительно вопросы управления, которые целиком поглощали внимание общества, я начал читать Руссо, Делольма, Монтескье, Блэкстона; в Германии во время коронации я занимался публичным правом... в Италии – искусством, а в Англии – всем, что касается их конституции») (письма Б. В. Голицына к П. С. Строганову, 1790 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 113, ед. хран. 15, л. 1–2; РГАДА ф. 1278, оп. 1, д. 61, л. 54–55]).

изучали три раза в неделю по одному часу. Так же часто занимались латинским и английским. Но дополнительно пять раз в неделю были часовые занятия по письму по-французски и по-немецки [НИОР РГБ, ф. 64, к. 105, ед. хран. 82, л. 19]. Итальянский изучали во время путешествия по Италии в 1790–1791 гг., но не так интенсивно.

Роль русского языка

Возникает вопрос, занимались ли молодые князья Голицыны русским языком, литературой и русской историей? Борис Голицын интересовался тем, что было связано с Россией. Например, попросил российского посла в Лондоне графа Семена Романовича Воронцова прислать ему карты, книги и документы, имеющие отношение к России. Уже во время пребывания в Париже у Бориса Голицына были книги по истории России на французском и немецком языках²¹. Французский язык был для детей Голицыных первым изучаемым языком, и общение внутри семьи происходило почти исключительно на французском. Прожив полгода в Страсбурге, князь Борис написал матери о своих занятиях языками. Переводить с французского на русский он не мог, так как в недостаточной степени владел русским литературным языком. Он переводил с русского на французский, но без словаря ему было трудно это делать, поэтому он просил мать купить ему русско-французский словарь²².

В переписке княгини Голицыной с ее влиятельным родственником бывшим вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным речь обычно шла почти исключительно о покупках одежды (отделки манжетов и кружев), которые Наталья Петровна охотно делала для него в Париже. Но также она рассказывала про обучение своих детей. Александр Михайлович спрашивал ее, в частности, преподает ли им кто-нибудь русский язык и литературу. Наталья Петровна отвечала, что у них не было подходящего учителя русского языка в Париже, поэтому знания русского языка у ее детей оказались недостаточными. Княгиня полагала, что, вернувшись в Россию, ее дети будут иметь

²¹ Среди личных бумаг Б. В. Голицына имеется список книг по истории России на французском и немецком языках, которые он одалживал профессору Ж.-Ф.-Ж.-М. Ноэлю во время своего парижского пребывания [НИОР РГБ, ф. 64, к. 113, ед. хран. 2, л. 65 (Liste de livres appartenants à M. le Prince de Gallitzin, prêtés à M. Noel professeur au collège de Louis le grand)].

²² « J'ai oublié de vous écrire d'une chose qui m'est absolument nécessaire. C'est de vouloir bien avoir un dictionnaire Russe en François. Il m'est impossible de traduire du François en Russe je ne connois pas assez les idiomes de cette langue c'est pourquoi je traduis du Russe en François mais n'ayant pas de dictionnaire j'ai de la peine à le faire, c'est-à-dire de traduire du Russe en François » (« Я забыл написать вам о том, что мне совершенно необходимо. Это русско-французский словарь. Я не могу переводить с французского на русский, мне недостаточно знакомы идиомы этого языка, поэтому перевожу с русского на французский, но без словаря это делать трудно, то есть переводить с русского на французский») (письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 94, ед. хран. 29, л. 15]).

время для изучения родного языка²³. Однако на деле получилось так, что сразу по возвращении молодые Голицыны поступили на действительную военную службу, и в источниках нет свидетельств того, что они брали уроки русского языка.

В связи с этим нужно сказать, что Наталья Петровна, будучи дочерью российского дипломата графа Петра Чернышева, провела детство за границей²⁴, и – как она сама признавалась – после возвращения в Россию ей не хватало знаний родного языка, так что муж поначалу даже поправлял ее ошибки [РГИА, ф. 1117, оп. 1, д. 105]²⁵. Кажется, что в то время для нее и для ее детей незнание русского языка в совершенстве было не особенно важно и не могло помешать ни ее признанию в обществе, ни карьере ее детей.

Сестра Натальи Петровны Дарья и ее муж граф Иван Петрович Салтыков придавали владению родным русским языком большее значение. Их дети должны были писать родителям прежде всего на русском и французском, а поздравления – также на немецком, английском и иногда на итальянском языках [РГАДА, ф. 1386, оп. 2, д. 4, 5, 20, 23, 71, 79, 80]. Однако случилось так, что французский взял верх. Дочь Екатерина сообщала, что ей трудно писать по-русски. И спустя некоторое время и в семье Салтыковых единственным языком переписки стал французский язык.

На примере семьи Голицыных можно проследить, как менялись уровень знания и сфера использования языка: в то время как Наталья Петровна Голицына писала на французском языке с ошибками²⁶, а ее муж общался со своими братьями по-русски [НИОР РГБ, ф. 64, к. 93, ед. хран. 40, 38; к. 94, ед. хран. 15, 16], их дети уже прекрасно владели французским языком, причем в гораздо лучшей степени, чем родным

²³ «...Ici nous n'avons qu'un seul prêtre russe encore est-il Ukrainien avec une prononciation vicieuse et n'ayant aucune connoissance quelconque exepté ce qui regarde la religion, apres cela on ne peut pretendre que la connoissance de cette langue soit celle qui soit la mieux sue. Ils retournerons asses jeunes dans leur patrie pour avoir tout le tems de s'appliquer et se fortifier» («Здесь у нас только один русский священник, к тому же он украинец с дурным произношением и не имеет знаний ни о чем, кроме религии. Посему нельзя требовать, чтобы знание сего языка соответствовало тому уровню, на котором его нужно знать. Они вернутся на родину достаточно молодыми, чтобы иметь время для прилежного его изучения и укрепления») (письмо Н. П. Голицыной к А. М. Голицыну, 15/28 февраля 1787 г. [РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7288, л. 1–2]).

²⁴ Княгиня Наталья Петровна Голицына родилась в Берлине и провела детство в Англии. В 1760–1763 гг. жила в Париже, где ее отец был послом России [Гречаная, с. 149].

²⁵ «...Si on avois toujours des maitres aussi atantif comme est mon mari qui ne me passe pas une seule faute dans la langue russe san me reprendre. Il m'ennui quelque fois par sa trop grande atanssion et dans le fond cela me fait plaisir qu'on me dit que je m'exprime avec beaucoup plus de facilité et de justesse qu'au paravan» («...Если бы все учителя были столь же внимательны, как мой муж, каковой не пропустит ни одной моей ошибки в русском языке без того, чтобы не исправить оную. Иногда он докучает мне своей излишней внимательностью, но я испытываю удовольствие, когда он говорит, что я изъясняюсь уже с куда большей легкостью и точностью, чем ранее») (письмо Н. П. Голицыной к Д. П. Салтыковой, 21 февраля 1768 г.).

²⁶ Она пишет по-французски разборчиво, но фонетически [Гречаная, с. 151–152; Gretchanaia, Viollet, p. 79].

русским. А их собственные дети уже использовали оба языка в совершенстве. И эта традиция перешла в следующее поколение.

Заключение

Мы видим, что, с одной стороны, на протяжении рассматриваемого периода для Голицыных менялись представления о характере образования и практике его получения: сыновья Н. П. и В. Б. Голицыных Борис и Дмитрий совершают *Grand Tour* по Западной Европе (Страсбург, 1782–1785; Париж, 1785–1790; Англия, 1790; Германия и Италия, 1790–1791), дети С. В. и П. А. Строгановых, а также Е. В. и Ст. Ст. Апраксиных, то есть следующее поколение, получают домашнее образование в России (1806–1811)²⁷, а их сыновья уже учатся в Московском университете (1830–1840)²⁸.

Многие из перемен, коснувшихся образования, можно объяснить общими переменами в эту эпоху. Некоторые отмеченные феномены, такие как предпочтение домашнего образования, а также изменения в отношении к языкам (например, обращение детей и внуков княгини к русскому языку), кажется, характеризуют типичные изменения во взглядах на образование высшего русского дворянства.

Большую роль в вопросах образования играла и сама личность Натальи Петровны, видевшей воспитание детей и внуков своей главной задачей, которой она посвящала чрезвычайно много времени и энергии. Подобная решающая позиция матери в вопросах образования своего потомства в указанную эпоху в России была скорее исключением, так как обычно образованием, особенно сыновей, в гораздо большей степени были обеспокоены отцы семейств. И обучению русскому языку во многих дворянских семьях уделялось больше внимания, чем в доме Натальи Петровны.

Как мы можем объяснить это отклонение от нормы? Скорее всего, это было обусловлено как субъективным фактором, так и общими тенденциями. Субъективный фактор связан с особой ролью и характером Натальи Петровны и ее мужа, человека менее решительного, болезненного и, как кажется, зависимого от мнения жены. В том, как происходило обучение русскому языку, видно решающее влияние княгини, которая сама провела детство за границей, а вернувшись в Россию, обнаружила, что ее незнание русского языка ни в чем ей не мешает. Однако следует помнить и об общих тенденциях, влияние которых она испытывала и не была в этом исключением. В понимании княгини высшая культура, которой она восхищалась, была связана с Западом. Сама она узнала ее в детстве в разных европейских столицах. В России императорский двор тоже стремился к западной культуре, которая в эту эпоху в большей степени связывалась с француз-

²⁷ Владимир С. Апраксин.

²⁸ Дмитрий Д. Голицын и Виктор В. Апраксин.

ской культурой, и не только в России [Offord]. Знание русского языка не казалось необходимым. Это отношение к русскому языку с течением времени менялось как в ее сознании, так и в представлениях большинства русского дворянства. И изменения эти были обусловлены общими тенденциями: с одной стороны, большая часть русского дворянства негативно воспринимала потрясение общественного порядка, произошедшее во время Французской революции, а с другой – Россия интенсивно модернизировалась и возрастал интерес к собственной культуре. Наталья Петровна тоже была человеком своего времени, разделявшим его предрассудки и устремления. Через тридцать лет после путешествия сыновей в Европу она уже считала, что ее внуку Владимиру Апраксину опасно ездить для образования на Запад, теперь и для нее было важно, чтобы он изучал русский язык, которым впоследствии он прекрасно владел. Показательно, что зимой 1811 г. Наталья Петровна даже посетила одно из чтений Беседы любителей русского слова, где Александр Шишков прочитал свое «Рассуждение о любви к Отечеству» [Шишков, с. 3–54]²⁹. Произведение княгине очень понравилось, так что она сочла полезным, чтобы «наши молодые изящные господа и дамы» раз или два в неделю посещали эти чтения. По мнению Н. П. Голицыной, таким образом можно было бы укрепить их привязанность к отечеству³⁰.

Список литературы

Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У источников русского славянофильства. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 444 с.

Аурова Н. Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М. : Новый хронограф, 2010. 463 с.

Берелович В. Гувернеры в семье Голицыных. 1760–1780 годы // Французский ежегодник 2011 : Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / под ред. А. Чудинова и В. Ржеуцкого. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 190–199.

Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов и воспитание сирот Голицыных (1782–1792) // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 318–330.

Голицына Н. П. Моя судьба – это я / сост. Т. П. Петерс. М. : Русский Мир, 2010. 463 с.

Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски : Русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М. : ИМЛИ РАН, 2010. 382 с.

НИОР РГБ – Научный исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 19; Ф. 64.

Петерс Т. П. К вопросу о профессиональном образовании сыновей княгини Натальи Петровны Голицыной // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы : Материалы XVI Го-

²⁹ Опубликованные произведения упомянутого заседания Беседы любителей русского слова приводит Марк Альтшуллер [Альтшуллер, с. 407].

³⁰ « Cette ouvrage selon moi et si beau que j'aurais voulu qu'on oblige nos jeunes elegans et elegante dassiste une ou deux fois par semaine à cette lecture qui pouvais leurs servir de leçon et faire quelque effect sur eux en leur donnant de l'attachement à leurs pais » («Сие сочинение кажется мне столь прекрасным, что я бы желала, дабы мы обязали наших молодых порядочных мужчин и женщин посещать один или два раза в неделю эти чтения. Это может послужить им уроком и произвести определенное влияние, зародив привязанность к своей стране») [РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 359, л. 116–118].

лицыных чтений, 24–25 янв. 2009 г.; Материалы XVII Голицыных чтений, 23–24 янв. 2010 г. / ред. А. М. Рязанов. М., 2011. С. 427–435.

Ржеуцкий В. С., Чудинов А. В. Русские «участники» Французской революции // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 6–236.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1263; Ф. 1278; Ф. 1386.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1092; Ф. 1117.

Шереметев П. С. Вязёмы. Петроград: Товарищество Голике и Вильборг, 1916. 264 с.

Шишков А. Рассуждение о любви к Отечеству // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 5. СПб.: В Медицинской Типографии, 1812. С. 3–54.

Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg: Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2011. 321 p.

Berelowitch W. La France dans le « grand tour » des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. No. 34. P. 193–209.

Berelowitch W. Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe: le cas des Golitsyne // Dix-huitième siècle. 2005. No. 37. P. 179–194.

Black J. Educating Women in Eighteenth-Century Russia // Black, J. Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. New York: Columbia University Press, 1979. P. 152–171.

Gretchanaia E. « Je vous parlerai la langue de l'Europe... »: La francophonie en Russie (XVIIIe–XIXe siècles). Bruxelles: P. I. E. Peter Lang, 2012. 411 p.

Gretchanaia E., Viollet C. Si tu lis jamais ce journal...: Diaristes russes francophones, 1780–1854. Paris: CNRS Éditions, 2008. 345 p.

Offord D. Francophonie in Imperial Russia // European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language / ed. V. Rjéoutski, G. Argent, D. Offord. Oxford: Peter Lang, 2014. P. 371–404.

Preuß H. Vorläufer der Intelligencija?! Bildungskonzepte und adliges Verhalten in der russischen Literatur und Kultur der Aufklärung. Berlin: Frank & Timme, 2013. 427 p.

Pushkareva N. Russian Noblewomen's Education in the Home as Revealed in Late 18th- and Early 19th-Century Memoirs // Women and Gender in Eighteenth-Century Russia / ed. by W. Rosslyn. Ashgate: Aldershot, 2003.

Rjéoutski V. L'éducation d'une jeune fille noble d'après la correspondance d'une gouvernante suisse, Cécile Olivier // Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, deuxième moitié du XVIIIe – première moitié du XIXe siècle / textes et études réunies et présentées par Vladislav Rjéoutski. L'Harmattan, 2015 [sous presse].

Rjéoutski V. Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle [Electronic resource] // Вивлюшка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013a. No. 1. P. 20–47. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789/6237> (accessed: 30.03.2015).

Rjéoutski V. Le précepteur francophone en Russie au XVIIIe siècle // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe–XIXe siècles) / sous la direction de Vladislav Rjéoutski et Alexandre Tchoudinov. Paris: L'Harmattan 2013b. P. 117–138.

Stremooukhoff D. Les Russes à Strasbourg au XVIIIe siècle // Revue d'Alsace. 1934. No. 81. P. 3–21.

Vöss J. Les étudiants de l'Empire russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert / Hrsg. C. Grau, S. Kapr, J. Vöss. Wiesbaden, 1997. P. 351–371.

Witte G. Ekaterina Daškovas Memoiren als Bildungsutopie // Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825) / Hrsg. G. Lehmann-Carli, M. Schippan, B. Scholz, S. Brohm. Berlin: Berlin-Verl. Spitz, 2001. P. 345–363.

References

Al'tshuller, M. (2007). *Beseda lyubitelej russkogo slova. U istochnikov russkogo slavyanofil'stva* [A Conversation of Amateurs of the Russian Word. At the Roots of Russian Slavophilism]. 444 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Aurova, N. N. (2010). *Ot kadeta do generala. Povsednevnaya zhizn' russkogo oficera v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [From Cadet to General. Everyday life of a Russian General in the Late 18th – 1st Half of the 19th Century]. 463 p. Moscow, Novy'j hronograf.

Baudin, R. (2011). *Nikolai Karamzine à Strasbourg : Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789)*. 321 p. Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg.

Berelovich, V. (2004). *Obrazovatel'ny'e strategii russkikh aristokratov i vospitanie sirot Golitsyn'ny'h (1782–1792)* [Educational Strategies of Russian Aristocracy and the Upbringing of Orphans Golitsyn (1782–1792)]. In *Evropejskoe prosveshhenie i civilizaciya Rossii* (pp. 318–330). Moscow.

Berelovich, V. (2011). *Guvernery' v sem'e Golitsyn'ny'h. 1760–1780 gody'* [Tutors in the Golitsyn Family. 1760–1780]. In Chudinova, A. & Rzhuevczkiy, V. (Eds.). *Francuzskij ezhegodnik 2011: Frankoyazy'chny'e guvernery' v Evrope XVII–XIX vv.* (pp. 190–199). Moscow, IVI RAN.

Berelovitch, W. (1993). La France dans le « grand tour » des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle, *Cahiers du monde russe et soviétique*, 34, pp. 193–209.

Berelovitch, W. (2005). Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe: le cas des Golitsyne, *Dix-huitième siècle*, 37, pp. 179–194.

Black, J. (1979). *Educating Women in Eighteenth-Century Russia*. In Black, J. *Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia* (pp. 152–171). New York, Columbia University Press.

Golitsyn, N. P. (2010). *Moya sud'ba – e'to ya* [My Destiny is Me]. 463 p. Moscow, Russkij Mir.

Grechanaya, E. P. (2010). *Kogda Rossiya govorila po-francuzski: Russkaya literatura na francuzskom yazy'ke (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [When Russia Spoke French: Russian Literature in French (18th – 1st Half of the 19th Century)]. 382 p. Moscow, IMLI RAN.

Gretchanaia, E. & Viollet, C. (2008). *Si tu lis jamais ce journal... Diaristes russes francophones, 1780–1854*. 345 p. Paris, CNRS Éditions.

Gretchanaia, E. (2012). « *Je vous parlerai la langue de l'Europe...* ». *La francophonie en Russie (XVIIIe–XIXe siècles)*. 411 p. Bruxelles, P. I. E. Peter Lang.

Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Research Department of Manuscripts, Russian State Library]. F. 19; F. 64.

Offord, D. (2014). *Francophonie in Imperial Russia*. In Rjéoutski, V., Argent G. & Offord, D. (Eds.). *European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language* (pp. 371–404). Oxford, Peter Lang.

Peters, T. P. (2011). *K voprosu o professional'nom obrazovanii sy'novej knyagini Natal'i Petrovny' Golitsyn'noj* [On the Issue of Professional Education of Natalia Petrovna Golitsyna's Sons]. In Ryazanov, A. M. (Ed.). *Hozyaeva i gosti usad'by' Vyazyomy': Materialy' XVI Golitsyn'skikh chtenij, 24–25 yanvarya 2009 g.; Materialy' XVII Golitsyn'skikh chtenij, 23–24 yanvarya 2010 g.* (pp. 427–435). Moscow.

Preuß, H. (2013). *Vorläufer der Intelligencija?! Bildungskonzepte und adliges Verhalten in der russischen Literatur und Kultur der Aufklärung*. 427 p. Berlin, Frank & Timme.

Pushkareva, N. (2003). *Russian Noblewomen's Education in the Home as Revealed in Late 18th- and Early 19th-Century Memoirs*. In Rosslyn W. (Ed.). *Women and Gender in Eighteenth-Century Russia*. Ashgate, Aldershot.

Rjéoutski, V. (2013a). *Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle*, *Buziothuka : E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 1, pp. 20–47. Available at: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789/6237> (accessed: 30.03.2015).

Rjéoutski, V. (2013b). *Le précepteur francophone en Russie au XVIIIe siècle*. In Rjéoutski, V. & Tchoudinov A. (Eds.). *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe–XIXe siècles)* (pp. 117–138). Paris, L'Harmattan.

Rjéoutski, V. (2015, sous presse). *L'éducation d'une jeune fille noble d'après la correspondance d'une gouvernante suisse, Cécile Olivier*. In Rjéoutski, V. (Comp., Ed.). *Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, deuxième moitié du XVIIIe – première moitié du XIXe siècle*. Paris, L'Harmattan.

Rossijskij gosudarstvenny'j arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1263; F. 1278; F. 1386.

Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1092; F. 1117.

Rzheuczkij, V. S. & Chudinov, A. V. (2010). Russkie «uchastniki» Francuzskoj revolyucii [Russian Participants of the French Revolution]. In *Francuzskij ezhegodnik 2010: Istochniki po istorii Francuzskoj revolyucii XVIII v. i e'pohi Napoleona* (pp. 6–236). Moscow, IVI RAN.

Sheremetev, P. S. (1916). *Vyazyomy'* [Vyazyomy]. 264 p. Petrograd, Tovarishhestvo Golike i Vil'borg.

Shishkov, A. (1812). Rassuzhdenie o lyubvi k Otechestvu [A Reflection on the Love for Motherland]. In *Chtenie v Besede lyubitelej russkogo slova* (Bk. 5, pp. 3–54). Saint Petersburg, V Medicinskoj Tipografii.

Stremoukhoff, D. (1934). Les Russes à Strasbourg au XVIIIe siècle, *Revue d'Alsace*, 81, pp. 3–21.

Vöss, J. (1997). Les étudiants de l'Empire russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle. In Grau, C., Kapr, S. & Vöss, J. (Eds.). *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert* (pp. 351–371). Wiesbaden.

Witte, G. (2001). Ekaterina Daškovas Memoiren als Bildungsutopie. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Eds.). *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (pp. 345–363). Berlin, Berlin-Verl. Spitz.

The article was submitted on 26.03.2015

Стефан Лер, доктор,
научный сотрудник,
Вестфальский университет
имени Вильгельма,
Мюнстер, Германия
stlehr@uni-muenster.de

Stefan Lehr, Dr.,
Research Assistant,
University of Münster,
Münster, Germany
stlehr@uni-muenster.de

DOI 10.15826/qr.2015.2.103

УДК 94(430.2):398+94(470):398+327.2

Елена Приказчикова

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ ПРУССКОГО МИФА В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XX В.**

Elena Prikazchikova

**POLITICAL AND NATIONAL-CULTURAL ASPECTS
OF THE PRUSSIAN MYTH IN THE CONTEXT
OF RUSSIA-GERMANY RELATIONS OF THE 20th CENTURY**

Referring to a large number of Soviet, Russian and German memoirs, fiction and journalistic texts, the author studies the main ways of formation and development of the Prussian myth that is connected with the German province of East Prussia and its people during World War II and the post-war period. The author explores the historical, national and psychological reasons that underlie the idea of Prussia and Prussians as the most vivid image of the Alien or the Enemy in Soviet people's consciousness during the Great Patriotic War. Heavily relying on propaganda, the negative mythology of Prussia imposed that it be perceived as *the den of the fascist beast*, a place that *generated antihuman theories and annexationist plans*, and, secondly, a land that was originally Russian and then occupied by the Livonian Order. It is such ideas that formed the official state policy of the expulsion of the Prussian spirit that took place during the first three post-war decades in Kaliningrad Region. Additionally, Soviet and post-Soviet memoir or autobiographical literature (D. Shcheglov, A. Nevsky, P. Mikhin, Yu. Zhukova) formed the idea of a close connection of a number of nation-specific traits of the Germans with centuries-old Prussian militarism. This is how the Russia-Germany relations conflict was formed between Russian chaos and German cosmos, and was reflected not only in the Russian but also German egodocuments of the World War II. Among the main variations of the Prussian myth, there is one that consists in the idea of Prussia as of German Arcadia, an agricultural paradise (M. Muller, H. Rauschenbach, A. Surminski) lost as a result of the War. Another – German – variation of the Prussian myth is the idea of Prussia and its dwellers as the main loss Germany had to go through in the course of World War II. The authors of egodocuments that reflect this point of view (H. Gerlach, G. Köpp, M. Wieck) describe their lives as part of the historical

tragedy of East Prussia and Germany as a whole. It is such memoirs that are most frequently used by Western European historians (M. Hastings, G. Bøddeker, N. M. Naimark) to create an impression of the Soviet Army's extremely violent behaviour in East Prussia. A third variation of the Prussian myth created by Germans may be called soteriological and depicts this eastern German land as a saviour bearing the brunt from the East and granting its inhabitants a chance to find a way out of the country and go to the West over the Baltic Sea. In these ideas formulated both by professional writers (G. Grass, E. Jünger) and memoirists (E. Tannehill, G. Nitsch) the image of the Red Army and Russians often regarded as an uncontrollable force, the personification of chaos plays an important role. At the end of the article, referring to a vast number of egodocuments written by both Russians (Ya. Terentyev, E. F. Agapov, G. A. Melikhov, A. E. Kashpur, P. Kh. Kharitonov) and Germans (R. Klaussen), the author outlines ways out of the space of war and into the space of multicultural European consciousness that includes both Germany and Russia.

Keywords: Prussian myth; World War II; memoir and biographical sources; Russia-Germany relations.

В статье на основе большого количества советских/российских и немецких мемуарных источников и художественно-публицистических текстов рассматриваются основные пути формирования и развития прусского мифа, связанного с судьбой немецкой провинции Восточная Пруссия и ее народа во время Второй мировой войны и в послевоенные годы. Автор статьи исследует исторические и национально-психологические причины, позволившие сформировать представление о Пруссии и пруссаках как о наиболее ярком воплощении образа Чужого – Врага в сознании советских людей во время Великой Отечественной войны. Включая в себя значительный элемент пропаганды, негативная мифология Пруссии предписывала видеть в этой немецкой земле, во-первых, «логово фашистского зверя», где «вынашивались человеконенавистнические теории и захватнические планы», а во-вторых, исконно русскую землю, в свое время захваченную Ливонским орденом. Подобные представления составляли основу официальной государственной политики «изгнания прусского духа», продолжавшуюся в Калининградской области на протяжении первых трех послевоенных десятилетий. Одновременно с этим в мемуарно-автобиографической литературе советской и постсоветской эпох (Д. Щеглов, А. Невский, П. Михин, Ю. Жукова) формируется представление о тесной связи многих национальных черт немецкого народа, включая любовь к порядку и дисциплине, с извечным прусским милитаризмом. Таким образом, формируется основной национальный конфликт российско-немецких отношений: между русским хаосом и немецким космосом, нашедший отражение не только в российских, но и в немецких эгодокументах Второй мировой войны. Среди основных вариантов прусского мифа, создаваемого бывшими жителями Восточной Пруссии, важное место занимает представление о Пруссии как о немецкой Аркадии, земледельческом рае (М. Мюллер, Х. Раушенбах, А. Зурмински), потерянном

в результате войны. Вторым вариантом прусского мифа с немецкой стороны является представление о Пруссии и ее жителях как основной жертве, понесенной Германией во время Второй мировой войны. Авторы эгодокументов, в которых представлена данная точка зрения (Х. Герлах, Г. Кэпп, М. Вик), рассматривают свою судьбу на фоне исторической трагедии Восточной Пруссии и всей Германии в целом. Именно такие воспоминания чаще всего используются западноевропейскими историками (М. Гастингс, Г. Беддекер, Н. М. Неймарк) для создания впечатления об исключительно жестоком поведении солдат Красной армии на земле Восточной Пруссии. Третий вариант прусского мифа с немецкой стороны, который можно условно назвать сотериологическим, представляет данную восточногерманскую землю в качестве спасительницы, принявшей на себя основной удар с Востока, но давшей шанс своим жителям найти путь на Запад через волны Балтийского моря. Важное место в этих представлениях, авторами которых были как профессиональные писатели (Г. Грасс, Э. Юнгер), так и авторы мемуарных текстов (Э. Танехилл, Г. Нич), занимает образ Красной армии и русских, часто воспринимаемых в качестве необузданной стихийной силы, олицетворения хаоса. В финале статьи на основе многочисленных свидетельств источников личного происхождения как с российской (Я. Терентьев, Е. Ф. Агапов, Г. А. Мелихов, А. Е. Кашпур, П. Х. Харитонов), так и с немецкой стороны (Р. Клауссен), автор намечает пути выхода из «пространства войны» в пространство мультикультурного европейского сознания, включающего в себя как Германию, так и Россию.

Ключевые слова: прусский миф, Вторая мировая война, мемуарно-автобиографические источники, российско-германские отношения

Исторические истоки прусского мифа

Писатель и критик Л. Аннинский сравнивал взгляды немцев и русских в художественных текстах о войне с параллельно расположенными проводами, когда «провода рядом, а ток бьет в противоположных направлениях. На один и тот же вопрос русские и немцы отвечают по-разному и, всматриваясь друг в друга в перекликающихся ситуациях, видят разное» [Аннинский, с. 7]. Данное утверждение справедливо и при анализе военных мемуарно-автобиографических источников, где личность, являющаяся важнейшим жанрообразующим элементом текста, формирует ментальную картину жизни человека на войне и определяет специфику возникающих между представителями противоборствующих сторон конфликтов. При этом сами конфликты определяются мифотворчеством разного свойства (национально-культурным, политическим), связанным с естественными ментальными различиями между нациями в процессе их национальной самоидентификации. Именно на этом пути

происходит формирование оппозиции «свой – другой (чужой)»¹. В соответствии с теорией этносимволизма, разработанной британским историком Энтони Смитом, нужно видеть в нации transhistorical ideal type, представители которого «shared myths, memories, symbols, values, and traditions, reside in and identify with a historic homeland, create and disseminate a distinctive public culture, and observe shared customs and common laws»² [Smith, p. 19]. В условиях войны на восприятие transhistorical ideal type начинает влиять часто искусственно созданный и определяемый субъективными впечатлениями автора образ Чужого – ВРАГА, становящийся объектом исследования в исторической имагологии. Е. С. Сенявская справедливо писала по этому поводу: «Ситуация опасности, исходящей от “чужого”... и составляет тот социальный и социокультурный контекст, в котором формируется “образ врага» [Сенявская, 2006, с. 9]. В социокультурном контексте, созданном Второй мировой войной, немец, казалось бы, навеки стал отождествляться для русского с образом врага, по крайней мере с образом Чужого.

Обозначение *чужой* неизменно используется в «текстах войны» различных жанров для характеристики ментальной сущности немца и Германии. Так, в романе «Весталка» уральского писателя Н. Никонина главная героиня Лидия Одинцова, военная медсестра, так размышляет о немцах: «Пленные немцы и раненые – все равно немцы. Иного измерения, *другие* (здесь и далее курсив мой. – Е. П.) люди. ...Для меня это были *люди словно из антимира*, из какой-то, к несчастью, не выдуманной и не фантастической повести» [Никонов, с. 332]. В известнейшем мемуарно-публицистическом произведении советского времени – записках военной переводчицы Е. Ржевской «Берлин. Май 1945 года» – автор искренне поражается спокойному и деловому поведению немецкого населения в городке Стендале во время вхождения в их город в июле 1945 г. советских войск, заменивших американцев: «Нерушимы дисциплина, взаимные обязательства и заведенный порядок дел и распорядок дня. Тут хоть тресни. *Для нас это было чуждо*, непонятно, неприемлемо. <...> Мы это называли себялюбием, “мещанским эгоизмом”. <...> *Они – другие, чуждые*. <...> Мы не могли оценить этот труд *другой культуры*» [Ржевская, с. 192].

В. Беликов, бывший во время войны деревенским подростком, отражает в своих воспоминаниях впечатления о приходе немцев в их село: «Смотрим на них со страхом и любопытством. Вроде люди как люди. *Только форма чужая* и лопочут непонятно... <...> *Чужая*

---

¹ Гуманитарная проблема «свое» – «чужое» с конца XX в. в России активно разрабатывается Петрозаводской научной школой. С 1998 по 2015 г. в Петрозаводском государственном университете было проведено десять конференций по данной тематике с публикацией материалов.

² «разделяют мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, “живут” в них и идентифицируют с исторической родиной, создают и распространяют определенную общенародную культуру, соблюдают общие права и законы». (Здесь и далее перевод цитат – автора статьи.)

речь, чужие запахи, чужие непонятные вещи» [Беликов, с. 489–490]. В постсоветском мемуарном тексте – воспоминаниях артиллериста П. Михина содержится признание: «Что-то загадочное, чуждое, опасное и непонятное чувствовали мы всегда в немцах. Злые, коварные, хитрые, ловкие, жилистые, техничные, стойкие и надменные. Мирное, близкое соседство с фашистами было у нас невысказано» [Михин, с. 228].

Именно это «пространство войны» породило один из самых драматических мифов Второй мировой войны – прусский миф, включающий в себя представление о Пруссии как наиболее враждебной для России части Германии и о немце-пруссаче как абсолютно чуждом для русского человека типе личности³. Для формирования данного мифа должны были возникнуть определенные социально-исторические условия, так как в начале XVIII в. именно Пруссия воспринималась Петром I в качестве абсолютного образца для подражания. В мемуарах А. Т. Болотова [Болотов], известного русского просветителя XVIII столетия, Пруссия и Кенигсберг эпохи Семилетней войны описываются как настоящий интеллектуальный рай, где автор впервые узнает, что такое библиотека, начинает читать немецкие романы и нравственно-этические трактаты, позволившие ему после возвращения в Россию вести подлинно философскую жизнь. Кенигсбергские сады и парки по берегам Прегеля на всю жизнь пробудили в Болотове любовь к помологиям. Надо ли удивляться, что русский просветитель до конца своих дней (а прожил он 90 лет!) сохранил трогательную сентиментальную любовь ко второй, прусской родине. Во время Заграничных походов русской армии 1813 г. русские офицеры-мемуаристы И. Лажечников, Ф. Глинка, А. Раевский выражали искреннее восхищение Пруссией как олицетворением германского духа: «Сейчас угадаешь по чистоте, по выбеленным домам с крышами из черепицы, что местечко это принадлежит пруссакам. Новые нравы, новые обычаи (по сравнению с Польшей. – Е. П.), и признаюсь, в пользу немцев!» – отмечал И. Лажечников в «Походных записках русского офицера» [Лажечников, с. 63].

Со второй половины XVIII в. в восприятии Пруссии и пруссаков в России намечается негативная тенденция, отчетливо проявившаяся в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, где жители

---

³ Истоки формирования этих представлений в народной среде были хорошо проанализированы С. Оболенской в статье «Германия и немцы глазами русских в XIX веке». Антитеза русского и немца в художественной литературе, помимо известного противопоставления Обломова и Штольца у И. Гончарова, представлена в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, прежде всего в его повести «Железная воля» (1876), где носитель железной воли Гуго Пекторалис в конечном счете оказывается побежден своим русским противником Сафроньчем, а антитеза русского и немецкого менталитетов находит свое отражение в противопоставлении двух артефактов: немецкого топора и русского теста. В. К. Кантор в книге «Русская классика, или Бытие России» приходит к выводу, что центральной темой толстовского романа-эпопеи является тема чужого, при этом на роль этого чужого претендуют не столько французы, сколько немцы.

Пруссии отличаются грубостью, милитаризмом и исключительно верноподданническим духом. Борьба с голштинско-прускими порядками в русской армии конца XVIII – начала XIX в. в соответствии с принципом «русские прусских всегда бивали» часто рассматривалась как триумф подлинно национального свободолюбивого духа. Она находит свое отражение, к примеру, в стихах знаменитого поэта-партизана Отечественной войны 1812 г. Д. Давыдова (образ «хер-барона» фельдмаршала И. Дибича) и исторических анекдотах о генерале А. Ермолове, который просит императора Александра I в виде величайшей милости сделать его немцем.

После объединения Германии в 1871 г., когда первым германским императором был провозглашен прусский король Вильгельм I, Пруссия начинает диктовать всей Германии государственную идеологию, и этот прусский выбор требует от человека беспредельной преданности по отношению к государству, беспрекословного исполнения *любых* его приказов. Чего стоит обращение германского кайзера Вильгельма II в 1891 г. к солдатам Потсдамского гарнизона, приведенное в «Военной энциклопедии» И. Сытина: «При нынешних социалистических беспорядках может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, в братьев ваших и родителей. <...> Но если все-таки придется, то и тогда долг обязывает вас исполнить мой приказ» [Вильгельм II, с. 376–377]. Культурно-историческую предысторию этого прусского сознания показал немецкий историк С. Хаффнер, выводя его в книге «Preußen ohne Legende» из прусской просветительской утопии сурового государства Фридриха Вильгельма I. Одновременно с этим Хаффнер отмечал: «Grenze und Gefahr preußischen Religion Schulden erschien zum ersten Mal nur, wenn Hitler»⁴ [Haffner, S. 97].

На философском уровне ментальные характеристики пруссака, а также его роль в создании объединенной имперской Германии были проанализированы немецким философом первой трети XX в. В. Шубартом в книге «Europa und die Seele des Ostens» («Европа и дух Востока»): «Пруссия возвысилась потому, что племенные свойства сделали ее наиболее пригодной для воплощения общего идеала того времени. Пруссаки, как и его ландшафт, – холоден, трезв, расчетлив, лишен фантазии, интересуется только политикой, предпринимательством и войной». Далее следует жесткий вывод: «Опруссаченный немец представляет собой человеческий тип, свою резкостью искажающий тот человеческий образ, который – осознанно или нет – носят в себе другие культурные нации Европы, да и лучшие немцы» [Шубарт, с. 26, 288].

Негативный образ немца-пруссача неоднократно создавался не только русской, но и западноевропейской литературой. Достаточно вспомнить образ прусского офицера в новеллах Ги де Мопассана «Пышка» и «Мадемуазель Фифи», посвященных франко-прусской

⁴ «Границы и опасности прусской религии долга проявились впервые лишь при Гитлере».

войне 1870–1871 гг. Накануне Первой мировой войны появляется рассказ англичанина Д. Г. Лоуренса «Прусский офицер», в котором главный герой изображен отвратительным садистом и мелочным педантом, мучающим своего денщика и в конце концов им убитым.

Четкая антитеза немца-пруссака и австрийца встречается, к примеру, в мемуарах известного немецкого диверсанта австрийского происхождения О. Скорцени «My commando operations» [Scorzeny]⁵, в воспоминаниях брата известного советского поэта С. В. Михалкова М. В. Михалкова, профессионального разведчика в годы Великой Отечественной войны. Работая в качестве санитаря в немецком офицерском госпитале, он имел возможность сравнить нравы уроженцев различных германских областей. Если австрийцы, по его мнению, «в большинстве своем были добродушными, и их физиономии были даже весьма привлекательными», то арийцев-пруссаков, людей «чистых голубых кровей», разительно отличает от первых «лающий металлический голос, холодный взгляд, жестокость. Общаться с этими “гордцами” было чрезвычайно опасно, и даже в их обличье была нескрываемая враждебность» [Михалков С. В., Михалков М. В., с. 192].

Восточная Пруссия стала первой немецкой землей, на которую вступила Советская армия в конце 1944 г. Именно в это время в результате усиленной военной пропаганды был создан негативный образ Восточной Пруссии и ее жителей, который должен был «психологически настроить читателя, в первую очередь находящегося на линии фронта, на беспощадное отношение к смертельному врагу, внушив к нему не просто неприязнь, ненависть, но и отвращение» [Костяшов, с. 12]. В результате подобного подхода, по замечанию Ю. Кантор, «статьи во фронтовых газетах окрашивали в коричневый цвет все – от древней готической архитектуры до литературной классики» [Кантор].

Прусский миф в советской пропаганде

Основным акцентом пропаганды, направленной на создание негативного мифа Пруссии, была идея справедливого возмездия земле, являющейся «логовом фашистского зверя», откуда на Советский Союз пришла война. Данная тенденция ярко проявлялась в военной публицистике И. Эренбурга. 1 февраля 1945 г. в газете «Известия» появилась статья, в которой Эренбург писал: «Перинная пуховая пурга шумит в пустом Инстербурге. Пусть пламя возмездия гложет его, – мы помним о Минске, Киеве, о Смоленске, о Вязьме. <...> Теперь мы загнали порожденную немцами войну в их же собственное логово» [Эренбург]. Та же мысль проводится в статье, печатавшейся в газете «Правда» 13 и 15 апреля 1945 г. и представлявшей собой офици-

---

⁵ В них Скорцени негативно отзываясь о «прусской палочной дисциплине», отмечает характерную для пруссаков «чопорность, а иногда и недостаток такта».

альную установку по отношению к Восточной Пруссии и ее столице: «Кенигсберг – это история преступлений Германии. Вся свою многовековую жизнь он жил разбоем, другая жизнь ему была неведома» [Падение Кенигсберга]. Данные заявления официальной прессы подтверждались авторитетом исторической науки. Так, в книге профессора А. И. Молока «Немецкий военный разбой в Европе. X–XX века» (1945) утверждалось: «Гитлеризм воскресил все наиболее мерзкое и гнусное, что было в истории Германии со времен “псов-рыцарей” и ландскнехтов средневековья. Он впитал в себя все самые отталкивающие черты реакционного пруссачества» [Молок, с. 4].

Подобное представление о Пруссии оказалось востребовано в процессе ее ликвидации в качестве национально-территориального и государственного образования. Эта характеристика сохранялась и после того, как Пруссия была ликвидирована по окончании Второй мировой войны⁶ как национально-территориальное и государственное образование. В областных радиопередачах настойчиво утверждалось, что Кенигсберг был центром «самого реакционного в мире юнкерского пруссачества, центр, где вынашивались человеконенавистнические теории и захватнические планы» [ГАКО, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 223]; «от времен тевтонов-меченосцев до гитлеровских штурмовиков Кенигсберг оставался сторожевым псом Германской империи на востоке» [ГАКО, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. 20]. О самой Восточной Пруссии говорилось как о земле, которая на «протяжении многих веков являлась заклятым врагом всего свободолюбивого человечества» [ГАКО, ф. 19, оп. 1, д. 22, л. 33].

После переселения с 1947 г. на территорию бывшей Восточной Пруссии жителей из других областей Советского Союза активизируется еще одна грань антипрусского мифа. Пруссия провозглашается исконной русской землей, в свое время захваченной немцами. Новый аспект пропаганды хорошо отражается в воспоминаниях первых советских переселенцев: «На политзанятиях нам говорили, что это земля прусского милитаризма, а потом стали учить о том, что давным-давно это были русские земли, а их у нас отобрали; что губернатором Пруссии был отец знаменитого полководца Василий Суворов» (из воспоминаний военнослужащего Л. И. Фурманова) [Восточная Пруссия, с. 160].

В 1951 г. в Калининграде был издан сборник под названием «На Западе – нет больше Восточной Пруссии!», ставший апофеозом пропаганды. С этого момента в той части Пруссии, которая перешла к Советскому Союзу, на протяжении нескольких десятилетий начинает господствовать официальная государственная политика «изгнания прусского духа». Данная политика нашла отражение в сознании тех советских людей, для которых бывшая Восточная Пруссия стала новой родиной.

---

⁶ Территория Пруссии по решению Потсдамской конференции 1945 г. была поделена между Польшей и Советским Союзом, а все оставшееся немецкое население переселено на исконные немецкие земли за Одером. Кенигсберг, столица Восточной Пруссии, с 4 июля 1946 г. стал носить имя недавно скончавшегося «всероссийского старосты» М. Калинина.

В своих воспоминаниях они открыто говорят о том, каким конфликтным оказалось на первых порах сосуществования русской и немецкой культур: «До сорок восьмого года, мне кажется, почти у всех было стремление больше уничтожить чужого, ненавистного, немецкого» [Восточная Пруссия, с. 160]. На вопрос, заданный одной из первых переселенок М. П. Тетеревлевой: «Скажите, на вас оказала какое-либо влияние немецкая культура?» – та отвечает: «Не думаю. Мы жили с мыслью, что все немецкое – враждебное, а средства массовой информации вдохновляли создавать здесь все советское» [Восточная Пруссия, с. 159–160]. Враждебность усиливалась решениями партийных структур о ликвидации памятников Прусского наследия⁷.

Но помимо официально-государственной линии формирования негативной мифологии Пруссии можно отметить характерную для советской и российской мемуарно-автобиографической литературы послевоенных лет тенденцию: представлять как неизменно чужое, непривычное, враждебное извечный немецкий порядок, аккуратность, жизненный достаток, который часто связывается авторами с извечным прусским милитаризмом.

В ретроспективно обработанном дневнике писателя и политического деятеля советской эпохи Дм. Щеглова, вышедшем еще в 60-х гг. XX в., так фиксируются первые впечатления от Восточно-Прусской операции 27 января 1945 г.: «Со всех сторон нас окружает жирный быт Германии. Заглядывая в погреба и кладовые, видишь добро, награбленное по всей Европе. <...> В аккуратных домиках-виллах постигаешь психологию высокомерия и расового самомнения. <...> Это то, чем укрепляется фашизм: собственность и эгоизм!» [Щеглов, с. 437].

Текст Щеглова выводит нас к пониманию одной из важнейших причин агрессивного поведения советских солдат по отношению к немецкому населению.

Европейские историки часто склонны видеть в этом либо проведение в жизнь тайных директив Сталина, либо отражение природного азиатского варварства солдат Красной армии⁸. В дневнике Щеглова от 29 апреля 1945 г. есть свидетельство того, с каким трудом проводились в жизнь в армии даже накануне взятия Берлина, не говоря уже о более ранних периодах войны, приказы Ставки о сдержанном и строго дисциплинированном отношении к немецким жителям: «Инерция ярости, боль неизжитых солдатских мук еще настолько велики, что все вокруг – хорошие квартиры крепкий немецкий быт, богатство – вызывает одно лишь чувство – нетерпимость! Все эти полочки, зеркальные шкафы, чуланы и погреба, наполненные разной снедью, – все это вызывает в памяти растоптанную нашу землю, кровь, унижения и гибель. И я хочу, чтоб немцы это понимали. Во всяком случае, те, кто

⁷ В 1967 г. по инициативе первого секретаря обкома КПСС Н. С. Коновалова было принято решение об уничтожении развалин Королевского замка в Кенигсберге, построенного в 1255 г. и являвшегося вместе с Кафедральным собором основной исторической достопримечательностью столицы бывшей Восточной Пруссии.

⁸ Классическим текстом является [Beevor].

здесь живет, – потомственные пролетарии. Мало того, они должны это разъяснять другим [Щеглов, с. 55].

В мемуарных текстах, написанных в постперестроечные годы, социально-классовый аспект присутствует в меньшей степени, однако пафос борьбы с чужим, враждебным бытом Пруссии, породившим из себя национал-социализм, все равно очень силен благодаря важнейшему жанрообразующему принципу мемуарного текста – памяти, аккумулирующей помимо личных воспоминаний самого автора память исторической эпохи, включающей в себя все аспекты ее политической или национальной мифологии.

В уже упоминавшихся записках П. Михина читаем: «...немецкое благополучие вызывало у нас не только тайную зависть, но и дополнительную злость. Поэтому интерес к немцу как к человеку был на втором плане. На первом было – зло и отмщение за все, что натворили они» [Михин, с. 228]. А. В. Невский в своих мемуарах «Мои дела военные», вспоминая о Восточной Пруссии 1945 г., приходит к безапелляционному выводу: «Вот эти крепкие хозяйства и давали германской армии офицеров, носителей прусского духа. Считается, что именно этот дух, а также традиционная склонность немцев к дисциплине и уважение к армии составили основу германского вермахта» [Невский, с. 150].

Описание богатства, благополучия, чистоты и порядка, которые нашли советские солдаты в Пруссии, часто вызывает недоуменный вопрос автора: «Чего же им, сволочам, у себя не хватало?» – например, в по-женски эмоциональных воспоминаниях Ю. Жуковой «Девушка со снайперской винтовкой»: «Там, в Пруссии, я впервые поняла, что такое немецкие педантизм и аккуратность, о которых слышала еще до войны. <...> Однако все это нас не умиляло, скорее даже вызывало обратную реакцию, ибо мы видели, что творили эти чистюли и аккуратисты на нашей земле, как безжалостно громили и уничтожали все на нашей территории» [Жукова, с. 134].

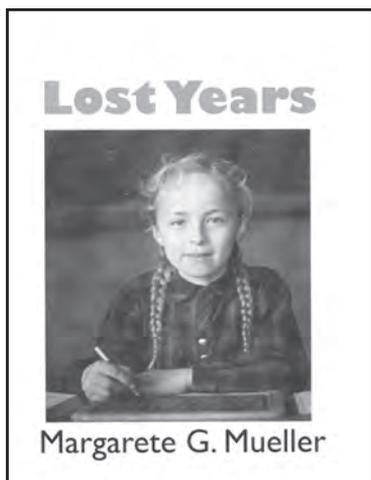
Таким образом, в российском сознании не только военного, но и послевоенного времени, нашедшем свое отражение в мемуарных источниках, символами прусского духа, часто ассоциируемого с нацизмом вообще, становились чистота, аккуратность добротного немецкого быта, склонность немцев к порядку и дисциплине, в которых виделись душевная черствость, самоуверенное надменное поведение; негативный образ дополнялся холодным взглядом и лающими интонациями голоса. Все это вместе взятое становится символом нерушимого немецкого порядка, выражающего себя в немецкой поговорке «Ordnung muss sein» («Порядок превыше всего»).

Для самих немцев подобная трактовка культурной мифологии Пруссии и пруссаков совсем не очевидна. Хотя самой Пруссии нет на карте уже около семидесяти лет, но культурная память об этой немецкой земле, о «прусском духе» живет в сердцах немцев, вызывая ностальгические воспоминания о потерянной родине, «Land der dunklen

Wälder und kristallinen Seen» («Земля темных лесов и кристалльно-чистых озер»), как об этом поется в Восточно-Прусском гимне, слова которого были написаны поэтом Эрихом Ханнингхофером в 1932 г.

Миф о Пруссии как потерянном рае в немецких мемуарах

В противовес советскому мифу о цитадели зла, колыбели прусского милитаризма, в немецком сознании Пруссия – это прежде всего житница Германии, сельскохозяйственная Аркадия, отождествляемая ее жителями с земледельческим раем. Так, в книге воспомина-

ний Маргарет Мюллер «Lost Years. Memories of my forgotten homeland» («Потерянные годы. Воспоминания о моей забытой родине»), изданной в Канаде в 2008 г., в качестве эпиграфа взяты слова немецкого сентименталиста и предромантика Жан-Поля «Die Erinnerung ist, das einzige Paradies, woraus wir nicht vertrieben werden können»⁹ [Mueller, p. 7].

Уже в самом начале своих воспоминаний Мюллер воскрешает пленительный образ Восточной Пруссии, который сохранялся в ее памяти всю жизнь, начиная с времени пребывания в русском лагере близ Уральских гор до октября 1949 г. Она пишет: «My homeland was in Ostpreussen which is now generally referred to as the “former east Prussia”. You will not find this region on any current map, because Ostpreussen ceased to exist in 1945. This region became, in effect, just another silent victim of a senseless war. But Ostpreussen will always live in my memory. This land of dark forests and crystal lakes remains in my heart to this day»¹⁰ [Mueller, p. 3].

В автобиографической книге Арно Зурмински «Jokehnen oder Wie lange fährt man von Ostpreußen nach Deutschland» («Йокеннен, или Путь из Восточной Пруссии в Германию»), автор которой родился в 1934 г. в восточнопрусской деревне Яглак (теперь польская Яглавски), путь главного героя Германа Штепдтата – это путь прощания с родной землей и больших потерь. Родители мальчика, отправленные русскими в советские лагеря за несколько месяцев до окончания

⁹ «Память – это единственный рай, из которого нас не изгонят».

¹⁰ «Моя родина была Восточной Пруссией, которая сейчас в основном характеризуется как “бывшая Восточная Пруссия”. Вы не найдете этот регион ни на одной существующей карте, потому что Восточная Пруссия перестала существовать в 1945 г. Этот регион стал еще одной молчаливой жертвой безжалостной войны. Но Восточная Пруссия будет всегда жить в моей памяти. Земля темных лесов и кристалльных озер осталась в моем сердце до сих пор».

войны, умирают там уже в 1945 г. В книге нет описания зверств со стороны Красной армии, осиротевшего мальчика подкармливают советские солдаты, но, безусловно, передается атмосфера тех трагических для жителей Восточной Пруссии дней, когда немецкие дети играют в печально известную игру «Frau, komm»¹¹, а на основной вопрос книги «Долог ли путь из Восточной Пруссии в Германию?» следует ответ: «Многие не доехали» [Surminski, 2003].

Тем не менее райский топоним Восточной Пруссии отчетливо просматривается в творчестве Зурмински. В своем предисловии к сборнику «Aus dem Nest gefallen: Geschichten aus Kalischken» («Выпавший из гнезда: Истории деревни Калишкен») он приводит легенду о сапожнике Кристиане, который отправился в Святую землю, чтобы узнать, что такое настоящий рай. На обратном пути на родину, так и не узнав, где находится настоящий рай, сапожник встречает архангела Гавриила, который рассказывает ему о земледельческом рае, описание которого напоминает Кристиану его родную деревню Калишкен, и он понимает, что эта восточнопрусская деревня – единственное райское место, еще оставшееся на земле [Surminski, 1978]. Наконец, в творчестве Хильдегард Раушенбах, проведшей три года (1945–1948) в советских лагерях на Урале (лагерь № 6437 близ г. Шадринска), образ Восточной Пруссии дается в этнографическом ключе. Во всех ее книгах, как прозаических, так и поэтических, выходявших по желанию автора не только в Германии, но и в России (Калининград, Шадринск)¹², неизменно присутствует образ Восточной Пруссии, а себя саму автор называет «Ostpreussisches Marjell» («восточнопрусская девчонка»). После возвращения из России в Западную Германию Раушенбах часто публиковала на страницах немецкого еженедельника *Ostpreußenblatt*. За усилия по сохранению в Германии восточнопрусского диалекта она была награждена медалью И. Канта в области культуры и искусства. В стихах Раушенбах рождается пленительный образ ее маленькой родины – небольшого городка Пиллькаллена на Шешупе-реке (чье название «тает на языке, подобно сметане» и аистов на крыше; она гордится тем, что в Берлине она «тонко и терпко» болтает на Platt (восточнопрусском диалекте) и помнит все любимые блюда восточнопрусской кухни. Вместе взятое, это создает ощущение утерянного земледельческого рая: не случайно шварцзауэр (поджарка с птичьей кровью) сравнивается Раушенбах с нектаром; ветчину, которая висела в их доме в чулане, уже нигде не найти на свете, а наливка из черной смородины, которую делала мать, так ударяет в голову, что слышно ангелов пение [Rauschenbach, 2004].

¹¹ Феномен детской памяти о военных насилиях в настоящее время активно исследуется в Восточной Германии. См. статьи исследовательниц из Йены: [Маубах; Сатюков].

¹² Речь идет о книгах: «В родном Пиллькаллене: Деревенские истории, произошедшие в Восточной Пруссии» (1999); «Ich war verschleppt nach Sibirien» («Ссылка в Сибирь», 2000); «Ostpreußisches Marjellchen», («Восточнопрусская девчонка», 2004); «Marjellchen wird Berliner. Heimkehr aus Sibirien und Neuanfang» («Девчонка из Восточной Пруссии теперь живет в Берлине. Возвращение из Сибири и новое начало», 2005).

Миф о Пруссии – жертве Красной армии

Аксиологически полярным аспектом прусского мифа с немецкой стороны, неизменно вызывавшим резкую критику российских историков [см.: Сенявская, 2012], является настойчивое подчеркивание того, что именно Восточная Пруссия стала жертвой мести Красной армии зимой, что привело к большому количеству жертв со стороны немецкого населения¹³. Так, в книге английского автора Макса Гастингса «Armageddon. The battle for Germany 1944–1945» глава, посвященная Восточной Пруссии, носит название «Blood and Ice», параграф которой озаглавлен словами одной из ее жительниц: «It was our Holocaust, but nobody cares»¹⁴ [Hastings, p. 328]. Своеобразной кульминацией этого «холокоста» является трагедия деревни Неммерсдорф (ныне Маяковское), многие жители которой были убиты 21 октября 1944 г. при первом вступлении Советской армии в Восточную Пруссию¹⁵. Выводы, к которым приходят западноевропейские историки, во многом основываются на свидетельствах источников личного происхождения с немецкой стороны, публиковавшихся в различные годы.

Так, воспоминания восточнопрусского подростка Х. Герлаха, переведенные на русский язык в 2006 г. под названием «В сибирских лагерях: Воспоминания немецкого пленного», стали известны в англоязычных странах еще в 1970 г., где они назывались «Nightmare in Red» («Ночной кошмар у красных») [Gerlach].

Эмоциональные воспоминания Габриэлы Кэпп «Warum war ich bloß ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945» («Почему я родилась девочкой? Травма времен 1945-го») [Köpp] увидели свет в Германии лишь в 2010 г. Наиболее известным текстом в этом ряду является книга воспоминаний известного немецкого музыканта, еврея по происхождению М. Вика «Zeugnis vom untergang Königsbergs» («Свидетель гибели Кенигсберга») [Wieck]¹⁶.

¹³ Среди работ, отстаивающих данную точку зрения, см.: [Hoffmann; Bøddeker; Naimark; Hastings].

¹⁴ «Это был наш холокост, но никому до этого нет дела».

¹⁵ Данный аспект неоднократно поднимался и в книгах советских и российских историков. См.: [Копелев; Рабичев; Никулин; Семиряга].

¹⁶ Эта книга переиздавалась в Германии с 1988 г. семь раз. В 2003 г. была переведена на английский язык; в 2004 г. в Санкт-Петербурге при содействии «Немецкого форума восточноевропейской культуры» было осуществлено ее издание на русском языке.

Эти воспоминания роднит общая авторская установка: рассмотреть личную судьбу на фоне военной и послевоенной исторической трагедии Восточной Пруссии и Германии в целом. Так, у 16-летнего Х. Герлаха личная драма связана не только с трагической судьбой его земляков, подвергшихся насилию во время зимнего наступления Красной армии, но и с полуторагодовым пребыванием в сибирских лагерях вместе с другими жителями округа Эльбинг, где, в соответствии с решениями Потсдамской конференции, они должны были отрабатывать в каменоломнях, торфяниках и на строительстве железных дорог «репарации трудом»¹⁷. У Г. Кэпп личная трагедия (неоднократное изнасилование в 15-летнем возрасте, после чего девушка до конца жизни испытывала страх перед мужчинами и не вышла замуж) проецируется на судьбу двух миллионов немецких женщин, ставших жертвами насилия в последние месяцы войны, большинство из которых были уроженками Восточной Пруссии¹⁸. Наконец, у М. Вика непростая судьба немецко-еврейского подростка (нацисты преследовали его в Кенигсберге как еврея, а советские власти видели в нем немца) разворачивается на фоне «умирания» старого Кенигсберга, который превратился в кладбище, сопровождающегося массовой гибелью его жителей от голода. Вик полагает, что из 130 тыс. населения, насчитывавшегося в Кенигсберге к моменту вступления в него Красной армии, через два года в живых осталось не более двадцати процентов. Это высказывание вызывает активное неприятие не только со стороны официальных историков, видящих здесь проявление фальсификации, но и со стороны рядовых российских читателей данных текстов¹⁹. С. Сумленный, проработавший пять лет собственным корреспондентом журнала «Экспресс» во Франкфурте-на-Майне, в своей книге «Немецкая система. Из чего сделана Германия и как она работает» на основе подобных свидетельств дает новые очертания немецкого мифа о Второй мировой войне, в котором основными виновниками немецких страданий становятся русские. Сумленный полагает, что не только публикации, но и немецкие фильмы последних лет («Бегство», «Безымянная: Женщина в Берлине» и др.) способствуют тому, что «в современном немецком мировоззрении образ русских во Второй мировой войне весьма напоминает картину, созданную пропагандистским министерством Геббельса: русские все чаще предстают как дикая орда, грабящая, насилующая и сжигающая цивилизованную страну» [Сумленный, с. 63]. Центральное место в подобных представлениях отводится именно мифу о Пруссии как основной немецкой жертве войны.

¹⁷ Сведения об этом есть в кн.: [Полян].

¹⁸ Данная цифра была публично озвучена Э. Бивором [Beevor].

¹⁹ Так, опубликованные на сайте журналиста Л. Володарского воспоминания Х. Герлаха вызывают такие комментарии: «По сравнению с тем, как относились к советским военнопленным в нацистских лагерях, советские лагеря были вполне гуманны и милосердны к немцам» (Алексей, 08.08.2012); «Пропагандистские записульки насмерть обиженного немца, в которых первая половина – несусветная чушь, а вторая – дико преувеличенные события, возможно имевшие место в жизни» (Роман, 28.11.2013) (URL: <http://www.lvobodarsky.ru/xorst-gerlax-v-sibirskix-lageryax.html>).

Миф о Пруссии как спасительнице немецкого населения Восточных земель

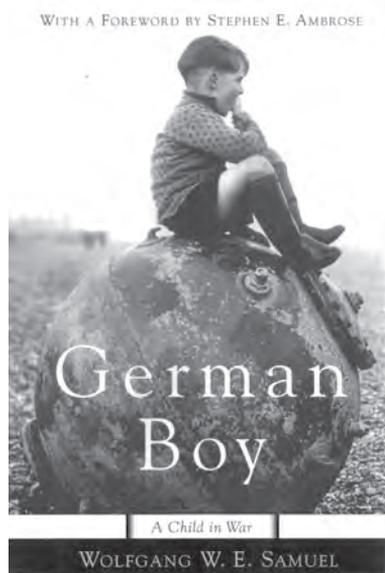
Третий вариант прусского мифа, также несущий в себе элементы полярной коннотации по отношению к российскому мифу о Пруссии – колыбели нацизма, представляет данную восточногерманскую землю в качестве спасительницы, принявшей на себя основной удар с Востока, но давшей шанс своим жителям найти путь на Запад через волны Балтийского моря. Одной из цементирующих скреп данного сотериологического мифа является образ немецкого лайнера «Вильгельм Густофф», затонувшего 30 января 1945 г. в результате торпедной атаки А. Маринеско с большим количеством немецких беженцев, спасающихся от наступления Красной армии. Важное место в данном мифе занимает образ Красной армии и советских солдат, часто воспринимаемых авторами в качестве необузданной стихийной силы, олицетворения русского хаоса. Мифология «прусского исхода» достаточно отчетливо проявляет себя в произведениях знаменитых немецких писателей, таких как Г. Грасс или Э. Юнгер. Грасс посвятил трагедии «Вильгельма Густоффа» книгу «Im Krebsgang» («Траектория краба», 2002). В 2006 г. вышла автобиографическая книга Г. Грасса «Beim Häuten der Zwiebel» («Луковица памяти»), в которой значительное место занимает трагедия семьи писателя, опоздавшей на «Вильгельма Густоффа», но оказавшейся в Данциге, где матери писателя, стремящейся защитить от насилия свою дочь, пришлось самой предлагать себя русским солдатам [Grass]. У Э. Юнгера в книге «Jahre der Okkupation (april 1945 – dezember 1948)» – «Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948)» – представлены свидетельства «большой дороги», по которой бредут мимо дома писателя изгнанные жители Восточной Пруссии, напоминая тени Дантова ада, в то время как в их домах пируют, подобно женихам Пенелопы, оравы русских [Jünger]²⁰. В текстах подобного рода очень важной оказывается фигура умолчания: молчат потрясенные беженцы, лишь изредка передавая писателю чудовищные слухи об ужасах войны, часто не хватает нужных слов и самим писателям. Так, Г. Грасс признается, что его мать лишь на смертном одре рассказала дочери, что с ней произошло в Данциге, и вскоре после этого сестра писателя уходит в монастырь. По своей тональности почти физического ощущения гибели европейской цивилизации под ударами необузданной стихии эти немецкие тексты часто напоминают пафос «Окаянных дней» И. Бунина.

Произведения, создаваемые в рамках традиции данного прусского мифа, позволяют ответить на вопрос, почему в немецких текстах так настойчиво муссируется тема насилия над немецкими женщинами,

²⁰ В американской армии подобными маргиналами, обижающими немецкое население, являются у Э. Юнгера негры.

подменяя собой описание других страданий жертв войны. Именно в этом немцы видят тень эсхатологического Рагнарёка, гибели богов германо-скандинавской мифологии и торжества хаоса, происходящего на фоне «великаньей зимы», хорошо соотносящейся с кровавой зимой Восточной Пруссии 1945 г. Следует помнить, что начиная с эпохи немецкого романтизма одним из основных понятий немецкой культуры выступает концепт «метафизического страха», die Angst, несущий в себе, по справедливому мнению польского лингвиста Анны Вежбицкой, состояние «депрессии, тревоги, незащищенности и неуверенности» [Вежбицкая, с. 601]²¹.

Тема насилия звучит даже в воспоминаниях людей, бывших во время войны маленькими детьми, не понимающими смысла данного слова. Тем не менее, слыша о насилии над женщинами из радиопередач, читая об этом в газетах, впитывая страхи окружающих людей, в том числе матерей и сестер, авторы воспоминаний, обращаясь к собственной памяти как жанрообразующему элементу мемуарного текста, снова и снова воспроизводят свои фобии, связанные с приходом русских²². Это «поле страха» перед нерегулируемым и неуправляемым хаосом, кстати, объясняет причины многочисленных актов суицида среди немецкого населения в преддверии прихода русских, что не имело аналога в России при несравнимо более жестоких условиях немецкой оккупации. Конечно, для этого были и объективные причины. Так как земли восточнее Одера передавались под управление Польши и Советского Союза, на них, в отличие от «коренных немецких земель», ставших впоследствии территорией ГДР, не создавались немецкие органы самоуправления, что не могло не способствовать ситуации, когда немецкое население чувствовало себя незащищенным. Поэтому возвращение любого порядка, Ordnung, пусть даже

²¹ По замечанию М. Шрайбера, англосаксы заимствуют термин Angst, не переводя его на английский язык, видя в «german angst» проявление особо сильного чувства страха, отдающее глубиной (Tiefe), смертью (Tod) и бездной (Abgrund) [Schreiber, S.152].

²² «Поле страха» проявляется не только в восточнопрусских текстах, но представляет собой общенемецкий военный феномен. См. например, выпущенную в США книгу Вольфганга Самюэля «German Boy. A child in war», начинающуюся с того, что немецкий мальчик на берегу реки Бобер с ужасом ждет, что русские могут появиться в любой день: «I was more afraid of the Russian than of anyone hiding in the bushes along the river» («Я боюсь русских больше, чем любой спрятавшийся в кустах вдоль реки») [Samuel, p. 2].

русского, немцы рассматривают как безусловное благо, в отличие от русских, для которых «новый немецкий порядок» часто выступает как прекращение нормальной человеческой жизни вообще.

Эвелина Танехилл в предисловии к своей книге воспоминаний «Abandoned and forgotten. An Orphan Girl's Tale of Survival During World War II» («Изгнанные и забытые. Рассказы немецкой девочки-сироты о выживании во время Второй мировой войны») так характеризует ситуацию в Восточной Пруссии, когда на ее землю пришла война:

This is my story of growing up in the German province of East Prussia by the Baltic Sea during those tumultuous times. It is also my story of coming of age in a trouble world that had been turned upside down, a world where nothing was normal... the story relates what happens when law and order break down, and killing is a virtue rather than a sin – when human decency is exposed to the test of conscience, when desperation deadens all feeling of pity, when good and evil fight it out behind the scenes on their own battlefield, when compassion loses to human greed, and self-preservation is the only thing that matters²³ [Tannehill, p. 2].

В подобном взгляде как нельзя лучше отражается та «религия германизма», о которой писал еще Н. Бердяев на основе опыта Первой мировой войны, характеризуя источник германского пессимизма, часто подменяющего собой покаяние: «Немецкая мистическая организация, немецкий порядок не допускают апокалиптических переживаний, не терпят ощущений наступления конца старого мира, они закрепляют этот мир в плохой бесконечности. Апокалипсис германцы целиком предоставляют русскому хаосу, столь ими презираемому» [Бердяев, с. 173]. У Эвелины Танехилл этот хаос жизни в полной мере олицетворяют русские солдаты, которые врываются в их дом с требованием: «Frauen, Frauen, women, women... Give me watch! Give me gold! Give me silver! Give me papyrossa, cigarettes»²⁴ [Tannehill, p. 114]. Жертвами немецких солдат становятся немецкие женщины, одна из которых, фройлен Гретхен, «after another brutal rape session» говорит: «“They stink of

---

²³ «Это моя история взросления в германской провинции Восточная Пруссия у Балтийского моря в неспокойное время. Также это история вступления в возраст, когда мир перевернулся, мир, где ничего не было нормальным... история, повествующая о том, что случается, когда закон и порядок уничтожаются и убийство рассматривается скорее как добродетель, а не грех, – когда человеческая порядочность подвергается испытанию совести, когда отчаяние умерщвляет чувство жалости, когда добро и зло борются друг с другом за кулисами сцены, когда сострадание теряется перед человеческой жадностью и чувство самосохранения – это единственное, что имеет значение».

²⁴ «Женщины, женщины... Дайте мне часы! Дайте мне золото! Дайте мне серебро! Дайте мне папиросы, сигареты». Маловероятным представляется целенаправленный поиск советскими солдатами в немецкой деревне золота и серебра – он абсолютно не подтверждается российскими эгодокументами, где пределом мечтаний любого солдата были наручные часы.

sweat and urine". Grimacing with disgust, she added, "Those beasts haven't washed in months"²⁵ [Tannehill, p. 120].

Попытка выйти за пределы культурной мифологии Чужого применительно к русским предпринимается в книге воспоминаний Гюнтера Нича «Weeds Like Us» («Такие сорняки, как мы»). Родившийся в Кенигсберге в 1937 г., он в предисловии к книге напоминает об особом месте Восточной Пруссии, world apart, в истории Германской империи, пронизывая свои воспоминания ностальгическими нотками: «You won't find East Prussia, where most of this book takes place, on any map»²⁶ [Nitsch, p. IX]. Действие книги начинается 21 января, когда жители городка Лангендорф узнали о взятии русскими Гумбиннена, который отделяло от Лангендорфа всего восемьдесят километров. С этого момента для маленького Гюнтера начинается путь на Запад, который заканчивается сначала в Пальмниккене у Балтийского моря, ставшего впоследствии поселком Янтарное, где немецких беженцев останавливает Красная армия, затем продолжается в советской и британской зонах оккупации и, наконец, завершается в США, куда автор переезжает в 1964 г. Несмотря на то что Г. Нич отнюдь не скрывает неприглядных сторон военной действительности, неизбежной частью которых был поиск русскими солдатами «Uhren» и женщин, сопровождаемый криками «Davai» и «Frau Komm», он отнюдь не стремится демонологизировать русских солдат и представить их в образе всадников Апокалипсиса. Многие антимифы о русских, создаваемые усилиями пропаганды Геббельса, разрушаются прямо на глазах мальчика при столкновении с реальностью. Так, уверенность в том, что все русские солдаты – азиаты с «almond-eyed» («миндалевидными глазами»), исчезает после встречи со сбитым немецкими зенитчиками русским летчиком, имеющим ярко выраженную арийскую внешность: «I would have taken him for the older brother of one of my schoolmates in Langendorf»²⁷ [Nitsch, p. 55]. После того как заканчивается война, Гюнтер и его младший брат Хуберт пользуются неизменной симпатией у советских солдат, щедро делящихся с ними дарами своей полевой кухни: «He gave me a slice of bread and a piece of fried fish dripping with fat, more than enough for both of us»²⁸, – признается автор [Nitsch, p. 83].

²⁵ «после еще одного акта грубого изнасилования»... «Они воняют потом и мочой. – Она добавила с гримасой отвращения: – Эти звери не моются месяцами».

²⁶ «Мы не найдем Восточной Пруссии, где происходит большая часть событий этой книги, ни на одной карте».

²⁷ «Я принял бы его за старшего брата одного из моих школьных товарищей в Лангендорфе».

²⁸ «Он дал мне кусок хлеба и кусок жареной рыбы, с которой капал жир, что было более чем достаточно для нас обоих».

На пути преодоления прусского мифа

Прусский миф как с российской, так и с немецкой стороны свидетельствует, что мифы, касающиеся негативного восприятия другого народа, обычно являются порождением официальной пропаганды и феномена заочной ненависти. Именно они препятствуют созданию атмосферы толерантности и примирения. Как правило, при близком общении между народами негативные мифы уступают место более объективным представлениям и то, что раньше вызывало активное отторжение и неприятие, теперь начинает рассматриваться со знаком плюс. Так, Я. Терентьев в своих «Записках прошагавшего пол-Европы» с большим уважением и удивлением описывает «порядочность, работоспособность и дисциплинированность» во время работы восточнопрусских женщин уже после окончания военных действий на территории этой немецкой провинции, подчеркивая: «солдатам нашего взвода их поведение нравилось» [Терентьев, с. 103]. Очень много свидетельств подобного рода можно обнаружить на сайте А. Драбкина «I remember», где представлены образцы жанра «глубокого интервью» с ветеранами Второй мировой войны – как российскими, так и зарубежными²⁹. Отвечая на вопрос о восприятии немцев, в том числе и восточных пруссаков, в послевоенные годы, авторы, принадлежащие к различным родам войск, дают однотипные ответы: разведчик Е. Ф. Агапов: «С самого начала я присматривался к немцам. И увидел, что люди есть люди. При этом, не в пример нашим соотечественникам, немцы очень ответственные, дисциплинированные. <...> Все чисто, культурно» [Агапов]; пехотинец Г. А. Мелихов: «Очень умная, серьезная и организованная нация! Для немцев главное – порядок. Порядок во всем: в культуре, в сельском хозяйстве, в промышленности, в бизнесе, в мыслях» [Мелихов]. На вопрос, заданный связисту А. Е. Кашпуру, что он думает о Пруссии, следует ответ: «Вот это красивая страна. Богатая, ухоженная» [Кашпур]. Артиллерист П. Х. Харитонов, после войны служивший в ГСОВГ (Группа советских оккупационных войск в Германии) в городке Нордхаузене (Тюрингия), в своих воспоминаниях выходит еще на одну важную проблему, связанную со спецификой национальных отношений, необходимостью отказа от попыток переделать своего оппонента по собственному образу и подобию и признания за каждым народом права на собственный ментальный рисунок своей души. Харитонов свидетельствует: «Работая в Германии, мы многому могли бы научиться, но политика сталинского руководства была иной. Наоборот – учить немцев жить по-нашему»³⁰ [Харитонов].

²⁹ См.: <http://www.iremember.ru>.

³⁰ Эта установка находила свое отражение в официальном лозунге Коммунистической партии ГДР «Учиться у русских – значит учиться побеждать».

Разумеется, надо уметь проявлять толерантность по отношению к особенностям национальной психологии, стремясь находить в них хорошие черты. Глубоко закономерно, что именно участники Второй мировой войны, прошедшие через эпоху жесточайшего политического, классового и политического мифотворчества, первыми заговорили о необходимости подобной толерантности. По мнению бывшего военного летчика Г. Литвина: «Народ есть народ, и черты его характера устойчивы. Их нельзя игнорировать и трудно изменить. Как было бы хорошо, если бы народы изучали друг друга не с целью борьбы, а с целью объединения усилий во имя мира. Как много русские могли бы почерпнуть от немцев, а немцы – от русских!» [Литвин].

В немецком сознании преодоление негативных рецидивов прусского мифа в отношении русских продолжается в контексте преодоления «Der Russland-Komplex», о котором писал немецкий историк Герд Кёнен, определяя диапазон этого комплекса словами «страх» и «восхищение»³¹ [Koenen]. Преодоление страха перед русскими в контексте прусского мифа часто происходит через обращение к Богу, как в случае с «крестницей Гитлера» Розмари Клауссен, чья книга «Und die Tränen in Diamanten verwandeln» («И слезы превратятся в бриллианты») была переведена на русский язык в 2003 г. С христианской миссией примирения Клауссен приезжала в Киев, Самару. Журналист Н. Горланов в газете «Новости Самарского региона» от 2 мая 2007 г. посвятил визиту Розмари свою статью «Крестница Гитлера просит русских простить немецкий народ» [Горланов]. Однако при внимательном чтении как интервью с Р. Клауссен, так и ее автобиографической книги становится очевидным: речь идет о процессе взаимного прощения народов, так как сама «крестница Гитлера» очень долгое время испытывала по отношению к русским лишь чувство ненависти, которое она смогла преодолеть, только обратившись к Богу [Клауссен, с. 71]. Данный аспект российско-немецких отношений требует в настоящее время очень деликатного отношения, прежде всего с немецкой стороны. Не только патриотически настроенные российские историки, вроде И. Пыхалова и А. Дюкова [Великая обманная война], но и большинство современных россиян считают недопустимым ставить знак равенства между преступлениями нацистов в Советском Союзе и поведением Красной армии на той же земле Восточной Пруссии. Немецкие авторы недостаточно учитывают не только в мемуарных текстах, но и в научных трудах, что русские войска пришли в Восточную Пруссию после того, как стали свидетелями невиданного разгрома своей страны, сделавшегося фактом сознания нескольких поколений советских, а теперь уже российских людей.

И все-таки дух Пруссии не умер окончательно в Калининградской области. В послесловии сборника «Восточная Пруссия глазами со-

³¹ Новые аспекты немецкого взгляда на Россию представлены в кн.: [Здравомыслов].

ветских переселенцев» под заголовком «Как распорядились наследством» переселенка Е. П. Кожевникова говорит:

Зла на немцев не было. Какая-то щемящая боль была за этот народ. <...> Не было ненависти к ним. Просто чувство сожаления, что им тоже нелегко было покидать то, что было нажито, землю, где они жили. Конечно, культура их вызывает восхищение. <...> Я считаю, немцам надо приезжать сюда, нам – ездить туда, а также нашим детям и внукам. Они трудолюбивые, чистоплотные, прекрасный народ, ничего не скажешь [Восточная Пруссия, с. 307].

Фонд «Восстановление Кенигсберга», ставящий своей целью восстановление архитектурного облика города, активно обсуждает идею восстановления в Кенигсберге Королевского замка – его сердца и символа, сталкиваясь с противодействием последователей мифа о милитаристском прусском духе. История Кенигсберга из года в год воссоздается в газете «Калининградские новые колеса», на официальном сайте администрации городского округа «город Калининград»³². В 1998 г. появился знаковый для Калининградской области сборник рассказов Ю. Буйды, уроженца Калининграда, под названием «Прусская невеста», изданный впоследствии во Франции, в Великобритании, Польше, Венгрии, Эстонии, Турции, Словакии, Греции. В центральном для сборника рассказе прекрасно отражается механизм создания нового прусского мифа – на этот раз мифа Калининградской области в сознании ребенка. Ю. Буйда пишет:

Я родился в Калининградской области через девять лет после войны. <...> Жили здесь немцы. Была здесь Восточная Пруссия. <...> Десяти-двадцати-тридцатилетний слой русской жизни зыбился на семисотлетнем основании, о котором я ничего не знал. И ребенок начинал сочинять, собирая осколки той жизни, которые силой его воображения складывались в некую картину... Это было творение мифа. <...> Я слышал песнь скорби, которую пела горстка всадников в белых плащах, покинувших дорогую родину и пришедших в Пруссию – страну ужаса, в пустыню, где бушевала страшная война (так писал летописец крестоносцев Петр Дюсбургский). Гремели пушки, стрелявшие ядрами, высеченными в моренах доисторических ледников. Ползли в тумане ганзейские караваны. Сам дьявол в образе чудовищной Рыбы являл свой хребет над равниной Фришес-Гафф. Цвел боярышник. Шиповник. Пахло яблоками. Во всех временах этой вечности шел дождь, колеблемый ветром с моря. Прусское время [Буйда].

Символичен вывод, к которому приходит автор: «У моей малой родины немецкое прошлое, русское настоящее, человеческое буду-

³² <http://www.klgd.ru/city/history/gubin/toponim.php>

щее. Через Восточную Пруссию немецкая история стала частью истории русской. И наоборот» [Буйда].

А значит, прусский миф сыграл свою роль в формировании мультикультурного европейского пространства.

Список литературы

Агапов Е. Ф. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/gazvedchiki/agarov-evgeniy-fedorovich/> (дата обращения: 20.03.2015).

Анинский Л. Раненые души и мертвые тела // Война/Krieg: 1941–1945 : Произведения русских и немецких писателей. М. : ПРОЗАиК, 2012. С. 5–19.

Беликов В. Война. Впечатление деревенского подростка // В. Беликов, Н. Овсянников, А. Утенков. До свидания, мальчики. Мы не были сволочами. М. : Эксмо, 2006. С. 468–585.

Бердяев Н. Судьба России : Опыты по психологии войны и национальности. М. : Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. 240 с.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения А. Болотова, писанные им самим для своих потомков. М. : Современник, 1986. 767 с.

Буйда Ю. Прусская невеста [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/upii-buida/vse-prog_953/1-vse-prog_953.html (дата обращения: 20.03.2015).

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры 1999. 792 с.

Великая оболганная война-2 : Нам не за что каяться! : сборник / А. Дюков, Д. Макеев, И. Пыхалов, О. Россов, И. Петров, К. Асмолов, Н. Мендкович; ред.-сост. А. Дюков. М. : Яуза : Эксмо, 2008. 432 с.

Вильгельм II, император Германии, король Пруссии // Военная энциклопедия : в 18 т. Т. 6. СПб. : Т-во И. Сытина, 1911. С. 376–377.

Восточная Пруссия глазами советских переселенцев : Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 2-е изд., испр. и доп. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. 336 с.

ГАКО – Государственный архив Калининградской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 223 (Из радиопередачи «Будущее Калининграда». 20.09.1947 г.); Д. 22. Л. 20 (Из передачи «Кёнигсбергская победа». 7.04.1948 г. Автор – Прахов); Л. 33 (Из радиопередачи «Древняя славянская земля возвращена законным хозяевам». 10.04.1948 г.).

Горланов Н. Крестница Гитлера просит русских простить немецкий народ // Новости Самарского региона, 2 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru:12000/site/?act=monitor&id=10471> (дата обращения: 21.03.2015).

Жукова Ю. К. Девушка со снайперской винтовкой : Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М. : Центрполиграф, 2006. 222 с.

Здравомыслов А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии : 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарии. М. : РОССПЭН, 2003. 544 с.

Кантор Ю. Обрусение Пруссии // Время новостей. 2010. № 2. 13 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vremya.ru/print/245113.html> (дата обращения: 03.04.2015).

Кашур А. Е. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/kashpur-aleksandr-efimovich> (дата обращения: 03.04.2015).

Клауссен Р. И слезы обратятся в бриллианты. Киев : Фарес, 2005. 109 с.

Копелев Л. Хранить вечно. М. : Вся Москва, 1990. 688 с.

Костяшов Ю. Изгнание прусского духа // Костяшов Ю. Изгнание прусского духа ; Маттес Э. Запрещенное воспоминание. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. 162 с.

Лажечников И. Походные записки русского офицера. М. : Кучково поле : Евробонд, 2013. 208 с.

Литвин Г. А. Сломанные крылья Люфтваффе. [Электронный ресурс]. URL: http://rudolf.webservis.ru/72ag_books/history/slomannie_luftwaffe/ дата обращения: 03.04.2015).

Маубах Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей. Краснодар, 2010. С. 147–177.

Меликов Г. А. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/rekhotintsi/melikov-georgiy-aleksandrovich/> дата обращения: 03.04.2015).

Михалков С. В., Михалков М. В. Два брата – две судьбы: Мемуары. М.: Центрполиграф, 2005. 447 с

Мухин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»: Мы умирали, чтобы победить. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 576 с.

Молок А. И. Немецкий военный разбой в Европе (X–XX века). Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. 272 с.

Невский А. В. Мои дела военные // Мухин Ю. По повестке и по призыву: Некадровые солдаты Великой Отечественной. М.: Яуза: Эксмо, 2005. С. 95–158.

Никонов Н. Весталка: роман. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1988. 544 с.

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 244 с.

Падение Кенигсберга // Правда. 1945. 13 и 15 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_pravda_polnyj_elektronnyj_arhiv_19122009 (дата обращения: 04.04.2015).

Полян П. Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.

Рабичев Л. Война все спит: Воспоминания офицера-связиста 31-й армии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2010. 273 с.

Ржевская Е. М. Берлин, май 1945: Записки военного переводчика. Рассказы. М.: Московский рабочий, 1986. 320 с

Сатюков С. «Незаконнорожденные!»: дети красноармейцев и немецких женщин после 1945 года // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей. Краснодар, 2010. С. 317–339.

Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.

Сенявская Е. С. Красная армия в Европе в 1945 году: Старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе. 14.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rugraz.net/index.php/ru/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/1169-e-senki-gajavskaja-krasnaja-armija-v-jevropе-v-1945-godu-starye-i-novyje-stereotipy-vospriyatija-v-rossii-i-na-zarade> (дата обращения: 03.04.2015).

Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сумленный С. Немецкая система: Из чего сделана Германия и как она работает. М.: Группа Эксперт, 2010. 456 с.

Терентьев Я. Записки прошагавшего пол-Европы. СПб.: Гиперион, 2002. 200 с.

Харитонов П. Х. Интервью [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/andreev-petr-kharitonovich/?sphrase_id=7428 (дата обращения: 04.04.2015).

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Эксмо, 2003. 480 с.

Щеглов Дм. Три тире. Уполномоченный военного совета. М.: Советский писатель, 1967. 584 с.

Эренбург И. Военная публицистика 1941–1945 гг. в газете «Известия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_izvestiya_polnyj_elektronnyj_arhiv_19172010/ (дата обращения: 04.04.2015).

Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 2002. 528 p

Böddeker G. Die Flüchtlinge: Die Vertreibung der Deutschen im Osten. München; Berlin: F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, 1980. 480 S.

Gerlach H. Nightmare in Red. London: Creation House, 1970. 239 p.

Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. Göttingen: Steidl Verlag, 2006. 480 S.

Haffner S. Preußen ohne Legende. Siedler, Stern-Magazine, 1979. 536 S.

Hastings M. Armageddon. The battle for Germany 1944–1945. London: Pan book, 2005. 660 p.

Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1998. 400 S.

Jünger E. Jahre der Okkupation (april 1945 – dezember 1948). Stuttgart: Ernst Klett, 1958. 310 S.

Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900–1945. München: C. Y. Beck Verlag, 2005. 528 S.

- Köpp G. Warum war ich bloß ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945. Mit einem Nachwort von Dr. Birgit Beck-Heppner. Herbig, 2010. 160 S.
- Mueller M. G. Lost Years. Memories of my forgotten homeland. LMSEdit, Cornwall Ontario, 2008. 129 p.
- Naimark N. M. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press, 1995. 586 p.
- Nitsch G. Weeds Like Us. Bloomington, In : Authorhouse, 2008. 465 p.
- Rauschenbach H. Von Pillkallen nach Schadrinsk. Leipzig : Rautenberg, 2004. 200 S.
- Samuel W. W. E. German Boy. A child in war. University Press of Mississippi, 2000. 424 p.
- Schreiber M. Welt aus Schmerz und Stille // Der Spiegel. 2006. No. 35. S. 152–158.
- Schubart W. Europa und die Seele des Ostens. Luzezn : Vita Nova Vlg, 1947. 317 S.
- Scorzeny O. My commando operations. The Memoirs of Hitler's Most Daring Commando. Atglen, PA : Schiffer Publishing Ltd, 1995. 468 p.
- Smith A. D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. London : Blackwell Publishing, 2008. 245 p.
- Surminski A. Aus dem Nest gefallen: Geschichten aus Kalischken. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1978. 119 S.
- Surminski A. Jokehnen oder Wie lange fährt man von Ostpreußen nach Deutschland. Ullstein Tb, 2003. 496 S.
- Tannehill E. Abandoned and forgotten. An Orphan Girl's Tale of Survival During World War II. Tucson, Arizona : Wheatmark, 2006. 431 p.
- Wieck M. Zeugnis vom untergang Königsbergs. Ein "Geltungsjuden" Bericht. München : C. H. Beck Verlag, 2005. 404 S.

References

- Agapov, E. F. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/agapov-evgeniy-fedorovich/> (accessed: 20.03.2015).
- Anninskij, L. (2012). Raneny'e dushi i mertvy'e tela [Wounded Souls and Dead Bodies]. In *Vojna/Krieg: 1941–1945 : Proizvedeniya russkikh i nemeckikh pisatelej* (pp. 5–19). Moscow, PROZAIK.
- Beever, A. (2002). *Berlin. The Downfall 1945*. 528 p. London, Viking.
- Belikov, V. (2006). Vojna. Vpechatlenie derevenskogo podroстка [War. Impressions of a Rural Teenager]. In Belikov, V., Ovsyannikov, N. & Utenkov, A. *Do svidaniya, mal'chiki. My' ne by'li svoločami* (pp. 468–585). Moscow, E'ksmo.
- Berdyayev, N. (1918). *Sud'ba Rossii: Opy'ty' po psikhologii vojny' i nacional'nosti* [The Destiny of Russia: Notes on the Psychology of War and Nationality]. 240 p. Moscow, Izdanie G. A. Lemana i S. I. Saharova.
- Böddeker, G. (1980). *Die Flüchtlinge: Die Vertreibung der Deutschen im Osten*. 480 p. München, Berlin, F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH.
- Bolotov, A. T. (1986). *Zhizn' i priklyucheniya A. Bolotova, pisanny'e im samim dlya svoih potomkov* [The Life and Adventures of A. Bolotov Written by Him for His Progeny]. 767 p. Moscow, Sovremennik.
- Bujda, Yu. (n.d.). *Prusskaya nevesta* [A Russian Bride], available at: http://bookz.ru/authors/urii-buida/vse-prop_953/1-vse-prop_953.html (accessed: 20.03.2015).
- Dyukov, A., Makeev, D., Py'halov, I., Rossov, O., Petrov, I., Asmolov, K. & Mendkovich, N. (2008). (Dyukov, A., ed., comp.). *Velikaya obolgannaya vojna-2: Nam ne za chto kayat'sya! sbornik* [The Great Slandered War-2: We Have Nothing to Repent]. (A Collection). 432 p. Moscow, Yauza, E'ksmo.
- E'renburg, I. (n.d.). *Voenmaya publicistika 1941–1945 gg. v gazete «Izvestiya»* [War Articles of 1941–1945 in *Izvestiya* Newspaper], available at: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_izvestiya_polnyj_elektronnyj_arhiv_19172010/ (accessed: 04.04.2015).
- Gerlach, H. (1970). *Nightmare in Red*. 239 p. London, Creation House.
- Gorlanov, N. (2007). Krestnicza Gitlera prosit russkikh prostit' nemeckij narod [Hitler's Goddaughter Asks Russians to Forgive the German People]. In *Novosti Samarskogo regiona, May 2*, available at: <http://www.portal-credo.ru:12000/site/?act=monitor&id=10471> (accessed: 21.03.2015).

Gosudarstvennyj arhiv Kaliningradskoj oblasti. Stock 19. List 1. Dossier 10. Leaf 223 (Iz radioperedachi «Budushhee Kaliningrada». 20.09.1947 g.) [State Archive of Kaliningrad Region. Stock 19. List 1. Dossier 10. Leaf 223 (From Radio Programme *The Future of Kaliningrad*. 20.09.1947)]; Dossier 22. Leaf 20 (Iz peredachi «Kyonigsbergskaya pobeda». 7.04.1948 g. Avtor – Prahov) [From the Programme *Koenigsberg Victory*. 7.04.1948. Authored by Prakhov]; Leaf 33 (Iz radioperedachi «Drevnyaya slavyanskaya zemlya vozvrashhena zakonny'm hozyaevam». 10.04.1948 g.) [From Radio Programme *The Ancient Slavic Land Returns to Its Original Owners*].

Grass, G. (2006). *Beim Häuten der Zwiebel*. 480 p. Göttingen, Steidl Verlag.

Haffner, S. (1979). *Preußen ohne Legende*. 536 p. Siedler, Stern-Magazine.

Haritonov, P. H. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/andreev-petr-kharitonovich/?sphrase_id=7428 (accessed: 04.04.2015).

Hastings, M. (2005). *Armageddon. The battle for Germany 1944–1945*. 660 p. London, Pan book.

Hoffmann, J. (1998). *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. 400 p. München.

Jünger, E. (1958). *Jahre der Okkupation (april 1945 – dezember 1948)*. 310 p. Stuttgart, Ernst Klett.

Kantor, Yu. (2010). Obrusenie Prussii [The Russification of Prussia], *Vremya novostej*, 2, January 13, available at: <http://www.vremya.ru/print/245113.html> (accessed: 03.04.2015).

Kashpur, A. E. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/kashpur-aleksandr-efimovich> (accessed: 03.04.2015).

Klaussen, R. (2005). *I slezy' obratyatsya v brillianty'* [And Tears Will Turn to Diamonds]. 109 p. Kiev, Fares.

Koenen, G. (2005). *Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900–1945*. 528 p. München, C. Y. Beck Verlag.

Kopelev, L. (1990). *Hranit' vechno* [Keep in Perpetuity]. 688 p. Moscow, Vsy Moskva.

Köpp, G. (2010). *Warum war ich bloß ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945. Mit einem Nachwort von Dr. Birgit Beck-Heppner*. 160 p. Herbig.

Kostyashov, Yu. (2003). Izgnanie prusskogo duha [The Exorcism of the Prussian Spirit]. In Kostyashov, Yu. *Izgnanie prusskogo duha*; Mattes E'. *Zapreshhennoe vospominanie*. 162 p. Kaliningrad, KGU.

Lazhechnikov, I. (2013). *Pohodny'e zapiski russkogo oficera* [The War Notes of a Russian Officer]. 208 p. Moscow, Kuchkovo pole, Evrobond.

Litvin, G. A. (n.d.). *Slomanny'e kry'l'ya Lyuftvaffe* [The Broken Wings of the Luftwaffe], available at: http://rudolf.webservis.ru/72ag_books/history/slomannie_luftwaffe/ (accessed: 03.04.2015).

Maubah, F. (2010). Skazki, igry', rolevoj obmen: detskoe osvoenie voennogo nasiliya (1939–1945) [Fairytale. Games, Role Play: Children's Adoption of War Violence (1939–1945)]. In *Vtoraya mirovaya vojna v detskih «ramkah pamyati»: sbornik nauchny'h statej* (pp. 147–177). Krasnodar.

Melikov, G. A. (n.d.). *Interv'yu* [An Interview], available at: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/melikov-georgiy-aleksandrovich/> (accessed: 03.04.2015).

Mihalkov, S. V. & Mihalkov, M. V. (2005). *Dva brata – dve sud'by': Memuary'* [Two Brothers – Two Destinies: Memoirs]. 447 p. Moscow, Centrpoligraf.

Mihin, P. A. (2006). «Artilleristy', Stalin dal prikaz!»: My' umirali, chtoby' pobedit' [“Artillerists, Stalin has issued an order!”: We Died to Win]. 576 p. Moscow, Yauza, E'ksmo.

Molok, A. I. (1945). *Nemeczkij voennyj razboj v Evrope (X–XX veka)* [German Military Banditry in Europe (10–20th Centuries)]. 272 p. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury'.

Mueller, M. G. (2008). *Lost Years. Memories of my forgotten homeland*. 129 p. LMSE-DIT, Cornwall Ontario.

Naimark, N. M. (1995). *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. 586 p. Cambridge, Mass., London, Harvard University Press.

Nevskij, A. V. (2005). Moi dela voenny'e [My Military Affairs]. In Muhin, Yu. *Po povestke i po prizy'vu: Nekadrovyy'e soldaty' Velikoj Otechestvennoj* (pp. 95–158). Moscow, Yauza, E'ksmo.

Nikonov, N. (1988). *Vestalka: roman* [The Vestal: A Novel]. 544 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Nikulin, N. N. (2008). *Vospominaniya o vojne* [Memoirs of War]. 244 p. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo E'rmitazha.

- Nitsch, G. (2008). *Weeds Like Us*. 465 p. Bloomington, IN, Authorhouse.
- Padenie Kenigsberga [The Fall of Königsberg]. (1945). *Pravda*, April 13, 15, available at: http://www.shpl.ru/readers/special_interests/gazeta_pravda_polnyj_elektronnyj_arhiv_19122009 (accessed: 04.04.2015).
- Polyan, P. (2001). *Ne po svoej vole : Istoriya i geografiya prinuditel'ny'h migracij v SSSR* [Against the Will: The History and Geography of Forced Migration in the USSR]. 328 p. Moscow, OGI-Memorial.
- Rabichev, L. (2010). *Vojna vse spishet: Vospominaniya oficera-svyazista 31-j armii. 1941–1945* [The War Will Write Everything Off: Memoirs of a Signaler Officer of the 31st Army, 1941–1945]. 273 p. Moscow, Centropoligraf.
- Rauschenbach, H. (2004). *Von Pillkallen nach Schadrinsk*. 200 p. Leipzig, Rautenberg.
- Rzhevskaya, E. M. (1986). *Berlin, maj 1945: Zapiski voennogo perevodchika. Rasskazy'* [Berlin, May 1945: Notes of a Military Interpreter. Stories]. 320 p. Moscow, Moskovskij rabochij.
- Samuel, W. E. (2000). *German Boy. A child in war*. 424 p. University Press of Mississippi.
- Satyukov, S. (2010). «Nezakonnorozhdenny'e!»: deti krasnoarmejcev i nemeckih zhenshin posle 1945 goda [Illegitimate Children of Red Army Soldiers and German Women after 1945]. In *Vtoraya mirovaya vojna v detskikh «ramkah pamyati»: sbornik nauchny'h statej* (pp. 317–339). Krasnodar.
- Schreiber, M. (2006). Welt aus Schmerz und Stille, *Der Spiegel*, 35, pp. 152–158.
- Schubart, W. (1947). *Europa und die Seele des Ostens*. 317 p. Luzezn, Vita Nova Vlg.
- Scorzeny, O. (1995). *My commando operations. The Memoirs of Hitler's Most Daring Commando*. 468 p. Atglen, PA, Schiffer Publishing Ltd.
- Semiryaga, M. I. (1995). *Kak my' upravlyali Germaniej* [How We Ruled Germany]. 400 p. Moscow, ROSSPE'N.
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v vojnah XX veka. E'voljuciya «obraza vraga» v soznanii armii i obshhestva* [Russia's Enemies in the 20th Century Wars: The Evolution of the Image of Enemy in the Consciousness of Army and Society]. 288p. Moscow, ROSSPE'N.
- Senyavskaya, E. S. (n.d.). *Krasnaya armiya v Evrope v 1945 godu: Stary'e i novy'e stereotipy' vospriyatiya v Rossii i na Zapade* [The Red Army in Europe in 1945: Old and New Stereotypes of the Perception of Russia], available at: <http://rugraz.net/index.php/new/istoricheskoe-dostoinstvo/velikaja-otechestvennaja/1169-e-senknigajavskaja-krasnaja-armija-v-jevrope-v-1945-godu-starye-i-novyje-stereotipy-vospriyatiya-v-rossii-i-na-zapade> (accessed: 03.04.2015).
- Shheglov, Dm. (1967). *Tri tire. Upolnomochenny'j voennogo soveta* [Three Dashes. The Authorized Representative of the Military Council]. 584 p. Moscow, Sovetskij pisatel'.
- Shubart, V. (2003). *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the Soul of the East]. 480 p. Moscow, E'ksmo.
- Smith, A. D. (2008). *Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic*. 245 p. London, Blackwell Publishing.
- Sumlenny'j, S. (2010). *Nemetskaya sistema: Iz chego sdelana Germaniya i kak ona rabotaet* [The German System: What Germany Is Made of and How It Functions]. 456 p. Moscow, Gruppya E'kspert.
- Surminski, A. (1978). *Aus dem Nest gefallen: Geschichten aus Kalischken*. 119 p. Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Surminski, A. (2003). *Jokehnen oder Wie lange fährt man von Ostpreußen nach Deutschland*. 496 p. Ullstein Tb.
- Tannehill, E. (2006). *Abandoned and forgotten. An Orphan Girl's Tale of Survival During World War II*. 431 p. Tucson, Arizona, Wheatmark.
- Terent'ev, Ya. (2002). *Zapiski proshagavshego pol-Evropy'* [The Notes of a Man That Has Walked across Half of Europe]. 200 p. Saint Petersburg, Giperion.
- Vezhbiczkaya, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie yazy'kov* [Semantic Universals and the Description of Languages]. 792 p. Moscow, Yazy'ki russkoj kul'tury'.
- Vil'gel'm II, imperator Germanii, korol' Prussii [Wilhelm II, Emperor of Germany, King of Prussia]. (1911). In *Voennaya e'nciklopediya* (in 18 vols.). (Vol. 6, pp. 376–377). Saint Petersburg, Tovarishhestvo I. Sy'tina.
- Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselencev: Pervy'e gody' Kaliningradskoj oblasti v vospominaniyah i dokumentah* [Eastern Prussia in the Eyes of Soviet Immigrants:

The First Years of Kaliningrad Region in Memoirs and Documents]. (2003). (2nd ed.). 336 p. Kaliningrad, KGU.

Wieck, M. (2005). *Zeugnis vom untergang Königsbergs. Ein "Geltungsjude" Berichtet*. 404 p. München, C. H. Beck Verlag.

Zdravomy'slov, A. G. (2003). *Nemcy' o russkih na poroge novogo ty'syacheletiya. Besedy' v Germanii : 22 e'kspertny'h interv'yu s predstavatelyami nemeckoj intellektual'noj e'lity' o Rossii – ee nastoyashhem, proshlom i budushhem – kontent-analiz i kommentarii* [Germans about Russians at the Turn of the New Millennium. Conversations in Germany: 22 Expert Interviews with the Representatives of the German Intellectual Elite about Russia – Its Present, Past and Future – Content Analysis and Commentaries]. 544 p. Moscow, ROSSPE'N.

Zhukova, Yu. K. (2006). *Devushka so snajperskoj vintovkoj: Vospominaniya vy'pusknicy' Central'noj zhenskoy shkoly' snajperskoj podgotovki. 1944–1945 gg.* [A Girl with a Sniper Rifle: Memoirs of a Graduate of the Central Women's School of Sniper Training]. 222 p. Moscow, Centropoligraf.

The article was submitted on 13.04.2015

Елена Евгеньевна Приказчикова,
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
miegata-logos@yandex.ru

Elena Prikazchikova,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
miegata-logos@yandex.ru

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2015.2.104

УДК 27-1+27-5+279.99

Джеймс М. Уайт

**ЕДИНОВЕРИЕ И ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ:
НЕУДАВШИЙСЯ ОПЫТ ОБЪЕДИНЕНИЯ
В ПРАКТИКЕ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ
(1900–1913)**

James M. White

***EDINOVERIE* AND OFFICIAL ORTHODOXY:
THE FAILURE OF UNITY IN CEREMONIAL PRACTICE
(1900–1913)**

This article examines the way in which the Russian Orthodox Church used ceremonies between 1900 and 1913 to show unity with *edinoverie*, a century-old uniate movement for Old Believer converts. *Edinoverie* was a compromise movement that allowed these converts to keep their rituals in exchange for loyalty to the Orthodox hierarchy. The early twentieth-century ceremonies were spectacles which aimed to convince the *edinovercy'* that they were fully part of the Orthodox Church, to reduce tension and criticism, and defend the Church's authority. However, Old Believers, secular journalists, and *yedinoverie* separatists appropriated the ceremonies to serve their own goals. In particular, the alternative vision of an autonomous and inviolable *edinoverie* offered by the separatists led to infighting during the ceremonies, disrupting any sense of unity. As a result, the ceremonies failed and *edinoverie* separatism remained strong until at least 1918. These ceremonies considered within this article include the centenary of *edinoverie's* existence in 1900 in several cities, the opening of *edinoverie* congresses between 1905 and 1912, the canonisation of Anna of Kashin in 1909, and the visit of the Patriarch of Antioch to Russia in 1913. This article is principally based on descriptions of ceremonies found in a variety of articles and books from both *edinovercy'* and Orthodox believers. Old Believer and secular journals have also been examined to find interpretations of the ceremonies that were opposed to the messages that the Church intended to spread through the ceremonies. Some archival evidence has also been considered. The article employs semiotic analysis of the ceremonies in order to demonstrate their explicit and implicit messages. It also conceptualises the ceremonies as stages where the Church's authority was confirmed through collective rituals. However, it also notes that these stages

offered rival groups the opportunity to resist this demonstration of power, challenge the legitimacy of the Holy Synod, and appropriate the performances for their own ideological aims. In doing so, the article adapts recent insights from ritual studies to innovate the historiography surrounding *edinoverie* and provide a different perspective on the fate of religious compromise movements at the dawn of the twentieth century.

Keywords: Russian Orthodox Church, *edinoverie*, Old Belief, schism, rituals, ceremonies.

В статье рассматривается, каким образом Русская православная церковь использовала церемонии 1900–1913 гг., чтобы продемонстрировать единство с единоверием (к тому времени столетним движением, ориентированным на единение обращенных старообрядцев с официальным православием). Единоверие было компромиссным движением, которое позволяло обращенным староверам сохранять свои обряды в обмен на лояльность к православной иерархии. Церемонии начала XX в. представляли собой действия, целью которых было убедить единоверцев, что они являются полноценной частью православной церкви, уменьшить напряженность взаимоотношений и критику с их стороны, а также укрепить власть церкви. В то же время старообрядцы, светские журналисты и единоверческие «сепаратисты» пытались использовать церемонии в своих целях. Однако альтернативное видение автономного и неприкосновенного единоверия, предлагавшееся «сепаратистами», вело к распрям во время церемоний и подрывало пафос единства. В результате церемонии не выполнили свою задачу, и единоверческий «сепаратизм» оставался в силе по меньшей мере до 1918 г. Рассматриваемые в статье церемонии включали празднование столетнего юбилея единоверия в 1900 г. в нескольких городах, открытие единоверческих съездов в 1905–1912 гг., канонизацию Анны Кашинской в 1909 г. и визит Антиохийского патриарха в Россию в 1913 г. Источниковедческой основой послужили: описание церемоний, опубликованные как единоверцами, так и православными; старообрядческие и светские журналы оппозиционного характера, а также архивные материалы. В статье проводится семиотический анализ церемоний с целью демонстрации их эксплицитного и имплицитного обращений. Церемонии рассматриваются как «сцены», на которых через общественные ритуалы утверждалась власть церкви. Церемонии в то же время предоставляли возможность соперничавшим группам противостоять этой демонстрации власти, бросать вызов легитимности Святейшего синода и использовать описанные события в собственных идеологических целях. В статье используются современные концепции изучения ритуалов с целью дополнить историографию проблемы и взглянуть в другом контексте на возможности достижения религиозного компромисса в начале XX в.

Ключевые слова: Россия, православная церковь, единоверие, старообрядчество, обряды, ритуалы, церемонии, Анна Кашинская, съезды единоверцев.

Суть и исторические основы единоверия

Единоверие, основанное по инициативе государственной власти 27 октября 1800 г., позволило обращенным в официальное православие старообрядцам сохранить их дониконовские обряды, богослужебные тексты и приходское устройство в обмен на декларирование лояльности Русской православной церкви. Единоверцы получали законных священников, которые должны были служить в соответствии с предпочтениями своих прихожан. Митрополит Платон (Левшин) кодифицировал это соглашение в шестнадцати статьях и двух дополнительных комментариях, которым император Павел придал силу имперского закона.

Митрополит Платон (Левшин),
портрет, начало XIX в.

Однако «Правила митрополита Платона» были не лишены проблем и противоречий [White, p. 46–56]. Во-первых, единоверцы не получили всего, что хотели. «Клятвы» (проклятия) собора 1666–1667 гг., относящиеся к старым обрядам, оставались в силе, заставляя обращенных тревожиться о законности единоверия [см.: Кравецкий]. Во-вторых, правила запрещали православным («никонианам») присоединяться к единоверию и принимать таинства от единоверческих священников (последнее дозволялось лишь в случае «смертной нужды»). Это приводило единоверцев к ощущению собственной неполноценности, что усугублялось отношением к ним православного духовенства как к переходной «ступени к Православию», а следовательно, представлявшей собой нечто второсортное или полностью незаконное [И. А., с. 549; Никольский С.]. В-третьих, во втором комментарии митрополита утверждалось, что единоверцы «со временем Богом просветятся и ни в чем в неразнствующее с Церковью придут в согласие» [Кауркин, Павлова, с. 192]. Это замечание придавало единоверию характер меры, направленной на ассимиляцию, медленное «вымывание» обычаев обращенных [Палкин, с. 87]. Наконец, в других пунктах был описан определенный порядок управления, которым должны были руководствоваться единоверцы. Они могли избирать своих священников и были освобождены от контроля консисторий¹. При этом другие православные не обладали такими

¹ Зачастую эти привилегии, особенно в части освобождения от консисторского управления, нарушались церковью.

привилегиями [Freeze, 1983, p. 29]. В 1845 г. Николай I даровал епископам право назначать единоверческих благочинных. Единоверческие церкви, будучи более самостоятельными по своему управлению, выделялись из ряда других православных церквей [Никольский А., с. 11]. Этот особый порядок управления помогал сохранять старые обряды, но насаждал дух разделения между единоверцами и православными. Правила Платона, с одной стороны, прививали единоверцам твердое убеждение об их отличии от православных, но с другой – зарождали опасение, что ассимилятивные тенденции «Пунктов» Платона могут постепенно нивелировать это различие. Это приводило

Симон Шлеев,
епископ Охтенский, 1918 г.

единоверцев к желанию дальнейшей институционализации, воплощенной в сохранении обрядовых различий. Такие настроения получили к 1900 г. широкое распространение у единоверцев. Наиболее заметным среди них был Симеон Шлеев, единоверческий священник из Костромской губернии. После указа «Об укреплении начал веротерпимости» в апреле 1905 г. Шлеев пытался добиться поставления единственного единоверческого архиерея, подчиненного Св. Синоду, который бы административно отделил единоверцев от православных епархиальных архиереев и объединил бы их во всероссийское сообщество. Он объяснял свои намерения тем, что

только таким образом можно защитить особые обряды и общинный дух единоверцев от ассимиляции. Поскольку единоверие сохраняло форму богослужения и приходской порядок, предшествовавшие как прозападным реформам Петра Великого, так и греческим «новинам» патриарха Никона, «сепаратисты»² полагали, что оно выражало «психологические особенности религиозной души русского народа» [Первый Всероссийский съезд, с. 377]. Официальное православие, по их представлениям, несло отпечаток петровской бюрократизации и вестернизации, следовательно, ассимиляция единоверия православием нанесла бы урон истинно русскому характеру единоверия. «Сепаратистам» противостояли представители православного миссионерского движения, опасавшиеся, что схема Шлеева приведет к формированию отдельной единоверческой конфессии внутри Русской церкви [White, p. 186–258].

Синод, осознав опасность, которую представлял единоверческий «сепаратизм» в 1880-е гг., начал кампанию по интеграции, целью

² Хотя в данной статье используются термины «сепаратисты» и «сепаратизм», хотелось бы пояснить, что это не означает, что единоверческие реформаторы (такие, как Шлеев) хотели полностью порвать с официальной православной церковью. Они стремились к большей автономии и неприкосновенности внутри церкви.

которой было заставить единоверцев почувствовать себя неотъемлемой частью официального православия. Эта конфессиональная интеграция не предполагала замены единоверческих обрядов православными, но в то же время избегала делать уступки, которые могли бы в дальнейшем способствовать различию между единоверцами и официальным православием.

Церемониальный дискурс

В конце XVIII – в XIX в. одним из лучших методов сближения православия и единоверия считалась церемония – визуальная демонстрация совместных молений в ограде «святой Матери Церкви». В 1780 г. архиепископ Никифор (Феотоки) открыл первую единоверческую церковь, в которой пели два хора, православный и старообрядческий, каждый в своем особом стиле. Позднейшие комментаторы описывали церемонию как проходившую «в духе истинного единоверия» [Кем и как, с. 114]. В 1869 г. знаменитый единоверческий лидер Павел Прусский, полагая странным, что представители единоверческого и православного духовенства не служат вместе на регулярной основе, организовал для священников московских единоверческих церквей служение литургии совместно с их православными «коллегами» в Троице-Сергиевой лавре [Субботин, 1901а, с. 49; Исповедь старообрядца, с. 4]. Но это были редкие и отдельные случаи. Зачастую прихожане-единоверцы даже отказывали православным в возможности посещать единоверческие церкви [Юновидов, 1887, №1, с. 3–4]. Характерно, что хотя многие епископы играли активную роль в распространении единоверия, они обычно не пользовались возможностью служить в основанных ими церквях, у прихожан, которых они обратили³. Положение начало меняться в 1881 г., когда Синод выпустил изменения к правилам митрополита Платона. Они аннулировали правило, серьезно ограничивавшее возможность православных обращаться к единоверческим священникам за таинствами, создавая таким образом больше возможностей для совместных церемоний и архиерейских богослужений в единоверческих храмах. К 1912 г. архиереи многих городов⁴ не только служили литургии перед смешанным составом верующих, но и сами при этом использовали старый обряд [Первый Всероссийский съезд, с. 69]. Таким образом Синод и архиереи проводили кампанию подтверждения единства веры через церемонию.

Церемония и общественные обряды играют ключевую роль в конструировании нарративов, служащих распространению определенных ориентиров и недопущению других. В случае успеха церемонии

³ Некоторые архиереи лично освящали единоверческие церкви: например, архиепископ Пермский Аркадий (Федоров) в 1840-е гг., епископ Томский Афанасий (Сokolov) в 1845 г. и епископ Пензенский Григорий (Медиоланский) в 1876 г.

⁴ К таковым относились Казань, Пермь, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Москва, Курск, Житомир, Могилев, Петрозаводск, Архангельск.

может усиливаться сплоченность общества и происходить утверждение иерархических структур [Bloch]. Хотя, как отмечает Кэтрин Бэлл, «власть имущие могут потерпеть неудачу в попытке достижения своих главных целей через обряд» [Bell, p. 197–223]. При этом другие игроки, менее могущественные, могут использовать те же обряды для собственных целей (заключение соглашений, сопротивление), предлагая иное, «неверное» их толкование [Karant-Nunn, p. 3].

Как свидетельствуют современные исследования, в поздней имперской России как религиозные, так и светские церемонии зачастую разворачивались с целью охранения монархии и социальной системы, которая ее поддерживала [Wortman]. Так, Грегори Фриз показал попытки Николая II «ресакрализировать» российскую монархию через серию политически мотивированных канонизаций: «по меньшей мере потенциально канонизации обещали обновить духовную ауру и политическую легитимность самодержавия, побуждая таким образом беспокойное население соглашаться с промахами во внутренней и внешней политике» [Freeze, 1996, p. 310]. В юбилейных торжествах обязательно участвовала церковь – с целью распространения идеологии «православного церковного патриотизма» (формулировка Дж. Стрикленда) [Strickland, p. 3–26]. Однако оба автора приходят к выводу о несущественной роли церемоний сравнительно с глубоким социальным разделением, оппозицией синодальной форме церковно-государственных отношений и конкурирующим нарративам. Г. Фриз замечает, что политические «канонизации» «больше служили десакрализации церкви, чем ресакрализации самодержавия, не столько вследствие их необычной частоты, сколько вследствие их слабой постановки и исполнения», в то время как Стрикленд уточняет, что церемонии не могли снять идеологические несообразности внутри церковно-православного патриотизма [Freeze, 1996, p. 349; Strickland, p. xxi]. Церемонии единения, направленные на более плотную интеграцию, были визуально впечатляющими, но безуспешными. Старообрядцы использовали свободу печати после 1905 г. для резкой критики церемоний как пустого лицемерия. В материалах светских журналистов староверы представлялись носителями подлинной русской веры, в отличие от синодального православия. Шлеев и его сторонники искусно использовали церемонии, чтобы распространять свое альтернативное видение единоверия, что привело к публичным спорам, разрушавшим церковную идею конфессионального единства.

Главный нарратив официального православия о единоверии

В 1885 г. архиерейский собор в Казани принял определение единоверия, распространявшееся Павлом Прусским и профессором Николаем Ивановичем Субботиным в предшествующее десятилетие, где утверждалось, что «православие и единоверие составляют

одну Церковь, что единоверие есть та же единая православная вера» [Субботин, 1901b, с. 134–135]. Эта концепция полностью отрицала идею единоверия как «ступени к православию», но исключала возможность поставления единоверческих епархиальных архиереев, так как это подрывало бы единство на административном и каноническом уровне: «сила единоверия заключается только в союзе с православною церковью» [Там же]. Разделявшие эти взгляды подчеркивали также, что обрядовая разность не представляет препятствия для конфессионального единства. Правила митрополита Платона были изменены отчасти, но они оставались напоминанием единоверцам об их пограничном положении между православием и старообрядчеством.

Это определение единоверия содержалось в синодальном послании, разосланном по всем единоверческим приходам 27 октября 1900 г. во время празднования столетнего юбилея правил митрополита Платона. Этот краткий документ был главным нарративом, который церковь должна была опробовать и закодировать в будущих церемониях единения. Он начинался напоминанием, что сто лет назад предки единоверцев «осознали неправоту своего от нея (церкви. – Дж. У.) отделения ради исправления ею богослужбных книг и некоторых обрядов». Осознавая всю бедственность своего положения, они попросили присоединения к церкви, с тем чтобы им было разрешено сохранить старые обряды. Святейший синод «с отеческой любовью» «принял их просьбу, дал им законно поставленных священников», которые были «в канонической зависимости от местных епископов». Таким образом старообрядцы получили доступ в православную церковь и путь ко спасению. Послание заканчивалось молитвой за «раскольников», церковь была «готова принять их, как любящая, милующая и прощающая Матерь» [РГИА, ф. 796, оп. 181, д. 2610, л. 2–3].

В данном историческом нарративе старообрядцам отведена не пассивная роль, они показаны как активная сила, осознающая свои проблемы и решающая их обращением к церкви. Посыл современным единоверцам заключался в том, что единство в вере было не только инициативой церкви, принимавшей их, но и осознанием самими верующими необходимости единения. Их предки выступали идеалом, которому они должны были неукоснительно следовать. Послание поясняло практические условия функционирования единоверия, по которым предписывалось отправлять к старообрядцам священников, подчиненных местным епископам. Так Синод прочерчивал линию между тем, что могло и не могло быть дозволено внутри этого единения, подтверждая власть существующей епископской иерархии.

Однако более примечательно то, о чем послание умалчивает. Оно полностью скрывало трудности церкви, связанные с принятием единоверия. Исторический нарратив был оформлен таким образом, чтобы произвести впечатление полностью беспроблемного и функционального единения, в котором ни одна из сторон не страдала от

сомнений или сожаления. Были опущены термины «единоверие» и «единоверцы». Чтобы подчеркнуть единство, Синод использовал пространное выражение «чада православной греко-российской кафеолической и апостольской церкви, содержащие глаголемые старые обряды». Называя единоверцев паствой церкви, Синод усиливал трактовку единоверия как неотъемлемой части православного вероисповедания, отличающейся только старыми обрядами. Слово «единоверие» убиралось из лексикона, чтобы не раздражать тех, кто утверждал, что это название никогда не нравилось самим единоверцам и служило предметом насмешек [Скворцов, 1901, с. 15]. В то же время термин, выбранный Синодом, также служил посылом единоверцам о том, что становящееся популярным определение «православное старообрядчество» принято не будет. Фраза «глаголемые старые обряды» звучала оскорбительно для многих единоверцев, но Синоду приходилось ее использовать [Шлеев, 2004, с. 203–204]. Положение, что православная вера защищает святые традиции отцов церкви и вселенских соборов, не запятнанные временем и новшествами, было предметом гордости православных. Заявить, что обряды русского православия отличаются от обычая древней церкви, было равносильно отрицанию ее канонической легитимности. Обращаясь к формулировке, что обряды староверов были всего лишь «по видимости» старыми, послание Синода защищало и усиливало идеологическую основу церковной власти. Тем не менее слабые места концепции Синода были очевидны, и ими были готовы воспользоваться как те, кто противостоял синодальному определению истинного единения в вере, так и те, кто относился враждебно к православию вообще.

Столетие мнимого единства

В октябре 1900 г. по всей Российской империи праздновали столетний юбилей создания единоверия. Все церемонии использовали общие стратегии с целью донести послы о конфессиональном единстве: символическое использование пространства, божественная драма литургии, вручение подарков, приглашение важных персон (церковных и светских) и речи, пояснявшие закодированное содержание вышеописанных действий.

Празднования, состоявшиеся в Москве, представляют собой наиболее яркий пример визуального воплощения синодального послания. 27 октября в Троицкой единоверческой церкви митрополит Московский Владимир (Богоявленский) служил литургию совместно с единоверческим духовенством. Возносились молитвы о вечной памяти митрополита Платона и императора Павла. После богослужения главный единоверческий священник преподнес в дар митрополиту Владимиру икону Святой Троицы в серебряном окладе, в ответ он благословил единоверцев и выразил желание, что они помогут

привести старообрядцев в православную церковь [Скворцов, 1901, с. 19]. Этот дар – символическое изображение самой Троицкой церкви – означал каноническое подчинение митрополиту. В равной степени служение в единоверческом храме по старым обрядам второго по значению церковного иерарха⁵ было явным символом полного принятия дониконовского богослужения. Комментируя церемонию в Петербурге, единоверческий священник Ксенофонт Крючков отметил, что литургия, возглавляемая первым иерархом русской церкви, и присутствие на ней людей всех сословий доказывали настоящее единство, как религиозное, так и общественное, между единоверцами и официальным православием [Там же, с. 57].

После получения подарка митрополит Владимир отправился в церковную богадельню на трапезу, где на стенах обеденного зала висели три «чудесных» портрета императора Павла, митрополита Платона и основателя богадельни [Там же, с. 20–21]. Портреты, взиравшие на собравшихся гостей, были живописной демонстрацией гармонии между тремя покровителями единоверия: церковным деятелем, императором и московским единоверцем. Вместе они напоминали собравшимся о том, как в переговорах между церковью, правительством и обращенными старообрядцами в 1800 г. зародилось единоверие.

Таким образом, московские юбилейные торжества включали в себя главные принципы синодального послания. Они визуально напоминали публике об основании единоверия и подчеркивали, что православная церковь признавала старый обряд. Единоверцы совершили символический акт подчинения местному иерарху, в ответ Владимир подчеркнул миссионерское значение единоверия.

События, связанные со столетием единоверия, были направлены на включение единоверия в региональный, всероссийский и международный контексты. В Москве видимость интеграции единоверия на местном уровне была достигнута посредством приглашения впечатляющего количества городских знаменитостей. Присутствовали пять настоятелей православных городских монастырей, генерал-губернатор и его заместитель, глава московской полиции и прокурор Московской синодальной конторы. Профессор Субботин возглавлял делегацию братства Святого Петра Митрополита Московского [Скворцов, 1901, с. 19]. В Перми Федор Логиновских выступил с речью о развитии единоверия на Урале [Логиновских, с. 454]. В Казани прошел крестный ход от Никольской церкви, основанной в 1861 г., до церкви Четырех Евангелистов, основанной в 1798 г. [Шлеев, 1901, с. 8]. Крестный ход представлял собой символическое путешествие в прошлое, сопровождавшее единоверие от его наиболее современного проявления в городе к истокам. Торжества как бы соединяли единоверие с историей России. В Петербурге это было достигнуто через главную

---

⁵ Первой по значению была Санкт-Петербургская и Новгородская митрополичья кафедра.

церемонию, состоявшуюся в соборе Петропавловской крепости, в месте захоронения всех царей начиная с Петра I [Скворцов, 1901, с. 33]. Однако лучшая презентация единоверия во всероссийском масштабе была проведена в Москве. 22 октября делегация из пяти единоверческих священников служила панихиду (пение совершалось по-старому) по митрополиту Платону в православном Спасо-Вифанском монастыре в Сергиевом Посаде. После службы единоверцы подарили православным монахам несколько фотографий монастыря и портрет митрополита Платона. Затем они направились к мощам Сергия Радонежского, чтобы послушать акафист [Там же, с. 16–17]. Этот частный случай демонстрирует умелое использование пространства с целью создания картины единства православия и единоверия на протяжении XIX в. Спасо-Вифанский монастырь был выбран не случайно. У монастыря и единоверия был общий духовный отец – Платон (Левшин), основавший монастырь в 1783 г. [Смирнов, с. 3–5]. Поминальная служба и дарение портрета в богослужебной и художественной форме подкрепляли идею единства единоверческого духовенства и православного монашества под покровом иерарха. Не менее важным было и поклонение мощам преподобного Сергия, русского «национального» святого [Miller]. Служа акафист, единоверцы демонстрировали связь с историей православной церкви до раскола. Использование именно этого места соединяло исторические нарративы, касающиеся русской народности, дониконовского единства русской церкви и благодатной идеи основания единоверия.

Присутствовал в торжествах международный контекст единоверия. Профессор Субботин в своей московской речи напомнил присутствующим о церкви в Буковине (Австро-Венгерская империя). Братство учредило сбор денег на ее обновление, и Синод выделил 10 тыс. рублей [Скворцов, 1901, с. 24–25]. В пермской речи также упоминался единоверческий приход на озере Куш в Анатолии [Логиновских, с. 491; см.: Майоров, с. 67–78]. Эти церкви показывали успех единоверия за рубежом и в то же время предлагали решение «вселенской» проблемы единоверия. Проблема заключалась в том, что Платон и Синод должны были испрашивать разрешение у восточных патриархов на учреждение единоверия, поскольку старые обряды были, под «клятвами» (проклятиями), наложенными Вселенской церковью в 1666–1667 гг. Таким образом, это был вопрос об уровне власти автокефальной русской церкви: имела ли она право разрешать служение по старым обрядам без согласия со вселенскими патриархами?⁶ Тот факт, что буковинский и анатолийский храмы находились под юрис-

---

⁶ Значение этих вопросов подчеркивает тот факт, что тринадцать лет спустя была организована другая церемония демонстрации единства. Патриарх Антиохийский Григорий IV был приглашен для совершения литургии в петербургской Никольской церкви во время своего визита в Россию в 1913 г. Во время этой службы Григорий использовал дониконовское крестное знамение, демонстрируя таким образом, что восточные православные церкви не считают старые обряды подлежащими анафеме [Шлеев, 1913, с. 501–502].

дикцией патриарха Константинопольского, служил доказательством того, что единоверие воспринималось как полностью законное явление [Скворцов, 1901, с. 24]. Ни одна из этих церемоний не дала окончательного решения «вселенского» вопроса. В 1917 г. единоверцы все еще спорили, должны ли восточные патриархи формально снять «клятвы» XVII в. [Второй Всероссийский съезд, с. 32–34].

Церемонии также были направлены на оценку значения обрядовых различий между единоверцами и православными. Профессор Субботин утверждал, что обряд не может и не должен служить поводом к разделению между единоверием и официальным православием [Там же, с. 22]. Епископ Пермский Петр (Лосев) также указывал на маловажность обрядов, сравнивая их с одеждой: как люди меняют одежду в зависимости от времени года, так и обряды могут меняться по усмотрению церкви [Логиновских, с. 455]. Епископ подкрепил свои слова, совершив 5 ноября литургию, где архиерейский хор пел на правом клиросе, а единоверческие певцы – на левом. Это в определенной мере повторяло церемонию, состоявшуюся в самой первой единоверческой церкви в 1780 г. [Там же, с. 454]. Духовенство утверждало словами и действиями, что обряды не могут и не должны разделять российское православие.

Некоторые ораторы, выступавшие на торжествах, вопреки истории могли утверждать, что никаких проблем между единоверием и православием никогда не существовало. В своей речи в Москве В. К. Саблер, товарищ обер-прокурора Синода, говорил о епископальной поддержке единоверия, начиная с архиепископа Никифора (Фетоки) в конце XVIII в. и заканчивая архиерейским собором 1885 г. в Казани. Он представлял Филарета (Дроздова) и Аркадия (Федорова) как решительных сторонников единоверия. Далее Саблер утверждал, что, без сомнения, единоверие и православие составляют вместе одну и ту же церковь [Скворцов, 1901, с. 31]. Эффект, который должна была произвести речь, заключался в том, чтобы создать образ бесспорного и неизменного союза. Этот образ игнорировал предшествовавшие сложности и тот факт, что иерархи, как, например, Филарет (Дроздов), часто имели достаточно сложные отношения с единоверием [см.: Беликов]. Скрытый смысл заключался в том, что единоверие не нуждается в собственных иерархах, поскольку православные архиереи показали свою значительную заботу и внимание.

Можно сравнить эту официально-православную концепцию с речью, произнесенной единоверцем Симеоном Шлеевым в Казани⁷. Шлеев начинает с определения: «единоверие есть отдел старообрядства, допущенный на основании единства в вере в общение с Российской Церковью. Иначе сказать, единоверие есть примиренное с Русской и Вселенской Церковью старообрядчество» [Шлеев, 1901,

---

⁷ Шлеев был священником в Казани с 1900 по 1905 г. В феврале 1905 г. он был переведен в петербургский Никольский приход.

с. 17]. В этой формулировке защищался священный союз с православной церковью, но также делался особый упор на старообрядческий компонент единоверческой идентичности, что было контрастно синодальному посланию.

Продолжая, Шлеев спорил с теми, кто утверждал, что старые обряды не были в полной мере совершенными, и ставил вопрос об епископе: «если единоверцы составляют Церковь, то какого времени последняя лишилась своего епископства? Церковь без епископа ведь не бывает. Об этом все Писание говорит. Что за катастрофа разрушила единоверческую Церковь, раздробив ее на единичные, изолированные друг от друга приходы, подчиненные поодиночке епископу другой Церкви? Не есть ли это настоящий Израиль в распятии⁸?» [Шлеев, 1901, с. 21]. Те, кто придерживался схожих со Шлеевым взглядов, должны были склоняться к ответу «да». То, что единоверие – новый «Израиль в рассеянии», означало, что современная Русская православная церковь близка к библейскому Вавилону. Следовательно, Шлеев оспаривал власть православной иерархии над единоверием, наводя на мысль, что такой контроль не имеет законных канонических оснований.

Слова Шлеева составляли альтернативный нарратив, который серьезно отличался от миротворческого послания Синода. Он упоминал о многих разногласиях и подчеркивал исконную связь единоверия со старообрядцами. Постановка вопроса об этих вызывающих разногласия периодах истории единоверия, без сомнения, настораживала по меньшей мере часть казанской публики, поскольку наводила на мысли о неубедительности символизма юбилейных церемоний.

Так, посредством юбилейных торжеств 1900 г. была сделана попытка воплотить слова синодального послания, связать единоверие с различными географическими контекстами и ответить на критику и недовольство по поводу единения в вере. Эти торжества служили также защите прав церкви как автокефальной организации. Правда, выступление Симеона Шлеева демонстрировало тревожную тенденцию использования церемоний единства для запуска контрнарратива об истории единоверия и оспаривания власти церковной иерархии. Особо отчетливое выражение это стало иметь после получения им всероссийской известности в 1905 г.

Канонизация Анны Кашинской и Иоанна Кронштадтского: политический контекст

Повторная канонизация Анны Кашинской в 1909 г. предоставила еще одну возможность для демонстрации единения через церемонию. Анна была святой, почитаемой единоверцами и старооб-

---

⁸ По моему мнению, в цитируемом источнике опечатка и следует читать: «Израиль в рассеянии». – *Прим. перев.*

Празднование канонизации Анны Кашинской. Фотография, 1909 г.

рядцами, поскольку считалось, что после смерти пальцы на ее руке чудесным образом были сложены в виде двоеперстия. Двоеперстие – одна из главных обрядовых особенностей, подвергнутая анафеме во время никоновских богослужебных реформ. По этой причине православная церковь перестала почитать Анну в качестве святой с 1678 г. [см.: Greene, p. 76–88]. 13 июня в Кашине, на следующий день после церемонии канонизации, была проведена особая единоверческая служба. Епископ Саратовский Гермоген (Долганёв) служил литургию в соответствии со старыми обрядами. Когда мощи Анны были привезены для поклонения в Петербург в 1910 г., большое число местных единоверцев посетили православную литургию, отслуженную в честь святой. Шлеев представлял этот акт как шаг, ведущий к тому, чтобы «совсем уничтожились бы взаимные недоразумение и недоверие» [Шлеев, 2004, с. 458].

В то же время он использовал это событие, чтобы критиковать правила Платона, особенно те, которые делали затруднительным проведение совместных церемоний в прошлом [Там же, с. 456]. Вновь Шлеев интерпретировал церемонию так, чтобы указать на сложность взаимоотношений православных и единоверцев и на то, что управление единоверием только иерархами официального православия заслуживает порицания. В сочинениях Шлеева постоянно возникает мысль о том, что ответственность за все несчастья единоверия лежит исключительно на правилах Платона. В другом месте он утверждал,

что «часто ненормальные отношения между единоверцами и православными вытекают не из сущности единоверия и православия, а от тех условий, в какие поставили себя единоверцы сто лет назад» [Шлеев, 1901, с. 16–17]. Учитывая, что юбилейные торжества были направлены на усиление почитания Платона, нападки Шлеева на соглашение 1800 г. вносили непозволительно негативный тон в контекст празднования.

Шлеев не единственный был способен использовать подобным образом церемонию в своих целях. 5 февраля 1909 г. делегация петербургских единоверцев отправилась помолиться на могиле Иоанна Кронштадтского. Викарный епископ Гдовский Кирилл (Смирнов) служил литургию по старым обрядам, чтобы отметить это событие. Целью церемонии было объединение единоверцев с самым знаменитым православным священником России. Однако старообрядческий исследователь Ф. Е. Мельников, писавший под псевдонимом Шалаев, утверждал, что церемония была чем угодно, но не символом единения. Он не мог понять, почему единоверцы пришли воздать славу покойному проповеднику, если Иоанн, по его словам, при жизни ненавидел старые обряды. Мельников также отмечал, что недавно канонизированный Серафим Саровский также порицал дониконовское богослужение [Шалаев, 1909, с. 288]. По его мнению, посещение могилы Иоанна имело смысл, только если оно олицетворяло победу старообрядчества над официальным православием [Там же, с. 289]. В связи с этим Мельников интерпретировал церемонию в качестве акта сопротивления единоверцев церкви, который показывал, что единоверцы были все еще староверами, а не официально-православными. Мельников уверял, что до реабилитации старых обрядов еще далеко.

Всероссийские съезды единоверцев

В воскресенье 22 января 1912 г. в Санкт-Петербурге открылся первый Всероссийский съезд единоверцев. Состав гостей был впечатляющим: 21 иерарх Русской православной церкви, обер-прокурор Синода В. К. Саблер, духовник царя, представитель Константинопольского патриарха, все синодальные чиновники высшего ранга и представители Государственной думы. Двести пятьдесят делегатов с правом голоса прибыли со всех уголков Российской империи. Присутствовала также делегация староверов. Уже сам список гостей должен был донести ряд сообщений. Присутствие представителя патриарха Константинопольского было призвано ответить на сложный вопрос признания единоверия вселенским православием; государственные деятели были необходимы для демонстрации связи между церковью и государством; старообрядцы служили напоминанием о продолжавшейся миссии единоверия по обращению «раскольников» [Скворцов, 1912, с. 4–5].

Церемонии начались с божественной литургии, совершенной в Никольской церкви архиепископом Волынским и Житомирским Антонием (Храповицким). После службы состоялся торжественный крестный ход от церкви до резиденции обер-прокурора Синода на Литейном проспекте. Крестный ход физически соединял единоверие с синодальным порядком. Единоверцы прошли от места своего моления через столицу империи к дому главного представителя государства внутри православной церкви. Это важная церемония своей пышностью и размахом дала материал для критики синодального православия единоверческому «сепаратизму».

Владимир (Богоявленский) (в то время митрополит Московский) и председатель съезда Антоний (Храповицкий) произнесли приветственные речи, затем выступил В. К. Саблер. Для него сам факт существования единоверия более ста лет был доказательством того, что церковь «смотрела на единоверие не как на переход от несовершенного и ложного к лучшему и истинному» [Скворцов, 1912, с. 7]. Так он оспаривал тех, кто утверждал, что единоверие – лишь «ступень к православию». После еще нескольких выступлений наиболее высокопоставленных гостей участники съезда пропели национальный гимн и разошлись для подготовки к предстоящим рабочим дням.

Журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» описывая съезд, делал акцент на разнообразии его делегатов:

Рядом с простыми людьми, приехавшими из далеких окраин России, мы видим людей с высшим образованием не только в области богословской и церковно-канонической, но и в других отраслях человеческого знания, встречаем людей разного социального положения. Тут профессора канонического права, церковной иконографии и даже физиологии (князь Ухтомский...⁹), кандидаты богословия, инженеры и обыкновенные представители нашего, еще преданного заветам старины народа [Первый Всероссийский съезд, с. 162].

В понимании журналиста съезд объединил всех русских людей, стирая классовые, социальные, образовательные различия. Другая статья развивала эту идею: «вера есть, прежде всего, народное *единодушие*, единая и нераздельная душа племени, та возвышенная связь, что соединяет вместе прошлые поколения с живущими и со всем потомством» [Там же, с. 158]. Единство, показанное таким образом, соединяло прошлое, настоящее и будущее в одну всероссийскую общность. Единение в вере не только становилось примирением со староверами, но также представляло сплоченность русского общества под эгидой православия и церкви.

По завершении работы съезда 31 января к Николаю II и царевичу Алексею была отправлена делегация. Во время аудиенции, продол-

---

⁹ Князь Алексей Ухтомский – известный физиолог, церковный староста петербургского Никольского единоверческого прихода.

жавшейся 35 минут, Антоний (Храповицкий) подарил царю икону св. Анны Кашинской, а Шлеев – два старообрядческих подручника [Первый Всероссийский съезд, с. 370]. Встреча объединила императора, православного архиерея и наиболее знаменитых единоверцев империи в символическом законодательном утверждении заново правил митрополита Платона. Это событие подчеркивало роль церкви, государства и раскаявшихся старообрядцев в совместно создаваемом движении. Подарки демонстрировали, что правитель и его наследник признавали историческую истинность богослужебных предметов, использовавшихся в дониконовское время.

Съезд 1912 г. был самой великой и роскошной церемонией единства из когда-либо состоявшихся. Впервые российские люди, не участвовавшие в этом действе, могли видеть визуальное изображение церемонии – на съезде присутствовало множество фотографов.

Съезды открывали возможности для процесса символической интеграции единоверия в православие, предоставляя иерархам шанс показать, как они заботятся о единоверцах и их проблемах. Поступая таким образом, они не только утверждали свое право прямого контроля над единоверцами, но и скрыто отрицали возможность поставления самостоятельных единоверческих епископов.

Съезды могли продвигать и другие идеи. Питирим (Окнов) использовал церемонию закрытия Курского съезда, чтобы присоединить старообрядческого наставника и его жену к единоверию, первое их причастие в качестве чад православной церкви прошло по старому обряду [Рябухин, 1907, с. 13]. Это было представление курского единоверия, одержавшего победу над местным старообрядчеством, при этом бросалась в глаза и провокационная сцена миссионерской силы. В Вятке собравшиеся единоверческие и православные делегаты перед тем, как совместно прошествовать в перестроенную городскую единоверческую церковь на божественную литургию, посетили кафедральный собор, чтобы поклониться мощам Трифона Вятского, местного святого, жившего в конце XVI в. Это действие утверждало участие единоверцев в религиозной истории Вятки и давало отсылку к дониконовским временам.

Главная забота съездов состояла не в организации церемоний открытия и закрытия, которые могли быть полностью расписаны, а в дискуссиях, протекавших там. Эти дебаты нельзя было запланировать заранее. В конечном счете проблема заключалась в том, что участники вкладывали в работу съездов абсолютно разные смыслы. Для Шлеева и его сторонников они были платформой кампании единоверческого «сепаратизма». Для Синода и православных миссионеров съезды предоставляли возможности дальнейшей конфессиональной интеграции посредством церемонии. Следовательно, трения были неминуемы и вели к открытым конфликтам между двумя группами. Церковь была обеспокоена этой проблемой и пыталась найти какое-то решение. В 1910 г. митрополит Владимир (Богоявленский) просто

запретил Московскому единоверческому съезду обсуждать спорные вопросы (например, о единоверческих епископах) [Труды, с. 6].

Проблема сравнения древности (а значит, и истинности) обрядов вызвала один из самых горячих споров. В послании 1900 г. Синод использовал термин «глаголемые старые обряды», подразумевая, что дониконовские обряды были не такими древними, как пореформенные. Это заявление было жизненно важным ввиду вопроса о канонической легитимности и, следовательно, власти Синода. Споры по этой проблеме периодически вспыхивали вновь и вновь, становясь причиной непристойных сцен на съездах. На Вятском съезде единоверцы настаивали на именовании элементов официально-православной богослужебной практики «новинами». Церковные делегаты восприняли это как оскорбление, направленное против древности их обрядов. Споры продолжались целых две сессии, после чего было решено отложить этот вопрос и не включать его в будущую резолюцию [Вятский единоверческий съезд, с. 1090–1091]. Съезд 1912 г., столкнувшись с теми же трудностями, оказался еще более беспокойным. Шлеев вынес на обсуждение предложение по переименованию единоверия в «православное старообрядчество», подразумевая таким образом, что обряды единоверцев древнее обрядов православных. В ответ миссионер Акципетров оскорбил его, назвав «хамелеоном», и обвинил в преследовании тайных целей. Единоверцы, возмущенные такими оскорблениями, подняли шум, что нашло отражение в материалах съезда [Скворцов, 1912, с. 21]. Услышав термин «новообрядцы» в отношении православных, лидер миссионеров Василий Скворцов прокомментировал, что только «явные раскольники» могут посметь оскорблять церковь таким «клеветническим» именем [Там же, с. 26].

Само существование этого спора противоречило утверждению, что обряд не имел значения, когда дело касалось церковного единства, и, следовательно, показывало, что богослужебные различия всегда будут камнем преткновения для конфессиональной интеграции. Древность обрядов являлась вопросом теологической законности для выразителей мнения церкви, тогда как для единоверческих «сепаратистов» вера в то, что их обряды древнее православных, была необходима для заявления о большей аутентичности единоверия, его национальном характере, заслуживающем защиты. Такая публичная демонстрация разногласий сделала явным это непреодолимое препятствие. Это проявилось даже в названиях главных текстовых презентаций съезда 1912 г.: Шлеев озаглавил свое издание «Первый Всероссийский съезд православных старообрядцев», а Скворцов назвал свою книгу «Первый Всероссийский единоверческий съезд».

Светские и старообрядческие газеты также преуспели в использовании церемоний для демонстрации собственных интерпретаций единоверия. «Русское слово» воспользовалось созывом Московского съезда 1910 г., чтобы спросить, почему единоверцам до сих пор не

разрешили провести всероссийский съезд. По мнению автора газетной статьи, Синод говорил единоверцам: «вы чужие, мы никогда не признаем вас в качестве истинных православных. Вы практически те же старообрядцы», поэтому вполне естественно, что единоверцы отказываются солидаризироваться с православными и продолжают определять себя как старообрядцы [Труды, с. 83]. Журналист заявлял, что Синод абсолютно не заинтересован в достижении единства между православными и единоверцами. Его статья противостояла не только тому, что церковь стремилась выразить, она содержала в себе прямую критику синодальной власти.

Другие авторы решили использовать аналогичные возможности для того, чтобы предложить более позитивный взгляд на старообрядчество. В 1912 г. корреспондент «Нового времени» заявил: «честь и слава старообрядцам: они отстаивали то, что должен был отстаивать весь народ: свободу веры» [Первый Всероссийский съезд, с. 157]. В своем восхвалении старообрядцев он пошел еще дальше: «я думаю, они национальным чувством глубже понимали существо веры, чем (цари. – Дж. У.) Алексей и Петр». Автор заметки в «Санкт-Петербургских ведомостях» вторил этому мнению, когда критиковал миссионеров за то, что они считали, что «старообрядчество не есть нечто самостоятельное, ценное для нас, русских, как своеобразный продукт творчества родной нам национальной души в области обрядовой, церковной-богослужebной и бытовой» [Там же, с. 164].

Эти публикации являли полную противоположность позиции Синода, подразумевая, что староверие было более православным и русским, чем сама церковь, и бросая таким образом вызов «православным церковным патриотам, заявлявшим, что официальная вера представляла собой национальную веру» [Strickland, p. 24]. Журналисты использовали церемонии для сопоставления национально аутентичного старообрядчества синодальному режиму, который, по их мнению, был вестернизированным, бюрократическим, отдаленным от народа и слишком тесно связанным с государством. Другими словами, светские писатели использовали церемонии для утверждения, что старообрядчество является лучшим религиозным выражением русскости. Это приводило к критике церкви за недостаточно национальный характер.

Старообрядческая пресса сама по себе была способна играть на многих страхах, присущих единоверцам. Например, некий полемист утверждал, что, судя по результатам съезда 1910 г., единоверие смешивалось с православием, утрачивая таким образом свои дониконовские обряды и структуры приходской общины [Среди единоверцев, с. 90]. В основном старообрядцы заявляли, что церемонии, демонстрирующие единение, были бессмысленными. Осуждая съезд 1912 г., журнал «Церковь» утверждал, что многочисленные официальные заверения о единстве официального православия и единоверия были лишь пустой политической стратегией, направленной на удержание

верующих в подчинении правительствующего Синода [Н., с. 90]. В качестве реакции на Вятский съезд один старообрядец писал, что единоверие не более чем узник синодального режима, противостоящего христианской свободе [О., с. 821]. Нет ничего удивительного в том, что автор полагал, что единственный путь к освобождению единоверцев – это присоединение к Белокриницкой иерархии. Таким образом, старообрядческие журналы использовали церемонии единства, чтобы предложить альтернативную интерпретацию отношений единоверия и православия, а также чтобы вести проповедь. Вовлечение старообрядцев в церемонии приводило к разрушительным результатам, проявившимся в ряде ситуаций на съезде 1912 г. Внешне участие старообрядцев подразумевало сохранение надежды, что единоверие сможет завершить свою миссию преодоления раскола. Как замечал Антоний (Храповицкий), съезд имел историческое значение, поскольку давал старообрядцам возможность спокойно обсудить ключевые вопросы со своими православными оппонентами [Скворцов, 1912, с. 38]. Однако старообрядцы выступали в согласии с планами Шлеева, и миссионеры заявили, что тот склонен скорее принять сторону «раскольников», чем церкви. Эти выпады ухудшили и без того язвительную атмосферу. Разногласия позволили старообрядческой прессе высмеивать «хулиганство миссионеров» и скандально объявить, что миссионер Гринякин был пьян [Шалаев, 1912b, с. 140].

Суть дела состояла в различии ценностных установок участников съезда. Без сомнения, Синод полагал, что присутствие старообрядцев должно продемонстрировать притягательность единоверия для «раскольников». Шлеев тем временем использовал старообрядцев, чтобы начать свою собственную реформаторскую кампанию. Это вызвало гнев миссионеров, привело к публичной демонстрации конфессиональных разногласий, что и было умело использовано старообрядцами.

Наконец, писатели, неподконтрольные Синоду, пропускали церемонии через призму своих идеологических и религиозных взглядов и представляли их в таком свете, вместо укрепления авторитета официального православия оспаривалась власть и легитимность Синода. Последнему приписывалось выступление против свободы вероисповедания, что противоречило русскому национальному характеру. Тем временем единоверческие «сепаратисты» (такие, как Шлеев) использовали съезды для распространения своих идей и начали открытую дискуссию с православными миссионерами, что сделало невозможным успешное проведение церемоний.

Выводы

С 1900 г. Синод пытался распространять идею единения между церковью и единоверцами для более плотной интеграции последних в официальное православие. Эту попытку следует признать абсолют-

но неудачной, поскольку старообрядцы, светские писатели и единоверческие «сепаратисты» многократно и публично подрывали посыл, который несли церемонии, и использовали их в своих целях. Когда единоверцы проводили церемонию открытия своего Второго съезда в Нижнем Новгороде (июль 1917 г.), они однозначно определяли единоверие как «православное старообрядчество» [Второй Всероссийский съезд, с. 20, 60–78]. Схемы сторонников Шлеева были в какой-то мере раскритикованы лишь на Поместном церковном соборе 1917–1918 гг. [White, p. 293–318].

Попытка достичь единства веры через церемонии в 1900–1913 гг. представляет интересный пример того, как церемониям и общественным ритуалам, предназначенным для усиления единства общества, укрепления идеологической и иерархической власти, сопротивлялись, бросали вызов, противостояли и как использовали эти церемонии в собственных целях менее могущественные партии. Единоверческие епископы, «клятвы» (проклятия), разрешение Вселенской церкви и даже само название единоверия были, в сущности, связаны с властью и законностью русского православия.

Единоверие и его старообрядческая по происхождению часть также ставили вопросы, был ли синодальный порядок легитимным и отвечающим русскому национальному характеру. Что было «по-настоящему» русским: петровский Святейший синод или те, кто связывал себя с незапятнанным наследием XVII в.? После 1905 г. синодальная власть и легитимность находились под устойчивым и даже усиливавшимся внутренним и внешним давлением. Подъем русского национализма, нарастающий религиозный плюрализм, недовольство по поводу слишком сильной связи между церковью и государством, а также единоверческий «сепаратизм» представляли собой серьезную угрозу.

Церемонии сами по себе не могли снять эти угрозы и приводили к абсолютно непредсказуемым результатам, становясь сценами, на которых Синод и его понимание единоверия могли оспариваться у всех на виду.

Список литературы

Беликов В. Деятельность Московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895.

Второй Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) в Н. Новгороде 23–28 июля 1917 года. Петроград, 1917.

Вятский единоверческий съезд (10–17 июня 1908 г.) и его постановления // Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 42. С. 1089–1097.

И. А. Обзорение Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1867. № 18. С. 543–570.

Исповедь старообрядца Рогожского кладбища // Московские епархиальные ведомости. 1870. № 1. С. 2–4.

Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России. От зарождения идеи до начала XX века. СПб., 2011.

Кем и как положено начало единоверию в Русской церкви // Братское слово. 1892. № 2. С. 108–138.

- Кравецкий А.* К истории снятия клятв на дониконовские обряды // Богословские труды. 2004. № 39. С. 296–344.
- Логоновских Ф.* Столетие единоверия в г. Перми // Пермские епархиальные ведомости. 1900. № 23. С. 453–457.
- Майоров Р. А. Единоверие и лидер его соединенческого направления второй половины XIX века священник Иоанн Верховский : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Н.* О смысле единоверия (по поводу единоверческого съезда) // Церковь. 1912. № 4. С. 90–92.
- Никольский А.* Шестидесятилетие (1843–1903) Покровской единоверческой церкви в Холмско-Варшавской епархии. Варшава, 1904.
- Никольский С.* Единоверие – ступень к православию. Ставрополь, 1900.
- Палкин А. С.* Единоверие в конце 1820-х – 1850-е гг.: механизмы государственного принуждения и противостояние староверов // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 86–106.
- Первый Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев). СПб., 1912.
- О.* Движение среди единоверцев (к Вятскому съезду) // Церковь. 1908. № 23. С. 821–822.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 796.
- Рябухин И.* Православно-старообрядческий (единоверческий) съезд в г. Курске // Правда православия. 1907. № 1. С. 10–14.
- Скворцов В. М.* Первый Всероссийский единоверческий съезд. СПб., 1912.
- Скворцов В. М.* Юбилейное торжество православного старообрядчества (единоверия) (27 октября 1900). СПб., 1901.
- Смирнов С. К.* Спасо-Вифанский монастырь. М., 1869.
- Среди единоверцев // Церковь. 1910. № 6. С. 181–182.
- Субботин Н. И.* О единоверии (по поводу его столетнего юбилея). М., 1901а.
- Субботин Н. И.* Первые двенадцать лет служения церкви борьбой с расколом. М., 1901б.
- Труды Московского единоверческого съезда. М., 1910.
- Шалаев.* Единоверцы и новые святые // Церковь. 1909. № 8. С. 288–289.
- Шалаев.* Результаты единоверческого съезда // Церковь. 1912b. № 6. С. 140–141.
- Шлеев С.* Единоверие в своем внутреннем развитии. М., 2004.
- Шлеев С.* Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской церкви. СПб., 1901.
- Шлеев С.* Служение Антиохийского патриарха Григория IV-го в единоверческой, что на Николаевской ул. г. Спб., церкви и значение его // Прибавления к церковным ведомостям. 1913. № 11. С. 501–502.
- Юновидов В. Краткий очерк состояния раскола и единоверия в Алтайской, Ануйской, Алеской, Шиманаевской, Владимирской и Бобровской волостях Бийского округа // Томские епархиальные ведомости. 1887. № 1. С. 1–15; № 3. С. 1–11.
- Bell C.* Ritual Theory, Ritual Practice. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1992.
- Bloch M.* The Ritual of the Royal Bath in Madagascar // Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies / ed. by D. Cannadine, S. Price. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 271–297.
- Freeze G. L.* Parish Clergy in 19th Century Russia. Princeton : Princeton University Press, 1983.
- Freeze G. L.* Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. P. 308–350.
- Greene R. H.* Bodies Like Bright Stars : Saints and Relics in Orthodox Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2010.
- Karant-Nunn S.* The Reformation of Ritual : An Interpretation of Early Modern Germany. London ; New York : Routledge, 1997.
- Müller D. B.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2010.
- Strickland J.* The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. New York : Holy Trinity Publications, 2013.
- White J. M.* A Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918 : PhD dissertation. European University Institute, 2014.
- Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy : in 2 vols. Princeton : Princeton University Press, 1995.

References

- Belikov, V. (1895). *Deyatel'nost' Moskovskogo mitropolita Filareta po otnosheniyu k raskolu* [The Activity of Metropolitan Philaret in Relation to the Schism]. Kazan.
- Bell, C. (1992). *Ritual Theory, Ritual Practice*. New York & Oxford, Oxford University Press.
- Bloch, M. (1987). The Ritual of the Royal Bath in Madagascar. In D. Cannadine & S. Price (Eds.). *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies* (pp. 271–297). Cambridge, Cambridge University Press.
- Freeze, G. L. (1983). *Parish Clergy in 19th Century Russia*. Princeton, Princeton University Press.
- Freeze, G. L. (1996). Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia, *Journal of Modern History*, 68, pp. 308–350.
- Greene, R. H. (2010). *Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- I. A. (1867). Obozrenie Vyatskoy eparhii [The Review of Vyatsk Diocese], *Vyatskie eparhial'ny'e ведомosti*, 18, pp. 543–570.
- Yunovidov, V. (1887). Kratkij ocherk sostoyaniya raskola i edinoveriya v Altajskoj, Anujskoj, Aleskoj, Shimanaevskoj, Vladimirskoj i Bobrovskoj volostiah Bijskogo okruga [An Overview of the Schism and Common Faith in Altay, Anuysk, Alesk, Shanamayevsk, Vladimir and Bobrovsk Volosts of Biysk District], *Tomskie eparhial'nye ведомosti*, 1, pp. 1–15; 3, pp. 1–11.
- Karant-Nunn, S. (1997). *The Reformation of Ritual: An Interpretation of Early Modern Germany*. London & New York, Routledge.
- Kaurkin, R. V. & Pavolva, O. A. (2011). *Edinoverie v Rossii. Ot zarozhdeniia idei do nachala XX veka* [Common Faith in Russia. From the Emergence of the Idea to the Early 20th Century]. Saint Petersburg.
- Kem i kak polozheno nachalo edinoveriyu v Russkoj cerkvi [Who and How Introduced Common Faith in the Russian Church] (1891), *Bratskoe slovo*, 2, pp. 108–138.
- Kravecckij, A. (2004). K istorii snyatiya klyatv na donikonovskie obryady' [On the History of Oath Nullification on Rites before Nikon], *Bogoslovskie trudy'*, 39, pp. 296–344.
- Loginovskih, F. (1900). Stoletie edinoveriya v g. Permi [The Centenary of Common Faith in the City of Perm'], *Permskie eparhial'ny'e ведомosti*, 23, pp. 453–457.
- Majorov, R. A. (2008). *Edinoverie i lider ego soedinencheskogo napravleniya vtoroj poloviny' veka svyashhennik Ioann Verhovskij* [Common Faith and the Leader of Its Unifying Branch of the 2nd Half of the 19th Century Priest John Verkhovsky]. (PhD thesis). Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvenny'j universitet.
- Miller, D. B. (2010). *Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity*. DeKalb, Northern Illinois University Press.
- N. (1912). O smy'sle edinoveriya (po povodu edinovercheskogo s''ezda) [On the Meaning of Common Faith (On the Yedinovertsy Congress)], *Cerkov'*, 4, pp. 90–92.
- Nicol'skij, S. (1900). *Edinoverie, stupen' k pravoslaviyu* [Common Faith – A Step to Orthodox Christianity]. Stavropol.
- Nicol'skij, A. (1904). *Shestidesyatiletie (1843–1903) Pokrovskoj edinovercheskoj cerkvi v Holmsko-Varshavskoj eparhii* [60th Anniversary (1843–1903) of Pokrovsky Common Faith Church in Kholmok-Warsaw Diocese]. Warsaw.
- O. (1908). Dvizhenie sredi edinovercev (k Vyatskomu s''ezdu) [A Movement among Common Believers (on the Vyatsk Congress)], *Cerkov'*, 23, pp. 821–822.
- Palkin, A. *Edinoverie v konce 1820-h – 1850-e gg.: mehanizmy' gosudarstvennogo prinuzhdeniya i protivostoyanie staroverov* [Common faith in the late 1820s–1850s: mechanisms of state oppression and Old Believers' opposition], *Quaestio Rossica*, 2014, no. 3, pp. 86–106.
- Pervyj Vserossiiskij s''ezd pravoslavny'h staroobriadcev (edinovercev)* [1st All-Russian Congress of Orthodox Christian Old Believers (Yedinovertsy)] (1912). Saint Petersburg.
- Rossiiskij Gosudarstvenny'j Istoricheskij Arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 796.
- Ryabuhin, I. (1907). Pravoslavno-staroobryadcheskij (edinovercheskij) s''ezd v g. Kurske [Orthodox Christian Old Believer (Yedinovertsy) Congress in the City of Kursk], *Pravda pravoslaviya*, 1, pp. 10–14.

- Shalaev. (1909). Edinovercy' i novy'e sviaty'e [Yedinovertsy and New Saints], *Cerkov'*, 8, pp. 288–289.
- Shalaev. (1912b). Resul'taty' edinovercheskogo s''ezda [Results of the Common Faith Congress], *Cerkov'*, 6, pp. 140–141.
- Shleev, S. (1901). *Edinoverie i ego stoletnee organizovannoe sushhestvovanie v Russkoy cerkvi* [Common Faith and Its 100-Year Organized Existence in the Russian Church]. Saint Petersburg.
- Shleev, S. (1913). Sluzhenie Antiokhijskogo patriarha Grigoriya IV-go v edinovercheskoy, chto na nikolaevskoy ul. g. Spb., cervki i znachenie ego [The Service of Gregory IV, Patriarch of Antioch in the Common Faith Church in Nikolayevskaya Str., Saint Petersburg, and His Role], *Pripravleniya k cerkovny'm vedomostyam*, 11, pp. 501–502.
- Shleev, S. (2004). *Edinoverie v svoem vnutrennem razvitii* [Common Faith in Its Inner Development]. Moscow.
- Skvorczov, V. M. (1901). *Yubilejnoe torzhestvo pravoslavnogo staroobriadchestva (edinoveriya) (27 oktyabrya 1900)* [Anniversary Celebration of Orthodox Christian Old Believers (Common Faith) (27 October, 1900)]. Saint Petersburg.
- Skvorczov, V. M. (1912). *Pervyj Vserossijskij edinovercheskij s''ezd* [1st All-Russian Yedinovertsy Congress]. Saint Petersburg.
- Smirnov, S. K. (1869). *Spaso-Vifanskij monasty'r'* [Spaso-Vifansky Monastery]. Moscow.
- Sredi edinovercev [Among Yedinovertsy] (1910), *Cerkov'*, 6, pp. 181–182.
- Strickland, J. (2013). *The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution*. New York, Holy Trinity Publications.
- Subbotin, N. I. (1901a). *O edinoverii (po povodu ego stoletnego yubileya)* [On Common Faith (for Its Centenary)]. Moscow.
- Subbotin, N. I. (1901b). *Pervye dvenadcat' let sluzheniya cerkvi bor'boj s raskolom* [The First Twelve Years of Serving the Church by Fighting the Schism]. Moscow.
- Trudy' Moskovskogo edinovercheskogo s''ezda* [Works of the Moscow Common Faith Congress] (1910). Moscow.
- V. (1870). Ispoved' staroobryadca Rogozhskogo kladbishha [A Confession of an Old Believer of the Rogozhskoye Cemetery], *Moskovskie eparhial'ny'e vedomosti*, 1, pp. 2–4.
- Vtoroj Vserossijskij s''ezd pravoslavny'h staroobriadcev (edinovercev) v N. Novgorode 23–28 iyulya 1917 goda* [2nd All-Russian Congress of Orthodox Christian Old Believers (Yedinovertsy) in N. Novgorod (23–28 July, 1917)] (1917). Petrograd.
- Vyatskij edinovercheskij s''ezd (10–17 iyunya 1908 g.) i ego postanovleniya [Vyatsky Congress of Yedinovertsy (10–17 July, 1908) and Its Resolutions] (1908), *Vyatskie eparhial'ny'e vedomosti*, 42, pp. 1089–1097.
- White, J. M. (2014) *A Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918*. PhD dissertation, European University Institute.
- Wortman, R. (1995). *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy* (in 2 vols.). Princeton, Princeton University Press.

Translated by Alexander Palkin

The article was submitted on 23.04.2015

Джеймс М. Уайт, Dr.,
независимый исследователь
james.white@eui.eu

James M. White, Dr.,
Independent scholar
james.white@eui.eu

DOI 10.15826/qr.2015.2.105

УДК 256+2-172.2+2-136.7

Такако Ямада

**«ИСТОЧНИК ДОБРЫХ СИЛ НАХОДИТСЯ НА ВОСТОКЕ...»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ШАМАНОВ СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТИИ
(САХА) О ВСЕЛЕННОЙ, БОЖЕСТВАХ И ДУХАХ**

Takako Yamada

**“THE SOURCE OF GOOD FORCES IS LOCATED
IN THE EAST...”: YAKUT (SAKHA) SHAMANS’ CONCEPTS
ABOUT THE UNIVERSE AND SPIRITUAL BEINGS**

This paper deals with the concept of the universe and belief in spiritual beings among contemporary Sakha (Yakut) shamans. It is based on field data collected in 1994 among several shamans of the Sakha Republic (Yakutia). Since Soviet atheistic policy prohibited shamanic traditions, the idea of the universe and spiritual beings varies depending on the shaman’s own interpretations based on his or her own supernatural experiences. The paper argues that the concepts of spiritual beings reintegrated into a new worldview, and that animistic beliefs can be formed by an interpretation of individual experiences. This also suggests that the belief in spiritual beings is closely related to a shaman’s tradition and influences its forms.

Keywords: Yakut religious traditions, shamanism, Yakut cosmogony, shamanic rituals, animism.

В работе рассматриваются представления современных якутских шаманов о вселенной и духах, главным образом по материалам полевых исследований в Республике Саха (Якутия) в 1994 г. Основной метод исследования – сбор интервью среди носителей шаманской традиции. Так как шаманские ритуалы долгое время были запрещены в СССР, произошло частичное разрушение целостной концепции мироустройства. Представления о вселенной и духах у каждого отдельного шамана отличны от других и основываются на личном сверхъестественном опыте. На основе проведенных исследований сделан вывод о том, что анимистические представления могут быть сформированы исходя из индивидуального опыта и миропонимания отдельного человека, а вера в духов тесно связанная с шаманской традицией, влияет на формы ее воплощения.

Ключевые слова: религиозные традиции якутов, шаманизм, якутская космогония, шаманские ритуалы, анимизм.

Prologue

It was from July to August 1994 that I first visited the Republic of Sakha (Yakutia). Before that time, I never imagined I would be in Siberia as an anthropologist, since Siberia was an area so distant for us Japanese anthropologists due to the communist regime of the Soviet Russia. However, in 1994 I had a good opportunity to make a field trip to Yakutia. It was due to an encounter with Sakha ethnologists at the International Conferences on Shamanism, in Seoul in 1991 and again in Budapest in 1993, where they invited me to visit Yakutia.

I had been interested in shamanism as a field of anthropology since my several field trip to Ladakh in Western Tibet, India in the 1980's. The Ladakhi had maintained their own culture and a worldview which included shamanic tradition, even though their way of life was changing little by little in face of contemporary circumstances. In contrast with the Ladakhi, the Sakha were compelled under the anti-religious policy of the Soviet Russia to give up their religious tradition. Had they completely abandoned their own traditional culture? Sakha ethnologist whom I met during the conferences vividly reported the revival of shamanism among the Sakha. I took a great interest in their modern cultural situations, worldview and shamanic tradition, and I accepted my Sakha friends' invitation.

I was not the first anthropologist in the West who took an interest on the revival of shamanism among the Sakha after the collapse of the Soviet Russia. A bit earlier than me, Dr. M. Balzer did her first trip to Yakutia, after her work among the Khanty, in 1986 and several trips from 1991–95. She was more interested in the kind of political aspects of the revitalization of shamanism [Balzer, 1993; Balzer, 1996]. In contrast, I was firstly more curious about their cosmology and animistic way of thinking, which this article describes.

I have not visited Yakutia since my last field trip in 2001, but I have noticed that shamanistic aspects of Sakha culture is attracting ethnologists and anthropologists even today. Zola examined the revival of shamanism among the Sakha with references to the contemporary art [Zola], while. Rozwadowski analyzes the shamanic themes in rock art in the Sakha Republic. The presentation was cancelled, but Vasilieva and Koško were to give a paper on "Sakha shamans in the past and in the present" during the 10th conference of the International Society for Shamanistic Research held at Warsaw on 5–9 October 2011 [Program and Abstracts]. Zola and Rozwadowski published their full papers later [Zola; Rozwadowski].

Although I made this article published in 1997 [Yamada, 1997], basing on my first field trip to Yakutia in 1994, I do hope this will contribute to the understanding of shamanistic and animistic aspects of Sakha culture.

Пролог

Моя первая поездка в Республику Саха (Якутия) состоялась в июле – августе 1994 г. До этого времени я даже не допускала самой возможности проведения полевых исследований в Сибири. Для нас, японских антропологов, она представлялась далекой и недоступной в условиях доминирования коммунистической системы в Советской России. И все-таки у меня появилась возможность отправиться в экспедицию в Якутию. Произошло это благодаря знакомству во время международных конференций по шаманизму в Сеуле (1991) и Будапеште (1993) с этнологами из Республики Саха (Якутия), которые и пригласили меня посетить Якутию.

Приношение духу озера, зима 2001 г.

Мой интерес к шаманству начался с нескольких экспедиций к народу ладахи западного Тибета и Индии в 1980-е гг. Ладахи сохранили культуру и мировоззрение, включавшее шаманскую традицию, хотя их образ жизни постепенно изменялся под влиянием современных обстоятельств. В отличие от них, якуты были вынуждены оставить свои религиозные традиции под давлением атеистической политики в Советском Союзе. Мне было интересно, действительно ли они отказались от своей традиционной культуры? Этнологи, которых я встретила на конференциях, говорили о возрождении шаманства среди якутов. И мне захотелось самой увидеть современную религиозную ситуацию в республике, познакомиться с мировоззрением якутов, оценить состояние шаманской традиции.

Я была не первым зарубежным антропологом, заинтересовавшимся возрождением шаманства среди народа Саха после распада СССР. Чуть раньше Марджори Балзер после своих экспедиционных исследований среди народа ханты в 1986 и 1991–1995 гг. совершила поездку в Якутию. Но ее скорее занимали политические аспекты возрождения шаманства [Balzer, 1993; Balzer, 1996]. Что касается меня, то мне были интересны космология и анимистические представления, которым и посвящена данная статья.

С 2001 г. мне больше не пришлось бывать в Якутии, но я обратила внимание на то, что шаманство якутов остается предметом пристального и активного интереса этнологов и антропологов. Так, например, на 10-й конференции Международной ассоциации исследователей шаманизма, проходившей в Варшаве в 2011 г., было заявлено несколько докладов, посвященных возрождению шаманства и его связи с современным искусством якутов; шаманской тематике в наскальных рисунках, найденных в Республике Саха; современным шаманам и истории шаманства [Program and Abstracts]. Доклады Зола и Розвадовского были позднее напечатаны в журнале *Shaman* [Zola; Rozwadowski].

Эта статья, основанная на моих полевых исследованиях 1994 г., уже выходила в 1997 г. [Yamada, 1997], но, я надеюсь, ее публикация на русском языке вносит определенный вклад в понимание шаманства и анимистических элементов культуры якутов (саха) и имеет смысл для современных исследователей.

Шаман (преподаватель Якутского колледжа культуры и искусств) демонстрирует автору, как он передает студентам опыт проведения шаманских ритуалов

Постановка проблемы

Якуты хорошо известны в этнографии своими анимистическими верованиями и шаманскими практиками. Согласно имеющимся сведениям, пространство вселенной в представлении якутов трехмерно, населено большим количеством различных духов, с которыми вступают в контакт «белые» (*aiyu ouuun*¹) и «черные» (*abaahyulaakh ouuun*).

В результате христианизации в XVII в. были запрещены практики «белых шаманов» (*aiyu ouuun*), которые, по представлениям якутов, имели специальные заклинания для взывания о благословении к богам *algus-toyuk* и которые служили на благо людей. Что касается практики «черных шаманов» (*abaahyulaakh ouuun*), лечивших болез-

¹ Здесь и далее все якутские термины даны в авторском варианте в английской транскрипции. – Прим. ред.

ни и защищавших людей от злых духов, то они существовали до тех пор, пока советская власть в ходе атеистической кампании не начала борьбу с шаманизмом. С этого времени шаманские ритуалы якутов практиковались и передавались скрытно.

После распада СССР и выхода «Декларации о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической республики» в сентябре 1990 г. Якутия стала Республикой Саха (Якутия). Запрет на ритуалы шаманов и традиционные методы лечения был снят. С этого времени стали возрождаться шаманские практики, традиционные методы лечения и мировоззрение. Хотя ни один из шаманов (*оуиун*), практиковавших в начале 1990-х, не был знаком с процедурой кровавого жертвоприношения, они начали активно заниматься целительством.

Тайлор в своей книге «Первобытная культура» определил анимизм как веру в духов. Таким образом, анимизм в его различных формах можно считать базовой религией многих культур. Зачастую этот термин используется для обозначения любой формы веры в духов, воспринимается как нечто неизменное и ограничивается рамками религии. Однако такая трактовка не дает возможности понять, как и почему данное верование продолжает существовать до сих пор.

Между тем вера в духов не ограничена исключительно сферой религии в отдельно взятой культуре, так как она подразумевает более широкий взгляд на мир. Все представления о вселенной, душе и духах переплетаются и формируют целостное мировоззрение. Более того, религия неотделима от экологии, как я уже отмечала в исследовании о культуре народа айну [Yamada, 1994a; Yamada, 1994b]. На самом деле вера в духов – это отнюдь не статичное явление в культуре, оно постоянно изменяется. По мере того как меняется экология, меняется и вера народа или его видение мира. Вера в духов не является ни теорией, ни доктриной, ни чем-либо отмеченным окончанием «-изм». Но эту веру можно назвать целостным мировидением, основанным на сверхъестественном опыте.

Концепция вселенной

Общее представление якутов о вселенной можно реконструировать на основе этнографических публикаций XX в. [Czaplicka, p. 277–278; Jochelson, p. 103–104; Гоголев], а также данных моих полевых исследований следующим образом. Вертикально вселенная делится на три сферы: верхний мир (*uwehe doydu*), средний мир (*orto doydu*) и нижний мир (*urlala doydu*), сквозь которые проходит Древо жизни, то есть Мировое древо.

Считается, что верхний мир находится на небе и состоит из девяти уровней, каждый из которых населен своими богами (*aiyy* или *tangara*). Верховный бог якутов – *Urung Aiyu Toyon* («белый соз-

датель-господин»). В его образе персонифицировано солнце, он живет на самом высоком уровне в восточной части неба. *Ulutuyer Uluu Toyon*, который является хозяином *abassy* (злых духов; множ. *abassylar*) в верхнем мире и чья роль связана скорее с наказаниями, чем со счастьем, живет в западной части неба, хотя некоторые считают, что он принадлежит к *aiyu* (добрым духам; множ. *aiyular*) [Гоголев, с. 16]. Таким образом, якуты считали, что верхний мир населяют не только добрые божества *aiyu* или *tangara*, но также и злые божества.

Средний мир – это мир земной, где люди живут вместе с духами, которые называются *ichchi* (буквально «хозяин, владелец», дух-хозяин; множ. *ichchilar*), и *yör* (души плохих людей после смерти). Также считалось, что внутри среднего мира есть еще один мир, который называется *attun doydu*, где живут *ichchilar* наряду с *abassylar*.

Нижний мир расположен под землей; там живут злые духи *abassylar*. Считается, что они «съедают» души людей, в особенности *buor-kut* (земную душу) человека².

Таким образом, якутская космология подчеркивает существование каждого из миров в его связи с характерными для него духами.

Кроме того, якуты также традиционно признавали важность горизонтального деления вселенной: восток и юг мыслились как территория добрых духов, в то время как запад и север – как царство злых. Одна из исследователей, Мария Чаплика отмечала, что ориентация во вселенной у якутов идет главным образом по горизонтали и состоит из двух частей, хотя существует и вертикальное деление на верхний, средний и нижний миры. При этом Чаплика считала, что вертикальное деление менее точное и не настолько важное, как горизонтальное. Поскольку злые духи *abassylar* присутствуют во всех трех делениях, ни один из вертикальных миров не ограничен лишь добрыми духами *aiyular* [Czaplicka, 1914, p. 279].

Но все же якутские шаманы, признавая существование злых духов в верхнем мире, согласно полевым материалам, в целом связывают верхний мир с добрыми божествами *aiyular*, а нижний мир – с *abassylar*, божествами злыми. Ниже приведены их представления о верхнем и нижнем мирах.

Верхний мир

Якуты считают, что только шаманы, в особенности *aiyu ouuip* (белые шаманы), которые могут посещать верхний мир, имеют о нем детальное представление. Поэтому обладание знанием о верхнем мире считается показателем того, что человек является белым шаманом.

---

² Далее будет показано, что у человека, по представлениям якутов, имеется три души, одна из которых – земная. – Прим. ред.

Молодая шаманка Д. (около 40 лет) рассказала о верхнем мире следующее, ссылаясь на свой магический опыт пребывания там:

Я думаю, что во вселенной для меня существует три *olobokh* (место, сиденье): одно – в верхнем мире, второе – в среднем и третье – в нижнем мире. В своих снах я могу улетать в верхний мир, оставаясь при этом в среднем мире. У меня есть специальное *olobokh*. На нем я поднимаюсь в верхний мир, используя специальную веревку *bwe*.

То, как я улетаю в верхний мир, я держу в секрете и не рассказываю в деталях. Однако могу сказать, что я летаю наверх с помощью очень длинной веревки из конского волоса, которая уберегает меня от несчастных случаев. Я даже могу летать вокруг солнца. Если кто-то притронется к этой веревке, он может заболеть. *Olobokh* и *bwe*, которые используются для полетов в верхний мир, предназначены только для меня.

В верхнем мире я встречаю его жителей. Они высокие и красивые. У них большие голубые глаза и белая кожа; они напоминают европейцев. Они живут в домах с полуovalными окнами. Верхний мир богат красками и цветами. Он настолько ярок и полон света, что иногда глазам становится больно. В верхнем мире нет времен года и ночей. Я летаю в верхний мир лишь иногда. После возвращения оттуда я обычно чувствую, что во мне стало больше силы.

Солнце принадлежит верхнему миру, а луна и звезды находятся между верхним и средним мирами. Солнце в верхнем мире настолько яркое, что даже сложно его сравнить с тем, которое мы видим в нашем мире.

Я не много видела богов в верхнем мире. Я видела только Иисуса Христа, одну женщину-богиню (*tangara*) и пару других богов. Иисус и женщина-богиня дали мне фотографию, попросив меня присматривать за людьми в мире. Поэтому я верю, что получила способность излечивать не только якутов, но также людей других национальностей.

Верхний мир по представлениям якутских шаманов полон света, внешне его обитатели отличаются от якутов, они дают людям среднего мира сверхъестественную силу. В случае шаманки Д. представление о боге в верхнем мире включало элементы христианской традиции.

Из сведений пожилого шамана К.:

Верхний мир, расположенный на небе, состоит из девяти уровней, каждый из которых имеет своих обитателей, то есть *tangara* (божества, которые живут только в верхнем мире). На вершине неба живет *Urung Aar Toyon*, который является главным богом среди *aiyu tangara* (добрых божеств). Якуты верили, что в верхнем мире живут не только *aiyylars* или *tangara* (добрые божества), которые побуждают людей делать добро, но также и *ajaraidar*, которые принадлежат *abassylar*. Источник добрых сил находится на востоке, тогда как источник злых сил – на западе. В верхнем мире происходит борьба добра и зла, точно так же как у нас в среднем мире. Кроме того, в верхнем мире живут также духи *uaru tordo* (источники болезней).

Шаман Г. рассказывал, что он летал в верхний мир попросить помощи у высших божеств, когда его пациент был очень слаб. По его мнению, в верхнем мире есть источники некоторых болезней. Он добавил, что, воспользовавшись методом гипноза, летал в верхний мир вместе с *salgyn kut* (воздушной душой) своего пациента. По словам шамана, у пациента остались хорошие впечатления от встреч с духами и умершими людьми во время его пребывания в верхнем мире. Он также предположил, что получил свои сверхъестественные способности от божеств верхнего мира.

Таким образом, шаманы указывали на существование злых сил в верхнем мире. При этом считалось, что обитатели верхнего мира дают сверхъестественную силу шаманам для излечения людей. Поэтому все шаманы подчеркивали добрый характер верхнего мира, не желая, чтобы их считали черными шаманами.

Нижний мир

Хотя наличие злых духов предполагается во всех трех мирах вселенной, все-таки сосредоточены они в нижнем мире, в который попадают по специальному каналу, называемому «вода смерти». То, как шаманы представляют подземный мир, видно из следующих трех примеров.

Шаман К. дал довольно подробное его описание:

Якуты верят, что нижний мир является темным, там нет ни солнца, ни луны. Его поверхность не совсем гладкая, она скорее топкая и илистая. Там есть озера, где живут рыбы с перевернутой чешуей. Шаману очень сложно ходить по нижнему миру. Царство *abassylar* и большинство источников болезней находятся в нижнем мире. Мы представляем себе источники болезней в виде духов, что-то вроде *ichchilar* из среднего мира. Они являются чем-то вроде злых духов, которые могут принимать самый разнообразный облик, например, они могут быть животными с двумя головами.

Шаманка В. сообщила, что ее душа никогда не летала в нижний мир, но у нее есть некоторые знания о нем:

В нижнем мире, где сосредоточена негативная энергия, живут *abahe* (она всегда использовала термин *abahe* для обозначения злых духов. – Т. Я.). На земле можно найти географические точки, где сосредоточение негативной энергии очень велико. Считается, что такие точки – это ворота в нижний мир. Я думаю, что *abahe* – это и есть сама негативная энергия. Иногда я чувствую эту негативную энергию в теле пациента, и я обычно извлекаю ее так, как будто бы я медленно тяну веревку из его тела.

Для шаманки В. нижний мир был источником негативной энергии, которая влияла на людей в среднем мире. Она также считала, что люди заболели из-за этой негативной энергии и что именно шаманам предназначено было избавлять людей от нее.

Шаманка Д. рассказала о своем опыте пребывания в нижнем мире:

Он очень темный, и очень сложно что-либо разглядеть в нижнем мире. У некоторых жителей там есть скот, в то время как в верхнем мире его нет. Создается ощущение, что нижний мир покрыт темными облаками. Я захожу в нижний мир через специальный проход, который называется *aartyk*, и у каждого шамана он свой. Этот проход настолько узкий, что мне обычно приходится ползти. Мое пребывание в нижнем мире было очень мимолетным.

Обитатели нижнего мира серые, слабые и неприятные. Они передвигаются очень медленно. Люди этого мира говорят мне, что нижний мир темный, потому что там нет солнца, и просят меня принести им туда солнце. Они говорят, что могут видеть солнце, лишь когда я спускаюсь вниз.

Abassylar живут в нижнем мире. Я думаю, что добрые духи *ichchilar* тоже живут там. Однако они поселились там совсем недавно. Это произошло, когда мы, якуты, начали уделять особое внимание совершению добрых дел и уважать природу.

Каждый раз, когда я путешествую в нижний мир, я пытаюсь вернуться в средний мир как можно скорее. Поэтому я не знаю много об *abassylar* в нижнем мире.

Как видно из приведенных фрагментов интервью, нижний мир представлялся шаманам очень темным, полным злых сил, в отличие от верхнего мира. Все шаманы говорили о недобром характере нижнего мира. Ни один из них не хотел подробно о нем рассказывать.

Верхний мир совершенно четко отделялся якутами от нижнего мира на основании того, что в нижнем мире не живут добрые духи. Нижний мир – это сам по себе источник зла. Можно заключить, что горизонтальное деление на территории добра и зла становится все более распространенным.

Представление о духах

Представления якутов о духах тесно связаны с делением вселенной [Czaplicka, p. 277–280; Jochelson, p. 103–106; Гоголев]. Как уже упоминалось, в верхнем мире, согласно этим представлениям, живут *aiyyular* или *tangara* и *ajaraidar* (злые духи), в среднем мире – *yör* (привидения), *ichchilar* и *kut* (души людей). В нижнем мире обитают *abassylar*. В ходе полевых исследований удалось собрать информацию о том, как все эти духи описывались и различались шаманами.

Понятие души

Традиционно якуты верили, что человек состоит не только из плоти, но в нем есть и что-то нематериальное. Шаманка В. рассказала, что чувствовала существование души:

Одна из моих дочерей погибла в аварии. Я чувствовала, что она плакала, когда ее тело принесли домой. Я видела слезы на ее глазах. Душа может быть рядом с мертвым телом перед похоронами.

Считалось, что нематериальную сущность человека составляют *kut* (обычно переводится как «душа»), *sur* (жизненная сила) и *tying* (дыхание человека). Понятие *kut*, как правило, включает три категории: *bour-kut*, *iya-kut*, (материнская душа) и *salgyn-kut*. *Tying* присущ человеку, животным и растениям, а *kut* и *sur* – человеку и животным [Czaplicka, p. 279–280].

Якуты верили, что материнская душа – это самый важный элемент, который передается ребенку от матери. Она остается неизменной в течение жизни человека и определяет его индивидуальность и судьбу. Якуты считали, что земная душа связана прежде всего со здоровьем и физическим развитием человека. Воздушная душа связана с умственными возможностями, и в ней заключен интеллектуальный потенциал. Считалось, что два последних элемента души могут меняться и человек получает их после своего рождения [Романова, 1994, с. 26].

Если земная душа «уходит», считалось, что человек умрет, так как земная душа – это тело, и оно возвращается на землю после смерти. Якуты также верили, что *abassylar* в нижнем мире всегда пытаются «съесть» земную душу. Когда человек спит, его воздушная душа может покидать тело. Считалось, что это часто приводит к болезни. Кроме того, якуты верили, что, когда кто-то умирает в семье, он может забрать с собой воздушные души своих любимых родственников. В этом случае обычно просили *aiyu ouuun* вернуть назад эти воздушные души [Суздамов-Саппалай].

Якуты также верили в существование привидений (*yör*). Считалось, что души тех, кто умер в молодом возрасте или погиб насильственной смертью, тех, кто был похоронен без надлежащей церемонии, а также души шаманов и великих людей, становятся *yör* [Czaplicka, p. 161]. Раньше были шаманы, которые получали свою силу от *yör*. В таких случаях считали, что *yör* были *tangara* [Романова, 1993].

По словам шаманки Д., она могла почувствовать, что у человека было *tying chan* – «плохое (загрязненное) дыхание», которое надо было «почистить» (*tying* означает «дыхание», а *chan* – «плохой»). Она в таких случаях плевала и этим очищала *tying chan*, и делала это каж-

дый раз, когда чувствовала загрязненное дыхание другого человека. Таким образом, *tying* используется как термин, означающий состояние человека.

У опрошенных нами якутских шаманов сохранился традиционный взгляд на душу человека. Шаманка Д. рассказала о понятиях *kut* и *kut-sur*, а также о душах умерших:

Когда мы говорим про *kut*, существует три варианта. *Iya-kut* (материнская душа) является источником всего. *Salgyn-kut* (воздушная душа) является нашей жизнью. И наконец, *bour-kut* (земная душа) – наше тело. *Kut-sur* включает в себя все эти три *kut*.

Люди, которые получили дар от природы, после смерти дают о себе знать. Их сила остается в среднем мире. После смерти они могут напоминать о себе в виде снегопада или дождя. Они не умирают полностью.

Kut-sur обозначает способность реализовывать потенциал человеческой души. Я думаю, что, если у человека есть *kut-sur*, это значит, что он защищен от вредного воздействия. Человек получает *kut-sur* от природы. Мы живем в среднем мире и имеем *kut-sur*. Мы должны развивать его в гармонии с природой. При рождении наш *kut-sur* находится на высоком уровне. С его развитием развиваются и наши способности. Мы должны попытаться использовать все способности, которые имеем от рождения.

Но бывают случаи, когда ребенок рождается с открытым *kut-sur*. Это означает, что его *kut-sur* слабый и незащищенный. В данном случае нужно быть очень внимательным к ребенку. Мы не должны давать ему повода плакать и должны относиться к нему с нежностью. Он нуждается в наших улыбках и доброте. Когда такой ребенок становится взрослым, его открытый *kut-sur* закрывается. Возможно, это происходит в возрасте двадцати лет. После этого он становится сильнее. Мы должны реализовывать свой потенциал согласно нашему собственному *kut-sur*.

Я думаю, что *kut* – это та самая сущность, которая определяет существование человека в этой жизни. Если я говорю, что у кого-то есть *kut*, это значит, что у него есть способность слышать, видеть или что у него есть кровь и т. д. Я думаю, что *sur* относится к некой силе, поэтому мы также говорим, что *kut-sur* – это что-то вроде жизненной силы.

После смерти душа умершего остается в среднем мире на протяжении сорока дней. Затем душа превращается в птицу или растение. Душа хорошего человека вернется назад в средний мир в виде птицы.

В течение сорока дней мы приносим мертвым еду: топленое масло, соль и сахар. Топленое масло символизирует озеро, где птица может плавать, соль – снег, а сахар – лед. Каждое утро мы смотрим, не появились ли какие-либо знаки на тех продуктах, которые мы положили ранее.

Душа плохого человека превращается в *uõr*. Она не может вернуться в средний мир и живет между средним и нижним мирами.

Таким образом, согласно представлениям шаманки Д., *kut* имеет три элемента, что сходно с традиционной якутской концепцией, – при этом *kut* должен сопровождаться *sur* (некой силой), чтобы человек смог реализовать свой потенциал. Более того, она полагает, что ребенок имеет высокий потенциал *kut-sur*, так как он, как и природа, очень чист. Тем самым она подчеркивает идею о том, что важно находиться в гармонии с природой, чтобы развивать свою способность *kut-sur*, которая дана с рождения. Для нее природа – это источник всего.

Еще одна шаманка объяснила суть *kut* и душ мертвых следующим образом:

Kut-sur, человеческая душа, – это сущность человека. Когда человек умирает, *kut* покидает его тело. Перед похоронами умерший все еще может чувствовать. На протяжении первых трех дней после похорон *kut* находится в доме покойника. До девятого дня *kut* находится рядом с домом. После этого он скитается по среднему миру. Только лишь через сорок дней душа может уйти в *kuuar* (космическое пространство), которое расположено над девятым небом. Если, по мнению покойника, его похороны были не очень хорошими, его душа обычно остается в среднем мире даже после сорока дней.

Шаман Г. рассказал, что для души умершего существуют три пути.

Один ведет в верхний мир, если человек чист и не совершал плохих поступков. Другой ведет в нижний мир, если человек совершал злодеяния. Последний путь – стать *yör* в том случае, когда душа не может уйти ни в верхний, ни в нижний мир.

Шаман К. считал, что только люди имеют *kut-sur*, у животных после смерти его нет.

Животное умирает полностью. Только у человека есть *kut-sur*, который продолжает существовать после смерти. При естественной и ненасильственной смерти человека *bour-kut* возвращается на землю. *Iya-kut* уходит в космос. Если человек умирает насильственной смертью или совершает самоубийство, то он становится *yör*.

Согласно его сведениям, если шаман не обладает большой силой, его душа остается в среднем мире в течение 40 лет после смерти, для шамана средней силы – 200 лет, и душа сильного шамана остается в среднем мире на протяжении 400 лет.

Якуты верят, что *kut* умершего человека улетает в космос. После того как душа, в частности материнская душа, там очистится, она может переродиться в среднем мире. Таким образом, жизнь души можно представить в виде цикла. При этом цикл, который проходит душа шамана, очень долгий, поэтому количество шаманов, физически живущих в среднем мире, уменьшается.

Воздушная душа тесно связана с материнской душой, иногда их даже не выделяют в отдельные понятия. После смерти воздушная душа может оставаться в среднем мире как воздух.

Из приведенных высказываний видно, как якуты концептуализируют человеческую душу. Старший шаман К. объяснил, что *kut* и *kut-sur* – это два неотделимых друг от друга понятия, и это относится только к человеку. Животные не имеют *kut-sur* и умирают после того, как их убили. Понятие души связано с силой и исключительностью шамана.

Жизнь души интерпретируется как цикл. Однако не все элементы души, а лишь материнская душа может возродиться. Якуты считали, что материнская душа уходит в верхний мир, где она очищается и, по велению *Urung Aiyu Toyon*, перерождается в среднем мире. Таким образом, шаманы сохранили традиционное якутское поверье, что беременность происходит вследствие передачи материнской души женщине [Романова, 1994, р. 26].

Согласно некоторым источникам, у якутов существовало поверье, что мертвые уходят в другой мир и живут там, как жили в этом мире [Harva, p. 327, 337]. Однако нам не удалось получить такую информацию.

Некоторые говорили, что душа уходит в космос спустя сорок дней после смерти. Другие говорили, что душа вернется в средний мир в виде птицы или животного. Третьи утверждали, что только лишь материнская душа уходит в космос после смерти.

Также считается, что душа плохого человека остается в среднем мире после смерти. *Yör* (злой дух) приносит несчастья своим живым родственникам. Именно поэтому у якутов сохранился страх перед *yör*. По сообщению шаманки Д., семья, в которой кто-то умер, должна узнать, во что превратилась душа их родственника: это можно сделать, расшифровав знаки на еде, которую оставляют мертвым.

Aiyular и *Tangara* (добрые божества)

Как уже упоминалось, *aiyular* и *tangara* считались добрыми божествами в верхнем мире, которые побуждают людей делать добро. Не совсем ясно, на каких именно уровнях верхнего мира живет каждое из божеств. Однако общепринятым считалось, что *Urung Aar Toyon* (*Urung Aiyu Toyon*), Белый Благодетельный Господин, глава *aiyular*, живет на девятом уровне (на вершине) верхнего мира. Его воспринимали как главного создателя и отца богов. Он живет в восточной части неба с женой и семьей [Harva, p. 137–138, 148; Гоголев, с. 28; Романова, 1994, р. 46–59].

Шаман К. описал и других божеств верхнего мира:

Jurgha Naan, который знает судьбу людей, и *Odung Naan*, который ею управляет, живут на восьмом уровне. Они владеют полной информацией о людях, живущих в среднем мире. Якуты считают, что у них есть писари,

которые записывают жизнь и судьбу каждого человека с рождения и до смерти.

Suge Toyon (Бог грома и молнии) живет на седьмом уровне. Считается, что он убивает злых духов, которые прячутся в деревьях и домах. Якуты верят, что звук грома – это звук копыт его лошадей.

Josegei Toyon (Бог-покровитель лошадей) и *Hotoi Aiyu* (Бог орлов), покровитель якутов, живут на шестом уровне.

Alam Khotun (Богиня-покровительница скота) живет на пятом или четвертом уровне.

Uluuru Suorun Toyon (Великий Бог-Ворон), чья роль не совсем ясна, но считается, что он дает людям вороных (цвет ворона) коней. Он живет на четвертом уровне.

Ayisyst (Богиня рождения) помогает женщинам разрешиться от бремени, она живет на втором или первом уровне. *Ieykhsyst* (защитница людей) – ее роль сходна с ролью *Ayisyst*, она также обитает на востоке, на нижнем уровне верхнего мира. *Ieykhsyst* может давать женщинам желание к деторождению, в то время как *Ayisyst* на самом деле дарует детей, то есть помогает женщинам реализовать их желание иметь детей. Раньше якуты считали, что если у женщины не было детей, значит, *Ieykhsyst* и *Ayisyst* были оскорблены ее плохим поведением и лишали ее возможности иметь детей.

По мнению шамана, боги *tangara* распределены иерархично по девяти уровням во главе со своим создателем; они не являются богами природы, их компетенции связаны с благополучием якутов, также они покровительствуют скоту и лошадям. Можно заключить, что *tangara* контролируют человеческую жизнь.

Д. рассказала, что один из богов в верхнем мире научил ее, как можно очистить дыхание путем плеванья. Таким образом, все опрошенные шаманы акцентировали внимание на том, что они должны были сами учиться способам излечения пациентов. Кроме того, шаманы должны были держать в строжайшем секрете то, как они получили свои сверхъестественные способности от *aiyyilar* или *tangara* из верхнего мира. Можно заключить, что *tangara* – это божества, которые считались источником силы шамана, каждый со своей определенной специализацией. Также существовало мнение, что способности шамана зависят от божества, с которым он встречался во время полетов своей души.

***Ajaraidar* и *Abassylar* (злые духи)**

Злые духи верхнего мира называются *ajaraidar*. Якуты верят, что *Ulutuyer Uluu Toyon* – это главный бог злых духов в верхнем мире. Однако он имеет очень сложный образ. Согласно исследованиям Гоголева, *Ulutuyer Uluu Toyon* упоминается среди пантеона богов якутов. Однако одни причисляют его к *abassylar*, другие – относят к *aiyyilar*.

Еще один источник указывает на то, что он живет в южной или юго-западной части неба на нижнем уровне и что его младшая дочь является богиней-покровительницей скота. В любом случае *Uluu Toyon* считался могущественным богом и был чаще связан с наказаниями.

Считалось, что *Suorun Toyon* (Бог-ворон), живущий на четвертом уровне неба, не принадлежит *aiyuular*, а является братом *Uluu Toyon* (глава *ajaraidar*). В среднем мире ворон – это его сын или младший брат [Гоголев, р. 14, 16]. В любом случае главный бог есть как у добрых божеств, так и злых.

Шаман К. так объяснил понятие *ajaraidar*, которые являются *abassylar* (злыми духами) в верхнем мире:

Ajaraidar (злые божества верхнего мира) изначально принадлежали к *tangara* в верхнем мире, но они восстали против *Urung Aar Toyon* и стали управлять всеми злыми силами в верхнем мире. *Ajaraidar* всегда вызывают в людях плохие чувства, которые приводят к ссорам, дракам и убийствам. *Ajaraidar* плохо влияют на людей, в то время как все хорошее связано с *tangara* (добрыми божествами).

Он также сообщил, что под влиянием *ajaraidar* человек становится более агрессивным и может причинить вред другим:

Мы боимся *ajaraidar*, не обращаемся к ним и не задаем им вопросы. Если кто-то перестает уважать *tangara*, это значит, что этот человек больше не находится под защитой *tangara*. Именно в этот момент *ajaraidar* оказывают свое влияние на людей и побуждают их совершать зло.

Шаман К. также говорит, что некоторые *abassylar* верхнего мира, то есть *ajaraidar*, пытаются навести на людей болезни, связанные с глазами и зрением. Поэтому *ouuun* (шаманы) должны уходить в верхний мир, чтобы найти источник или причину заболевания.

Различие между *abassylar* нижнего мира и теми, кто живет в среднем или верхнем мирах очень простое. *Abassylar* нижнего мира более могущественны, и они «едят» земную душу человека. Поэтому якуты боятся больше всего именно *abassylar* нижнего мира. Однако считается также, что только те люди, которые не защищены *ichchilar* (духами-хозяевами среднего мира), подвержены вредному воздействию *abassylar*. Большинство верят, что, пока они уважают *ichchilar*, они не подпадут под влияние *abassylar*.

Духи-хозяева – *ichchilar*

В среднем мире живут как люди, так и различные духи. Якуты верят, что одушевленные и неодушевленные предметы среднего мира имеют нематериальную сущность *ichchilar*. Обычно этот термин переводят как «духи-хозяева».

Считается, что *ichchilar* имеют человеческий облик: старика, пожилой женщины, мальчика или ребенка. Якуты боятся употреблять само слово «*ichchi*», и на упоминание имени духа-хозяина наложен запрет. Поклоняясь *ichchilar*, духам земли, огня, охоты, рыбалки, воды и т. д., к ним, как правило, обращаются со словами «бабушка» или «дедушка».

Дух земли, который называется *Aan Doydu Ichchite* (Мать-Земля) или *Sir Ichchite* (Дух Земли), – это главный женский дух среднего мира, связанный с плодородием. Одна из опрошенных шаманок сообщила, что дух земли – это женщина-мать, так как она порождает все на земле.

Sir Ichchite различается в зависимости от местности. Например, когда люди отправляются куда-то, они обычно «кормят», то есть делают подношения *Sir Ichchite*, перед тем как пересечь границу его территории. У каждого места есть *Sir Ichchite*. Одна из шаманок рассказала:

Я думаю, что *Sir Ichchite* – это самая сильная шаманка, потому что я обычно чувствую какое-то тепло там, где живет *Sir Ichchite*. Если мы не будем ее уважать, она наведет на нас болезни или несчастные случаи. Подношения *Sir Ichchite* обычно помогают нам в дороге.

По сведениям Гоголева, *Sir Ichchite* живет в Мировом древе (*Aarkuduk-mas*). Древние якуты верили, что не только *Doydu Ichchite* (то же, что *Sir Ichchite*), но и *Uot-mas Ichchite* (Дух растительности) живет в древе жизни. Якуты выбирают дерево, обычно лиственницу, для почитания и поклонения *Doydu Ichchite*. Дети *Doydu Ichchite*, которых называют *Elekjelekë*, покровительствуют флоре. Якуты верили, что под их дыханием деревья и травы становятся зелеными. В случае если у женщины не было детей, они просили их у этого духа, говоря: «*Ieykhsyst* и *Ayisyst* не дали мне детей, поэтому мне приходится просить это благо у тебя» [Гоголев, с. 17–19].

Каждую весну якуты совершают ритуал *sichi uyarna* (буквально «висящая веревка из конского волоса»), чтобы принести жертву *Aan Doydu Ichchite*. Для этого ритуала обычно выбирают березу и вешают на нее пучки конского волоса, корзиночки из березовой коры, разноцветные ленточки и т. д. Якуты садятся под дерево, и глава семьи обращается к духу огня и подливает в огонь кумыс (алкогольный напиток из кобыльего молока). Затем якуты устраивают трапезу под деревом, танцуют и поют песни в честь духа. Таким образом они просят плодородия у *Aan Doydu Ichchite*.

Дух огня – самый почитаемый и независимый от других. Костер – это место, где обитает *Uot Ichchite* (Дух-господин огня). Якуты представляют себе дух огня в виде старца, который обладает большими возможностями и может получить любую силу от божеств верхнего мира. Он живет там, где есть огонь. В современных домах это может быть духовка газовой плиты, обычно там ему и делают подношения,

оставляя еду. Якутам необходимо постоянно выражать свое уважение этому духу.

Шаманка В. рассказала, что при лечении пациента она всегда консультируется с духом огня. Она также сообщила о своих опасениях:

Если я нерегулярно оставляю в плите подношения, дух огня может открыть дверцу духовки или прийти ко мне во сне и попросить покормить его. Если мы не будем оставлять ему еду, дух может разлиться и навлечь на нас серьезные болезни.

Еще один из опрошенных шаманов рассказал об этом следующее:

Все в жизни якутов связано с духом огня, чья главная роль заключается в защите и очищении. Только благодаря духу огня зимой мы можем готовить пищу и не замерзать. Мы выживаем только благодаря сохранению нашей традиции почитания этого духа.

Огонь занимает большое место в жизни якутов, поэтому мы делаем подношения духу огня в виде масла, кумыса, табака и чайных листьев. Однако ему нельзя оставлять мясо или рыбу, то есть продукты охоты или рыболовства.

В каждом ритуале якуты прежде всего должны развести огонь, где они смогут оставить подношения. После этого дух огня будет защищать людей. Даже в шаманских ритуалах *оуиин* сначала разводят костер, вызывая тем самым дух огня, а затем вызывают *Aan Doudu Ichchite* (Хозяину мира) и их духов-помощников. Считается, что дух огня помогает шаманам по дороге в другие миры.

Baianai – это дух охоты и рыбной ловли. Он обычно живет в лесу. Все животные в лесу являются родственниками *Baianai*. Якуты представляют его в виде старика. В лесу все имеет *ichichi*. Когда человек идет в лес на охоту, *Baianai* (*ichchi* охоты) отдает охотнику свою долю, он посылает ему животных.

Поэтому во время охоты охотник должен призывать *Baianai*, а также духа огня. Перед тем как вызвать *Baianai*, охотник должен сначала «накормить» огонь, разведя костер. Это также символизирует то, что он кормит *Baianai*. Через огонь он просит у *Baianai* удачной охоты. После этого *Baianai* может дать ему эту возможность. После возвращения с охоты охотник делает другие подношения духу огня в своем доме. Так как он просит у *Baianai* мясо или рыбу, он не может предлагать эти продукты духу огня.

Якуты также поклоняются духу воды, которого представляют в виде пожилой женщины, и к ней обращаются, используя слово «*Abe*» («бабушка»). Перед тем как отправиться на рыбалку, якуты должны сделать подношения как духу огня, так и духу воды. Обычно бросают немного хлеба в реку или озеро и просят о помощи.

У каждой реки или озера есть свой собственный дух *ichchi*. Раньше считалось, что духи воды живут под водой и что они рождаются,

живут и умирают так же, как и якуты. Однако во время полевых исследований 1994 г. такой информации получить не удалось.

В рассказах шаманов выявляется характер природы *ichchilar* как бессмертного духа-хозяина, высшего по отношению к материальной субстанции. Шаман К. воспринимал *ichchi* как некоего духа, который является хозяином каждого предмета. Также он считал, что только у людей есть *kut-sur* (жизненная сила), тогда как у животных ее нет, и поэтому они умирают полностью. Шаман Г. говорил, что если у стола, стула или дома есть дух-хозяин, то его можно назвать *ichchi*. Сам же материальный предмет не имеет бессмертной сущности:

Когда мы сносим сарай или коровник, *Khoton Ichchite* (дух-хозяин коровника) обычно остается в дереве, которое затем используется для постройки нового коровника.

Есть одна история, связанная с этим поверьем. У одного моего соседа был старый сарай. Каждый год умирали одна-две коровы, поэтому он построил новый сарай. Но он построил его из того дерева, которое было в старом сарае. Таким образом, он не выпустил *Khoton Ichchite*, и коровы умирали снова.

Если дерево сарая сгнивает, тогда *Khoton Ichchite* остается в том месте, где стоял сарай.

Khoton Ichchite (буквально «хозяин коровника») считается самым маленьким по размеру среди других *ichchilar*. Этот дух живет на вершине столба в левом углу напротив входа. Сарай нужно чистить два раза в год. Также считается, что дух коровника помогает человеку с умственными недостатками или при проблемах с нервной системой. Кроме того, если люди не смогут установить отношений с этим духом, они рискуют потерять весь свой скот.

Однако бытовали и иные представления. Шаманка Д. утверждала, что в среднем мире было много *ichchilar*, с которыми якуты должны жить в гармонии:

Ichchilar есть у деревьев, животных, камней и всех вещей. Я думаю, что на земле все вещи живые, так как каждая вещь имеет своего духа. Очень сложно объяснить, что же такое *ichchi*. Этот дух живет в ком-то или в чем-то, но мы не можем его увидеть. Это и есть *ichchi*. Например, каждая корзина имеет своего *ichchi*, подобно тому как у каждого человека есть своя душа.

Некоторые разделяли понятия *tangara* (божество) и *ichichi* (дух-хозяин), однако я их не разделяю. Я думаю, что они оба связаны с природой. *Tangara* – это источник природы. Наше почитание солнца тесно связано с *Urung Ayii Toyon*. Мне не нравится использовать слово *tangara* по отношению к вещам, так как солнце, ветер и облака – все имеет *ichchi*.

У меня есть свои собственные священные деревья – береза и лиственница. Я могу обращаться к этим деревьям с просьбой вылечить женщин, которые не могут иметь детей.

Когда животное убивают, его *ichchi* может улететь и вселиться в кого-нибудь, и тогда характер этого человека начинает напоминать характер животного. Например, мы иногда говорим, что кто-то хитер как лиса. *Ichchilar* также могут вселиться в растения и животных. Поэтому после того, как животное убито, *ichchi* может снова вернуться в природу.

Согласно мнению той же шаманки, *ichchi* – это нематериальная ипостась всего сущего (за исключением людей) в среднем мире. Хотя она разделяла понятия *ichchi* и *kut*, но считала, что оба они имеют сходные характеристики: отдельное существование и циклическое движение от рождения к смерти. В этом отношении ее понимание отличается от традиционного понимания *ichchi* как духа-хозяина. По ее мнению, якуты не должны причинять духам вред:

Я думаю, что все *ichchilar* добры, пока мы не причиняем им вред. Если мы отправляемся в лес на охоту, то мы должны «покормить» духа огня. В этом случае на охоте нам будет сопутствовать удача. Природа добра к нам, и мы, в свою очередь, должны ее уважать.

Таким образом, для нее *ichchi* – это нематериальная сущность всех вещей, а также животных и растений этого мира.

Шаманка Д., как упоминалось выше, считала, что *ichchi* не отличаются от *tangara* в верхнем мире. *Ichchilar* в среднем мире добрые по своей природе. В отличие от духов из нижнего мира, *ichchilar* не могут навредить людям: если те не уважают духов, *ichchilar* просто перестанут их защищать.

Шаманка В. утверждала, что *ichchilar* бывают злобными, но люди могут ими управлять, если у них есть нужная энергия и сила:

Я никогда не видела *abahe* (то же, что *abassy*), но они, возможно, существуют. Возможно, *ichchilar* и *abahe* – это одно и то же. Уважение *ichchilar* приносит им пользу. Если люди не уважают их, то *ichchilar* могут навредить им: например, *ichchilar* могут начать вести себя как *abahe*. Я люблю гулять на природе, но я еще ни разу не встречала *abahe*.

Согласно ее представлению, *ichchilar* и *abassylar* имеют двойственный характер.

Аналогичный взгляд на природу *ichchi* был представлен шаманом Г.:

Существует много видов *abahe* (*abassylar*). *Abahe* могут быть *ichchilar*, то есть хозяевами каких-либо предметов – например, дома, скота и т. д.

У *ichchilar* двойственная природа: они могут быть как добрыми, так и злыми. Если *ichchilar* любит кого-то, тогда он хорошо относится к этому

человеку. В противном случае он вредит ему. Между человеком и *ichchilar* могут быть как хорошие, так и плохие взаимоотношения.

Abassylar нижнего мира и среднего мира отличаются друг от друга. *Abassylar* нижнего мира имеют больше силы.

Таким образом, якуты боятся *ichchilar*, хотя и отличают их от духов нижнего мира (*abassylar*), которые «едят» земные души людей. В представлениях шаманов *ichchilar* не являются обязательно злыми и, проявляя к *ichchilar* уважение, можно построить с ними хорошие отношения.

Считается, что у якутских шаманов много духов-помощников (*komolohochi ichchilar*), которые их сопровождают, оставаясь невидимыми для обычных людей. Шаманка Д. упомянула нескольких из своих многочисленных духов-помощников, не раскрывая их имен: *kutaluck* (что-то вроде белого лебедя), *kuba* (белый лебедь), *turuua* (журавль), *sor* (ворон), лось и бык. Она сообщила, что может обернуться птицей или даже рыбой. Она утверждала, что путешествовала в верхний мир с помощью духа птицы и в нижний мир через «воду смерти» с помощью духа рыбы.

Якутские шаманы обычно по-разному просят о помощи в зависимости от проблемы. При этом они обращаются к разным духам, так как у каждого из них своя роль; животные и птицы обычно помогают духам шаманов и связаны с шаманскими практиками.

Духи, дающие шаманам силу и способности

Как было сказано выше, якуты верят в различных духов, таких как *aiyu*, *tangara*, *ajaraidar*, *abassylar*, *ichchilar* и *yör*. Считается, что большинство из них даруют сверхъестественные способности шаманам. Якуты разграничивают имена и роли шаманов согласно их «специализации».

В исследовании Романовой [Романова, 1993] указано, что термин *oyuun* (шаман) включает по меньшей мере семь подкатегорий шаманов с различными функциями:

1) *Kuhagan* – злой, вспыльчивый шаман, который не помогает людям. Он всегда пытается применить черную магию к хорошим людям. Его единственное предписание – «ест» людей.

2) *Aiyu oyuun* – помощник и покровитель людей, у которого есть специальные взывания о благословении к богам (*algus toyuk*). Он не «ест» людей или скот. Шаманы, которые получили свои задания от *Urung Aar Toyon* в верхнем мире, называются *urung aiyu oyuun*.

3) *Yohetten tuttarbut oyuun*, будучи безумным, получил задание от богов верхнего мира. Обычно он лечит слабоумие и болезни, связанные со зрением.

4) *Alaraatan tuttarbut oyuun* получил свою силу от богов нижнего мира. Он лечит только болезни, связанные с нижним миром.

5) *Yortten tuttarbut ouuun* получил свою силу от *yör* (привидения). Он может действовать только в несложных ситуациях.

6) *Emegetten tuttarbut ouuun* получил свою силу от *emeget* (духа-покровителя *ouuun*). Он может лишь ловить злых духов, которые вызывают болезни.

7) *Udagan* – термин, обозначающий шаманку.

Каждый *ouuun* способен заменять другого, однако он может достигнуть результатов, только следуя своему заданию. Каждый *ouuun* находится в контакте с разными *abassylar*. Считалось, что у хорошего *ouuun* была мать среди животных, дочь и сын среди *abassylar* и *tuttarbut emeget* (его собственный бог-покровитель *tangara*).

Таким образом, различия существуют как в представлениях о духах, так и относительно роли и способностей шаманов. Современные шаманы различают лишь *aiyu ouuun* и простых *ouuun*, которые только лечат болезни. Большинство из них заявляют, что получили силу от богов верхнего мира и могут исцелять людей.

Выводы

Традиционно считалось, что каждый мир в вертикальном делении вселенной населен своими духами: верхний мир предназначен для *tangara* (богов), которые контролируют жизнь человека, для *ajaraidar* (злых духов), которые вызывают в людях плохие чувства, и для *yör* (человеческих привидений). Нижний мир населен *abassylar* (еще одни злые духи), которые всегда пытаются «съесть» земную душу человека. Горизонтальное деление соотносило восток и юг с территорией добра, а запад и север – с территорией зла.

По общепринятым представлениям духи не были наделены двойственной природой, то есть не сочетали в себе хорошее и плохое. Духи делились на пять категорий и в зависимости от своей хорошей либо плохой природы каждая категория находилась в определенных отношениях с людьми и играла свою роль в шаманских практиках.

Однако в последнее время появилась новая идея о том, что духи, особенно духи-хозяева, имеют двойственную природу, так как *ichchilar* часто отождествляют с *abassylar*. Хотя шаманы все еще противопоставляют добрых *ichchilar* злым *abassylar*. Также получила распространение идея о том, что от отношений с духами зависит, станет человек хорошим или плохим. Более того, по мнению одной из шаманок, *tangara* (божества верхнего мира) нельзя отделить от *ichchilar* (духов-хозяев в среднем мире), так как и те и другие связаны с природой. Таким образом, представления о добрых и злых духах сближаются.

Абсолютное зло ассоциируется главным образом с богами нижнего мира. Шаманы стали акцентировать мысль, что в верхнем мире нет злых духов, а каждый злой дух (*ajaraidar*) изначально является

добрым по своей природе. В связи с этим распространилось представление о том, что верхний мир – это источник добра, а нижний мир – это абсолютное зло. Таким образом, шаманы, опираясь на собственный религиозный опыт, начинают по-новому смотреть на мир.

Что касается понятия о душе человека, то оно не изменилось; якуты считают, что душа состоит из трех элементов и один из них – воздушная душа – может улетать в другие миры, то есть в верхний мир и нижний. Поэтому сверхъестественный опыт шамана обычно представляет собой полет его души в другой мир для установления контакта с духами.

У якутов нет такого понятия, как «одержимость». Ясновидение они объясняют тем, что душа шамана может совершать полеты в будущее, – в отличие от народа айну в Японии или ладахи в западном Тибете, которые считают, что одержимость может порождать сверхъестественные способности [Yamada, 1993, p. 217–219; Yamada, 1994a, p. 69–70]. Таким образом, в каждой культуре отношение человека к духам и связанные с этим явления интерпретируются по-разному.

Согласно традиционным якутским верованиям, духи *ichchilar* – это духи-хозяева материальных предметов. *Ichchilar* воспринимаются как реальность, выходящая за рамки отдельных материальных предметов. Считается, что у животных не сохраняется жизненной силы после смерти, у них нет бессмертной сущности, поэтому они умирают. На основании этого якуты четко противопоставляли животных, растения и неодушевленные предметы людям, так как только люди обладают душой *kut*.

Однако возникли новые взгляды, в частности о том, что каждый предмет имеет своего *ichchilar*, подобно тому как человек имеет свою душу, и *ichichi* убитого животного может вселиться в человека, другое животное или растение. Другими словами, появилось представление о возрождении, тесной связи людей и животных, циклическом движении душ в природе. *Ichichi* считается чем-то вроде бессмертной сущности, подобной душе человека. Кроме того, жизнь человека и природы находится в постоянном циклическом движении.

Таким образом, природа стала восприниматься как символ духов, а взаимоотношения между людьми и духами – как отношения человека и природы.

Вследствие этого каждый шаман имеет свое представление о другом мире, хотя идея о трехэлементном строении души по-прежнему существует. Как упоминалось выше, по мнению одного шамана, душа хорошего человека возвращается в средний мир, в природу, а душа плохого человека превращается в *yör* и будет жить между средним и нижним мирами; по мнению другого шамана, душа на сороковой день после смерти человека отправляется в загробный мир; третий считал, что души некоторых людей превращаются в *yör* (привидения), которые не могут уйти ни в верхний, ни в нижний мир. Представления современных якутских шаманов о вселенной и духах претерпевают

изменения: появляется дуалистический взгляд на мир – реальный мир и мир духов. Взаимоотношения человека и духов больше идеализируются, они мыслятся как симбиоз человека и природы. В связи с этим развивается практика почитания природы.

Традиционный взгляд якутов на вселенную и духов значительно отличается от представлений народа айну [Yamada, 1994a; Yamada, 1994b]. Взгляд айну строится на противопоставлении двух миров: мира людей и мира богов. Они верят, что не только люди, но также и все вещи во вселенной, как одушевленные, так и неодушевленные, имеют *ramat* (душу) и что природные предметы – это проявление *katui* (божеств). Хотя *katui*, как и люди, могут быть добрыми и злыми, айну считают такую классификацию условной и не подразделяют *katui* на абсолютно добрых и злых. При общении между *katui* и людьми происходит взаимообмен, при котором *katui* как бы дополняют человека [Yamada, 1994a].

Несмотря на различия между традиционным пониманием о вселенной и духах у якутов и айну, некоторые представления, появившиеся за последние десятилетия у якутских шаманов, все же сближают их с айну: новое разделение на добрых и злых, новое представление о *ichichi* и об отношениях между людьми и духами. Так как айну занимались охотой и собирательством, поклонение природе было для них базовым принципом и для них характерен дуалистический взгляд на мир. То, что сегодня якуты очень обеспокоены защитой природы, может повлиять на представления шаманов и сформировать такой же дуалистический взгляд, в основе которого – симбиоз человека и природы.

Таким образом, в процессе возрождения анимистических верований личный сверхъестественный опыт шамана и интерпретация этого опыта способны сыграть роль в создании нового взгляда на мир, поскольку вера в духов – это не теория и не доктрина, а целостное миропонимание.

Наконец, представления о духах непосредственно связаны с шаманскими практиками якутов. У якутов существовали разные типы шаманов в зависимости от того, какие функции они получили от духов. Хотя считалось, что они могли заменять друг друга, все же каждый обладал определенными компетенциями, которые помогали добиваться наилучших результатов в той или иной сфере. Большинство современных якутских шаманов выступают в качестве целителей. Новый взгляд шаманов на мир может внести новые элементы в сложившуюся шаманскую традицию либо породить новую.

Список литературы

Гоголев А. И. Мифологический мир якутов : Божества и духи-покровители. Якутск : Республиканский центр культуры и искусства им. А. Е. Кулаковского, 1994. 29 с.

- Романова Е. Н. Ойуннара // Ойунн : сборник по якутскому шаманизму. Якутск : Якутский институт языка, литературы и истории, 1993. С. 7–9. (На якутском языке).
- Романова Е. Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск : Наука, 1994. 159 с.
- Суздалов-Саппалай И. А. Айй Ойууна // Ойунн : сборник по якутскому шаманизму. Якутск : Якутский институт языка, литературы и истории, 1993. С. 47–50. (На якутском языке).
- Balzer M. M. Changing Images of the Shaman : Folklore and Politics in the Sakha Republic (Yakutia) // Shaman. 1996. Vol. 4. No. 1–2. P. 3–16.
- Balzer M. M. Shamanism and the Politics of Culture : an Anthropological View of the 1992 International Conference on Shamanism, Yakutsk, the Sakha Republic // Shaman. 1993. Vol. 1. No. 2. P. 71–96.
- Czaplicka M. A. (1914). *Aboriginal Siberia*. Oxford : The Clarendon Press, 374 p.
- Harva U. *Die Religiösen Vorstellungen der Altaischen Völker* / transl. by Katsuhiko Tanaka. Tokyo : Sanseido, 1989.
- Jochelson W. *The Yakut*. New York, 1933. 227 p. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 33. Pt. 2).
- Program and Abstracts of the 10th Conference of the International Society for Shamanistic Research : Shamanhood and Its Art, Warsaw, 5–9 October 2011. Warsaw, 2011. 96 p.
- Rozwadowski A. In Search of Shamanic Themes in Eastern Siberian Rock Art (Yakutis / Sakha Republic) // Shaman. 2014. Vol. 22. No. 1–2. P. 96–118.
- Yamada Takako. *アイヌの世界観—「ことば」から読む自然と宇宙 [The World-View of the Ainu]*. Tokyo : Koudansha, 1994a. 278 p. (In Japanese).
- Yamada Takako. Animals as the Intersection of Religion with Ecology : An Ainu Example // *Circumpolar Religion and Ecology : An Anthropology of the North* / ed. by T. Irimoto, T. Yamada. Tokyo : University of Tokyo Press, 1994b. P. 68–108.
- Yamada Takako. Spirit Possession and Shamanism among the Ladakhi in Western Tibet // *Shamans and Cultures* / ed. by H. Mihály, K. Howard. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1993. P. 214–222.
- Yamada Takako. The Concept of Universe and Spiritual Beings Among Contemporary Yakut Shamans : The Revitalization of Animistic Belief and Shamanic Tradition // *Circumpolar Animism and Shamanism*. Hokkaido : Hokkaido University Press, 1997. P. 207–228.
- Zola L. The Revival of Shamanism, Shamans, and Contemporary Art : The Case of the Sakha Republic (Yakutia) // Shaman. 2012. Vol. 20. No. 1–2. P. 157–174.

References

- Balzer, M. M. (1993). Shamanism and the Politics of Culture: an Anthropological View of the 1992 International Conference on Shamanism, Yakutsk, the Sakha Republic, *Shaman*, Vol. 1, No. 2, pp. 71–96.
- Balzer, M. M. (1996). Changing Images of the Shaman: Folklore and Politics in the Sakha Republic (Yakutia), *Shaman*, Vol. 4, No. 1–2, pp. 3–16.
- Czaplicka, M. A. (1914). *Aboriginal Siberia*. 374p. Oxford, The Clarendon Press.
- Gogolev A. I. (1994). *Mifologicheskij mir Yakutov: Bozhestva i duhi-pokroviteli*. [Mythological World of the Yakuts Deities and Spirits-Protectors]. 29 p. Yakutsk, Respublikanskij centr kul'tury' i iskusstva imeni A. E. Kulakovskogo.
- Harva, U. (transl. by Katsuhiko Tanaka). (1989). *Die Religiösen Vorstellungen der Altaischen Völker*. Tokyo, Sanseido.
- Jochelson, W. (1933). *The Yakut*. New York. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 33. Pt. 2).
- Program and Abstracts of the 10th Conference of the International Society for Shamanistic Research: Shamanhood and Its Art, Warsaw, 5–9 October 2011. (2011). 96 p. Warsaw.
- Romanova, E. (1993). Ojunnara [Oyunnara]. In *Ojunn: sbornik po yakutskomu shamanizmu* (pp. 7–9). Yakutsk, Yakutskij institut yazy'ka, literatury' i istorii. (In Yakut).
- Romanova, E. (1994). *Yakutskij prazdnik Y'sy'ah: istoki i predstavleniya* [Yakut Festival Ysyakh]. 159 p. Novosibirsk, Nauka.
- Rozwadowski, A. (2014). In Search of Shamanic Themes in Eastern Siberian Rock Art (Yakutis / Sakha Republic), *Shaman*, Vol. 22, No. 1–2, pp. 96–118.

Suzdalov-Sappalaj, I. A. (1993). Aji Ojuuna [Ayii Oyuuna]. In *Ojunn: sbornik po yakutskomu shamanizmu* (pp. 47–50). Yakutsk, Yakutskij institut yazy'ka, literatury' i istorii. (In Yakut).

Yamada, Takako. (1993). Spirit Possession and Shamanism among the Ladakhi in Western Tibet. In Mihály, H. & Howard, K. (Eds.). *Shamans and Cultures* (pp. 214–222). Budapest, Akadémiai Kiadó.

Yamada, Takako. (1994a). アイヌの世界観—「ことば」から読む自然と宇宙 [The World-View of the Ainu]. 278 p. Tokyo, Koudansha. (In Japanese).

Yamada, Takako. (1994b). Animals as the Intersection of Religion with Ecology: An Ainu Example. In Irimoto, T. & Yamada T. (Eds.). *Circumpolar Religion and Ecology: An Anthropology of the North* (pp. 68–108). Tokyo, University of Tokyo Press.

Yamada, Takako. (1997). The Concept of Universe and Spiritual Beings Among Contemporary Yakut Shamans: The Revitalization of Animistic Belief and Shamanic Tradition. In *Circumpolar Animism and Shamanism* (pp. 207–228). Hokkaido, Hokkaido University Press.

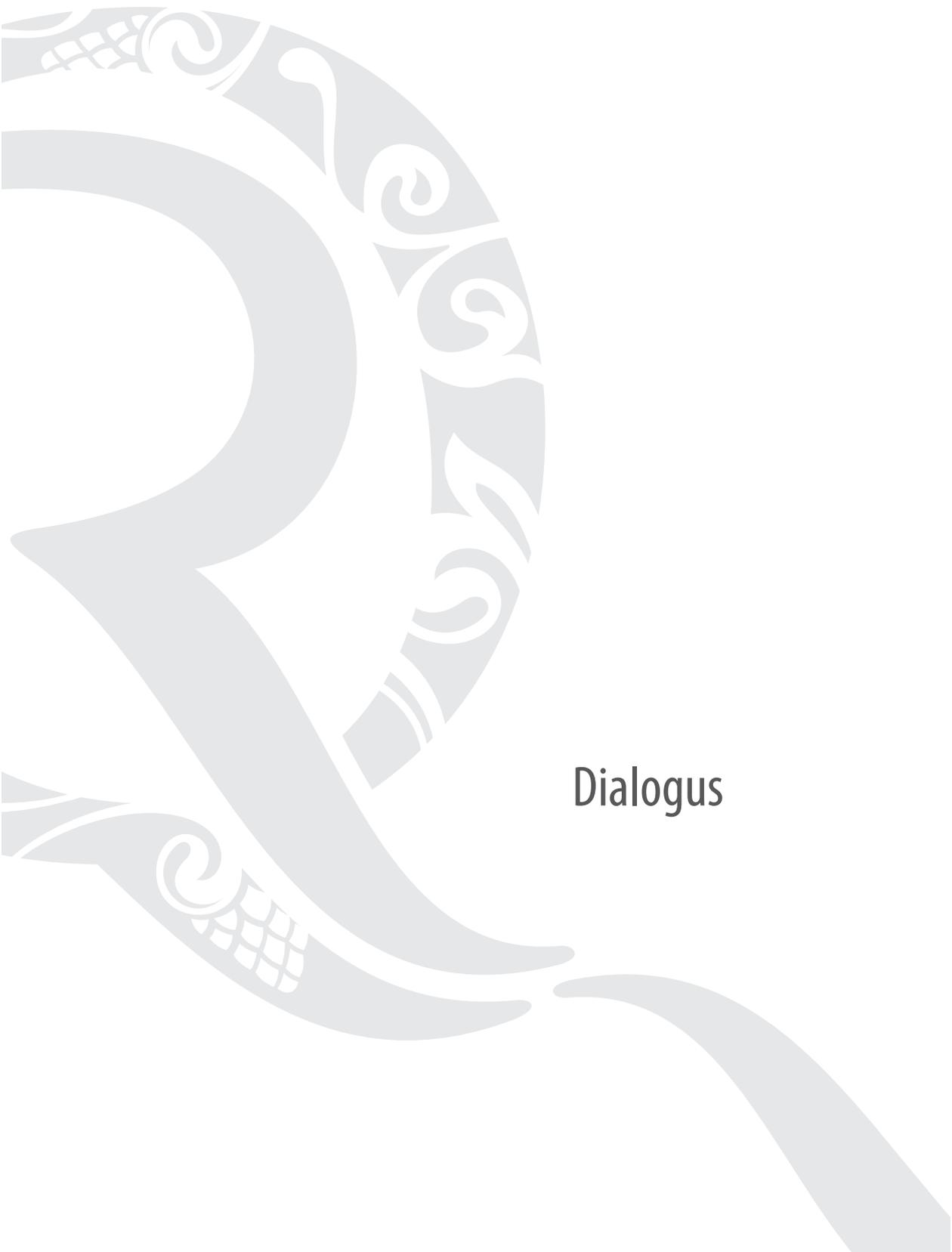
Zola, L. (2012). The Revival of Shamanism, Shamans, and Contemporary Art: The Case of the Sakha Republic (Yakutia), *Shaman*, Vol. 20, No. 1–2, pp. 157–174.

Translated by Ekaterina Chiglintseva and Elena Glavatskaya

The article was submitted on 03.05.2015

Такако Ямада,
доктор биологических наук,
профессор-эмеритус,
Университет г. Киото, Япония
yamada.takako.78a@st.kyoto-u.ac.jp

Takako Yamada, Dr.
Emeritus Professor,
Kyoto University, Japan
yamada.takako.78a@st.kyoto-u.ac.jp

Dialogus

DOI 10.15826/qr.2015.2.106

УДК 330(571.1/5)(031)+929(571.1/5)

**Евгения Комлева
Василий Зиновьев
Ольга Журавель**

**«ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ПО ИСТОРИИ
КУПЕЧЕСТВА И КОММЕРЦИИ СИБИРИ»:
ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА И РАСКРЫТЫЕ СУДЬБЫ**

**Evgeniya Komleva
Vasiliy Zinoviev
Olga Zhuravel'**

***AN ENCYCLOPAEDIC DICTIONARY OF THE HISTORY
OF THE MERCHANT CLASS AND TRADE IN SIBERIA:
RECOVERED NAMES AND DISCOVERED DESTINIES***

The article is a description of a research project that has been developed for several years now and is devoted to the study of Russian entrepreneurship history. One of the stages of the project was the creation of *An Encyclopaedic Dictionary of the History of the Merchant Class and Trade in Siberia* (Novosibirsk, Izdatel'stvo «GEO», 2012–2013). This is an unparalleled publication, the first dictionary of this kind in Russian historiography and it is worthy of attention because of the amount of information included and its structure (it contains videos, an academic bibliography, and the choice of authors is remarkable). The project is discussed by Vasiliy Pavlovich Zinoviev, professor of history (Tomsk State University), an eminent specialist in the economic history of Siberia; Evgeniya Vladislavovna Komleva, leading research fellow of the Department of the 2nd Half of the 16th – Early 20th Century History of the Institute of History (Russian Academy of Sciences, Siberian Branch), executive editor of the *Dictionary*; Olga Dmitrievna Zhuravel', dean of the faculty of Journalism, Novosibirsk State University. The article describes the problems that underlie the realization of this unique large-scale project, the informational potential of the *Dictionary* that makes it possible to substantiate not only the economic but also cultural paradigm, as well as entrepreneurship as a mode of living of Siberian merchants.

Keywords: Siberian merchants; biographies; entrepreneurship; everyday life; development of Siberian region; culture of Siberia.

Обсуждение научного проекта, длившегося несколько лет и продолжающегося сейчас, по изучению истории российского предпринимательства. Одним из этапов стало создание коллективом авторов двухтомного «Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири» (Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2012–2013). Уникальное издание, фактически первое такого рода в российской историографии, привлекает внимание объемом информации и продуманной системой оформления (видеоряд, научная библиография, подбор авторов). В обсуждении данного проекта принимают участие *Василий Павлович Зиновьев*, доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, известный специалист по экономической истории Сибири; *Евгения Владиславовна Комлева*, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН, ответственный секретарь издания; *Ольга Дмитриевна Журавель*, доктор филологических наук, декан факультета журналистики Новосибирского государственного университета. Речь пойдет о сложности реализации этого уникального ширококомасштабного проекта, об информационных возможностях словаря для раскрытия не только экономической, но и культурной парадигмы, о предпринимательстве как образе жизни сибирских купцов.

Ключевые слова: сибирское купечество, биографии, предпринимательство, повседневная жизнь, развитие сибирского региона, культура Сибири.

Евгения Комлева:

Опубликованный три года назад после восьмилетней подготовительной работы «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» представляет собой второе издание вышедшей в 1990-х гг. «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» [Краткая энциклопедия], к настоящему времени давно уже ставшей библиографической редкостью. Тогда инициатива подготовки труда, в который бы вошли биографии сотен людей, состоявших в сибирском купечестве, исходила от доктора исторических наук Дмитрия Яковлевича Резуна (1945–2012). Ему удалось заинтересовать идеей и привлечь к работе более двадцати исследователей из разных городов нашей страны – от Москвы до Владивостока, а главное – найти необходимые для публикации средства. Несмотря на то что «Краткая энциклопедия» имела ряд недостатков (например, плохое качество полиграфии, отсутствие технической редакции, постатейных сносок на использованные источники и литературу, неточности, пропуски многих важных персоналий), она стала настоящим прорывом в изучении не только предпринимательства, но и в целом истории Сибири. Читатели впервые узнали о крупных и мелких коммерсантах, действовавших на территории региона в XVIII – начале XX в., от деятельности ко-

торых зависела не только экономика, но и во многом развитие социальной сферы, формирование внешнего облика городов, культура региона.

Поскольку издание оказалось необыкновенно востребованным, очень быстро встал вопрос о его повторении, но уже в переработанном виде, с учетом прежних упущений. В 2003–2004 гг. в Институте истории Сибирского отделения РАН началась работа по подготовке второго выпуска энциклопедии. Пришлось вновь налаживать контакты с авторами, искать новых, учитывать вышедшую литературу, объем которой нарастал как снежный ком – такой популярностью пользовалась (да и сейчас пользуется) тематика, связанная с историей российского купечества. Так же, как и в 1990-х гг., в основу нового издания [Энциклопедический словарь, 2012; 2013] были положены следующие принципы: алфавитная подача биографий; максимальная широта охвата, то есть включение в справочник не только крупных предпринимателей, но и по возможности мелких торговцев, сочетание биографий с экономико-статистическими очерками о развитии российского и сибирского купечества, состоянии городов и сельских поселений Сибири, ярмарках и торжках, что позволяет получить представление не только о конкретных людях, занимавшихся предпринимательством, но и об окружавших их реалиях; интересная подача материала.

Василий Павлович, какую, на Ваш взгляд, ценность имеет данное издание для исследователей и насколько оно может заинтересовать разные категории читателей?

Василий Зиновьев:

Я благодарен Дмитрию Яковлевичу Резуну за приглашение поработать в совместном, очень интересном проекте. Когда в семидесятые годы мы писали историю рабочего класса и крестьянства в Сибири, попутно собирали информацию по истории промышленности, транспорта, торговли, ну и, само собой разумеется, по истории сибирских предпринимателей. Купечество наряду с крестьянством было главным источником формирования российского предпринимательства, поэтому у всех участников будущего проекта накопилось много сведений о сибирских купцах. Еще одним обстоятельством, способствующим такому проекту, стал возродившийся в 1990-х гг. интерес к семейной истории, в том числе у купеческих потомков, которые в советское время предпочитали помалкивать о своих предках. Был и социальный заказ – возрождался слой предпринимателей, и его лучшие представители стали задумываться о своем месте в истории. Интересы встретились: историкам было важно реализовать информацию, предпринимателям – напомнить о своем историческом значении. Лучшим способом совместить интересы ученых и читателей стал энциклопедический жанр – сугубо научный, с одной стороны, но и глубоко частный – с другой.

Юдины Геннадий Васильевич и Евгения Михайловна в саду за чаем с гостями

Евгения Комлева:

За последние годы свет увидело довольно много справочных указателей купцов по всей России, охватывающих отдельные города и субрегионы. Среди подобных изданий указатели предпринимателей Москвы [Ульянова, 1999; Ульянова, 2014], Амурской области [Деловой мир, с. 4–209], Енисейской губернии [Быконя, Комлева, Погребняк, с. 88–299; Погребняк], Алтайского округа [Скубневский, Старцев, Гончаров], Хакасии [Кискидосова, 2009, с. 180–184], Кургана [Васильева], Хабаровска [Бурилова], Енисейска [Буланков, Шумов, с. 126–135], Томска [Дмитриенко]. Большинство этих работ ориентировано на широкую публику: в биографических очерках порой нет четкой единообразной структуры, точных ссылок на литературу и использованные архивные материалы. Исключением являются указатели, составленные московским ученым, специалистом по истории благотворительности Г. Н. Ульяновой, которая представляет всю информацию в табличной форме с жестким разделением сведений по соответствующим графам и столбцам, с четким указанием источников.

А Вы, Василий Павлович, какой подход считаете предпочтительным для биографических указателей, на кого, по Вашему мнению, следует ориентироваться в большей степени: на профессиональных историков и экономистов или на читателей без какой-либо специальной подготовки?

Василий Зиновьев:

Историки, когда составляют словари, энциклопедии, вынуждены следовать той разнообразной информации, которая им оставлена временем, по этой причине не может быть полной унификации собранных данных. Не надо на этом настаивать. Но чтобы сохранить научность изданий, источники информации указывать надо обязательно и критически относиться к их содержанию. В этом случае читатель получит достоверные сведения.

Евгения Комлева:

Отход от марксизма в постсоветский период вызвал среди отечественных историков активный поиск новых исследовательских моделей. По мнению омской исследовательницы В. П. Корзун, изучающей историю российской интеллигенции, зачастую это выражается «в смещении акцентов на культурологические и социологические аспекты собственной проблематики» [Корзун, Кузнецова, Осадченко, с. 74]. Очевидно, что эта тенденция отразилась и в «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири». Какие, по Вашему мнению, методологические подходы лежат в основе данного издания и как они сказываются на способе подачи и интерпретации материала?

Василий Зиновьев:

Думаю, что от марксизма, изучая историю индустриального общества, невозможно отказаться, так как это наиболее адекватная ему теория. Надо различать советский усеченный догматизированный марксизм и реальный, способный к развитию и рождению других модернизационных теорий. Сейчас есть возможность для изучения истории привлечь и другие схемы – цивилизационные, культурологические. Мы не спорили по поводу методологии и методики, отказались только от наиболее упрощенных приемов классового подхода.

Евгения Комлева:

Как уже говорилось, при подготовке «Словаря» значительная часть статей была существенно переработана на основе новых данных. Например, удалось состыковать ранее разрозненные сведения о деятельности известных во многих сибирских городах купцов еврейского происхождения Каминерах [Энциклопедический словарь, 2012, с. 291–292], существенно дополнить историю династии крупных барнаульских, мариинских и красноярских купцов Щеголевых [Энциклопедический словарь, 2013, с. 434–436].

Отмечая важность изучения и реконструкции биографий купцов, барнаульский историк А. Р. Ивонин писал, что это «дает возможность перехода от простого подбора исторических фактов к известным, нередко априорным историко-социологическим схемам... к изучению социально-экономической, социокультурной и политической жизни региона во всем ее многообразии» [Ивонин, с. 81]. Можно ли говорить о каких-то закономерностях функционирования купеческого капитала на территории Сибири? Например, знакомство с историей некоторых династий наводит на мысль о справедливости распространенного сейчас взгляда на историю общества как на последовательную смену циклов из трех поколений: первое поколение накапливало капитал, второе – тратило его на собственные нужды, расширяло сферу интересов, третье – разлагалось и нищало. Как Вы относитесь к подобной трактовке пути, пройденного сибирским купечеством?

Василий Зиновьев:

Если посмотреть на историю семей Ротшильдов, Турн-и-Таксис, Морганов, Дюпонов, Кеннеди и тысяч других, то эта теория не срабатывает. Но действительно, в жизни многих семей прослеживается такая тенденция: одни добиваются нового социального статуса, вторые пользуются им как естественным для себя, третьи теряют интерес к делу предков и ставят другие цели. Например, путь династии Кандинских: Петр Алексеевич и Хрисанф Петрович – разбойники, ставшие купцами, Сильвестр Хрисанфович – добропорядочный нерчинский купец первой гильдии, Василий Сильвестрович – интеллигентный буржуазный житель Одессы, Василий Васильевич – основоположник абстракционизма как искусства; Иосаф Хрисанфович и Хрисанф

Иосафович – нерчинские купцы, а Виктор Хрисанфович – основоположник отечественной психиатрии. Сибирские купцы Посохины дали архитектора советской Москвы Михаила Михайловича Посохина, Сафьяновы – революционера, основателя Тувинской республики Иннокентия Георгиевича (Эккендея), Сабашниковы стали издателями, Шеймины и Лопаревы из самаровских рыбопромышленников превратились в петербургских ученых, Зензиновы – в литераторов, томские Рукавишниковы дали России космонавта Николая Николаевича. Можно перечислять очень долго.

Евгения Комлева:

Сейчас много говорят о том, что купцы внесли огромный вклад в историю Сибири. В частности, на состоявшейся в апреле 2014 г. в Томске Первой Всероссийской научной конференции «Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие» отмечалось, что сибирскому купечеству были присущи патриотизм и любовь к Отечеству [Сибирское купечество, с. 379]. Однако нельзя забывать и о том, что в основе самого купеческого ремесла – торговли – лежит стремление к обогащению и некоторые купцы не особенно церемонились в выборе средств при сколачивании капитала. Вы только что упомянули об основателях крупного купеческого рода Кандинских, занимавшихся разбоем. А вот что говаривал один из представителей многочисленного купеческого клана Гадаловых своим клиентам: «Захочу – раздавлю как гниду, а захочу – помилую» [Кискидосова, 2012, с. 70]. То есть мы видим, что купечество было очень неоднородным по своему составу и ценностным ориентирам. Но все же каких людей среди купцов, по Вашему мнению, было больше: добрых, щедрых благотворителей, радеющих за своих сограждан, или ни перед чем не останавливающихся дельцов, способных на все ради наживы? И происходили ли с течением времени какие-либо изменения в мировоззрении купцов, менялось ли их значение для жизни общества?

Василий Зиновьев:

Купечество, как и любой другой социальный слой, было неоднородно, но имело свои традиции, обычаи. В купечестве боролись две тенденции в методах ведения дел – стремление обмануть («объегорить») партнера, чаще всего случайного, и стремление соблудности «купеческое слово» в отношениях с партнерами постоянными. Сделки на китайской границе в Кяхте производились без записей, под честное слово, на миллионы рублей. «Немая» торговля в тайге и тундре велась тоже на честном слове, партнеры друг друга порой никогда не видели, оставляя товар в условном месте. Обман постепенно уходил, заменяясь надежностью, которая становилась более выгодной. Благотворительность предпринимателей, с одной стороны, была их частью общественного разделения обязанностей, она поощрялась государ-

ственными наградами, общественным почетом, с другой стороны, благотворительность была вынужденным шагом купечества в подготовке кадров – это содержание учебных заведений, приютов. Милосердие, таким образом, было «вмонтировано» в социальные функции купечества. Мера щедрости определялась, конечно, характером и семейными обстоятельствами. Бездетные купцы все отдавали обществу. З. М. Цибульский отдал средства Сибирскому университету, М. М. Миллюнонec – городу Томску.

Ольга Журавель:

Купечество – при всей открытости новым знаниям, навыкам и контактам в сфере предпринимательства, при всей динамичности, мобильности – отличалось консерватизмом, приверженностью традициям. Можно ли утверждать, что именно присущий сословию консерватизм стал одной из причин того, что купечество сыграло значительную роль в сохранении исторической и культурной памяти, культурного наследия? Думаю, это не только память рода, память о предках. Ведь были среди купцов знаменитые просветители: достаточно, например, вспомнить Петра Ивановича Макушина, считавшего, что «просвещение народа – прежде всего», или книжных коллекционеров Геннадия Васильевича Юдина, Петра Ильича Пежемского. Последний, как я прочла в статье Словаря, тридцать лет работал над «Панорамой Иркутской губернии». Каким направлениям культурной, просветительской деятельности отдавали предпочтение сибирские купцы?

Евгения Комлева:

Действительно, многие купцы проявили себя на ниве благотворительности: зачастую сделанные ими пожертвования на православную церковь, в пользу бедных и больных, на нужды армии, благоустройство городов, образовательные учреждения, науку и искусство, поражают своими размерами. Что касается роли сибирских купцов в сохранении культурного наследия и исторической памяти, то ее трудно переоценить. Купцы тратили огромные средства, помогая организовывать научно-исследовательские экспедиции, издавать труды по истории региона, коллекционировали предметы старины, картины, книги. При этом они не ограничивались лишь удовлетворением своей любознательности, но желали, чтобы как можно больше людей узнали о прошлом и настоящем Сибири, получили возможность учиться, пользоваться книгами. Например, часто по инициативе купцов и на их средства создавались краеведческие музеи, становившиеся настоящими культурно-просветительскими центрами в разных сибирских городах. Стоит вспомнить Александра Игнатьевича Кытманова, который свыше двадцати лет безвозмездно заведовал таким музеем в Енисейске и приложил немало усилий для комплектации его фондов.

Ольга Журавель:

Василий Павлович, размышляя о разнообразных жизненных траекториях нескольких поколений купеческих родов, называл имена Василия Кандинского, Михаила Посохина, Хрисанфа Лопарева и других. Все это яркие личности, вышедшие из купеческого сословия, но прославились они, как известно, на других поприщах – в искусстве, науке, политике. Не буду уводить в сторону разговор, рассуждая о том, что, наверное, врожденная энергия, трудолюбие и прочие качества, полученные из семьи, немало способствовали этому. Вопрос в другом.

Не могли бы Вы назвать ярких личностей среди купцов, чья жизнь могла бы и сейчас стать основой для сюжета, послужить материалом не только для писателя, сценариста игрового кино, но и для журналиста или кинодокументалиста? Драматургия А. Островского, романы Вяч. Шишкова и других русских писателей отразили немало купеческих характеров и судеб, и русская литература еще до исторической науки предложила свои интерпретации и образы. Все они – результат авторских обобщений, и все используют вымысел. В последнее время в журналистике, в том числе в научно-популярных исторических журналах, очень популярен жанр *storytelling*: читатели и зрители охотно следят за реальными историями. Есть ли среди реальных персонажей Словаря личности, которые могли бы послужить героями таких жизненных историй?

Евгения Комлева:

Среди сибирских купцов было немало людей с интересными биографиями. Про купца из французов, владельца крупнейшего графитового рудника в России Жана Пьера (Ивана Петровича) Алибера в 1884 г. французская газета «Ле Фигаро» писала: «Жизнь Алибера фантастичнее всего, что можно себе представить, и его имя могло бы с успехом фигурировать в романах Жюль Верна и Буссенара». Достойны романа и судьбы знаменитого исследователя сибирского севера красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова, «Колумба российского», одного из главных основателей знаменитой Российско-американской компании Григория Ивановича Шелихова, иркутянина Иннокентия Михайловича Сибирякова, закончившего свои дни на Афоне, много потрудившегося для налаживания русско-китайской торговли тарского купца Ивана Алексеича Нерпина. Подобных примеров можно привести огромное количество – жизнь большинства купцов была насыщенной событиями, трудностями, борьбой, удачами и разочарованиями. Другое дело, что не об очень многих купцах сохранились полноценные, исчерпывающие источники, в первую очередь, конечно, личного происхождения, позволяющие детально разобраться во всех перипетиях, постигавших этих людей на жизненном пути, получить представление о их характере, манере поведения, внешнем облике. К настоящему времени вышли издания, посвященные М. А. Зензинову [Суркова, Алферина],

М. Д. Бутину [Ушакова], Г. И. Шелихову [Ситников], Г. В. Юдину [Половникова], Кандинским [Бараев; Жеребцов], Гадаловым [Киселев], Басниным [Связь времен], Кузнецовым [Сысоева]. Приведенный в них богатейший биографический материал вполне мог бы стать основой для создания литературно-художественных произведений и фильмов, рассчитанных на самую широкую аудиторию.

Василий Зиновьев:

Я согласен с Евгенией Владиславовной, что сибирские купцы достойны внимания писателей и сценаристов. В любом сибирском городе обязательно есть персонажи народной истории из купеческого сословия: в Томске – Кухтерины и Карым Хамитов, в Нарыме – Родюковы, в Тюмени – Гилевы, в Мариинске – Савельевы, в Минусинске – Сафьяновы, в Барнауле – Ворсины, в Вилуйске – Санниковы, в Нерчинске – Бутины, в Баргузине – Новомейские, в Иркутске – Сибиряковы, в Кяхте – Сабашниковы и другие. Их семейные истории порой занимательней, чем в самых крутых детективах.

Ольга Журавель:

То, что сейчас сказали Василий Павлович и Евгения Владиславовна о социальном поведении, образе жизни купцов, о типичных и при этом столь разнообразных особенностях их характеров, на мой взгляд, представляет огромный интерес. И прежде всего потому, что эти наблюдения сделаны профессионалами, много лет работавшими с источниками. Работа над энциклопедическим словарем не терпит субъективности. На мой взгляд, Словарь содержит ценнейший материал для изучения не только русской, но и сибирской идентичности, для понимания особенностей как русского национального, так и сибирского характера. А ведь эта проблема уже не одно столетие составляет камень преткновения в отечественной и зарубежной науке. Стремление к разгадке пресловутой тайны русской души породило множество мифов и стереотипов, но не утратило своей актуальности. Я думаю, что Словарь может быть полезен тем, кто намерен следовать не сложившимся в массовом сознании стереотипам, а понять глубинные основы сибирского характера, проникнуть в суть сибирской идентичности.

Можно ли уже сейчас говорить о каких-то специфических особенностях сибирского купца, о том, что Сибирь накладывала свой отпечаток на характер купца, на его поведение? Можем ли мы ставить вопрос о существовании типа (или типов) сибирского купца? И если так, то каковы особенности именно этого типа, отличающие его от купца, скажем, самарского или нижегородского?

Евгения Комлева:

Прежде всего, в Сибири, по сравнению с Европейской Россией, социальный статус купцов был гораздо выше: при малочисленно-

сти дворянства и чиновничества купцы составляли не только финансовую, но и культурную элиту региона. Купеческие дома часто становились центрами общественной жизни в сибирских городах, местом, где встречались самые образованные представители социума, ссыльные декабристы, русские и иностранные ученые и путешественники. В купеческих особняках останавливались и проезжавшие по Сибири члены Императорского дома. Современники отмечали присущие сибирским купцам дружелюбие, гостеприимство. По словам норвежского консула Й. Лида, приехавшего в Красноярск в конце XIX в., «не нужно было предъявлять визитку, чтобы зайти в гости – вас сразу звали в гостиную, где уже дымился самовар» [Лид, с. 78]. Некоторые исследователи обращают также внимание на то, что в Сибири купцы держали себя независимее, чем их собратья из центральной части страны, не терпели злоупотреблений и произвола чиновничьей бюрократии и, в случае необходимости, не боялись отстаивать свои права.

Василий Зиновьев:

Ведущие исследователи купечества Сибири В. Н. Разгон, В. П. Бойко, исследуя менталитет сибирских купцов, обращали больше внимания не на сибирские особенности, а на формирование психологии и поведения их как предпринимателей, на постепенное изживание крестьянских патриархальных традиций, подражание чиновникам. В Сибири, так же как и в других частях России, образовывался слой буржуазии, имеющей рациональные мотивы в деятельности, грамотной и культурной, осознающей свою особенность и значимость в жизни общества. Но историки отмечают и медленность этого процесса.

Евгения Комлева:

А что бы Вы, Василий Павлович, сказали о разнице между купечеством отдельных сибирских городов: наблюдались ли какие-либо региональные особенности поведения и социального статуса предпринимателей?

Василий Зиновьев:

Есть основания говорить, что характер занятия купцов влиял на их поведение. Так, наиболее культурными и просвещенными были иркутские и кяхтинские купцы, получавшие доходы от торговли чаем. Золотопромышленники Енисейска, Красноярска, Томска, Баргузина были технически грамотнее других. Сильнее все же влияло на характер купцов социальное и этническое происхождение. Купцы из крестьян долго соблюдали патриархальные обычаи, выходцы из городских сословий имели бóльший культурный лоск. Купцы из евреев, немцев, татар, бурят отличались от русских. Но в любом случае купцы были опорой своих общин в городах.

Евгения Комлева:

Одно из популярных направлений современной отечественной историографии связано с изучением гендерных аспектов истории. Как бы Вы, Василий Павлович, кратко охарактеризовали положение женщины в купеческой среде?

Василий Зиновьев:

Поведение женщин подчинялось традициям патриархальной семьи. Жена исполняла волю мужа. Но, став вдовой, она принимала на себя обязанности главы семьи, нередко проявляя недюжинные деловые способности, как, например, Елизавета Медведникова, Мария Останина в Иркутске, Татьяна Родюкова в Нарыме и т. д.

Евгения Комлева:

Какие задачи, связанные с изучением истории сибирского купечества, по Вашему мнению, Василий Павлович, на сегодняшний день удалось решить, а за какие еще только предстоит браться исследователям?

Василий Зиновьев:

Публикация энциклопедического словаря по истории сибирского купечества, региональных энциклопедий, монографий В. П. Бойко [Бойко, 1996; Бойко, 2007], В. Н. Разгона [Разгон], А. В. Старцева [Старцев, Гончаров; Старцев], Вашей книги о енисейском купечестве [Комлева] и других исследований – все это только начало изучения купечества как сословия. Нет обобщающего труда, который бы показал значение купечества в освоении Сибири, в становлении современной России. Чем дальше события прошлого, тем грандиознее представляется подвиг наших предков, присоединивших и освоивших Северную Азию, тем явственнее проступает геополитическое значение открытия и закрепления сибирских ресурсов за Россией. Сибирское купечество внесло большой вклад в этот всемирно-исторический процесс. Нужен большой общероссийский проект по подготовке истории освоения Сибири, в которой купечество заняло бы свое почетное место.

Евгения Комлева:

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, конечно, библиографические справочники по истории купечества играют неопределимую роль в деле реконструкции истории отдельных купеческих родов: в них по крупицам из разных источников приводятся сведения про отдельных купцов и про целые купеческие династии. И это вызывает живой отклик читателей: в редакцию постоянно приходят письма от потомков и краеведов с вопросами и уточнениями. Однако помимо вклада в генеалогические изыскания справочные издания ценны еще и тем, что в них собран воедино огромный материал, соз-

дающий уникальную базу для дальнейших исследований самых различных сторон жизнедеятельности дореволюционных предпринимателей разного уровня. Эта информационная база, которую, конечно, нельзя считать исчерпывающей и можно пополнять еще долгие годы, дает возможность для анализа всех сторон жизнедеятельности сибирских купцов: их торговых оборотов, предпринимательства, состава семей, участия в общественном самоуправлении, уровня культурного развития, благотворительности.

Список литературы

Бараев В. В. Древо: декабристы и семейство Кандиных. М. : Издательство политической литературы, 1991. 272 с.

Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. : Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 424 с.

Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII – XIX в. : Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.

Буланков В. В., Шумов К. Ю. Енисейск : Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1999. 216 с.

Бурилова М. Ф. Хабаровск купеческий в фотографиях и документах. Хабаровск : Приамурские ведомости, 1999. 48 с.

Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.

Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX в.): в 2 т. Шумиха : ШМРТ, 2010. Т. 1 384 с. ; Т. 2. 320 с.

Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.). Т. 2. Благовещенск-на-Амуре : Амурская ярмарка, 2013. 320 с.

Дмитриенко Н. М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 2014. 336 с.

Жеребицов Г. А. Купцы Кандиные и их потомки. Чита : Редакционно-издательский комплекс пресс-центра Управления Судебного департамента в Забайкальском крае, 2012. 400 с.

Ивонин А. Р. Сибирские предприниматели дореформенного периода: штрихи к историческому портрету // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : Сборник биографических очерков. Новосибирск : Сова, 2007. С. 81–94.

Киселев Л. В. Гадаловы. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2012. 208 с.

Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан : Бригантина : Журналист, 2012. 312 с.

Кискидосова Т. А. Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в. Абакан : РОСА, 2009. 186 с.

Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М. : Academia, 2006. 384 с.

Корзун В. П., Кузнецова О. В., Осадченко Б. А. Научное сообщество омских историков в интерьере биобиблиографического словаря // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 73–76.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4 т. Новосибирск : РИПЭЛ-плюс, 1994–1997.

Лид И. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М. : Весь мир, 2009. 304 с.

Погребняк А. И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск : Изд-во Красноярского гос. торг.-экон. ин-та : Красноярский рабочий, 2002. 368 с.

Половникова И. А. Геннадий Васильевич Юдин. Жизнь. Библиотека. М. : Новосты, 2010. 456 с.

Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. : Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999. 660 с.

Связь времен : Баснины в истории Иркутска : сб. ст. Иркутск : Иркутское отделение Музея связи Сибири, 2008. 152 с.

Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : Материалы Первой Всероссийской научной конференции. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2014. 386 с.

Ситников Л. А. Григорий Шелихов. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1990. 412 с.

Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая, 1861–1917 гг. : Энциклопедия. Барнаул : Демидовский фонд, 1996. 112 с.

Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2003. 308 с.

Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.) : учебное пособие. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999. 215 с.

Суркова Н. А., Алферина М. И. Михаил Андреевич Зензинов – краевед, естествоиспытатель Забайкалья (20–70-е годы XIX в.). Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ГОУ ВСГАКИ, 2004. 254 с.

Сысоева Л. А. Во славу любезного Отечества : Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск : Сибирский печатный двор, 2010. 120 с.

Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей, 1860–1914 гг. М. : Мосгосархив, 1999. 512 с.

Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей, 1860–1914 : Словарь купцов-благотворителей. М. : Форум, 2014. 496 с.

Ушакова О. В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 2006. 300 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Т. 1. Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 2012. 450 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Т. 2. Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 2013. 464 с.

References

Baraev, V. V. (1991). *Drevo: dekabrysty' i semejstvo Kandinskih* [A Tree: Decembrists and the Kandinsky Family]. 272 p. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury'.

Bojko, V. P. (1996). *Tomskoye kupechestvo v konce XVIII – XIX v.: Iz istorii formirovaniya sibirskoj burzhuzii* [Tomsk Merchants in the Late 18th – Early 19th Centuries: On the History of Siberian Bourgeoisie Formation]. 320 p. Tomsk, Vodoley.

Bojko, V. P. (2007). *Kupechestvo Zapadnoj Sibiri v konce XVIII – XIX v.: Oчерki social'noj, otraslevoj, by'tovoj i mental'noj istorii* [The Merchants of Western Siberia in the Late 18th – 19th Centuries: Essays on Social, Sector, Everyday Life and Mental History]. 424 p. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Bulankov, V. V. & Shumov, K. Yu. (1999). *Enisejsk. Oчерki po istorii razvitiya i zastrojki goroda* [Yeniseysk: Essays on the History of the City's Development and Construction]. 216 p. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Burilova, M. F. (1999). *Habarovsk kupecheskij v fotografijah i documentah* [Trade Khabarovsk in Photographs and Documents]. 48 p. Khabarovsk, Priamurskie vedomosti.

By'konya, G. F., Komleva, Ye. V. & Pogrebnyak, A. I. (2012). *Enisejskoye kupechestvo v liczah (XVIII – nachalo XX v.)* [Yeniseysk Merchants: Personalities (18th – Early 20th Centuries)]. 316 p. Novosibirsk, SO RAN.

Delovoj mir Priamur'ya (seredina XIX – nachalo XX v.) [The Business World of the Amur River Region (Mid-19th – Early 20th Centuries)]. (2013). (Vol. 2, 320 p.). Blagoveshchensk-na-Amure.

Dmitrienko, N. M. (2014). *Tomskie kupcy': biographicheskij slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk Merchants: A Bibliographic Dictionary (2nd Half of the 18th – Early 20th Century)]. 336 p. Tomsk.

E'ncyklopedicheskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri [An Encyclopaedic Dictionary of the History of the Merchant Class and Trade in Siberia: in 2 vols.]. (2012). (Vol. 1). 450 p. Novosibirsk, Geo.

E'ncyklopedicheskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri [An Encyclopaedic Dictionary of the History of the Merchant Class and Trade in Siberia: in 2 vols.]. (2013). (Vol. 2). 464 p. Novosibirsk, Geo.

Ivonin, A. R. (2007). Sibirskie predprinimateli doreformennogo perioda: shtrihi k istoricheskomu portretu [Siberian Entrepreneurs of the Pre-Reform Period: A Study for a Historic Portrait]. In *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vekov* (pp. 81–94). Novosibirsk, Sova.

Kiselev, L. V. (2012). *Gadalovy'* [The Gadalovs]. 208 p. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri.

Kiskidosova, T. A. (2009). *Torgovo-promyshlennoe predprinimatel'stvo Achinsko-Minusinskogo kraja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Commercial and Industrial Entrepreneurship of Achinsk-Minusinsk Region in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. 186 p. Abakan, ROSA.

Kiskidosova, T. A. (2012). *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Yeniseysk Governorate Citizens' Everyday Life in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. 312 p. Abakan, Brigantina, Zhurnalist.

Komleva, E. V. (2006). *Enisejskoe kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Yeniseysk Merchants (Last Quarter of the 18th – 1st Half of the 19th Century)]. 384 p. Moscow, Academia.

Korzun, V. P., Kuznecova, O. V. & Osadchenko, B. A. (1999). Nauchnoe soobshhestvo omskih istorikov v inter'ere biobibliograficheskogo slovarya [The Academic Community of Omsk Historians in a Bio-bibliographic Dictionary]. In *Vestnik Omskogo universiteta*. Iss. 4, pp. 73–76.

Kratkaya e'nciklopediya po istorii kupechestva i kommercii Sibiri [A Short Encyclopaedia of the Life of Merchants and Trade in Siberia] (in 4 vols.). (1994–1997). Novosibirsk, RIPE'L-plyus.

Lid, J. (2009). *Sibir' – strannaya nostalgija. Avtobiografiya* [Siberia – A Strange Nostalgia. An Autobiography]. 304 p. Moscow, Ves' mir.

Pogrebnyak, A. I. (2002). *Kupcy'-predprinimateli Enisejskoj gubernii* [Merchants Entrepreneurs of Yeniseysk Governorate]. 368 p. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo torgovo-e'konomicheskogo instituta, Krasnoyarskij rabochij.

Polovnikova, I. A. (2010). *Gennadij Vasil'vich Yudin. Zhizn'. Biblioteka* [Gennadiy Vasilyevich Yudin. His Life. His Library]. 456 p. Moscow, Novosti.

Razgon, V. N. (1999). *Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoj polovine XIX v.: Regional'nyj aspekt predprinimatel'stva tradicionnogo tipa* [Siberian Merchants of the 18th – 1st Half of the 19th Centuries: A Regional Aspect of Traditional Entrepreneurship]. 660 p. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo universiteta.

Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie [Siberian Merchants: Origins, Activities, Legacy: Materials of the 1st All-Russian Conference]. (2014). 386 p. Tomsk, TGASU.

Sitnikov, L. A. (1990). *Grigorij Shelihov* [Grigoriy Shelikhov]. 412 p. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Skubnevskij, V. A., Starcev, A. V. & Goncharov, Yu. M. (1996). *Predprinimateli Altaya, 1861–1917 gg.: E'nciklopediya* [The Businessmen of Altai, 1861–1917: An Encyclopaedia]. 112 p. Barnaul, Demidovskij fond.

Starcev, A. V. (2003). *Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian Trade in Mongolia: (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. 308 p. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo universiteta.

Starcev, A. V., & Goncharov, Yu. M. (1999). *Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII–nachalo XX v.)* [The History of Entrepreneurship in Siberia (17th – Early 20th Centuries): A Tutorial]. 215 p. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo universiteta.

Surkova, N. A. & Alferina, M. I. (2004). *Mihail Andreevich Zenzinov – kraeved, estestvoispytatel' Zabajkal'ya (20–70-e gody' XIX v.)* [Mikhail Andreevich Zenzinov, a Regional Ethnographer and Naturalist from Transbaikal (1820–1870s)]. 254 p. Ulan-Ude, VSGAKI.

Svyaz' vremen: Basniny' v istorii Irkutsk [The Connection of Times: The Basnins in the History of Irkutsk]. (2008). 152 p. Irkutsk, Irkutskoe otdelenie Muzeya svyazi Sibiri.

Sysoeva, L. A. (2010). *Vo slavu lyubeznogo Otechestva. Sem'ya Kuznecovy'h v istorii Krasnoyarska i Rossii* [In Honor of the Beloved Motherland: The Kuznetsov Family in the History of Krasnoyarsk and Russia]. 120 p. Krasnoyarsk, Sibirskij pechatnyj dvor.

Ul'yanova, G. N. (1999). *Blagotvritel'nost' moskovskih predprinimatelej, 1860–1914 gg.* [Charity Activities of Moscow Entrepreneurs, 1860–1914]. 512 p. Moscow, Mosgosarhiv.

Ul'yanova, G. N. (2014). *Blagotvritel'nost' moskovskih predprinimatelej, 1860–1914 gg.* [Charity Activities of Moscow Entrepreneurs, 1860–1914: A Dictionary of Merchant Patrons]. 496 p. Moscow, Forum.

Ushakova, O. V. (2006). *Mihail Dmitrievich Butin. Predprinimatel' i mecenat Zabajkal'ya (60-e gg. XIX – nachalo XX v.)* [Mikhail Dmitrievich Butin. A Businessman and Patron of Transbaikal (1870s – Early 20th Century)]. 300 p. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Vasil'eva, A. M. (2010). *Kurganskoe kupechestvo (konecz XVIII – nachalo XX v.)* [Kurgan Merchants (Late 18th – Early 20th Centuries)] (in 2 vols.). (Vol. 1, 384 p.; Vol. 2, 320 p.). Shumikha, ShMRT.

Zherebczov, G. A. (2012). *Kupcy' Kandinskie i ih potomki* [Merchants Kandinsky and Their Descendants]. 400 p. Chita.

The article was submitted on 28.03.2015

Евгения Владиславовна Комлева,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории Сибирского
отделения Российской академии
наук,
Новосибирск, Россия
feodal@history.nsc.ru

Evgeniya Komleva, Dr,
Senior Researcher, Institute of His-
tory,
Siberian Branch of the Russian Acad-
emy of Sciences,
Novosibirsk, Russia,
feodal@history.nsc.ru

Василий Павлович Зиновьев,
профессор,
Томский государственный
университет,
Томск, Россия
vpz@tsu.ru

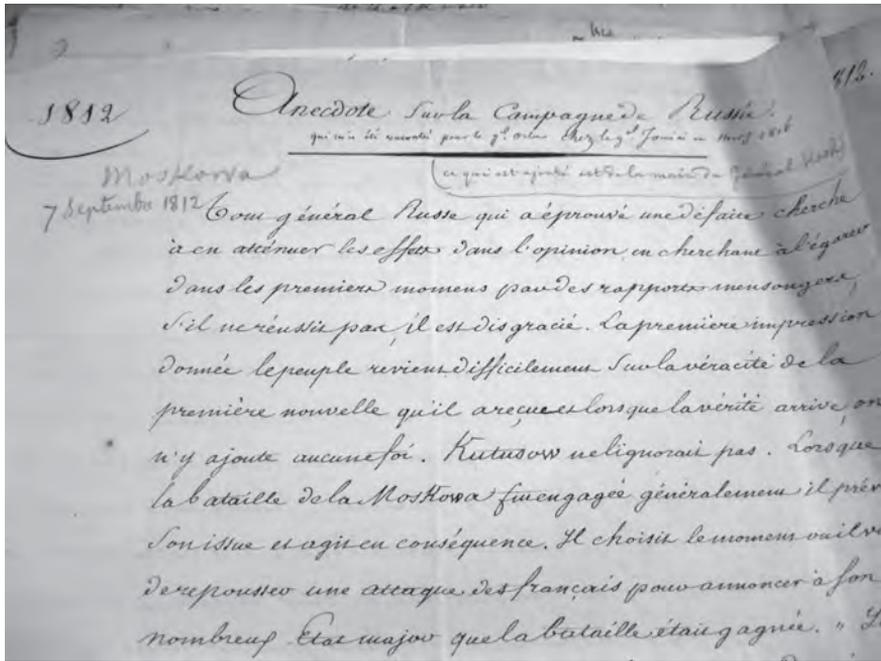
Vasiliy Zinoviev,
Professor,
Tomsk State University,
Tomsk, Russia
vpz@tsu.ru

Ольга Дмитриевна Журавель,
доктор филологических наук,
Новосибирский государственный
университет,
Новосибирск, Россия
olga_zhuravel@mail.ru

Olga Zhuravel', Dr.,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
olga_zhuravel@mail.ru

Miscellanea

Неизвестный автор. Заметки «Anecdote sur la Campagne de Russie». 1816 (?).
Париж, Service historique de la Défense. C2 130

Miscellanea

DOI 10.15826/qr.2015.2.107

УДК 94(470)“1812”+821.161.1 Толстой-31+82.091 Владимир Земцов

**МИХАИЛ КУТУЗОВ, ЛЮДВИГ ФОН ВОЛЬЦОГЕН
И ЖАРЕНАЯ КУРИЦА (ЭПИЗОД БОРОДИНСКОГО
СРАЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДОКУМЕНТЕ
И РОМАНЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО)**

Vladimir Zemtsov

**MIKHAIL KUTUZOV, LUDWIG VON WOLZOGEN
AND ROAST CHICKEN (AN EPISODE OF THE BATTLE
OF BORODINO IN AN HISTORICAL DOCUMENT
AND LEO TOLSTOY'S NOVEL)**

L. N. Tolstoy's *War and Peace* describes the arrival of adjutant L. Wolzogen at M. I. Kutuzov's headquarters during the battle of Borodino in an attempt to convince the commander that the battle had been lost. Kutuzov rejects the message and states that the enemy has been defeated, claiming that the Russian army will embark on the offensive the following day. Tolstoy describes the events ironically, and the scene demonstrates different human and national attitudes to the war. Kutuzov is characterized by perspicacity and wisdom, a levelled attitude and belief in the Russian Army. Ludwig Wolzogen, an officer of German descent, is a man of pedantic calculation that does not believe in the possibility for the Russians to win the war. Besides the fact that this description determined the perception of the events in question by Tolstoy's readers, it also conditioned the subsequent interpretation of the episode in artefacts. The article makes an attempt to find the probable sources of Tolstoy's version of the events and reconstruct Kutuzov's meeting with Wolzogen. With reference to a historical document, the author restores the good name of the German officer serving in the Russian Army. The author first publishes the account of the events made in 1816 and stored in the collection of the Historical Service of the French Ministry of Defense.

Keywords: Battle of Borodino; M. I. Kutuzov; L. Wolzogen; L. N. Tolstoy.

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» описал сцену, где в ходе Бородинского сражения в ставку М. И. Кутузова прибывает флигель-адъютант Л. Вольцоген, который пытается уверить главнокомандующего в том, что сражение проиграно. Кутузов отвергает его донесение и заявляет, что неприятель разбит и русская армия перейдет завтра в наступле-

ние. Под пером писателя встреча получила ироническую окраску, эпизод демонстрировал различное человеческое и национальное отношение к войне. В образе Кутузова воплотились пронизательность и мудрость, спокойствие и вера в русскую армию. Людвиг Вольцоген, офицер немецкого происхождения, отличается педантичной расчетливостью, неверием в возможности русских одержать победу. Помимо того, что такое описание вызывало соответственное отношение читателей Толстого, оно предопределило дальнейшую интерпретацию эпизода в артефактах. В статье выявляются вероятные источники версии Толстого и с возможной исторической достоверностью реконструируется картина встречи Кутузова и Вольцогена. На основе исторического документа автор восстанавливает доброе имя мужественного немецкого офицера на русской службе. Впервые публикуется запись обстоятельств этого эпизода, сделанная в 1816 г. и хранящаяся в фондах Исторической службы Министерства обороны Франции. Документ приводится на оригинале (французский язык) и в переводе на русский.

Ключевые слова: Бородинское сражение, М. И. Кутузов, Л. Вольцоген, Л. Н. Толстой.

В главе XXXV второй части третьего тома «Войны и мира» Лев Толстой описал сцену приезда флигель-адъютанта Людвиг фон Вольцогена с донесением от главнокомандующего 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли о ходе дел в центре и на левом фланге.

Благоразумный Барклай де Толли, видя толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии, взвесив все обстоятельства дела, решил, что сражение было проиграно, и с этим известием прислал к главнокомандующему своего любимца.

Кутузов с трудом жевал жареную курицу и сузившимися, повеселевшими глазами взглянул на Вольцогена.

Вольцоген, небрежно разминая ноги, с полупрезрительной улыбкой на губах, подошел к Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою. <...> «Der alte Herr (как называли Кутузова в своем кругу немцы) macht sieht ganz bequem», – подумал Вольцоген и, строго взглянув на тарелки, стоявшие перед Кутузовым, начал докладывать старому господину положение дел на левом фланге так, как приказал ему Барклай и как он сам его видел и понял.

– Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбить нечем, потому что войск нет; они бегут, и нет возможности остановить их, – докладывал он.

Кутузов, остановившись жевать, удивленно, как будто не понимая того, что ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцоген, заметив волнение des alten Herrn, с улыбкой сказал:

– Я не считал себя вправе скрыть от вашей светлости того, что я видел... Войска в полном расстройстве...

– Вы видели? Вы видели?.. – нахмурившись, закричал Кутузов, быстро вставая и наступая на Вольцогена. – Как вы... как вы смеете!.. – делая угрожающие жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричал он. – Как смеете вы, милостивый государь, говорить это мне. Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения неверны и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему.

Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его.

– Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперемное намерение атаковать неприятеля, – строго сказал Кутузов. Все молчали, и слышно было одно тяжелое дыхание запыхавшегося старого генерала. – Отбиты везде, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской, – сказал Кутузов, крестясь; и вдруг всхлипнул от наступивших слез. Вольцоген, пожав плечами и скривив губы, молча отошел к стороне... [Толстой, с. 249–250]¹.

На какие свидетельства опирался Л. Н. Толстой? Впервые описание этой сцены было опубликовано в 1851 г. в воспоминаниях самого Вольцогена. В день Бородинского сражения он состоял в должности дежурного штаб-офицера при главнокомандующем 1-й Западной армии М. Б. Барклае де Толли. В воспоминаниях он написал, что после взятия французами Курганной высоты (в ходе боя под ним была убита лошадь, и он, контуженный, таща на себе седло, с трудом вышел из гущи боя) [Wolzogen, S. 142–143]². Барклай де Толли отправил его к главнокомандующему соединенными армиями М. И. Кутузову доложить о критическом положении русских войск и испросить у него распоряжений, добавив при этом, что важно получить эти распоряжения в письменном виде, «поскольку с Кутузовым следует быть осторожным» [Wolzogen, S. 145].

Вольцоген нашел Кутузова возле главной дороги на Москву, «в полчасе езды позади армии». Недавно вырвавшийся из ожесточенного боя, контуженный Вольцоген увидел свиту главнокомандующего, состоявшую «почти исключительно из молодых богатых и знатных русских офицеров, которые упивались всевозможными удовольствиями, не принимая никакого участия в ужасных и серьезных событиях дня. Среди них был полковник Толь³, который был занят поеданием каплуна». Вольцоген сообщил о позиции, которую занимала русская

¹ Эта сцена появилась в знаменитой экранизации «Войны и мира», осуществленной в 1960-е гг. С. Ф. Бондарчуком. В роли Кутузова снялся Б. Захава, в роли Л. Вольцогена – Янис Грантиньш. Бондарчук заметно «состарил» Вольцогена, которому в 1812 г. было 39 лет. Кроме того, в тексте романа Вольцоген дотрагивается «до козырька рукою», то есть должен быть в фуражке, тогда как на экране на нем двугольная шляпа.

² Здесь и далее перевод цитат и документов – автора статьи.

³ К. Ф. Толь (1777–1842), в 1812 г. полковник, и. д. генерала-квартирмейстера действующих армий.

армия и охарактеризовал тяжесть ее состояния: «все важные пункты были потеряны, а полки истощены и пришли в расстройство». В ответ на это

Кутузов закричал: «С какой гнусной (hundsföttischen) маркиганткой вы так напились, что являетесь ко мне с таким абсурдным (abgeschmackten) рапортом? Как идет сражение, я все-таки лучше знаю! Атаки французов везде победоносно отбиты, и завтра я сам встану во главе армии, чтобы изгнать врага без остатка со святой русской земли!» При этом он с торжествующим вызовом оглядел свою свиту, которая ответила ему восторженными аплодисментами [Wolzogen, S. 146].

Вольцоген был неприятно поражен приемом, оказанным ему главнокомандующим и его свитой, тем более что он «только что видел своими глазами и в пекле (Gewühl) битвы», в то время как «Кутузов провел весь день в тылу армии среди бутылок шампанского и деликатесов» [Wolzogen, S. 145].

Через пять лет после выхода мемуаров Вольцогена биограф К. Ф. Толя Т. Бернгарди упомянул о его приезде в ставку Кутузова, опуская детали произошедшего разговора, зато подчеркивая ключевую роль Толя, составлявшего приказы, которые главнокомандующий только подписывал. И уж конечно он не счел возможным упомянуть поедаемого Толем каплуна [Bernhardi, S. 107–108].

Через несколько лет описание сцены появляется на страницах исторического труда М. И. Богдановича, который был знаком с мемуарами Вольцогена и с сочинением Бернгарди и считал, «что Вольцоген, объясняя князю Кутузову состояние нашей армии, увлекся пылкостью воображения и донес главнокомандующему совершенно противное тому, что поручено было ему Барклаем» [Богданович, с. 219–220, 547–548, примеч. 23)]. Богданович постарался обойти молчанием многие детали сцены и сгладить резкость речей ее участников, хотя справедливо связал приезд Вольцогена с решением главнокомандующего возобновить сражение на следующий день⁴. Барклаю де Толли и Д. С. Дохтурову, который после ранения П. И. Багратиона принял командование 2-й Западной армией, Кутузов отправил записки аналогичного содержания: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем. Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии» [Бородино: Документы, письма, воспоминания, с. 96–97; Бородино. Документальная хроника, с. 111].

---

⁴ Богданович убедительно ссылался на воспоминания Н. Н. Раевского, начальника 7-го пехотного корпуса, который прибыл к Кутузову сразу после разговора последнего с Вольцогеном. См.: [Бородино: Документы, письма, воспоминания, с. 96–97; Бородино. Документальная хроника, с. 382].

Лев Толстой, собирая материал для описания Бородинского сражения, познакомился с достаточно большим кругом источников и исторических сочинений. В его библиотеке сохранился труд Бернгарди, причем третий и четвертый тома были не разрезаны, в то время как второй том он определенно читал [Список книг, с. 143]. Столь же совершенно определенно Толстой читал Богдановича, впрочем, отзывался о нем достаточно негативно, предпочитая сочинение А. И. Михайловского-Данилевского. Полагаем, что и мемуары Вольцогена тоже были знакомы писателю, судя по появлению в сцене приезда Вольцогена «жареной курицы», которую, правда, ест не Толь, а сам главнокомандующий.

Стоит ли удивляться, что гениальный роман Толстого определил в дальнейшем трактовку отечественными авторами этого эпизода в толстовском духе? Именно так преподнесли его исторические романисты М. Г. Брагин и О. Н. Михайлов [Брагин; Михайлов], кинематографист С. Ф. Бондарчук, автор рэп-рок-оперы «Война и мир» Наталья Тугаринова, известный военный историк А. А. Свечин [Свечин, с. 171]... Даже Н. А. Троицкий, историк, который не был склонен идеализировать образ Кутузова, все же не решился поставить под сомнение хрестоматийную версию события [Троицкий, 1988, с. 173, 334, примеч. 70; Троицкий, 2002, с. 191–192]⁵.

Между тем личность Вольцогена заслуживает того, чтобы прислушаться к его словам. Юстус Адольф Филипп Вильгельм Людвиг фон Вольцоген, родившийся в 1774 г. в Майнингене, герцогство Саксен-Хильдбургхаузен, в семье дипломата, рано лишился обоих родителей. Воспитанный в штутгартской военной школе, он после ее окончания служил в армиях Вюртемберга и Пруссии. Находясь на прусской службе, сблизился с Г. Шарнгорстом⁶ и принимал участие в обсуждении различных военных теоретических и практических проблем. В 1801–1804 гг. обучал молодого герцога Евгения Вюртембергского, благодаря которому в 1807 г. был принят на русскую службу майором квартирмейстерской части. К этому времени Вольцоген имел опыт участия в боевых действиях – в составе вюртембергского контингента в 1805 г. в войне против Австрии. К началу войны 1812 г. он был уже хорошо известен как автор ряда работ в сфере военного дела, был близок к генералу К. Л. Фулю.

⁵ В отличие от отечественной традиции, англоязычные авторы предпочитают в воспроизведении рассматриваемого эпизода ориентироваться на версию самого Вольцогена. См., например: [Zamoysky, p. 285; Mikaberidze, p. 198–199].

⁶ Г. И. Д. Шарнгорст (1755–1813), выдающийся прусский военный теоретик, военный организатор и военачальник. С 1802 г. преподавал в Берлинской военной академии. В дальнейшем военный министр, начальник прусского генерального штаба, генерал-лейтенант.

Император Александр I, который лично знал и ценил Вольцогена, назначил его флигель-адъютантом и произвел в подполковники, а затем в полковники. С июля 1812 г. Вольцоген исполнял должность квартирмейстера при штабе 1-й Западной армии, а затем дежурного штаб-офицера при ее главнокомандующем Барклае де Толли. Несмотря на близость к Фулю, Вольцоген выступил против размещения 1-й Западной армии в Дрисском лагере. За отличие в Бородинском сражении Вольцоген получил орден Св. Анны 2-й степени с алмазами, за Тарутино – золотую шпагу «За храбрость». Он был участником сражений при Бауцене, Кульме, Лейпциге, Ла-Ротьере и боев в Нидерландах. В октябре 1813 г. произведен в генерал-майоры. В мае 1815 г. он переходит на прусскую службу и уходит в отставку в 1836 г. с чином генерала от инфантерии [Wolzogen; Priesdorff, S. 180–184; Горшман, с. 344–345; Попов, с. 360–361].

В фондах Исторической службы Министерства обороны Франции сохранилось документальное свидетельство о том, что история встречи Вольцогена с Кутузовым и его свитой на Бородинском поле была известна задолго до публикации воспоминаний немецкого генерала. Документ составлен на французском языке, написан черными чернилами на обеих сторонах одного листа серо-голубой бумаги, аналогичной образцам, которые использовались в первой половине XIX в. Почерк, по-видимому, писарский. Ниже заголовка другой рукой чернилами на французском языке сделана плохо различимая надпись, которую можно прочесть так: «это то, что было услышано генералом Орловым⁷ у генерала Жомини⁸ в марте (?) 1816». Еще ниже – вторая плохо различимая надпись на французском языке карандашом, сделанная, как полагаем, в XIX в. сотрудником архива: «то, что добавлено, сделано рукой генерала Коха (Koch)⁹». С левой стороны листа имеется помета чернилами «1812». Ниже карандашом (полагаем, что архивистом) сделана еще одна надпись: «Битва при Москвеве (Moskowa) 7 сентября 1812».

Приведем текст документа полностью, сохраняя по возможности орфографию и пунктуацию оригинала, и ниже его перевод.

Anecdote sur la Campagne de Russie

Tous général Russe qui a éprouvé une de faite cherche à en atténuer les effets dans l'opinion en cherchons à légèrer dans les premiers momens par

⁷ Полагаем, что имеется в виду М. Ф. Орлов (1788–1842), участник войны 1812 г., произведенный в апреле 1814 г. в генерал-майоры, в 1815–1820 гг. начальник штаба 7-го, затем 4-го пехотного корпуса.

⁸ А. А. Жомини (1779–1869), известный военный теоретик, состоявший в 1813–1817 гг. на русской службе. Находясь в России, начал работу над составлением труда об Отечественной войне 1812 г., однако не довел ее до конца и в 1817 г. покинул Россию.

⁹ К. И. Г. Кох (Koch) (1769–1826), вюртембергский генерал-лейтенант (1813), в 1812 г. командир 2-й бригады 5-й пехотной дивизии Великой армии. Ранен под Смоленском. В начале 1813 г. командовал 2-й пехотной бригадой, затем произведен в генерал-лейтенанты. В 1814 г. командовал пехотной дивизией 7-го германского корпуса.

des rapports mensonger, s'il ne réussir par, il est disgracié. La première impression donnée le peuple reviens difficilement sur la véracité de la première nouvelle qu'il a reçue es lors que la vérité arrive on n'y ajoute aucune foi. Kutusow ne l'ignorais pas. Lors que la bataille de la Moskowa fut engage généralement il prévoir son issue es agir en consequence. Il choisir le moment ou il <неразборчиво> de repousser une attaque des français pour annoncer à son nombreux Etat major que la bataille était gagnée. «Je <неразборчиво> mon armée se sera repose, je poursuivrai l'ennemi es recueillerai le fruit de notre victoire. Allons Messieurs suivez moi.

Arrivé à une lieue du champ de bataille il fis apporter tout ce qu'il fallait pour écrire et fit son rapport. Le Prince d'Oldenbourg était près de lui, il l'engagea à se servir de son papier es de son encre pour donner de ses nouvelles à la princesse. Le Prince fut en quelque sorte dans l'obligation d'écrire dans le même sens que le general, sa letter commençait ainsi: *Enfin, ma chere amie nous venons de remporter la victoire la plus complete, l'ennemi est en pleine déroute etc, etc.* Les officiers de l'Etat major en firent autant. Le ruse general prévoyait bien que ces lettres formeraient une première opinion et que grands personnages aux quelles elles étaient adressées pour la plupart, la soutiendraient pour ne pas avouer avoir été trompés les premiers. Au moment où le courrier allait partir arrive, ventre à terre M. de Wolshogen, officier allemande au service de Russie. «Où est sécriet-il, M. le Maréchal? Je dois parler à M. le Maréchal, qu'est ce?, qu'y a-t-il! – Monsieur le M-al, dit l'officier, «Le g-al Barclay de Tolly me charge de vous prévenir que l'ennemi a fait les plus grands efforts, que son aile gauche a enfin reuse dans son attaques, qu'elle s'essemparée de la redoute principale, le g-al demande des ordres et des renforte; il crains d'être accablé. – Mon ami vous êtes dans l'erreur, répond le Maréchal, vous êtes parti du champ de bataille avant moi. Tout est réparé, j'ai donné les ordres necessaries. – L'officier vens en vain dissuader le Maréchal ou sens qu'il ne <неразборчиво> parvenir – Taisez-vous vous dis je vous vous tromper; Courrier partez donc, et dès votre entrée à Petersbourg nemanquez pas de crier victoire – Le courrier pique des deux et disparais. L'officier parviens alors à se faire entendre. Je vous assure M. le Maréchal que je suis pas après vous; Mon cheval est bon, voyez dans quell état il est. Eh, bien! Voyons, qu'avez vous à me dire. L'officier surprés dit a voix basse: Nous sommes batteur; l'armée se retire... Le Maréchal éleवास la voix: Pourquoi donc Barclay quitte t-il sa position? Je lui avois ordonné de rester sur le champ de bataille, de faire reposer l'armée, afin de mieux poursuivre demain. Je retourne lui réitérer, moi meme, mes intentions [Service historique de la Défense. C2 130].

(Эпизод из истории Русской кампании)

Хваленый русский генерал, терпящий поражение, уже с первых моментов ищет возможность смягчить эффект, который будет произведен в общественном мнении, и делает это с помощью лживых рапортов, если и не повествующих об успехе, то по крайней мере оправдывающих его. Первое впечатление заставляет человека с трудом принять то, что первая новость, которую он получил и которая, как он считал, правдива, в действительности не внушает веры. Кутузов понимал это. Когда сра-

жение при Москве-реке началось обычным порядком, он предусмотрел свои последующие действия. Он выбрал момент, когда увидел, что атака французов была отбита и воспользовался этим, дабы объявить своему многочисленному штабу, что сражение выиграно. «Я <нрзб.> моя армия устояла, я преследую врага и собираюсь пожать плоды нашей победы. Идемте, господа, следуйте за мной».

Приблизившись на расстояние в одно лье¹⁰ от поля битвы, он привез все то, что было необходимо для письма, и составил рапорт. Князь Ольденбургский¹¹ оказался рядом, и он вручил ему бумагу, с тем чтобы тот сообщил новость княгине¹². Ему было вменено своего рода обязанность написать в том самом духе, как написал генерал, а письмо начиналось так: «Наконец, мой дорогой друг, мы одержали совершенную викторию, враг полностью разгромлен, и т. д. и т. д.». Офицеры штаба должны были сделать то же самое. Русский генерал верно предусмотрел, что эти письма определяют первое впечатление, и что важные персоны, которым они, большей частью, будут адресованы, окажут впоследствии поддержку, так как не захотят признать обман и то, что были первоначально введены в заблуждение. В тот момент, когда курьер уже собирался отъехать, прибыл и сошел с лошади господин де Вольцоген, немецкий офицер на русской службе. «Где, – вскрикнул он, – господин маршал?»¹³ Я должен говорить с господином маршалом, где он?» И вот что он сказал: «Господин маршал, – сказал офицер, – генерал Барклай де Толли поручил мне предупредить вас, что враг предпринял самые серьезные усилия против вашего левого фланга и наконец добился в своих атаках успеха, и в ходе их он завладел главным редутом. Генерал требует распоряжений и просит подкреплений; он опасается быть сломленным». «Мой друг, вы ошибаетесь, – отвечал маршал, – вы покинули поле боя еще до меня. Все уже отбито, я отдал необходимые приказы». Офицер напрасно разубеждал маршала, он ничего не добился. «Не говорите этого, не вводите меня в заблуждение; курьер отправлен, и при вашем приезде в Петербург не будет недостатка в победных криках». [Курьер был дважды проткнут

---

¹⁰ Французская сухопутная мера длины, равная примерно 4,5 км. На таком расстоянии от Курганной высоты могла быть только д. Татариново. Однако, судя по всему (это подтверждается и мемуарами Вольцогена), речь идет о районе д. Горки, которая расположена от Курганной высоты примерно в 2 км. Вопрос о месте расположения командного пункта М. И. Кутузова в день Бородинского сражения остается дискуссионным до сих пор [Троицкий, 1988, с. 165; Горбунов; Ивченко; и др.]. Очевидно, что во время сражения Кутузов вместе со штабом по крайней мере однажды выезжал от Горок ближе к передовой линии, в район за 6-м пехотным корпусом.

¹¹ Павел Фридрих Август Ольденбургский (1783–1853), герцог, генерал-лейтенант (1811), двоюродный брат императора Александра I. В 1812 г. был прикомандирован к действующей армии. Накануне Бородинской битвы убеждал Кутузова не оставлять Москву [Степанов, с. 5].

¹² Имеется в виду сестра Александра I вел. кн. Екатерина Павловна, вышедшая замуж за брата П. Ф. А. Ольденбургского принца Георгия Ольденбургского, который находился на момент Бородинского сражения в Твери, а сама вел. кн. Екатерина Павловна – в Ярославле.

¹³ М. И. Кутузов был удостоен чина генерал-фельдмаршала только 30 августа (ст. ст.) 1812 г. за сражение при Бородино. На момент сражения он был в чине генерала от инфантерии.

пикой и погиб.] Офицер все же пытался добиться, чтобы его услышали. «Я вас уверяю, господин маршал, что я был после вас. Моя лошадь хороша, посмотрите, в каком она состоянии». «Ну что же! Посмотрим, что вы мне хотите сказать?» Офицер удивленно сказал басом: «Мы разбиты; армия отступает...» Маршал повысил голос: «Почему Барклай покинул позиции? Я ему приказываю оставаться на поле боя, дать армии отдых, дабы успешнее преследовать [неприятеля] завтра. Я сам вновь повторю ему свои намерения») [Service historique de la Défense. C2 130].

Процитированный документ вряд ли может кардинально уточнить представления о характере встречи Вольцогена и Кутузова 26 августа (7 сентября) 1812 г., однако он заставляет по-новому взглянуть на весь комплекс источников, повествующих об этой встрече. Под пером Толстого встреча превратилась в символическое столкновение пронизательности и мудрости, воплощенных в образе Кутузова, и достойной презрения доктринерской расчетливости – в лице немца Вольцогена. Историческая справедливость подсказывает, что, говоря о полководческих талантах и степени дальновидности русского главнокомандующего, проявленных им в день Бородинского сражения, вряд ли стоит принижать личность Вольцогена, достойного офицера, который, выйдя контуженным из пекла боя, увидел на командном пункте Кутузова стайку праздной золотой молодежи и полковника Толя, поедающего жирного каплуна.

Список литературы

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб. : Тип. ТД С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. Т. 2. VII, 652 с.

Бородино. Документальная хроника. М. : РОССПЭН, 2004. 384 с.

Бородино : Документы, письма, воспоминания. М. : Советская Россия, 1962. 412 с.

Брагин М. Г. Кутузов. М. : Молодая гвардия, 1975. 224 с.

Горбунов А. В. Место расположения Главной квартиры М. И. Кутузова на Бородинском поле // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино : Гос. Бородинский военно-ист. музей-заповедник, 1997. С. 3–9.

Горшман А. Вольцоген Л. Ю. А. Ф. // Российский архив. Т. 7. М. : Студия «Тритэ» Никиты Михалкова : Российский архив, 1996. С. 344–345.

Ивченко Л. Л. М. И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино : Гос. Бородинский военно-ист. музей-заповедник, 1997. С. 10–27.

Михайлов О. Н. Генерал Ермолов. М. : Воениздат, 1983. 413 с.

Попов А. И. Вольцоген // Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 1. С. 360–361.

Свечин А. А. Клаузевиц. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. 288 с.

Список книг, которыми пользовался Л. Н. Толстой во время писания «Воины и мира» / сост. Э. Е. Зайденшнур // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 16. М. : Художественная литература, 1955. С.141–145.

Степанов Ю. Г. Павел Фридрих Август Ольденбургский // Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии 1813–1814 гг. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 3. С. 5.

Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 11. М. : Художественная литература, 1940. 329 с.

- Троцкий* *H. A.* 1812. Великий год России. М. : Мысль, 1988. 348 с.
- Троцкий* *H. A.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М. : Центрполиграф, 2002. 367 с.
- Bernhardi T. von.* Denkwürdigkeiten des Kaiserl.-russ. Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll... Bd. 2. Leipzig: Otto Wigand, 1856. VI, 482 S.
- Mikaberidze A.* The Battle of Borodino. Barnsley : Pen and Sword Military, 2007. XXIV, 276 p.
- Priesdorff K. von.* Soldatisches Führertum. Bd. 4. Hamburg : Hanseatische Verlagsanstalt, 1937. 512 S.
- Service historique de la Défance. C2 130.
- Wolzogen L. von.* Memoiren des Königlich Preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherr von Wolzogen. Leipzig : Otto Wigand, 1851. 311 S., CXXXVI.
- Zamoysky A.* 1812. Napoleon's Fatal March on Moscow. London : Harper Perennial, 2004. XXVI, 644 p.

References

- Bernhardi, T. von. (1856). *Denkwürdigkeiten des Kaiserl.-russ. Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll...* (Bd. 2). VI, 482 S. Leipzig, Otto Wigand.
- Bogdanovich, M. I. (1859). *Istoriya Otechestvennoj vojny' 1812 g. po dostovernym istochnikam* [The History of the Patriotic War of 1812 Based on Reliable Sources]. (Vol. 2). VII, 652 p. Saint Petersburg, Tipografiya TD S. Strugovshhikova, G. Pohitonova, N. Vodova i Ko.
- Borodino. Dokumental'naya hronika* [A Documentary Chronicle]. (2004). 384 p. Moscow, ROSSPEN.
- Borodino: Dokumenty', pis'ma, vospominaniya* [Documents, Letters, Memoirs]. (1962). 412 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya.
- Bragin, M. G. (1975). *Kutuzov* [Kutuzov]. 224 p. Moscow, Molodaya gvardiya.
- Gorbulov, A. V. (1997). Mesto raspolozheniya Glavnoj kvartiry' M. I. Kutuzova na Borodinskom pole [The Location of M.I. Kutuzov's Headquarters in Borodino Field]. In *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy'* (pp. 3–9). Borodino, Gosudarstvenny'j Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik.
- Gorshman, A. (1996). Vol'czogen L. Yu. A. F. [Wolzogen L. J.]. In *Rossijskij arhiv.* (Vol. 7, pp. 344–345). Moscow, Studiya «Trite» Nikity' Mihalkova, Rossijskij arhiv.
- Ivchenko, L. L. (1997). M. I. Kutuzov v Borodinskom srazhenii [M. I. Kutuzov in the Battle of Borodino]. In *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy'* (pp. 10–27). Borodino, Gosudarstvenny'j Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik.
- Mihajlov, O. N. (1983). *General Ermolov* [General Yermolov]. 413 p. Moscow, Voenizdat.
- Mikaberidze, A. (2007). *The Battle of Borodino.* XXIV, 276 p. Barnsley, Pen and Sword Military.
- Popov, A. I. (2012). Vol'czogen [Wolzogen]. In *Otechestvennaya vojna 1812 g. i osvoboditel'ny'j pohod russkoj armii 1813–1814 gg.* (Vol. 1). 713 p. Moscow, ROSSPEN.
- Priesdorff, K. von. (1937). *Soldatisches Führertum.* Bd. 4. 512 S. Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt.
- Service historique de la Défance. C2 130.
- Stepanov, Yu. G. (2012). Pavel Fridrih Avgust Ol'denburgskij [Paul Friedrich August, Grand Duke of Oldenburg]. In *Otechestvennaya vojna 1812 g. i osvoboditel'ny'j pohod russkoj armii 1813–1814 gg.* (Vol. 3). 760 p. Moscow, ROSSPEN.
- Svechin, A. A. (1935). *Klauzevicz* [Clausewitz]. 288 p. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie.
- Tolstoj, L. N. (1940). Vojna i mir [War and Peace]. In Tolstoj, L. N. *Polnoe sobranie sochinenij* (in 90 vols.). (Vol. 11). 329 p. Moscow, Hudozhestvennaya literatura.
- Troickij, N. A. (1988). *1812. Velikij god Rossii* [The Great Year of Russia]. 348 p. Moscow, My'sl'.
- Troickij, N. A. (2002). *Fel'dmarshal Kutuzov: mify' i fakty'* [Field Marshal Kutuzov: Myths and Facts]. 367 p. Moscow, Centrpoligraf.

Wolzogen, L. von. (1851). *Memoiren des Königlich Preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherr von Wolzogen*. CXXXVI, 311 S. Leipzig, Otto Wigand.

Zajdenschur, E. E. (Comp.) (1955). Spisok knig, kotory'mi pol'zovalsya L. N. Tolstoj vo vremya pisaniya «Voiny' i mira» [A List of Books Used by L. Tolstoy while *Writing War and Peace*]. In Tolstoj, L. N. *Polnoe sobranie sochinenij* (in 90 vols.). (Vol. 16, pp. 141–145). Moscow, Hudozhestvennaya literatura.

Zamoysky, A. (2004). *1812. Napoleon's Fatal March on Moscow*. XXVI, 644 p. London, Harper Perennial.

The article was submitted on 08.05.2015

Владимир Николаевич Земцов,
профессор,
Уральский государственный
педагогический университет,
Екатеринбург, Россия
vladimirzemtsov@yandex.ru

Vladimir Zemtsov,
Professor,
Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia
vladimirzemtsov@yandex.ru

Critica

DOI 10.15826/gr.2015.2.108

УДК 821.161.1 Достоевский-31+82.091   **Валентина Борисова**

АКТУАЛЬНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

**Рец. на кн.: Постникова, Е. Г. Власть в творчестве
Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-
философский аспекты) : монография / Е. Г. Постникова. –
Магнитогорск : МаГУ, 2014. – 202 с.**

Valentina Borisova

MODERN DOSTOYEVSKY

**Review of: Postnikova, E. G. (2014). *Vlast' v tvorchestve
F. M. Dostoevskogo (mifopoe'ticheskij i hudozhestvenno-
filosofskij aspekty')*: monografiya [Power in the Works of Fyodor
Dostoyevsky (Mythopoetic, Artistic and Philosophical Aspects)].
202 p. Magnitogorsk, MaGU.**

The review focuses on a book by E. Postnikova devoted to the analysis of power in the works of Fyodor Dostoyevsky through mythopoetic, artistic and philosophical aspects. The monograph describes both artistic mythology and the philosophy of power in the writer's early works and his pentalogy of novels. The book under review focuses on the problem of a charismatic leader.

Keywords: F. M. Dostoyevsky; creativity; mythology and philosophy of power; charismatic leader.

Публикация представляет собой рецензию на книгу Е. Г. Постниковой, посвященную анализу проблемы власти в творчестве Достоевского, рассмотренной в мифопоэтическом и художественно-философском аспектах. В монографии раскрывается художественная мифология и философия власти как в ранних произведениях писателя, так и в его романном «пятикнижии». Особое внимание в ней уделяется проблеме харизматического лидера.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, творчество, мифология и философия власти, харизматический лидер.

Проблема власти и властные отношения в обществе в последнее время находятся на пике популярности в общественных науках: политологии, философии, социологии, истории. Оставаясь в этом интегративном русле, монография Е. Г. Постниковой [Постникова, 2014] дает начало литературоведческим исследованиям феномена власти в творчестве Ф. М. Достоевского. Во многом она новаторская: проблема власти в произведениях писателя рассматривается в ее связях с жи-

выми архетипами национального сознания, в актуальном контексте христианской мифологии. Отсюда преимущественное внимание автора к мифопоэтическому и художественно-философскому аспектам тематики власти и властных отношений у Достоевского, таким как «власть и личность», «власть и общество», «власть и народ». Конкретные примеры их анализа и интерпретации вполне убедительны.

Так, рассматривая феномен власти в «Двойнике» Ф. М. Достоевского, Е. Г. Постникова разворачивает интересный и оригинальный комментарий архаических мифологических подтекстов повести, показывая, как в ней от-

разились древнейшие представления о власти. В этом контексте толкование грез маленького человека о властной харизме со всеми ее пародийными атрибутами, как и самой атмосферы сакральной власти, окружающей героя, приобретает новый характер.

Плодотворны размышления автора книги об идеологической связи «Двойника» с последующими произведениями писателя, в частности о развитии темы власти, ее харизмы в «Селе Степанчикове», где под пристальное внимание Достоевского попадает амбивалентный феномен тиранства-рабства, перверсия ролей раба и тирана: «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет». В результате скрупулезного мифопоэтического анализа Е. Г. Постникова дает четкие обобщающие формулировки: начав свой творческий путь с исследования мифологии власти («Двойник»), «Достоевский ушел в дальнейшем в философию, феноменологию власти» [Постникова, 2014, с. 55].

Однако, разбирая в первой главе различные варианты становления темы власти в художественных структурах и мифопоэтических подтекстах ранних произведений Достоевского, подчеркивая при этом его следование традиции Гоголя, автор монографии, на наш взгляд, упускает из поля зрения ряд значимых творений

писателя. Например, многое для понимания темы ответственности и морального авторитета власти мог бы дать анализ рассказа «Скверный анекдот». Справедливости ради стоит заметить, что в заключение своей монографии автор, вполне сознавая перспективы дальнейшего исследования различных аспектов поставленной проблемы, пишет о необходимости обращения к другим произведениям Достоевского, включая «Дневник писателя» [Постникова, 2014, с. 174–175].

Есть некоторые лакуны и в методологическом фундаменте работы. Так, размышляя об архетипических образах «Властителя», «Царя» и т. п., Е. Г. Постникова проходит мимо концепции, которая была бы ей «ко двору». В докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» в отдельную фабульную традицию выделена «трагедия узурпатора» [Назирова, 2010]. Было бы интересно проверить, как результаты предложенного Е. Г. Постниковой исследования выглядят в дискурсивном поле Р. Г. Назирова, тем более что их подходы в определенной степени совпадают.

Например, Е. Г. Постникова, имея в виду как мифотворчество, так и мифоборчество Достоевского, отмечает, что он одновременно власть демифологизировал, лишая ее священного ореола, и мифологизировал, подключая к ней собственные авторские мифы. Эта мысль созвучна идеям, высказанным Р. Г. Назировым в статье «Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход» [Назирова, 2005] и в посмертно изданной монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» [Назирова, 2014].

Таким образом, в определенном смысле Е. Г. Постникова продолжает традиции региональной методологической школы, о чем свидетельствуют ссылки на работы ее представителей [Приказчиков; Абрамзон; Власкин; Михнюкевич; Борисова; Шаулов].

Разумеется, многое в данной монографии, как в любом значительном и оригинальном исследовании, провоцирует на диалог, размышление и спор. Так, по мысли Е. Г. Постниковой, Достоевский и привлеченный для сопоставления в качестве наиболее репрезентативной фигуры М. Е. Салтыков-Щедрин в равной степени выступают и как «ремифологизаторы», и как «демифологизаторы» литературы. Так ли это? На наш взгляд, следует более четко определять тенденции мифологизации и демифологизации в творчестве Щедрина и Достоевского. Можно допустить, что у каждого из них представлены обе тенденции, но в равных ли пропорциях? Известный тезис В. Н. Топорова о взаимосвязи мифологизации и демифологизации как взаимодополняющих процессов в культуре и литературе здесь только повторяется, не обогащаясь новыми наблюдениями.

Вызывает вопросы и терминологическое словоупотребление в концепции Е. Г. Постниковой: в какой степени автор разделяет (или,

наоборот, соединяет) понятия «авторское понимание феномена власти», «авторский миф о власти» и национальная «мифология власти»? Ведь мысль художника может противоречить национальному мифу, конфликтно или диалогически пересекаясь с ним в поле индивидуального мифотворчества, которое, в свою очередь, необязательно должно быть осознанным.

Далее, оценивая методологическую выдержанность и обстоятельность раскрытия избранной темы в хронологическом и сопоставительном плане, хочется заметить, что такой подход не лишен некоторых противоречий, к тому же хронологический принцип в работе нарушается: после «Бесов» (глава 2), в третьей главе идет речь об идее власти в романе «Преступление и наказание».

Вызывает вопросы и реализация принципа сопоставления. Резюмируя принципиальное положение о биографических «сюжетах» Достоевского и Салтыкова-Щедрина, Е. Г. Постникова пишет: «1848–49-е годы стали точкой “бифуркации”, своеобразным водоразделом, после которого судьбы авторов получили разное направление» [Постникова, 2014, с. 109]. Не находится ли в данном случае автор книги в плену расхожих представлений о «каторжном перевороте» Достоевского? Думается, не стоит преувеличивать и степень близости идеологических позиций и мировоззрений Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина даже в пору их общей принадлежности к кружку Петрашевского.

Впрочем, далее, когда Е. Г. Постникова акцентирует внимание на возникшей еще в XIX в. культурной «антитезе» Салтыкова-Щедрина как бывшего чиновника и «демократа» и Достоевского как бывшего революционера и «консерватора», ее суждения не вызывают возражений.

Еще один принципиальный вопрос: что означает сам термин «власть», сквозным образом используемый в книге? Можно ли назвать, например, властью то влияние, которое оказывает на Раскольникова Соня, не позволяя ему свернуть с пути в участок? Если да, то тогда набор мифологических типов власти у Достоевского, приведенный Е. Г. Постниковой («власть Отца, власть Господина, власть Вождя, власть Судьи»), либо не полон, либо не вполне адекватно описан. По мнению автора монографии, власть Сони (как и вообще власть женщин над героями в романах Достоевского) – это власть Судьи. Но ведь Соня не судит Раскольникова, а *жалует* его, не наказывает, а *указывает* путь возрождения.

В своей работе Е. Г. Постникова неоднократно упоминает «христианскую концепцию власти». Между тем сам Достоевский различает несколько ее разновидностей – в представлении старца Зосимы, великого инквизитора и других персонажей. См. реплику Алеши: «Это Рим, да и Рим не весь, это неправда, – это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!..» Подобные *qui pro quo* требуют, конечно, тщательного разъяснения. Исторические границы понятия «христианская концепция власти», чрезвычайно важного для данного иссле-

дования, весьма широки. Из контекста исследования ясно, что имеется в виду традиционная для Древней Руси схема отношений власти и народа (в других случаях речь идет, скорее, о «православной концепции власти»). Думается, такие понятия следует употреблять с оговорками, ведь католическая концепция власти, например, существенно отличается от той, что утвердилась в православных культурах (между тем обе являются христианскими). Кроме того, необходимо учитывать, что на становление отечественной мифологии власти объективно повлияли отношения Руси с кочевым Востоком (в первую очередь с Золотой Ордой), а это выводит традиционную мифологию власти за пределы христианской культуры.

Ряд вопросов вызывают и рассуждения Е. Г. Постниковой о «Братьях Карамазовых» в третьей главе. Здесь очевидно стремление к схематизации философского подтекста романа. Так, Алеша ассоциируется с «чудом», Иван – с «тайной»; то есть два элемента из триады, сформулированной великим инквизитором, находят в представленной концепции свое место. Но ассоциировать Дмитрия с третьим элементом этой формулы, на наш взгляд, бессмысленно.

Впрочем, в рамках концепции Е. Г. Постниковой даже упомянутая схематизация выглядит закономерно. Убедительным, к примеру, является соображение о том, что Достоевский, начав с мифологии власти в «Двойнике», затем ушел в ее «феноменологию». Поэтому исследовательница, говоря о «Братьях Карамазовых», пытается рационально трактовать «поэму» Ивана о великом инквизиторе, называя ее «легендой». Но миф шире феномена, миф никогда не поддается логической интерпретации до конца. В этом залог бессмертия мифологических сюжетов (в том числе и неомифологических, индивидуально-авторских). Так стоит ли пытаться «исчерпать» проблематику «поэмы о великом инквизиторе», а мысль Достоевского в последнем романе сводить к экспликации антагонистических (Зосима и инквизитор) феноменов власти? Хотя, конечно, миф, до конца не поддаваясь рациональному осмыслению, тем не менее требует такого осмысления от воспринимающего сознания. С этой точки зрения прочтение, предлагаемое Е. Г. Постниковой, правомерно, полезно и продуктивно, поскольку дает опору для дальнейшей научной разработки национальной мифологии власти.

В конечном счете научные достоинства монографии Е. Г. Постниковой неоспоримы. Ею представлена новая и целостная концепция власти у Достоевского, рассмотренная в контрапункте с щедринской трактовкой этой темы (последняя, на наш взгляд, в данном случае раскрыта несколько фрагментарно). В более полном виде это сравнение развернуто в предыдущей книге Е. Г. Постниковой «Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский» [Постникова, 2009; Постникова, 2011].

В рецензируемой монографии сравнительно-сопоставительному анализу подходов к теме власти Ф. М. Достоевского

и М. Е. Салтыкова-Щедрина посвящен только один параграф, в котором произведен анализ «Истории одного города» и «Бесов». На фоне давнего труда С. Борщевского «Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы» [Борщевский], в котором писатели были представлены идеологическими и политическими противниками, практически не имевшими точек соприкосновения во взглядах на общественно-политическую жизнь России, основные положения Е. Г. Постниковой являют собой назревшую ревизию устаревших представлений.

Но если подход С. Борщевского к сложной теме взаимоотношений Щедрина и Достоевского С. Макашин в свое время обозначил как «щедриноцентристский», аналогичный подход Е. Г. Постниковой можно назвать преимущественно «достоевскоцентристским», хотя именно феномен власти, по мнению самого исследователя, является одной из «болевых» точек притяжения-отталкивания, объединения-противостояния между художественными мирами писателей. Именно эти отношения, как справедливо подчеркивает Е. Г. Постникова, позволяют считать «Историю одного города» и «Бесов» одним метатекстом [Постникова, 2014, с. 112].

С точки зрения достоевсковедения самой основательной частью труда Е. Г. Постниковой является анализ романа «Бесы» (глава 2), в которой глубоко раскрыто многообразие темы власти и ее мифологического претекста и подтекста у автора великого «пятикнижия». Нам представляется, что именно здесь Е. Г. Постникова добивается исчерпывающего результата своего исследования. В центре внимания автора – все типологические варианты явления «вождизма», столь характерного для кризисных, переходных моментов жизни российского общества, в том числе и современного. Преимущественное внимание к самому политическому и самому религиозному роману Достоевского в данном случае совершенно оправданно.

Действительно, в «Бесах» представлены все возможные типы политической и духовной власти, вся палитра своеобразного «конкурса самозванцев», либо мечтающих захватить власть единолично, либо планирующих войти в число «избранных будущих «правителей», что объясняется, как показано в монографии, творческим учетом известных в эпоху Достоевского политических и философских теорий власти и государства.

Поэтому конечный вывод, сделанный на основе анализа этого романа, приобретает в монографии Е. Г. Постниковой концептуальный характер: «В период работы над “Бесами” и в период “Дневника писателя” Достоевский выступает не только в качестве демифологизатора современной политики, но и как “реаниматор”, ремифологизатор русской национальной мифологии» [Там же, с. 103].

Список литературы

- Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск : МаГУ, 2006. 480 с.
- Борисова В. В. Эмблематика Ф. М. Достоевского. Уфа, 2013. 152 с.
- Борщевский С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М. : Художественная литература, 1956.
- Власкин А. П. Творчество Ф. М. Достоевского и народная религиозная культура. Челябинск : ЧГПИ ; Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1994. 204 с.
- Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск : Изд-во Челябинского ун-та, 1994. 313 с.
- Назирова Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул // Назирова Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти : Исследования разных лет. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 358–403.
- Назирова Р. Г. Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход : Сб. статей. Уфа : РИО БашГУ, 2005. С. 188–198.
- Назирова Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 292 с.
- Постникова Е. Г. Власть в творчестве Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты). Магнитогорск : МаГУ, 2014. 202 с.
- Постникова Е. Г. Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2009. 231 с.
- Постникова Е. Г. Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 272 с.
- Приказчикова Е. Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. 528 с.
- Шаулов С. С. Н. Н. Страх как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Уфа : Изд-во БГПУ, 2011. 84 с.

References

- Abramzon, T. E. (2006). *Poe'ticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov. Sumarokov. Heraskov. Derzhavin)* [Poetic Mythologies of the 18th Century: Lomonosov. Sumarokov. Kheraskov. Derzhavin]. 480 p. Magnitogorsk, MaGU.
- Borisova, V. V. (2013). *E'mblematika F. M. Dostoevskogo* [Emblematics of F. M. Dostoyevsky]. 152 p. Ufa.
- Borshhevskij, S. (1956). *Shhedrin i Dostoevskij: istoriya ih idejnoy bor'by'* [Shchedrin and Dostoyevsky: The Story of Their Ideological Rivalry]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura.
- Mihnyukevich, V. A. (1994). *Russkij fol'klor v hudozhestvennoj sisteme F. M. Dostoevskogo* [Russian Folklore in the Artistic System of F. M. Dostoyevsky]. 313 p. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo universiteta.
- Nazirov, R. G. (2005). *Specifika hudozhestvennogo mifotvorchestva F. M. Dostoevskogo: sravnitel'no-istoricheskij podhod* [The Peculiarities of Artistic Mythopoeia of F. M. Dostoyevsky: A Comparative Historical Approach]. In Nazirov, R. G. *Russkaya klasicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskij podhod: Sbornik statej* (pp. 188–198). Ufa, RIO BaShGU.
- Nazirov, R. G. (2010). *Tradicii Pushkina i Gogolya v russkoj proze. Sravnitel'naya istoriya fabul* [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian Prose. A Comparative History of Plots]. In Nazirov, R. G. *O mifologii i literature, ili Preodolenie smerti: Issledovaniya raznyh let* (pp. 358–403). Ufa, Ufimskij poligrafkombinat.
- Nazirov, R. G. (2014). *Stanovlenie mifov i ihistoricheskaya zhizn'* [The Creation of Myths and Their Life in History]. 292 p. Ufa, Ufimskij poligrafkombinat.

Postnikova, E. G. (2009). *Mifologiya vlasti i vlast' mifologii: M. E. Salty'kov-Shhedrin – F. M. Dostoevskij* [The Mythology of Power and the Power of Mythology: M. E. Shchedrin – F. M. Dostoyevsky]. 231 p. Magnitogorsk, MaGU.

Postnikova, E. G. (2011). *Mifologiya vlasti i vlast' mifologii: M. E. Salty'kov-Shhedrin – F. M. Dostoevskij* [The Mythology of Power and the Power of Mythology: M. E. Shchedrin – F. M. Dostoyevsky]. 272 p. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing.

Postnikova, E. G. (2014). *Vlast' v tvorchestve F. M. Dostoevskogo (mifopoe'ticheskiy i hudozhestvenno-filosofskiy aspekty')* [Power in the Creative Work of F. M. Dostoyevsky (The Mythopoetical and Artistic-Philosophical Aspects)]. 202 p. Magnitogorsk, MaGU.

Prikazchikova, E. E. (2009). *Kul'turny'e mify' v russkoj literature vtoroj poloviny' XVIII – nachala XIX veka* [Cultural Myths in the Russian Literature of the 2nd Half of the 18th – Early 19th Centuries]. 528 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Shaulov, S. S. (2011). *N. N. Strahov kak tvorecz i personazh literaturny'h kontekstov: mezhdru F. M. Dostoevskim i L. N. Tolsty'm* [Strakhov as a Creator and Character of Literary Contexts: Between F. M. Dostoyevsky and L. N. Tolstoy]. 84 p. Ufa, BGPU.

Vlaskin, A. P. (1994). *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura* [F. M. Dostoyevsky's Creative Work and Folk Religious Culture]. 204 p. Chelyabinsk, ChGPI; Magnitogorsk, MGPI.

The article was submitted on 07.04.2015

Валентина Васильевна Борисова
профессор,
Институт филологического
образования и межкультурных
коммуникаций Башкирского
государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия
borisova@ufacom.ru

Valentina Borisova,
Professor,
Institute of Philological Education
and Cross-Cultural Communications
of Bashkir State Pedagogical Univer-
sity named after M. Akmulla,
Ufa, Russia
borisova@ufacom.ru

Сокращения

Abbreviations

АКВ – Архив князя Воронцова
AKB – Arhiv knyazyu Voronczova

Архив КБИГИ – Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований
Arhiv KBIGI – Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarny'h issledovanij

ГАКО – Государственный архив Калининградской области
GAKO – Gosudarstvenny'j arhiv Kaliningradskoj oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvenny'j arhiv Rossijskoj Federacii

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
PSZRI-1 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе
PSZRI-2 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossijskij gosudarstvenny'j arhiv drevnih aktov

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
RGALI – Rossijskij gosudarstvenny'j arhiv literatury' i iskusstva

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arhiv

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики
CzGA KBR – Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
CzGA SPb – Centra'ny'j gusudarstvenny'j arhiv Sankt-Peterburga

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
CzGAIPD SPb – Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
CzGALI SPb – Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv literatury' i iskusstva Sankt-Peterburga

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;
- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>).
- При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).
- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 350 до 500 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).
- Страницы рукописи **нумеруются**.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.
- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
  - Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
  - **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М.*, 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
  - **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
  - **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
  - **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
  - **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹.*
  - **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
  - **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловых различия контекстов, например: *Всем обо всём.*
  - При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
  - Не допускаются пробелы между абзацами.
  - Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
  - Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
  - Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: [URL:http://www.prognosis.ru](http://www.prognosis.ru) (дата обращения: 13.03.2015).

Примеры оформления списка литературы :

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Босић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract	
Ключевые слова / Keywords	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

№ 2, 2015

Редакторы	<i>Н. Шевченко</i> <i>А. Лабаури</i>
Редактор перевода	<i>Т. Кузнецова, к. филол. н.</i>
Верстка	<i>А. Матвеев</i>

Подписано в печать 15.06.2015. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,05.
Тираж 500 экз. Заказ № 261.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Figure 1. A.K. Denisov-Uralsky. The Forest Fire. 1910.
Oil on canvas. Yekaterinburg Fine Arts Museum

Figure 2. A.K. Denisov-Uralsky. The Forest Fire.
1898. Watercolour on paper. Sverdlovsk
Regional Local History Museum

Figure 3. A. K. Denisov-Uralsky. The Forest Fire. 1899.
Postcard, cliché of S.M. Prokudin-Gorsky, 1904.
Private collection

Figure 4. A. K. Denisov-Uralsky. Burning Grass. A Study. 1887.
Oil on canvas on cardboard.
Yekaterinburg Fine Arts Museum

Иллюстрация к статье: С. Лер «Воспитание российского дворянства»...

Княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная Чернышева, с сыном Петром (1767–1773), 1768 г.

Н. П. Голицына. Портрет работы Б.-Ш. Митуара, 1800-е гг.

Иллюстрация к статье: Е. Комлева, В. Зиновьев, О. Журавель
«Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»...

Ярмарка. Красноярск. Новобазарная площадь